

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ВОЛЫНСКОЙ ЗЕМЛИ

КОНЦА XIV СТОЛѢТІЯ.

А. М. Андріяшева.

Сочиненіе это удостоено Совѣтомъ Императорскаго Университета
св. Владимира золотой медали и преміи Н. И. Лирогова.

(съ картой Волынской земли).

КІЕВЪ.

Въ Типографіи Императорскаго Университета Св. Владимира.

1887.

Отискъ изъ Университетскихъ Извѣстій 1887 г.
Печатано по опредѣленію Совѣта Университета св. Владиміра.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ *).

СТРАНИЦА	СТРОКА		НАПЕЧАТАНО:	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ:
2	21	св.	не далекихъ	недалекихъ
8	1	„	Воляннѣями	Воляннѣями
15	11—12	„	Москва 1881. 2 тома	(Москва. 1881. 2 тома)
16	9	сн.	Такъ раскопки	Раскопки
17	10	св.	въ которомъ	въ которой
24	11	„	Збѣгѣц	Збѣгѣц
26	10	„	населѣвшіе	населившіе
27	20	„	или полѣской	или одной полѣской
30	18	„	Воляннѣямъ, затѣмъ	Воляннѣямъ. Затѣмъ
35	3	„	погорыньскіе	погоринскіе
39	19	„	Бѣльска,	Бѣльска, на которыя онъ тоже ссылается
62	9	„	Яровичы	Яровичи
67	11	„	Полонка:	Полонка;
74	3	„	существовавшіе	существовавшіе на Во- лыни только
76	3—4	„	Дорогобужка	Дорогобужѣ,
79	3	„	увѣтичевому	Увѣтичскому
„	6	„	и какъ по	нувшихъ къ
„	7	„	нувшихъ къ	и какъ по
102	8	сн.	своего	свой
109	9—10	св.	„(Владимира)..... го- родъ тѣхъ	(срав. „(Владимира).... го- родъ тѣхъ“)
130	4	сн.	Владимира,	Владимира

*) Имена „Владимиръ“, „Казимиръ“ и всѣ производныя отъ нихъ пишутся черезъ „и“, а не черезъ „і“. См. Грота Русское правописаніе. Изд. 5. 1886 г. стр. 59.

СТРАНИЦА	СТРОКА	НАПЕЧАТАНО:	СЛЕДУЕТЪ ЧИТАТЬ:
140	6 "	Червинѣ	Червинѣ
142	21 св.	взмѣну	измѣну
158	9 сн.	Лешъко	Лестъко
163	4 "	„Данииль“ ст. 12 пр. 6;	(„Данииль“ ст. 12 пр. 6)
186	20 св.	стояще	стояше
202	11 сн.	szaszi	szassu
204	4 "	Присутствіе	Присутствіе
"	15 св.	получило	достигло
"	20 "	они	онѣ
205	9 "	преимущественно	преимущественно
"	4 сн.	преполагаетъ	предполагаетъ
206	4 "	лютяго	лѣтяго
207	19 "	окуженный	окруженный
"	16 "	ограничился	ограничился бы
208	2 св.	Каломанъ	Коломанъ
209	12 сн.	ilic	ilic
"	16 "	другія	другіе
210	16 "	что	что въ
"	14 "	такъ	такъ
213	15 "	Scrrbiec	Scarbiec
"	8 "	король	король
"	7 "	tanicki	Stadnicki
214	5 "	Lil.	Lib.
215	2 св.	сильнѣйшую	сильнѣйшую
"	9 сн.	включить	включить

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Предисловіе - - - - -	1
Источники и пособія - - - - -	4
Страна - - - - -	7
Населеніе - - - - -	15
Географическій очеркъ - - - - -	26
Историческій очеркъ - - - - -	101

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ВОЛЫНСКОЙ ЗЕМЛИ ДО КОНЦА XIV СТОЛѢТІЯ.

„Свою жизнь и движеніе народъ проявляетъ въ своихъ представителяхъ. Вотъ почему исторія по преимуществу имѣетъ дѣло съ лицами, стоящими во главѣ народа и вообще съ тѣми дѣятелями, посредствомъ которыхъ онъ проявляетъ себя въ разныхъ сферахъ общественнаго развитія“.

Д. Иловайскій. Исторія Россія. т. I стр. VI.

„И нынѣ, господа отци и братья, оже ся гдѣ буду описаль, или переписаль, или не дописаль, чтите исправляя Бога дѣля, а не клеите, занеже книги ветшаны, а умъ молодъ не дошелъ“.

Лѣтопись по Лаврентьевскому списку ст. 463—4.

Уже давно высказано и теперь общепринято то мнѣніе, что только изученіемъ и разработкой исторіи отдѣльныхъ частей, составлявшихъ древнюю Русь, возможно довести познаніе ея исторіи до должной высоты.

Въ настоящее время мы имѣемъ уже довольно значительное количество монографій, относящихся къ исторіи отдѣльныхъ областей древней Руси; мы имѣемъ исторію Рязанскаго княжества г. Иловайскаго, Тверскаго княжества г. Борзаковского, Ростовскаго княжества г. Корсакова, монографіи гг. Голубовскаго и Багалѣя по исторіи Сѣверской земли, монографіи Костомарова, Бѣляева и Никитскаго по исторіи Новгорода и Пскова, трудъ Бѣляева по исторіи Полоцка, труды гг. Зубрицкаго, Шараневича, Дашкевича, Смирнова и Лонгина по исторіи Галицко-Володимірской земли и ея отдѣльныхъ частей и т. д.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію исторіи Волынской земли, мнѣ кажется необходимымъ объяснить, почему я довелъ изложеніе исторіи Волыни только до Витовта, и затѣмъ указать источники и пособія, которыми я имѣлъ возможность воспользоваться.

Грани въ исторіи народа кладутся не смѣнами правительствующихъ лицъ и не перемѣной его внѣшней судьбы, а тѣми глубокими, коренными измѣненіями, которыя, происходя во внутреннемъ строѣ его, направляютъ народъ по иному пути, чѣмъ тотъ, по которому онъ шелъ прежде. Въ данномъ случаѣ такую гранью можетъ служить 1569 г., когда Волынь вошла въ составъ Польскаго королевства, но для того, чтобы такой фактъ, какъ унія 1569 г. могъ пройти безъ кровопролитной борьбы, нужна была долгая, постепенная подготовка и она проявилась впервые именно при Витовтѣ. Еще начиная съ Болеслава Храбраго, Ляхи предъявляютъ притязанія на южно-русскія земли; одновременно въ южной Руси начинается католическая пропаганда, направлявшаяся, главнымъ образомъ, тоже изъ Польши. Пока южная Русь была сильна, пока тамъ княжили такіе князья, какъ Изяславъ Мстиславичъ, Романъ, Даниль, а наоборотъ Польша была раздроблена и безсильна, притязанія эти не имѣли никакого реальнаго значенія. Но въ XIV ст. южная Русь, разоряемая Татарами и Литовцами, имѣя на престолѣ князей слабыхъ и не далекихъ, а послѣ прекращенія рода Романовичей разьединенная въ рукахъ поляка Болеслава Тройденевича и литвина Любарта Гедиминовича, понятно, не могла отстаивать своей независимости. Слѣдствіемъ такого стеченія обстоятельствъ было то, что Галицкая земля, попавъ въ руки Поляковъ, превратилась въ польскую провинцію; Волынь осталась за Литовцами и, подъ управленіемъ православныхъ—Любарта и его сына, еще на нѣс.олько десятковъ лѣтъ сохранила хоть тѣнь прежней независимости. Измѣненій въ строѣ земли за это время быть не могло, такъ какъ Любартъ и его сынъ совершенно обрусѣли, а съ другой стороны Литовцы въ культурномъ отношеніи стояли гораздо ниже своихъ сосѣдей и потому не имъ было производить реформы на Волыни. Онѣ грозили съ другой стороны. Все княженіе Любарта прошло въ упорной борьбѣ съ Казиміромъ Великимъ и затѣмъ съ Людовикомъ Венгерскимъ. Уже послѣ смерти Людовика удалось Любарту окончательно объединить всю Волынь, но въ это же время, вслѣдствіе брака Ягелла на Ядвигѣ, произошло первое соединеніе Литвы съ Польшей,

а вскорѣ затѣмъ Волинь досталась въ руки католику Витовту. Учрежденная папой Григоріемъ XI католическая епископія во Владимірѣ, бывшая сперва только номинальной, становится теперь дѣйствительной ¹⁾. Витовтъ переноситъ её въ Луцкъ и надѣляетъ землями и привилегіями ²⁾. Естественно католическая пропаганда развивается очень быстро, тѣмъ болѣе что самъ князь—католикъ ³⁾. Что касается правовыхъ отношеній, то они тоже сильно разнообразятся. вмѣсто общаго прежде всѣмъ русскаго права, появляются мѣстности съ магдебургскимъ или польскимъ правами. Острогъ былъ отданъ Ѳедору Даниловичу Острожскому „*cum libertate terrigenarum regni Poloniae*“; въ 1392 г. Ягайло даетъ Луцкой землѣ „*omnia ea jura, modos et consuetudines iurium universos, quibus terrigenae terrae nostrae lemburgensis fruuntur*“ ⁴⁾. Такимъ образомъ новые правовые и религіозные элементы начинаютъ, со времени Витовта, врѣзаться и если не вытѣсняютъ совершенно русскихъ прежнихъ порядковъ, то все-таки занимаютъ видное мѣсто и мало по малу готовятъ почву для окончательнаго объединенія юго-зап. Руси съ Польшей.

¹⁾ Такие номинальные епископы были и прежде, напр. Tomasz de Sienna Холмскій въ 1359 г. Cristinus Галицкій въ 1367 г. см. Stadnicki. Syn. Ged. II пр. 101.

²⁾ Въ 1428 г. Витовтъ подарилъ еп. Луцкому Андрею деревни: Лучичу, Вишневу, Терчинъ, Биденъ и Скуленъ въ Луцк. уѣзд., дд. Хотачевъ, Стрипалци и 1/2 Шеленова—въ Владим., мельницу въ Крочельницахъ и д. Парохово—въ Брестск. и Шерешеве—въ Дрогичкомъ. Жители ихъ освобождаются отъ всѣхъ податей, кромѣ „*exaccio terrestris generalis*“. Codex. Vitoldi № МСССХХІІ р. 795. См. также Danilowicz Scarbiec t. I st. 273 № 559.

³⁾ Когда Казиміръ В. овладѣлъ Галицкой землей. „*Multae personae utriusque sexus dictarum partium operatione dicti regis, nec non praelatorum et religiosorum ad orthodoxam fidem et oboedientiam conversi sunt*“. Stadnicki op. cit. пр. 100.

⁴⁾ Arch. Sang. № XIII. Львовъ въ 1356 г. получилъ отъ Казиміра В. магдебургское право.

Источники и пособія.

1) Лѣтописи: Ипатская (изд. 1871 г.), Лаврентьевская (изд. 1872), Густынская (П. С. Р. Л. т. II) Воскресенская (П. С. Л. т. VII—VIII) Никоновская (изд. 1767 г.) т. I—III.

2) Monumenta Poloniae Historica Т. I—II (1864—72) Wyd. A. Bielowski. Т. III wyd. nakładem akademii umiejętności w Krakowie. 1878.

3) Ioannis Dlugossi Historia Polonica Т. I. 1711.

4) Cromer. De origine et rebus gestis Polonorum l. XXX. Basi-leae 1568.

5) Guagnini. Sarmatiae Europae descriptio. Spiraе 1581.

6) Latopisiec Litwy i Kronika Ruska. Staraniem i pracą J. Daniłowicza. 1827.

7) Kronika Litewska (Bychowca) Pomniki do dziejów litewskich pr. T. Narbutta 1846.

8) Strykowski. Kronika polska, litewska, żmódzka, i wszystkiój Rusi t. I—II. 1846.

9) Kojałowicz. Historiae Lituanae t. I—II. 1650—1669.

10) Codex epistolaris Vitoldi ed. A. Prochaska. 1882.

11) Акты, относящіяся къ исторіи Запад. Россіи. т. I—II. 1846 сл.

12) Historica Russiae monumenta ab. A. Turgenevio t. I. 1841.

13) Архивъ графа Сангушка (еще не изданъ).

14) Daniłowicz. Scarbies diplomatów etc. Т. I. 1860.

15) Гаркави. Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Руси. 1870.

16) ПIANO-Карпини. Путешествіе къ Татарамъ. Изд. Языкова. 1825 г.

17) Baliński i Lipiński. Starożytna Polska. Т. II. cz. 2. 1845.

18) Татищевъ. Исторія Россійская т. I—II. 1767 г.

- 19) Арцыбашевъ. Повѣствованіе о Россіи. т. I—II 1838.
- 20) Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго. I—II. 1846.
- 21) Соловьевъ. Исторія Россіи. т. I—III изд. I. 1851—53.
- 22) Иловайскій. Исторія Россіи. т. I—II. 1876—8.
- 23) Бестужевъ-Рюминъ. Русская исторія т. I. 1872.
- 24) Максимовичъ. Полное собраніе сочиненій т. I—II. 1876—7.
- 35) Зубрицкій. Исторія Галичско-Русскаго княжества т. I—III. 1852—55.
- 26) „ Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или Галицкой Руси. 1845.
- 27) И. Шараневичъ. Исторія Галицко-Володимірской Руси. 1863.
- 28) В. Антоновичъ. Очеркъ исторіи в. к. Литовскаго. Монографіи. I т. 1885.
- 29) Н. Дашкевичъ. Литовско-русское государство, условія его возникновенія и причины упадка. Кіев. Унив. Изв. 1884 г.
- 30) К. Stadnicki. Synowie Gedymina t. I—II. 1849.
- 31) „ Bracia Władysława Jagiełły. 1867.
- 32) Дашкевичъ. Княженіе Данила Галицкаго. 1873.
- 33) Линниченко. Взаимныя отношенія Руси и Польши до конца XII в. К. Ун. Изв. 1882—3.
- 34) Голубинскій. Исторія русской церкви т. I.
- 35) Чистовичъ. Очеркъ исторіи западно-русской церкви ч. I.
- 36) Stecki. Wołuyń pod względem statystycznym, historycznym i archeologicznym T. I—II. 1862—71.
- 37) „ Łuck starożytny i dzisiejszy. 1876.
- 38) Барсовъ. Очерки русской исторической географіи. 1885.
- 39) „ Матерьялы для историко-географическаго словаря Россіи. 1865.
- 40) Шараневичъ. Изслѣдованіе на поли отечественной географіи и исторіи. 1869.
- 41) Бѣляевъ. О географическихъ свѣдѣніяхъ въ древней Руси. Зап. Геогр. Общ. 1852. кн. VI.
- 42) Погодинъ. Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи по русской исторіи т. I—VI. 1846—59.
- 43) Дашкевичъ. Болоховская земля. 1876.
- 44) Лонгиновъ. Червенскіе города. 1885.
- 45) Бобровскій. Гродненская губернія т. I—II. 1863.

- 46) Замятки о западной части Гродненской губ. — Этнограф. Сборникъ т. III. 1858.
- 47) Батюшковъ. Памятники старины въ западныхъ губерніяхъ имперіи. вып. I, II, III, VII. 1868—1886.
- 48) Stupnicki. Galicya pod względem topographiczno-geographiczno-statystycznym. 1869.
- 49) Ст. Руссовъ. Волинскія записки. 1809.
- 50) Волинскія губернскія вѣдомости за 1854—59, 1866, 1868—69, 1877—79 и 1881.
- 51) Гр. Уваровъ. Археологія Россіи. Каменный періодъ. т. I—II. 1881.
- 52) Самоквасовъ. Древнія земляныя насыпи и ихъ значеніе для науки. Древн. и Нов. Россія 1876 г. № 3 и 4.
- 53) „ Древніе города Россіи. 1873.
- 54) Труды III археологическаго съѣзда т. I—II. 1878.
- 55) Zbiór wiadomości do antropologii krajowej t. I—III, VI.
- 56) Wiadomości archeologiczne 1876 t. III.
- 57) Хмыровъ. Металлы, металлическія издѣлія и минералы въ древней Руси. 1875.
- 58) Погодинъ. Атласъ къ древней русской исторіи. 1871.
- 59) Карты: 1) Волинской и Гродненской губ., изданныя Полторацкимъ и Ильинимъ. 2) Карта Волинской губ. изд. Шуберта и 3) карта царства Польскаго изд. 1816 г.

СТРАНА.

Въ древнѣйшія времена Волынская земля была заселена Дулѣбами ¹⁾; позже это племя носило другія имена: оно называлось Бужанами, Волянянами или Вельнянами и, наконецъ, частіе—Владимірцами, Лучанами, Червянами и т. д. Безъ сомнѣнія, перемѣна имени не могла произойти случайно; каждый разъ долженъ былъ быть извѣстный политическій переворотъ, о которомъ мы можемъ только догадываться.

Весьма возможно, что Дулѣбами они назывались еще въ первичномъ періодѣ централизаціи, такъ какъ подъ этимъ именемъ они извѣстны въ VII в. ²⁾. Подъ давленіемъ Аваровъ они сплотились въ одно цѣлое и приняли имя отъ рѣки, на которой они жили, Буга ³⁾—Бужанъ; теперь они группируются около главнаго города Бужска. Съ теченіемъ времени значеніе Бужска пало, хотя онъ существовалъ и въ историческую пору, а Бужане получили имя отъ другого города, сдѣлавшагося теперь центромъ,—отъ города Вельня или Во-

---

¹⁾ Długosz L. I p. 49. Dulebianie a Duce eorum Duleba vocabuntur, qui nunc Luczanie appellati sunt.

²⁾ „В си же времена бысть и Обре, иже воеваша на царя Ираклія.... Си же Обри воеваша на Словѣны и примучиша Дулѣбы, суцая Словѣны“. Ип. лѣт. 6—7. Императоръ Ираклій царствовалъ отъ 610—641 г.

³⁾ „Бужане, зань сѣдять по Бугу“. Ип. 6. По теоріи г. Барсова должно было бы быть Побужцы (какъ Посемцы, Поросье и т. д.), но въ данномъ случаѣ теорія г. Барсова не можетъ быть принята, если принять во вниманіе прямое указаніе лѣтописи, что они называются такъ „зань сѣдять по Бугу“ и аналогичныя еще: „янии (Славяне) сѣдоша по Двинѣ и нарекошася Полочане, рѣчкы ради, яже втечетъ въ Двину, именемъ Полота, отъ сея прозвашася Полочанѣ“. Ип. 4, также Морава на р. Моравѣ (ип. 6), какъ указываетъ самъ г. Барсовъ (Очерки 1885, ст. 68).

лыня и стали называться теперь Вельнянами или Волынянами ¹⁾).

Порядокъ измѣненія имени былъ именно такой, какъ это видно изъ лѣтописныхъ указаній: „Дулѣбы же живяху по Бугу, кде нынѣ Волыняне“ ²⁾ и „Бужане, зань сѣдять по Бугу, послѣ же Волыняне“ ³⁾).

Имя „Волыняне“ не дожило до времени лѣтописца, оно исчезло, сообщивъ названіе странѣ, сами же жители въ историческое время, во время составленія лѣтописи назывались по имени главныхъ городовъ: Владимірцами, Лучанами, Червянами и т. д. ⁴⁾. Очевидно, произошелъ еще одинъ и послѣдній долѣтописный переворотъ, вслѣдствіе котораго единая Волынь распалась на нѣсколько частей самостоятельныхъ, но не потерявшихъ сознанія своего близкаго родства. Вѣроятно, это и было причиной быстрого и полного подчиненія Волыни кіевскимъ князьямъ.

Наконецъ, и въ историческое время центры земли не перестаютъ измѣняться, такъ можно съ большою точностью прослѣдить, какъ по-

¹⁾ Есть много объясненій происхожденія имени Волыни. Самое естественное и потому вѣрное,—производящее его отъ города Волыня; тѣмъ болѣе, что на существованіе этого города есть указанія еще въ историческое время. Онъ находился въ 20 верстахъ отъ Владиміра, при впаденіи Гучвы въ Зап. Бугъ. На мѣстѣ его сохранился обширный валъ съ особеннымъ городкомъ Славенскимъ и множествомъ могилъ внутри вала (Ходаковский. Рус. Ист. Сборн., т. I. См. Карамзинъ т. I пр. 70). Въ 1018 г. около него была битва между Ярославомъ и Болеславомъ Храбрымъ; затѣмъ въ 1078 г. сюда приходилъ Всеволодъ Ярославичъ мириться съ братомъ Изяславомъ. Длугошъ придерживается такого же мнѣнія о происхожденіи этого имени: „Item Uczew, говоритъ онъ, cujus fons ex silvis Grodek villa Podhoricze, ostia in villa Grodek, ubi prius antiquitus castrum Wolyń, a quo univēsa terra Volynska appellatur, erat“ L. I p. 18. Стрыйковскій и Гваньини производятъ это имя отъ Волги, на которой будто-бы первоначально жили Волыняне. „Z tych że Wolgarów albo Bulgarów, od Wolgi rzeki Moskiewskiej drugi się naród Ruski odłączył, którzy w tych krainach, które dziś Wolhyniem zowiemy osiedli, a od Wolhy rzeki i od Wolharów Wolhynczami z ziemią swoją Wolhyniem są nazwani“ L. IV p. 104. „Ніј vero populi a Walga fluvio amplissimo.... in hanc regionem venerunt, quam a suo nomine (Vulgari a Volga dicebantur) Volgariam, postea successu temporis Voliniam nuncupaverunt“. Sarmatiae Europ:ae descriptio p. 58½). Много есть другихъ мнѣній болѣе или менѣе странныхъ, но тѣ уже не выдерживаютъ никакой критики.

²⁾ Ип. л., ст. 7.

³⁾ Ип. л., ст. 6.

⁴⁾ Константинъ Профирогенетъ въ своемъ сочиненіи „de administrando imperio“ говоритъ: „Οἱ δὲ Σκλάβοι, οἱ πακτιῶται αὐτῶν οἱ Κριβηταῖνοι λεγόμενοι καὶ οἱ Λενζα νηνοὶ καὶ οἱ λοιποὶ Σκλαβῖνοι.... М. Р. Н. т. I сар. 9, р. 16 и въ другомъ мѣстѣ: полуостровъ Ябдергимъ граничитъ съ землями, платящими дань Руси: „τοῖς τε Οὐλτινοῖς καὶ Δερβλενίνοῖς καὶ Λενζενίνοῖς καὶ τοῖς λοιποῖς Σκλαβοῖς“ ib. сар. 37, р. 42. Безъ сомнѣнія, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ отрывкахъ подъ Λενζενίνοι подразумеваются Лучане.

степенно терялъ свое значеніе Владиміръ и прибрѣталъ его Луцкъ, или еще раньше, какъ значеніе Червна пало вслѣдствіе усиленія Владиміра.

При такомъ постоянномъ передвиженіи центровъ земли, естественно, опредѣлить ея границы и опредѣлить ихъ точно, для извѣстнаго времени,—безусловно невозможно. Къ этому нужно прибавить еще скудость и сбивчивость лѣтописныхъ извѣстій, представляющихъ главный матеріалъ для географіи древней Руси, въ особенности для перваго, древнѣйшаго періода русской исторіи, для IX—XI вѣковъ.

Ниже мы постараемся поточнѣе опредѣлить и этнографическія и политическія границы Волыни, теперь же мы ограничимся тѣмъ, что въ краткомъ, общемъ очеркѣ опредѣлимъ ихъ и ихъ главныя измѣненія. Древнѣйшая лѣтопись застаеъ Волынянъ расселенными по нынѣшнимъ уѣздамъ Волынской губ.: Владимірскому, Луцкому, Кременецкому, Дубенскому и прилежащихъ частяхъ другихъ уѣздовъ Волынской губ., Галиціи и Люблинской губ. Въ XII в. въ составъ Волынскаго княжества вошли земли по теченію Горыни и земли по среднему теченію р. Буга и по среднимъ же лѣвымъ притокамъ Нѣмана съ главными городами Берестьемъ и Дрогичинимъ. Высшаго могущества княжество достигло при Даніилѣ и его ближайшихъ преемникахъ, но уже съ XIV в. оно начинаетъ падать, отъ него отдѣляется Берестейская земля и къ концу этого столѣтія оно дробится на значительное число мелкихъ княжествъ и теряетъ свою самостоятельность.

На этомъ пространствѣ рѣзко различаются два характера мѣстности: гористая собственная Волынь и низменное Полѣсье.

Собственная Волынь расположена на такъ-назыв. Кременецкихъ горахъ, отрогахъ Карпатъ, которыя длинной бесплодной грядой тянутся отъ Авратына чрезъ Бѣлозерку до Новаго Алексина¹⁾, отдѣляя такимъ образомъ бассейнъ Чернаго моря отъ бассейна Балтійскаго. Въ этой части своей нѣкоторыя вершины ихъ достигаютъ 1300 футовъ. На сѣверъ они отдѣляютъ отъ себя массу отроговъ, заполняющихъ весь Дубенскій, Кременецкій и Староконстантиновскій уѣзды и

¹⁾ Авратыня—село Староконстантиновскаго уѣзда, около самой границы съ Галиціей, остальные 2—тоже около границы, но въ Кременецкомъ уѣздѣ.

южныя части Владимірскаго, Луцкаго, Ровенскаго, Острожскаго и Заславльскаго уу., а также весь тотъ уголь Галиціи, который входилъ въ составъ древней Волини. Собственная Волинь въ высшей степени плодородна ¹⁾, всѣ склоны холмовъ покрыты толстымъ слоемъ чистѣйшаго чернозема, въ изобиліи производящимъ всевозможные сорта зерноваго хлѣба ²⁾. По берегамъ рѣкъ тянутся богатые луга, дающіе возможность съ успѣхомъ развиваться скотоводству. Подъ лѣсомъ находится тоже довольно значительное пространство земли, хотя, конечно, несравненно меньше, чѣмъ въ Полѣсьи. Значительная площадь, сплошь покрытая лѣсомъ, находится между городами Дубномъ и Кременцомъ и теченіемъ р. Иквы. Она носитъ названіе Малаго Полѣсья ³⁾. Другихъ значительныхъ лѣсныхъ пространствъ теперь уже нѣтъ, но безъ сомнѣнія въ началѣ нынѣшняго тысячелѣтія ихъ было несравненно больше, а въ доисторическую пору вся страна сплошь была покрыта лѣсами, такъ какъ черноземъ, покрывающій толстымъ пластомъ почву, образовался изъ перегноя листьевъ, вѣтвей и пр. росшихъ здѣсь деревьевъ. Впослѣдствіи лѣса большею частью погибли отъ пожаровъ и безпорядочной вырубкы и разработки земли подъ пахоть. Лѣсъ здѣсь главнымъ образомъ черный, преимущественно дубъ и береза. Хвойный лѣсъ попадаетъ сравнительно рѣдко.

Совсѣмъ другой характеръ имѣетъ Полѣсье. Оно такъ рѣзко отличается отъ собственной Волини, что можно легко провести границу между обѣими частями. Граница эта, начинаясь у м. Устидуга, идетъ, параллельно почтовой дорогѣ, черезъ Владиміръ, Торчинъ, Луцкъ, Олыку и Клевань; здѣсь она оставляетъ почтовую дорогу въ сторонѣ и прямо направляется къ д. Бронно, затѣмъ по теченію Горыни, черезъ м. Тучинъ, Корець, Новоградъ-Волинскъ и дальше. Съ послѣдними отрогами Кременецкихъ горъ почва все больше и больше понижается и незамѣтно переходитъ въ обширное болото, называемое Пинской котловиной. На ней не подымается ни одного

¹⁾ Est autem (Volinia) amplissima frugum omnigenarum abundans... Guagnini 58/2.

²⁾ Въ 1279 г., когда былъ голодъ въ Галиціи, Польшѣ, Литвѣ и у Ятвяговъ, Волинь не только обходила своимъ хлѣбомъ, но еще могла помочь Ятвягамъ. Ип. л., ст. 580.

³⁾ „Изъ путевныхъ замѣтокъ по Дубенскому и Кременецкому уѣздамъ. Дерманьскія горы, Антоновскій лѣсъ и стожкообразныя возвышенности въ составѣ Кременецкихъ горъ“. Вол. губ. вѣд. 1868 г., № 74—6,

возвышенія; страна представляет низменную равнину, перерѣзанную во всѣхъ направленіяхъ множествомъ рѣкъ и рѣчьей. Чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ все чаще и чаще встрѣчаются болота, заросшія тростникомъ и мелкимъ кустарникомъ и никогда не пересыхающія. Ихъ особенно много въ сѣверныхъ частяхъ Владимірскаго и Ковельскаго уѣздовъ, по берегамъ Стыри въ Луцкомъ и Случи въ Ровенскомъ уѣздахъ. Почва песчаная и глинистая, только изрѣдка по берегамъ рѣкъ встрѣчаются болѣе плодородныя поля.

Полѣсье не имѣетъ такой твердой, гранитной подпочвы, какъ собственная Волянь; подъ верхнимъ твердымъ слоемъ земли здѣсь находится вода. Иногда случается, что цѣлыя громадныя глыбы земли съ растущими на нихъ большими деревьями проваливаются и образуютъ озера, изъ которыхъ выглядываютъ вершины провалившихся деревьевъ ¹⁾). Въ сѣверной своей части Волянское Полѣсье представляетъ изъ себя почти сплошную трясиину. Весною, во время половодья, вся страна превращается въ громадное озеро съ островками, образуемыми городами и деревнями. Почти цѣлая треть Полѣсья покрыта лѣсами; прежде же, въ лѣтописную пору, навѣрно можно сказать, все оно было покрыто сплошнымъ дѣвственнымъ боромъ. Лѣсъ преимущественно хвойный; гораздо рѣже попадаются дубовые, ольховые и др. пролѣски ²⁾).

¹⁾ Этимъ качествомъ почвы объясняется появленіе въ народѣ преданій о провалившихся домахъ, церквахъ и даже цѣлыхъ городахъ, напр. преданія о городищахъ сс. Любчи и Бабки, Луцкаго уѣзда, и т. д.

²⁾ О количествѣ, распространеніи и породѣ лѣса можно составить довольно полное представленіе по именамъ поселеній, урочищъ и пр., происшедшимъ отъ названій различныхъ породъ деревьевъ и пр. *Владимірскій уѣздъ*: Залисье, Березичи, Березовичи, Березово болото, болото Березное, урочище Березовое, Ольшанка, ур. Ельнякъ, бол. Подберезникъ, д. Подберезы, р. Липа, д. Липникъ, лѣсъ Липскъ, дд. Смоляры, Роговне Смоляры, Лиски, Лѣсняки, Сосновки, Борково, Дубняки, Дубечно, Грабово; ур.-а: Смолявка, Дубовый Переходъ, Дубовила, Грабовець.

Ковельскій уѣздъ: дд. Залисье, Залисы, Залѣсцы, Залѣсьице, Залисье, Березники, Березница, Ольшанка, Ольховое, Подлѣсье, Смоляры, Лѣсьице (дер. и ур.), Лѣсняки, Усадиче-Ясени, Берестяница, Боровецкая-Гута, Вирчи, зд. Борково, Боровна, Дубовая, Дубецкъ, Грабово; ур.-а: Залисье, Залѣсье (бол. и ур.) л. Залищичи, г. Береза, ос. Березовый, Березовка, ос. Еловый, Липники (2), Смолище, л. Смолья, Соснова, Боровуха, ос. Дубова, Дубровна и Дубровы; бол. и оз.: Залищи, Березня, Березово, Березницкое, Ольшино, Липово, Боровики, оз. Борково, Дубы, Дубовое, Дуброва.

Луцкій уѣздъ: дд. Залѣсье, Залѣсцы, Березка, Б. и М. Березолуцы, Ольшане, Подберезье, Б. и М. Подгайцы, Ольшище, Подгайники, Поддубцы, Липовець, Липно, Липна,

Всѣ эти лѣса и заросли кипятъ милліонами звѣрей и птицъ; многіе породы ихъ только здѣсь и сохранились еще до сихъ поръ. Олени жили здѣсь въ громадномъ количествѣ, теперь они совершенно исчезли. Изрѣдка встрѣчаются рыси, выдры и черныя куницы въ Ковельскомъ и Ровенскомъ уѣздахъ. Бобры исчезли совсѣмъ, а между тѣмъ еще въ различныхъ королевско-польскихъ привилегіяхъ и пожалованіяхъ, какъ объ одной изъ самыхъ доходныхъ статей говорится о „бобровыхъ гонищахъ“. Когда-то здѣсь водились туры, какъ это видно изъ названій разныхъ мѣстностей, напр. Турово болото въ Заславльскомъ уѣздѣ, рѣка Турія и т. д. Изрѣдка встрѣчается лось. Обычны же теперь породы дикихъ животныхъ въ Полѣсьи—это кабаны, серны, медвѣди, волки, лисицы и пр. и пр. Такимъ образомъ Полѣсье самымъ характеромъ своей природы опредѣляетъ образъ жизни и занятія человѣка: онъ долженъ быть или скотоводомъ или охотникомъ.

Безъ сомнѣнія природа страны имѣетъ громадное значеніе для населенія; она опредѣляетъ привычки, характеръ и даже умственный уровень его. Чѣмъ народъ менѣе развитъ, менѣе образованъ, тѣмъ

Липляны, Ясеновка, Берестяны, Борокъ, Боровицы, Дубище, Дубовка; ур.а: Елье, Дубовець, Дубовикъ, Дыброва, Дубровое; бол. и оз. Вольховое, Берестинець, Бирокъ, оз. Боровое; р. Дубровка.

Дубенскій уѣздъ: дд. Русиново Берестечко, Боремль, Липа, Смолево, Берестечко, г. Дубно, Дубляны, Боремець, Подгайцы (2), Подлѣсцы, Листвинъ, Березія, Подлѣсье, Липы, Липова, Липовець, Смоляры, Смоляна, Дубище, Дубины, Дубовая, Дубовища; ур. Еловица; р. Дубровка.

Ровенскій уѣздъ: дд. Грабовъ, Ясеневицы, Залешаны, Березно, Березовка, Ельно, Елки, Подлѣски, Липки, Липники (д. и 2 ур.), Ясенець, Ясныборъ, Берестъ, Берестовица, Домбровица; ур.-а: Залипичи, Ольховикъ, Подлиски; р. Березница и руч. Ясеновка.

Кременецкій уѣздъ: дд. Залѣсцы, Подберезцы, Темногайцы, Залѣсцы (2) Загайцы, Борки, Ольшаница, Подгайчики, Осники, Вязовець, Березино, Бржезина, Ольховецъ, Подлѣсцы, Лиски, Сосновка, Берестечко, Боричикъ, Дубрава.

Острозжскій уѣздъ: дд. Сосновка (2), Подлѣски, Дубенка, Сосновка и Б. Боровица.

Староконстантиновскій уѣздъ. Только одна д. Дубище.

Кромѣ того сюда можно отнести села съ именами „Турово“, „Борсуковъ“, „Медвѣдево“ и т. д., которыя, указывая, что здѣсь водились въ изобиліи дикіе звѣри, вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ на присутствіе здѣсь лѣса. О распространеніи лѣса въ Волини см. Оссовскій „Геологическо-геогностическій очеркъ Волинской губ.“ въ Трудахъ Вол. статист. комитета за 1867г., затѣмъ его же статью „Изъ путевыхъ замѣтокъ по Вол. губ. „Вол. губ. вѣд.“ 1868 г., №№ 76—78, 86, 94—6, 102—4, 107—111, 135—7, 139. Первою книгою я, къ сожалѣнію, не имѣлъ возможности воспользоваться.

больше вліянія оказываеъ на него природа и, наконецъ, въ древнѣйшія времена человѣкъ былъ всецѣло подчиненъ окружающей природѣ. Возьмемъ, напр., полѣшука; весь его кругозоръ умственный и нравственный не выходитъ изъ предѣловъ окружающаго его лѣса; всѣ его потребности и привычки согласуются съ условіями лѣсной и болотистой страны: лѣсъ ему даетъ все. Онъ питается дичью, которую ему удастся убить деревянной стрѣлой, ягодами и грибами, которые онъ соберетъ въ лѣсу; живетъ онъ въ деревянной хижинѣ, сдѣланной изъ того же лѣса и покрытой древесной корой. Онъ суевѣренъ,—населяетъ окружающіе лѣса и болота—лѣсными же и болотными боже-ствами. Лѣсъ, наконецъ, даетъ ему защиту отъ враговъ. Поддерживая такимъ образомъ самостоятельность жителей, давая имъ всѣ средства для существованія, лѣсъ задерживаетъ въ то же время умственное и нравственное развитіе жителей. Въ то время, когда Поляне, жившіе въ открытой мѣстности, занимавшіеся земледѣліемъ и торговлей, достигли той сравнительно-высокой степени культуры, которая дала возможность распространиться христіанству и единодержавію, въ Полѣсьи ни о чемъ подобномъ и рѣчи быть не могло; тамъ по прежнему еще „умыкали дѣвицъ у воды“.

Насколько лѣсъ уединяетъ племя отъ сосѣдей и способствуетъ его обособленности, настолько рѣки, соединяя племена, приводя ихъ интересы въ болѣе частыя столкновенія, содѣйствуютъ ихъ развитію. Волянь въ этомъ отношеніи находилась въ невыгодномъ для себя положеніи. Въ давномъ случаѣ наиболѣе удобное положеніе занимають племена, живущія по среднимъ теченіямъ большихъ рѣкъ, такъ какъ они тогда являются передаточнымъ и соединительнымъ пунктомъ верхнихъ и нижнихъ своихъ сосѣдей. Между тѣмъ Волянь расположена на верхнемъ теченіи рѣкъ, сравнительно небольшихъ и соединяющихъ ее къ тому же съ землями, стоящими и по богатству и по развитію ихъ населенія несравненно ниже Волянъ,—съ землями Дреговичей и Мазовшанъ.

Рѣки, орошающія Волянь—слѣдующія:

Западный Бугъ съ притоками: Распой, Солокѣй, Гучвой, Лугомъ, Угеромъ и Влодавой.

Вепрь съ Быстрицей:

Припять съ притоками Выжвой, Туріей, Стоходомъ, Стырью съ Иквой и притокомъ Случи Горынью съ Виліей.

Перечислены здѣсь, конечно, только главнѣйшія рѣки, такъ какъ число всѣхъ (даже мельчайшихъ рѣчекъ) достигаетъ нѣсколькихъ тысячъ.

Безъ сомнѣнія, въ лѣтописное время рѣки эти были гораздо многоводнѣе, чѣмъ теперь. Насколько измельчали теперь рѣки видно изъ примѣра Почайны, на которой при Ольгѣ была пристань, или Супоя, изъ котораго теперь иногда выкапываютъ цѣлыя судна. Причина этому кроется, конечно, въ истребленіи лѣсовъ. Но и въ лѣтописное время едва ли эти рѣки въ состояніи были служить проводниками цивилизаціи для жителей Волыни, такъ какъ они соединяли ихъ съ племенами еще менѣе развитыми, чѣмъ были они сами. Такъ что самая существенная выгода, приносимая ими—та, что они служили путями колонизаціи.

НАСЕЛЕНІЕ.

Славяне, которыхъ мы застаемъ въ историческую пору на территории Волыни, не были ея первыми насельниками. Извѣстно, что Славяне позже всѣхъ прочихъ членовъ арійскаго пранарода вышли изъ своей общей родины. Но и первая партія арійскихъ племенъ не нашла Волынь пустынною; еще за долго до этого переселенія вся страна была болѣе или менѣе густо заселена истинными автохтонами этой страны—людьми каменнаго вѣка. Единственный источникъ для опредѣленія распространенія и степени культуры этого древнѣйшаго народа—археологическія раскопки ¹⁾.

---

¹⁾ Въ Россіи сравнительно очень мало сдѣлано для древнѣйшей археологій; кромѣ капитальнаго труда гр. А. С. Уварова „Археологія Россіи. Каменный періодъ“. Москва 1881. 2 тома, нѣтъ ни одного систематическаго сочиненія; всѣ остальныя статьи по археологій заключаютъ въ себѣ одни только матерьялы и изрѣдка рѣшеніе какихъ нибудь мелкихъ археологическихъ вопросовъ. Я перечислю здѣсь только статьи, относящіяся къ Волыни, которыми мнѣ удалось воспользоваться. Довольно много матерьяла, относящагося къ ю.-зап. Руси, Польшѣ и Галиціи, собраны въ „Zbiór wiadomości do antropologii krajo-wej“, начавшемъ издаваться въ Краковѣ съ 1877 г. Собственно къ Волыни относятся слѣд. статьи: „Poszukiwania archeologiczne w powiecie Ostrogskim pr. Z. Głogera i Z. Luba-Radzimińskiego we wrześniu r. 1876“ t. I st. 8—11.—„Wiadomość o nowych wykopaliskach w powiecie Ostrogskim na Wołyniu“ pod. Z. Luba-Radzimiński t. II 73—79.—„Dalsze poszukiwania archeologiczne w powiecie Ostrogskim na Wołyniu dokonane w r. 1878“ pr. Z. Luba-Radzimińskiego T. III st. 62—69.—„Z nowych poszukiwań archeologicznych w Radzimie na Wołyniu“ pr. Z. Luba-Radzimińskiego t. VI st. 16—20.—„O kosciah i czaszkach ludzkich z kurhanów w Radzimie na Wołyniu“ pr. d. I. Kopernickiego T. I. st. 48—54.—„Czaszki z powiatu Ostrogi na Wołyniu“ opis. d. Kopernicki T. III 114—123. Затѣмъ въ журналѣ „Wiadomości archeologiczne“ Warsz. 1876 г. № III помѣщена статья „O niektórychъ зabytkachъ каменнаго вѣка на Wołyniu“ (въ Острожскомъ, Овручскомъ и Дубенскомъ уу.) pr. G. Ossowskiego (st. 100—113). Въ трудахъ III археологическаго съѣзда помѣщены: статья В. Рогге. „Матерьялы для археологій Волыни“; I st. 161—

Къ несчастію, до послѣдняго времени раскопки эти велись безъ системы и большая часть матерьяла, добытаго прежними изслѣдователями, не имѣетъ теперь почти никакого значенія, такъ какъ при раскопкахъ не былъ веденъ точный протоколъ или они сами производились неправильно и неосторожно ¹⁾. Кромѣ того, если даже раскопка велась вполне научно, все таки является множество сомнѣній относительно приуроченія найденнаго къ той или другой эпохѣ, такъ какъ часто ни костякъ, ни другіе предметы не даютъ точныхъ для этого указаній.

Есть нѣсколько теорій относительно подраздѣленія до-историческаго времени на отдѣльные періоды. Самая устойчивая, хотя и нѣсколько неопредѣленная это—теорія, предлагающая дѣленіе на каменный, бронзовый и желѣзный періоды.

Періодъ камня существовалъ повсюду, хотя начался онъ не вездѣ въ одно время и не въ одно время кончился. Орудія человѣка состояли изъ камня, кости и дерева; съ появленіемъ первыхъ металлическихъ орудій, каменный періодъ оканчивается, хотя каменные орудія продолжаютъ выработываться еще очень долго, такъ что иногда въ одной и той же могилѣ находятся вмѣстѣ и каменные, и бронзовые и даже желѣзные орудія. Въ каменномъ періодѣ замѣчены двѣ главныя эпохи, соотвѣтственно матерьялу орудій и его обработкѣ: палеолитическая, когда этимъ матерьяломъ былъ рогъ и грубо обдѣланный кремь, и неолитическая,—когда каменные орудія болѣе

169; статья г. Оссовскаго. „О находкахъ предметовъ каменнаго вѣка въ Волынской губ. I ст. 171—180; ст. Я. Волошинскаго. „Въ какихъ мѣстностяхъ Кіевской и смежныхъ съ ней губерній находимы были каменные орудія“? т. II приложенія ст. 13—21. Кромѣ того кое-какія указанія разсыпаны по разнымъ археологическимъ статьямъ, относящимся къ другимъ частямъ Россіи. Главнѣйшія изъ нихъ перечислены у гр. Уварова въ II томѣ его археологій, тамъ же и карта археологическихъ находокъ въ Россіи.

¹⁾ Такъ раскопки велись гр. Уваровымъ въ средней Россіи, В. Б. Антоновичемъ въ южной Россіи, проф. Петербургскаго университета А. А. Иностранцевымъ у Ладожскаго озера и нѣкоторыми мѣстными изслѣдователями: гг. Каминскимъ, Люба-Радзминскимъ, Завишею, Поляковымъ и др. Раскопки на Волнни начались довольно давно, въ 1828 г. гр. Растворовскій раскопалъ нѣсколько могилъ у м. Мирополья Новоградъ-Волынскаго уѣзд.; въ 1862 и 72 гг. кн. Любомирскій раскопалъ 4 кургана въ с. Малыя Рыканы; въ 1876—7 гг. въ Острожскомъ уѣздѣ раскапывалъ г. Люба-Радзминскій; въ 1879 г. г. Баторевичъ раскопалъ 5 кургановъ въ Ровенскомъ уѣзд. (см. Вол. губ. вѣд. 1879 г. № 78) и т. д.

или менѣе искусно шлифовались. Когда же начался и какъ долго продолжался каменный періодъ? Вопросъ этотъ при настоящемъ состояніи науки—не разрѣшимъ. Хотя нѣкоторые ученые, преимущественно французы, успѣли составить свои классификаціи эпохъ каменнаго періода и при помощи ихъ пытались рѣшить этотъ вопросъ, но неудачно, такъ какъ всѣ ихъ классификаціи страдают голословностью или основаны на мелкихъ, часто только мѣстныхъ, случайныхъ фактахъ. Таковы теоріи Ed. Lartet съ поправками Garrigou и Hamy, Ed. Dupont'a, Mortillet, проф. Renevieux и наконецъ датскаго ученаго Worsaae, въ которомъ онъ касается и Россіи ¹⁾. Вотъ что говоритъ объ этомъ извѣстный археологъ гр. Уваровъ въ своей „Археологіи“: „Въ данную минуту всякая попытка такого подраздѣленія кажется мнѣ преждевременной не только для Россіи, но и для всей Европы“ ²⁾.

Начало существованія человѣка совпадаетъ съ началомъ четверичной эпохи, такъ какъ, хотя и есть гипотеза о существованіи человѣка еще въ третичную эпоху, но она, по крайней мѣрѣ для Европы, остается недоказанной. Съ концомъ третичной эпохи совпадаетъ такъ наз. ледниковый періодъ, когда большая часть суши была покрыта ледянымъ сплошнымъ покровомъ. О размѣрахъ области, покрытой ледниками, можно судить по громадной области распространенія валуновъ, перенесенныхъ съ горъ движеніемъ льда, по шлифовкѣ горныхъ породъ, произведенной этимъ движеніемъ и наконецъ по распространенію такъ наз. лёса—осадка, характеризуемаго полнымъ почти отсутствіемъ слоистости, присутствіемъ раковинъ сухопутныхъ моллюсковъ и отсутствіемъ рѣчныхъ. Но не вся Россія одинаково долго была подъ этимъ ледянымъ покровомъ. Югъ Россіи именно тамъ, гдѣ почва покрыта толстымъ слоемъ чернозема, вышелъ изъ подъ ледниковъ очень рано, такъ какъ для образованія чернозема, состоящаго, по изслѣдованіемъ академика Рупрехта ³⁾, изъ сухаго перегноя дерна и растений, нужно громадное число лѣтъ. Судя по этому, рѣшительно можно утверждать, что югъ Россіи старѣе сѣвера. Это видно еще и изъ того, что пре-

¹⁾ Объ этихъ системахъ подробнѣе у гр. Уварова т. I ст. 25—28.

²⁾ Археологія Россіи I ст. 28.

³⁾ „Гео-ботаническія изслѣдованія о черноземѣ“ съ картою распространенія чернозема въ Евр. Россіи. Зап. Имп. Ак. Н. т. X 1867 г.

обладающее дерево сѣвера—ель, на югѣ встрѣчается уже въ верхнихъ слояхъ мѣловой формаци и покрыта третичнымъ миоценовымъ морскимъ осадкомъ вымершихъ раковинъ, затѣмъ диллювиальными слоями съ костями мамонта и носорога и наконецъ черноземомъ ¹⁾. Ав. Рупрехтъ указалъ, что страна между Бугомъ, Днѣпромъ, Пинскими болотами и почти самымъ побережьемъ Чернаго моря была сушею уже въ самыя древнѣйшія времена, когда всѣ окружающія мѣстности были еще покрыты водой; доказываетъ это онъ отсутствіемъ здѣсь какой бы то ни было позднѣйшей формаци, отсутствіемъ валуновъ и полировки горныхъ породъ. Черноземомъ же она покрылась вслѣдствіе вывѣтриванія гранитныхъ породъ. Такимъ образомъ, если доказано, что черноземная полоса и въ особенности вышеуказанная часть ея— прежде другихъ приняла нынѣшній свой видъ, то здѣсь, безъ сомнѣнія, должны были находиться древнѣйшія и многочисленнѣйшія поселенія палеолитической эпохи ²⁾. Поселенія эти характеризуются совмѣстнымъ пребываніемъ мамонтовыхъ костей и отбивныхъ орудій. Но, насколько намъ извѣстно, до сихъ поръ во всей Россіи такихъ находокъ сдѣлано только двѣ, что же касается Волыни, то здѣсь, хотя и были находки мамонтовыхъ костей ³⁾, но не вмѣстѣ съ отбивными орудіями, а отдѣльно ⁴⁾.

Что касается быта этого древнѣйшаго человѣка, то онъ былъ охотникомъ исключительно. Это доказывается и родомъ орудій и находками костей животныхъ съ признаками употребленія ихъ въ пищу. Человѣкъ этотъ умѣлъ добывать огонь и грубо обрабатывать камень. Расы, къ которой принадлежали люди древнѣйшей эпохи каменнаго

¹⁾ Уваровъ ст. 78.

²⁾ Датскій ученый Worsaae въ своемъ сочиненіи „La colonisation de la Russie et du Nord scandinavie et leur plus ancien état de la civilisation“ (Mémoires de la société des antiquités du Nord. Nouv. serie 1873—4) и его критикъ проф. Гревингкъ въ ст. „Zur archäologie des Balticum und Russlands (Archiv für Anthropologie. 1874) утверждаютъ, что въ Россіи никогда не встрѣчаются вмѣстѣ каменные орудія и кости мамонта, т. е., что въ отдаленнѣйшія времена Россія была необитаема. Такое заключеніе было преждевременно и вскорѣ вполне опровергнуто раскопками у с. Карачарова Муромскаго уѣзд. и с. Гонцовъ Лубенскаго, гдѣ были въ изобиліи найдены мамонтовыя кости и каменные орудія самаго древнѣйшаго образца. На основаніи этихъ раскопокъ можно съ полной достовѣрностью утверждать, что Россія была населена съ самыхъ древнѣйшихъ временъ.

³⁾ „Волынскія записки, сочиненныя Степаномъ Руссовымъ въ Житомирѣ“. Спб. 1809 ст. 113 „найлены были кости бегемота или можетъ быть слона“.

⁴⁾ См. подробное перечисленіе этихъ находокъ у гр. Уварова т. I ст. 150.

вѣка, мы опредѣлить не имѣемъ возможности, такъ какъ не найдено до сихъ поръ ни одного скелета человѣка, который можно было бы отнести къ этому времени.

О періодѣ неолитическомъ мы знаемъ уже гораздо больше и нѣкоторыя данныя касаются прямо Волыни. Гр. Уваровъ указываетъ ¹⁾, что около половины неолитическаго періода или скорѣе въ концѣ переходнаго времени между палеолитическимъ и неолитическимъ періодами, Азія выслала новую группу переселенцевъ, которая принесла нѣкоторыя знанія, составляющія признаковъ полного расцвѣта культуры неолитическаго періода, именно сверленіе, а не выдалбливаніе дыръ въ каменныхъ орудіяхъ, причѣмъ выбираются уже преимущественно мягкія, болѣе удобныя для обработки породы камня. вмѣстѣ съ тѣмъ домашняя утварь и орудія покрываются болѣе или менѣе сложной и изящной орнаментировкой и наконецъ появляются первые зачатки ваянія. Но самымъ характернымъ признакомъ этого расцвѣта культуры—являются орудія изъ нефрита и ядента, весьма твердыхъ каменныхъ породъ, находимыхъ только въ средней Азіи. Въ это же время впервые были сдѣланы попытки прирученія животныхъ.

О самомъ человѣкѣ неолитическаго періода мы тоже уже кое что знаемъ. Кромѣ раскопокъ, сдѣланныхъ вообще по Россіи, есть нѣсколько спеціально волынскихъ, сдѣланныхъ въ 70-хъ и 80-хъ годахъ мѣстными изслѣдователями. На основаніи этихъ послѣднихъ можно придти къ слѣдующимъ выводамъ. На всемъ пространствѣ Волыни довольно густо ²⁾, особенно по берегамъ рѣкъ, было расселено племя, оставив-

¹⁾ Т. I гл. XV.

²⁾ Для того чтобы, хотя до нѣкоторой степени, составить себѣ понятіе о населенности Волыни въ эту эпоху, постараемся свести всѣ извѣстія о находкахъ каменныхъ орудій на территоріи Волыни. Владимирскій уѣздъ: у г. Владимира, у с. Ворончина.

Луцкій уѣздъ: у с. Голубы и въ луцкомъ Полѣсьи.

Ковельскій уѣздъ: у г. Ковеля.

Дубенскій уѣздъ: у сс. Б. и М. Мощаницъ, Ступна, Суймы, Бударжа, Листвина, Нагорянь, Покачева, Пусто-Иванья, Клевани, Борщовки, Мизоча, Святаго и Вышихъ Нагорянь. Такое подавляющее количество мѣстонахожденій каменныхъ орудій въ Дубенскомъ уѣзд. объясняется только тѣмъ, что здѣсь почва болѣе изслѣдована.

Ровенскій уѣздъ: у сс. Бронникъ, Голубина, м. Клевани, м. Томашгорода, въ самомъ г. Ровно, въ с. Глинкѣ. При с. Грушицѣ 117 кургановъ и древнее городище.

Кременецкій уѣздъ: у м. Ямполья, с. Суража и въ Кременцѣ.

Острожскій уѣздъ: у с. Корытнаго, на Кушкинскихъ горахъ (на границѣ Ровенск.

шее послѣ себя довольно много слѣдовъ въ занимаемой имъ странѣ. Племя это—долихоцефалы самаго чистаго типа ¹⁾, слѣдовательно оно не принадлежало къ Арійцамъ, короткоголовымъ по преимуществу ²⁾. Роста эти древнѣйшіе обитатели Волыни были средняго (174—183 см. по измѣреніямъ д. Коперницкаго) ³⁾, стройно и пропорціоально сложены. вмѣстѣ съ костяками въ могилахъ попадаются различнаго рода и назначенія орудія и утварь: топоры, пращные камни, наконечники стрѣлъ и копій, иногда великолѣпно отдѣланные и вышлифованные, такіе же ножи, скребки и т. д., затѣмъ встрѣчаются разнообразныя по величинѣ, формѣ, орнаментировкѣ и наконецъ матерьялу и качеству обжига сосуды; нѣкоторыя изъ нихъ имѣли ушки, другіе нѣтъ; большинство очень плохо обожжено и сдѣлано изъ самаго грубаго матерьяла, такъ какъ самое назначеніе ихъ не для практическихъ цѣлей, а для погребенія, не требовало отъ нихъ прочности. Наконецъ, въ могилахъ попадаются и предметы украшенія напр. глиняныя кольца, бусы изъ краснаго шифера и пр.

и Острожск. уѣздовъ). у сс. Окнина, Залужья, Черторги, Секеринець, Радзимины, Перерослаго и Стадникъ.

Въ Люблинской губ. находки сдѣланы въ слѣд. мѣстахъ: у д. Чемерники на Тысяницѣ, въ д. Лѣшковцахъ—Любартовск. уѣзд., у дд. Чернѣва (тоже), Яцова (Холмск. уѣзд.), Бялки (тоже) и Милѣва (Любарт. уѣзд.). Кроме того по всей Волыни разбросано безконечное множество еще нетронутыхъ кургановъ и могилъ. Стецкій („Wołyń“ t. I st. 11) говоритъ „нигдѣ нѣтъ столько замчискъ, могилъ, городищъ, какъ по берегамъ Горыни“. „Юго-западная часть Волынской губ. особенно богата курганами и городищами“ („Измѣдованіе о кладахъ Волынск. губ.“ изъ Вол. губ. вѣд. 1884 г. Житомиръ 1885 г. ст. 3). У с. Новоселки Влад. уѣзд. 101 могила. У с. Бѣлева Ров. уѣзд.—263 могилы и у Самострѣлы 163 мог. У с. Ровки Остр. уѣзд.—137 мог. У с. Суража Крем. уѣзд.—300 мог. и т. д.

¹⁾ Сравнить измѣренія д. Коперницкаго череповъ, найденныхъ въ могилахъ дд. Переросломъ, Секиринцахъ, Сивкахъ и Радзимины, въ статьѣ „Czaszki z pow. Ostrogskiego“ (въ Zbiór wiad. do antrop. kr. t. III st. 122—123), съ измѣреніями, сдѣланными А. А. Тихомировымъ надъ извѣстными Волосовскими черепами (протоколы засѣданія Комиссіи по устройству Антропологической выставки, № 45: „о черепѣ каменнаго вѣка изъ раскопокъ гр. А. С. Уварова 1879 г.“ а также гр. Уваровъ „Археологія“ I 302—10) и гр. Уваровымъ надъ Фатьяновскими черепами (ib. I 418—19) Черепной указатель, найденный д. Коперницкимъ, колеблется между 71,2 (Изъ Сивокъ L—188", Q—134") и 73,8 (Радзимиинскій III, L—191", Q—141").

²⁾ У нынѣшнихъ Русскихъ и Поляковъ долгоголовые—исключеніе, они составляютъ не болѣе 1—3% всего населенія.

³⁾ „O kosciach i czaszkach z kurhanów w Radziminie na Wołyniu“ Zbiór wiad. do antrop. kr. t. I st. 48—54.

Раскопки въ гористомъ Дубенскомъ уѣздѣ и въ полѣсскихъ Острожскомъ и Овручскомъ уѣздахъ ясно показали, насколько физическій характеръ страны обуславливаетъ бытъ и характеръ развитія жителей. Болотистое и лѣсистое Полѣсье защищало само своихъ жителей и они главнымъ образомъ направляли свою изобрѣтательность на улучшение домашняго быта; въ тоже время жители богатой, открытой нагорной страны, привлекавшей отовсюду завоевателей, должны были заботиться объ улучшеніи военныхъ принадлежностей. Дѣйствительно, въ могилахъ собств. Волыни всегда попадаетъ масса оружія, чего почти никогда не бываетъ въ могилахъ полѣсскихъ.

Въ моментъ, когда мы получаемъ первыя свѣдѣнія о племени, населявшемъ Волынь, оно уже стояло на относительно высокой ступени развитія. Раскопки доказали, что племя это имѣло уже довольно ясно сложившіяся воззрѣнія на загробную жизнь. Безъ сомнѣнія, смерть болѣе всѣхъ другихъ фактовъ въ жизни человѣка поражала неразвитый умъ дикаря каменнаго вѣка; таинственность и безусловная общеобязательность смерти повела въ послѣдствіи къ особенно точной и старательной выработкѣ формальностей обряда погребенія но въ неолитическую эпоху этотъ обрядъ еще не вполне установился. Трупъ безъ всякой одежды или, можетъ быть, въ одеждѣ изъ кожи, но безъ участія кости или рога, клался бокомъ, въ полулежащемъ положеніи, головой на западъ или (очень рѣдко) на востокъ, причемъ подъ голову ему подкладывали характерные валики изъ бѣлой глины. Такой же глиной, въ симметрично расположенныхъ кускахъ, покрывался и весь трупъ. Лежалъ онъ на поверхности земли, а за тѣмъ уже надъ нимъ насыпали курганъ. Руки его укладывались въ различныхъ положеніяхъ: иногда онѣ вытянуты надъ головой и скрещены, иногда вытянуты вдоль тѣла или наконецъ сложены на груди. Ноги нѣсколько подогнуты. Въ могилу ставили сосудъ съ землей съ перезженными костями какихъ-то животныхъ, можетъ быть принесенныхъ жертву при погребеніи, и другой—наполненный какой-то смѣсью, въ которой главное мѣсто занимаютъ зерна проса; кромѣ того въ могилахъ иногда находится и третій пустой сосудъ, вѣроятно, первоначально наполненный водой. Изъ оружія въ могилу обыкновенно клали топоръ, иногда ножъ.

Благодаря одной находкѣ въ курганѣхъ близи д. Радзимины, въ Острожскомъ уѣздѣ, можно, кажется, констатировать фактъ существо-

ванія уже въ это время сословій. Кажется, въ этомъ курганѣ похороненъ былъ какой то начальникъ поселенія или, можетъ быть, и кто либо другой, но, очевидно, человѣкъ, высоко стоявшій между своими соплеменниками. Онъ былъ похороненъ въ большомъ курганѣ въ 5¹/₂ ф. вышины и 18 ф. въ діаметрѣ. Трупъ лежалъ въ гробу изъ тонкихъ известковыхъ досокъ, навзничъ, головой на западъ, руки были вытянуты вдоль тѣла, правая нога нѣсколько согнута, лѣвая—выпрямлена; вмѣсто обычныхъ валиковъ изъ бѣлой глины, подъ головой находились 2 подушки изъ мрамора, отесанныя треугольниками; подъ лѣвымъ колѣномъ тоже находилась квадратная мраморная подушка. Въ гробу найдены были 3 горшка съ различной пищей.

Вотъ, кажется, всё, что можно было извлечь изъ того незначительнаго матерьяла, который извѣстенъ теперь. Безъ сомнѣнія, при дальнѣйшихъ раскопкахъ, если не всѣ, то очень многіе, по крайней мѣрѣ, пробѣлы въ познаніи физическаго и культурнаго состоянія человѣка неолитической эпохи будутъ пополнены.

За періодомъ шлифованнаго камня вообще слѣдовалъ бронзовый періодъ. Собственная Волынь въ данномъ случаѣ представляетъ исключеніе: здѣсь бронзоваго періода, кажется, совсѣмъ не было; по крайней мѣрѣ никакихъ находокъ, которыя можно было бы приурочить къ этому времени до сихъ поръ не найдено вовсе. Дѣло въ томъ, что періодъ шлифованнаго камня здѣсь затянулся, такъ что въ Азіи въ это время уже кончился бронзовый вѣкъ. Какое то неизвѣстное племя, вышедшее въ это время изъ Азіи и долго жившее на берегу Чернаго моря, вслѣдствіе неизвѣстныхъ намъ причинъ, весьма возможно давленія со стороны новыхъ переселенцевъ, подвинулось къ сѣверу, заняло нын. Волынь и, какъ болѣе культурное, слившись съ туземнымъ населеніемъ ассимилировало его. Это племя, правдоподобно, круглоголовое, между тѣмъ какъ туземцы—чистые долихоцефалы. Какъ переживание отъ этаго туземнаго племени остался обычай класть въ могилу каменные орудія, хотя, конечно, уже давно всѣ пользовались только металлическими. Находки мѣдныхъ наконечниковъ стрѣлъ еще не доказываютъ существованія на Волыни бронзоваго періода, такъ какъ они, благодаря своей ковкости и удобству, могли сохраниться еще отъ временъ, когда круглоголовые пришельцы жили въ Азіи и не знали употребленія желѣза. Что касается Полѣсья, то тамъ, вслѣдствіи физическихъ условій мѣстности, каменный вѣкъ

смѣнился бронзовымъ, который однако продолжался не долго и скоро уступилъ мѣсто желѣзному. Намъ извѣстна только одна находка, которую съ вѣроятностью можно отнести къ бронзовому вѣку: въ 1856 г. въ Войничовской долинѣ, въ Острожскомъ уѣздѣ была найдена масса скелетовъ и между ними разбросаны были горшки и мѣдные браслеты.

Когда нашу страну заселили Славяне, сказать рѣшительно невозможно, но во всякомъ случаѣ они жили здѣсь задолго до нашей эры. О Славянахъ мы имѣемъ не только вещественныя данныя, но кромѣ того и извѣстія нѣкоторыхъ писателей древности и среднихъ вѣковъ.

Къ сожалѣнію, археологія Волыни этого періода почти совсѣмъ не разработана и мы имѣемъ только нѣсколько незначительныхъ фактовъ, на основаніи которыхъ никакой даже приблизительно цѣльной картины быта и развитія древняго Славянина составить невозможно. Къ тому же и то не многое, что уже добыто раскопками, обыкновенно не издано и находится въ личномъ обладаніи мѣстныхъ любителей и собирателей древностей или, если и издано кое что, то часто въ видѣ курьёза, безъ всякихъ научныхъ указаній, безъ которыхъ оно теряетъ всякое значеніе.

Свѣдѣнія, сообщаемыя всѣми древними и средневѣковыми писателями, всѣ носятъ одинъ и тотъ же характеръ неопредѣленности. Искажая имена, трудныя для ихъ выговора, принимая часто имена городовъ за названія цѣлаго народа, имена рѣкъ — за имена городовъ и т. д., писатели эти въ высшей степени запутали и затемнили древнѣйшую исторію Славянъ. Но, въ тоже время, извѣстія эти представляютъ единственный источникъ для исторіи этого времени и уже по одному этому заслуживаютъ вниманія. Извѣстія нѣкоторыхъ изъ нихъ могутъ быть отнесены прямо къ опредѣленной мѣстности, но это случается очень рѣдко, такъ какъ, обыкновенно, всѣ ихъ извѣстія ограничиваются простымъ перечисленіемъ искаженныхъ именъ различныхъ мелкихъ племенъ и сообщеніемъ болѣе или менѣе фантастическихъ подробностей изъ ихъ быта. Постараемся свести только тѣ указанія, которыя съ большею увѣренностью можно приурочить къ Волыни, такъ какъ такія указанія, что будто бы здѣсь жили Аммоніане и Сидоніане, носившіе общее имя—Бастары (Страбонъ), не даютъ ровно ничего ¹⁾.

¹⁾ Такъ же темны и сбивчивы подробное исчисленіе племенъ Птолемея и извѣстія Помпонія Мелы, Плинія, Амміана Марцеллина и др.

Очень ясно и опредѣленно говорить о Воляни Геродотъ. Нынешнюю Волянь и Бѣлоруссію заселяли Будины, позже къ нимъ переселились Невры, которые, какъ увѣряетъ Геродотъ ¹⁾, принуждены были покинуть свою страну вслѣдствіе того, что тамъ развелось множество змѣй ²⁾.

Безъ всякаго сомнѣнія, къ Полѣсью и прилежащимъ мѣстностямъ относится также слѣдующее замѣчаніе Геродота ³⁾ „земля ихъ поросла густыми лѣсами и въ наибольшемъ изъ нихъ находится огромное озеро, окруженное трясинами и тростникомъ, а въ этомъ озерѣ ловятъ выдръ, бобровъ и другихъ звѣрей“. Далѣе онъ говоритъ ⁴⁾, что въ это озеро впадаютъ 4 рѣки: *Λύκος*, „*Οαρρος*, *Τάναϊς* и *Σίεγυς*; комментаторы отождествляютъ *Λύκος* съ Случью, „*Οαρρος* съ Горынью, *Τάναϊς* съ Пиной (Эйхвальдъ) и *Σίεγυς* съ Стырью.

Изъ писателей средневѣковыхъ я приведу только извѣстіе одного Географа Баварскаго, жившаго во второй половинѣ IX в. Перечисляя племена, живущія на сѣверъ отъ Дуная, онъ говоритъ: *Busani habent civitates CCXXXI*“, и немного дальше: „*Velunzani—civitates LXX*“ ⁵⁾. Такимъ образомъ, это важное извѣстіе, указывая на совмѣстное существованіе и относительное населеніе обоихъ частей племени, опредѣляетъ тотъ моментъ, когда, вслѣдствіе какихъ то неизвѣстныхъ намъ обстоятельствъ, г. Волянь поднялся и началъ постепенно объединять вокругъ себя бужанскія волости.

Извѣстія Арабовъ важныя въ бытовомъ отношеніи, очень мало даютъ историческихъ данныхъ; къ тому же, сталкиваясь съ Славянами, Арабы не различаютъ племень, а всѣ извѣстія относятъ вообще къ Славянамъ. Есть, впрочемъ, два извѣстія, которыя прямо можно отнести къ Воляни. Аль-Масуди (въ 1/2 X в.) говоритъ „Славяне суть изъ потомковъ Масдая... Они составляютъ различныя племена... изъ этихъ племень одно въ древности имѣло власть, его царя

¹⁾ L. IV сар. 105.

²⁾ Шафарикъ признаетъ историческими только эти два народа. Лѣтописецъ говоритъ: „Отъ сихъ же 70 и дву языку бысть языкъ Словенскъ отъ племени же Афегова, нарицаемѣи Норци, иже суть Словенѣ“ Ип. 3. Конечно Норци—Геродовы Нѣурси.

³⁾ L. IV с. 108—109.

⁴⁾ L. IV с. 123.

⁵⁾ M. P. H. I st. 10—11.

называли Маджакъ, а само племя называлось Валинана.... Еще племя, называемое Дулаба, царь же его Ванджъ-Слава“ 1). Безъ всякаго сомнѣнія Валинана—Волыняне, а Дулаба—Дулѣбы 2).

Ибнъ Дасть и Мухадесси утверждаютъ, что Руссія находится на островѣ, окруженномъ озеромъ. Островъ этотъ занимаетъ пространство 3-хъ дней пути, покрытъ лѣсами и болотами; не здоровъ и сыръ до того, что стоитъ наступить ногой на землю и она уже трясется по причинѣ обилія въ ней воды 3). Во всей Европѣ нѣтъ ни одной мѣстности, которая больше бы подходила къ этому описанію, какъ Полѣсье.—Переходя, наконецъ, къ извѣстіямъ лѣтописи о племени, населявшемъ нашу Волянъ, повторимъ сущность уже высказаннаго выше. Вслѣдствіе различныхъ политическихъ переворотовъ, а именно главнымъ образомъ возвышенія городовъ, которые стремились при этомъ объединить вокругъ себя большую или меньшую территорию, племя это дѣлилось и принимало различныя имена. Въ VII в. оно носило имя, правдоподобно, родовое—Дулѣбы. Вслѣдствіе возвышенія Бужска и объединенія вокругъ него территория, племя начало называться Бужанами, но уже въ 1/2 IX в. Географъ Баварскій указываетъ на возвышеніе г. Воляня, занимавшаго лучшее географическое положеніе и вскорѣ поглотившаго всѣ бужанскія волости. Однако, очень скоро послѣ этаго децентрализаціи появилась вновь; впрочемъ, лучше сказать, она никогда и не исчезала,—вмѣстѣ съ централизаціей однихъ областей, другія стремятся децентрализироваться. Процессъ децентрализаціи развивался съ такой быстротой, что уже въ X в. выдѣляется Червенская земля, а позже получаютъ болѣе или менѣе значительную особность и земли: Бельзская, Холмская и Луцкая.

1) Гаркави ст. 135—136, отрыв. 17.

2) Такъ утверждаетъ D' Ohsson, Шармуа указываетъ на Vilin'овъ,—народъ между Эльбой и Одеромъ.

3) Гаркави ст. 267 отр. 3 и 282—3 ст. отр. 5.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ.

Выше мы въ краткихъ чертахъ указали границы Волынской земли; попытаемся теперь опредѣлить ихъ поточнѣе.

Опредѣленіе земельныхъ границъ въ высшей степени важно, такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляются и этнографическія границы племени, населяющаго эту землю. Извѣстно, что населеніе страны распространяется преимущественно по рѣкамъ, такъ какъ они составляютъ вообще лучшіе пути колонизаціи; естественными этнографическими границами поэтому являются водораздѣлы рѣчныхъ бассейновъ. При этомъ опредѣленіе границъ облегчается тѣмъ, что племена, населявшія или колонизировавшія извѣстную мѣстность, стремились называть свои порубежныя поселенія или разными спеціальными именами, указывавшими на пограничное ихъ положеніе, напр. Межа, Сутѣнь, Ворота, Осѣкъ, Твердь, Стражники, Городно и пр., или же, и это особенно при встрѣчѣ съ инородцами, своимъ племеннымъ или земельнымъ именемъ. Конечно, при опредѣленіи границъ на основаніи такихъ данныхъ необходима величайшая осторожность и значительная филологическая подготовка ¹⁾).

---

¹⁾ Этотъ методъ опредѣленія границъ получилъ особенное примѣненіе въ книгѣ г. Барсова „Очерки исторической географіи“. При опредѣленіи границъ, г. Барсовъ поступаетъ такъ: обозначивъ приблизительно, гдѣ живетъ какое либо племя, онъ подбираетъ здѣсь всѣ имена, происходящія отъ одного корня съ корнемъ имени дажнаго племени. Но такъ какъ онъ часто беретъ имена, происходящія не отъ такого корня, а отъ корней только схожихъ съ нимъ, да и то не всегда (такъ какъ напр. какое же сходство между Тиверцами и Тарногурой (ст. 274), Дульбами и Дуписками (ст. 102), Дреговичами и Дречанами ст. 176) и т. д.), и кромѣ того, онъ часто принимаетъ имя, сложившееся отъ топографическихъ условій мѣстности, за имя, происшедшее отъ имени племени (таковы напр. большинство именъ поселеній, приведенныхъ какъ хорватскія, которыя, происходя отъ одного корня

Для опредѣленія древнѣйшей этнографической границы Дулѣбовъ можно представить слѣдующія соображенія чисто топографическаго характера: Волинь состоитъ изъ двухъ частей, въ высшей степени рѣзко различающихся между собой,—гористой и черноземной собственной Волини и сплошь покрытаго лѣсомъ и болотами Полѣсья. Трудно представить себѣ, чтобы одно и тоже племя сразу заселило обѣ части. Мы думаемъ, что Дулѣбы первоначально жили только на волинскихъ отрогахъ Карпатовъ, по верховьямъ обоихъ Буговъ, т. е. занимали юго-западную часть нынѣшней Волинской губерніи, сѣверные уѣзды Подольской и прилегающій сюда уголь Галиціи. Позже, вслѣдствіе колонизаціи, которая съ особеннымъ удобствомъ могла идти именно къ сѣверу, и, съ другой стороны, давленія сильныхъ племенъ—Улучей и Тиверцевъ, занимавшихъ страну къ югу отъ Волини, этнографическая граница Дулѣбовъ передвинулась къ сѣверу и охватила южную часть великой Пинской котловины, такъ-наз. Волинское Полѣсье. Одно изъ двухъ: или Дулѣбы, при своемъ появленіи на территоріи Волини, заняли ее всю, т. е. нагорную страну и Полѣсье, или они заселили которуюнибудь одну изъ этихъ частей. Едва ли ихъ была такая масса, чтобы они не могли помѣститься на площади одной нагорной или полѣсской части Волини; изъ извѣстія лѣтописи объ Обрахъ мы имѣемъ право заключить о прямо противоположномъ. Затѣмъ, Дулѣбы не могли сначала занимать Полѣсье, потому-что впоследствии нужно было-бы сильное давленіе со стороны сѣверныхъ сосѣдей, чтобы заставить ихъ подняться на горы и, безъ сомнѣнія, вы-

---

съ словомъ „горбъ“ (ст. 95), могутъ встрѣчаться вездѣ, гдѣ только говорятъ на славянскомъ языкѣ), то вслѣдствіе всего этого у г. Барсова является иногда ужасная путаница племенъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ; возьмемъ Волинь: селенія Хорватовъ встрѣчаются около Владимира, Ровна и Острога, „что свидѣтельствуеетъ о распространеніи Хорватовъ до области з. Буга и Припеги“ (ст. 95). Дреговичи жили по Случи, по среднему теченію Горыни и около Острога (ст. 126). Древянѣ—на Стоходѣ, у оз. Нобля и въ Дубенскомъ уѣздѣ (ст. 128), кромѣ того можно подобрать еще достаточно примѣровъ: Древени въ Владимирскомъ у., Деревяни—въ Ровенскомъ и т. д. Что касается Улучей, то поселенія съ подобозвучными именами, разбросаны по всему пространству нын. Волинской губерніи. (См. Молчановскій. Ист. Подольской земли, ст. 27, пр. 4). Такимъ образомъ, на территоріи Волини вмѣстѣ съ главнымъ племенемъ перепутаны еще 4 другихъ, причемъ напр. древянскія поселенія являются на сторонѣ, какъ разъ противоположной той, гдѣ было ихъ главное ядро, такъ что если быть послѣдовательнымъ, то надо предположить, что Древянѣ жили по всей странѣ, но что только очень немногія поселенія ихъ уцѣлѣли, а остальные погибли.

терпѣть упорную борьбу съ занявшимъ прежде эти горы племенемъ; но на такой толчекъ со стороны слабыхъ Дреговичей мы не имѣемъ никакого права рассчитывать. Остается послѣднее, т. е. Дулѣбы занимали первоначально нагорную страну, а затѣмъ уже спустились и заняли Полѣсье.

Болѣе точную этнографическую границу племени, населявшаго Волинь, можно составить по распространенію мѣстностей, съ именами, происходящими отъ одного корня съ именами: нашего племени (Дулѣбы, Бужане и Воляннѣ) и племень, населявшихъ сосѣднія области: Дреговичей, Древлянъ, Тиверцевъ, Улучей, Хорватовъ, Ляховъ и Ятвяговъ.

Мѣстности съ именами, напоминающими Дулѣбовъ, Бужанъ и Воляннѣ, идутъ съ востока на западъ въ такомъ порядкѣ: ¹⁾ Дулибы къ NE отъ Острога, Дулбуновъ къ S отъ Ровна, Дулибы на р. Турьи, въ Ковельскомъ уѣздѣ, Дулибы и Дулибска Воля въ Владимирскомъ уѣздѣ; далѣе къ западу, отдѣльныя поселенія въ странѣ Хорватовъ: Дулибы къ SE отъ Львова, между рр. Зубрькою и Липой, Дулибы на р. Стрыѣ, Дулонбень—на Вислокѣ Вислянскомъ, къ SW отъ г. Ясла, Дулибы близъ р. Стрипы, къ N отъ Черткова; Божкевичи—въ Дубенскомъ уѣздѣ, Богуши—въ Ровенскомъ, Бегушовка—въ Ковельскомъ, Богошовка и Бужки—въ Луцкомъ, оз. Божокъ—во Владимирскомъ уѣздѣ, тамъ же деревни Божанка, Божовъ и Бужаны, Бужскъ—въ Галиціи, Божскій—гдѣ-то на притокѣ Южн. Буга и, наконецъ, названія двухъ большихъ рѣкъ: Западный Бугъ и Южный Бугъ, у послѣдняго притокъ—Бужокъ; Величче—въ Ковельскомъ уѣздѣ, Волянка—тамъ же и Вулынѣнка—предмѣстье Ружина—въ Луцкомъ уѣздѣ.

На западѣ сосѣдями Воляннѣ были Хорваты и Ляхи. Лѣтописецъ, помѣщая Хорватовъ рядомъ съ Дулѣбами, Улучами и Тиверцами, ни въ одномъ изъ списковъ славянскихъ племенъ не обозначилъ ихъ мѣстожителства. Ихъ собственное имя пополняетъ этотъ пробѣлъ: Хорбаты или Хробаты—отъ слова „Хорбъ“, „Горбъ“, т. е. они жили по Карпатамъ преимущественно, хотя поселенія ихъ могли заходить далеко во всѣ стороны ²⁾.

¹⁾ Всѣ данныя эти взяты у Барсова (Очерки ист. геогр. 1885) и дополнены мною по списку географическихъ именъ, составленному проф. В. Б. Антоновичемъ.

²⁾ См. Барсовъ ст. 95 и 118. Въ данномъ случаѣ очень трудно различить, какое изъ данныхъ поселеній получило имя отъ имени племени, и какое—отъ физическихъ

Этнографическая граница съ этой стороны держалась очень упорно, такъ какъ здѣсь соприкасались два одинаково сильныхъ и энергичныхъ племени. Менѣе устойчива и опредѣленна граница съ Ляхами; для опредѣленія ея въ подробностяхъ у насъ очень мало историческихъ данныхъ, и, съ другой стороны, всѣ почти географическія имена здѣсь настолько полонизованы, что примѣнить методъ г. Барсова почти невозможно ¹⁾).

На сѣверѣ поселенія Волянянъ соприкасались съ поселеніями Ятвяговъ и Дреговичей. Граничная линія съ первыми была очень невелика; она шла отъ Буга до верхнихъ притоковъ Припети. Здѣсь сохранились: Ятвизь на р. Лососнѣ, 2 дер. Ядзвины, около Несвижа, Ятвизь къ W отъ Несвижа и т. д. Крайнія поселенія Дреговичей смѣшивались съ поселеніями Дулѣбовъ, таковы напр. Дорогуски на з. Бугѣ, Дорогуча на Вепрѣ, къ N отъ Красностава, Дорогиничи—во Владимирскомъ уѣздѣ, урочище Драга—въ Ковельскомъ и т. д. Въ особенности же сильно это смѣшеніе на восточныхъ границахъ Волини, гдѣ находятся: Дорогубужъ на Горыни, Дорогицы у г. Острога, недалеко отъ с. Дулибы и т. д.

Поселенія съ именами, напоминающими восточныхъ сосѣдей Волянянъ Древлянъ, разбросаны по всей территоріи Волини; но, конечно, принимать ихъ во вниманіе и по нимъ проводить этнографическую границу между Волянянами и Древлянами нельзя, такъ какъ названія этихъ поселеній могутъ происходить отъ слова „дерево“, а не „Древляне“ ²⁾).

Къ югу отъ Волянянъ жили Тиверцы и Улучи. Эти вѣкогда могущественныя племени занимали, по указаніямъ лѣтописи, страну по Днѣстру и Ю. Бугу до Чернаго моря и Дуная на югѣ и до поселеній Волянянъ на сѣверѣ ³⁾). Подъ напоромъ кочевниковъ они должны были передвинуться и пришли въ болѣе близкое соприкосновеніе съ Волянянами. Отъ Тиверцевъ осталось очень мало слѣдовъ въ топогра-

---

условіи мѣстности. Можно съ большей увѣренностью утверждать происхожденіе имени селенія отъ Хорватовъ только въ томъ случаѣ, если мѣстность сама не объясняетъ его, если тамъ нѣтъ холмовъ—„горбовъ“.

¹⁾ См. Лонгиновъ. Червенскіе города. Историческій очеркъ въ связи съ этнографіей и топографіей Червонной Руси. Варшава, 1885.

²⁾ См. 2-е прим. на предъид. стр.

³⁾ Иц. л., ст. 7.

фической номенклатурѣ юго-западной Руси, только одинъ Тивровъ на Ю. Бугъ можно производить отъ одного корня съ именемъ племени; всѣ прочіе примѣры, приводимые г. Барсовымъ, не имѣютъ никакого отношенія къ этому племени ¹⁾. Что касается Улучей,—такъ какъ имя ихъ произошло отъ слова „лука“, „излучина“, то хотя подобозвучныя имена поселеній и испещряютъ карту Воыни ²⁾, но отнести ихъ къ поселеніямъ Улучей мы не считаемъ возможнымъ.

На основаніи этихъ географическихъ именъ можно составить до извѣстной степени точную границу сплошныхъ поселеній Воынянъ. Поселенія ихъ были раскинуты по обоимъ берегамъ Зап. Буга и его притокамъ, почти отъ самыхъ истоковъ и до устья Влодавы, по истокамъ Припети и ея верхнимъ правымъ притокамъ, до водораздѣла между Стырью и Горынью. Начинаясь отъ Зап. Буга у устья Влодавы, граница съ Дреговичами идетъ къ оз. Туру и Припяти, затѣмъ по водораздѣлу между Туріей и Стоходомъ, пересѣкаетъ Стырь, проходитъ по водораздѣлу между Иквой и Стублой, причемъ крайнія поселенія Воынянъ подходятъ къ самой Горыни и здѣсь смѣшиваются съ дреговичскими; кажется, истоки Горыни тоже принадлежали Воынянамъ, затѣмъ граница слѣдуетъ направленію Кременецкихъ горъ до истоковъ Середа, отсюда поворачиваетъ къ НЕ, пересѣкаетъ Бугъ выше г. Бужска, идетъ по водораздѣлу между Саномъ и Бугомъ къ Вепрю, захватываетъ верхнее теченіе его до устья Быстрицы и, наконецъ, оттуда, по теченію р. Влодавы, идетъ до впаденія ея въ Бугъ.

При наложеніи на нынѣшнюю карту территорія Воынецвъ займетъ весь Владимирскій и Дубенскій уѣзды, части Ковельскаго, Луцкаго, Ровенскаго и Кременецкаго уѣздовъ Воынской губерніи; сѣверо-восточную часть Галиціи—округа: Бродскій, Струмиловскій, Сокальскій и части Злочевского, Жолѣвскаго и Равскаго; Томашовскій, Грубешовскій, Замостьскій и части Красноставскаго и Холмскаго уѣздовъ Люблинской губ. и, наконецъ, части Влодавскаго и Радзинскаго уѣздовъ Сѣдлецкой губ.

¹⁾ Барсовъ, ст. 274, пр. 159.

²⁾ Напр. Лука—Луцкаго уѣзда, Луки—Ковельскаго, Лудкъ, Лучица—Ковельскаго и Луцкаго уѣздовъ, Лушники—Заславскаго уѣзда и т. д.

Границы эти, понятно, не постоянны; вслѣдствіе колонизаціи, вслѣдствіе военныхъ приобрѣтеній и потерь, предѣлы Волыни безпрестанно то раздвигались, то суживались опять; при этомъ въ составъ Волынскаго княжества попадали и другія племена, такъ что граница этнографическая перестала быть въ тоже время и земельной, какъ это было въ древнѣйшія времена. Эта послѣдняя, естественно, часто измѣняется и опредѣлить ее для цѣлаго извѣстнаго періода времени гораздо труднѣе, чѣмъ первую; напр. рубежъ, который въ эпоху начальной лѣтописи шелъ по водораздѣлу между Стырью и Горынью, въ половинѣ XII в. передвинулся значительно на востокъ до водораздѣла между Горынью и Случью, охвативъ такимъ образомъ всю Погорину, которая впослѣдствіи никогда уже и не отдѣлялась, въ умахъ современниковъ, отъ собственной Волыни.

Конечно, границы, опредѣленные нами, будутъ далеко не точны, такъ какъ, для опредѣленія ихъ, мы имѣемъ только такія указанія, на основаніи которыхъ можно составить себѣ о направленіи ихъ лишь самое общее представленіе.

Граница собственной ¹⁾ Волыни довольно ясна только на западѣ, гдѣ, вслѣдствіе частыхъ столкновеній съ Галицкими князьями и затѣмъ съ Польшей, была возможность возстановить ихъ по большому количеству фактовъ, и на востокѣ съ Кіевской землей. Не такъ ясны сѣверныя границы, прилежавшія къ турово-пинскому Полѣсью и землѣ Ятвяговъ и еще менѣе южныя и особенно юго-восточныя, въ соствѣ съ Подольемъ и загадочной Болоховской землей.

Съ галицкой стороны, граница Волыни начинается у истоковъ Горыни и идетъ къ сѣверо-западу, мимо галицкихъ городовъ Збыража, Моклекова и Быковна ²⁾, прямо по отрогу Кременецкихъ горъ,

¹⁾ Въ отличіе отъ Волыни позднѣйшей, когда къ ней принадлежали Погорина и Берестейская земля.

²⁾ Збыраж—нын. Збаражъ, недалеко отъ Тарнополя.—Лешко, помогая Даніилу и Васильку Романовичамъ, вошелъ въ Галицкую область; на р. Боброкѣ (начинается въ Бережаскомъ округѣ и впадаетъ въ Днѣстръ) передовые отряды его поразили Галичанъ, но Галича взять имъ не удалось и „Лестко.... шедъ воева околѣ Теревовля и околѣ Моклекова и Збыража, и Быковень взять бысть... Ип. л. 488 ст. Такимъ образомъ положеніе ихъ опредѣляется путемъ Лешка отъ Теревовля къ Збаражу. Моклековъ долженъ быть на SW отъ Збаража, а Быковень—сѣвернѣе. Въ такомъ случаѣ Милоковъ г. Барсова (ст. 117 „Очерковъ“) сюда не подходитъ. Между Моклековымъ и Малашовцами Над. и Нев. (Подинъ, IV ст. 199) слишкомъ мало сходства. Быковъ или Бѣковъ (карта Шуберта) едва-ли

то слѣдую нынѣшней границѣ съ Австріей, то входя въ Кременецкій уѣздъ. Отрогъ этотъ, немного сѣвернѣе Ново-Алексинца, круто поворачиваетъ на западъ, составляя такимъ образомъ водораздѣлъ между рр. Середомъ и Иквой. Граница тоже направляется на западъ мимо галицкихъ городовъ Плѣснеска или Прѣснеска ¹⁾, Злочова ²⁾, Гольхъ горъ, Звенигорода ³⁾, волынскаго—Бужска ⁴⁾ и неопредѣленной мѣстности Рожне Поле, но, перейдя Зап. Бугъ, поворачиваетъ на SW и, охвативъ теченіе лѣвыхъ притоковъ Зап. Буга, подходитъ къ водораздѣлу бассейновъ Зап. Буга (Солокія и Гучва), Сана (Любачовка и Таневъ) и Вепря, гдѣ начинается граница съ Польшей ⁵⁾. Граница эта, смутная въ эпоху начальной лѣтописи, выясняется особенно въ XIII вѣкѣ. Она довольно точно опредѣляется мѣстоположеніемъ городовъ, принадлежавшихъ къ Червенскому, а потомъ къ Холмскому княжеству. Начинаясь отъ водораздѣла между Бугомъ, Саномъ и Вепремъ ⁶⁾, она идетъ по Вепрю, или, вѣрнѣе, по водораздѣлу его съ своимъ лѣвымъ притокомъ Быстрицей, причемъ на волынской сторонѣ нахо-

---

соотвѣтствуетъ лѣтописному Быковю; онъ—очень далеко на SW. Можетъ быть,—Буковно ниже Галича, на Днѣстрѣ. Уже въ XV вѣкѣ, судя по актамъ, оно было большимъ городомъ.

¹⁾ „Романъ же (желая захватить Галичъ) передъ с вой посла ко Прѣснску, да зайдутъ Прѣснескъ переди“. Ип. ст. 445. Недалеко отъ Подгорче, первой почтовой станціи между Бродами и Злочевымъ. Онъ лежитъ сейчасъ-же за границей, проходящей по здѣшнимъ горамъ; существуютъ и остатки города: окопы и курганы, заросшіе лѣсомъ. Погодинъ. Изсл. зам. и лекціи, т. IV, ст. 194 и Барсовъ „Словарь“ ст. 113.

²⁾ Злочовъ въ XV вѣкѣ принадлежалъ къ Львовскому уѣзду. „Villa nostra Zloczow; p districtu Leopoliensi“, въ актѣ 1443 г. кор. Владислава Варненскаго (Cod. dipl. Vars. t. I).

³⁾ „И выиде противу имъ (В. К. Всеволодъ и др.) к Теребовлю... и не могоша битися, зане башеть межи има рѣка Сереть, идоша обон подлѣ рѣку за неделю, къ Звенигороду; и на Рожни поли не могоша ся бити, зане Володимерь стоя на Гольхъ горахъ. Лавр. л. ст. 295. Звенигородъ—въ Бережанскомъ округѣ, къ ю. в. отъ Львова; здѣсь находятся остатки древняго городища. См. Ж. М. Н. Пр. 1844 г., ч. XXI, отд. II, ст. 233. Погодинъ. Изсл. зам. и лек., IV, 169 ст. Голые горы нын. Голо-горы, какъ указываетъ г. Барсовъ. Рожне поле—неопредѣлимо.

⁴⁾ „Поиде Давыдъ, хотя перяети Василькову волость; и усрѣте и Володаръ... у Божьска, и не смѣ Давыдъ стати противу Василькову брату... и затворися (въ) Бужскѣ. Лавр. 257. Въ Злочевскомъ округѣ, на з. Бугѣ.

⁵⁾ Здѣсь же, на границѣ—Белжець, на почтовой дорогѣ изъ Жолкева въ Томашовъ.

⁶⁾ Рѣки Изволь и Лада принадлежали Польшѣ. Ип. 529.

дятся слѣдующія лѣтописныя мѣстности: Сутѣйскъ ¹⁾, Червень ²⁾, Грабовецъ ³⁾, Ухане ⁴⁾, Щебрешинъ, Туробинъ ⁵⁾, Орельскъ ⁶⁾, Щекаревъ ⁷⁾, Комовъ ⁸⁾, Холмъ ⁹⁾, Столпы ¹⁰⁾, Бусовно, Охоже ¹¹⁾ и урочище Сухая Дорогва ¹²⁾. По Вепрю тянулась Украина ¹³⁾. Съ польской стороны, около самой границы, лежалъ г. Люблинъ ¹⁴⁾. Отъ устья праваго притока Вепря, Быстрицы, граница идетъ прямо на востокъ, слѣдуя теченію р. Влодавы, мимо гг. Андреева ¹⁵⁾ и Верещина ¹⁶⁾ до самаго

¹⁾ „А по Велицѣ дни ис Переяславя та Володимерю, на Сутейску мира творить съ Ляхъ“. Дух. Вл. Мон. Лавр. л. ст. 238. „Давидъ займъ Сутѣску и Червень“. Лавр. л. 261 ст. Ип. 178 ст. Сутѣйскъ—въ Красноставскомъ уѣздѣ (Жодаковскій); я не нашель его. См. также: Барсовъ „Словарь“ ст. 193. М. б.—граница (Стѣнь, Сутѣнь и т. д.).

²⁾ См. Ип. л. ст. 105, 175 и т. д. Нын. с. Чермно.

³⁾ „Василько поиде к соньмови до Тернави, и бывшу ему у Грабовци.... Ип. 571—2. Грабовецъ—между Замостьемъ и Грубешовымъ, на р. Калиновкѣ.

⁴⁾ „Литва... бимася у воротъ Червенескихъ, и застава бѣ Уханяхъ“. Ип. 483. Ухане—къ S отъ Холма.

⁵⁾ Владиславъ Опольскій отдалъ Дмитрію изъ Горая холмскій городъ Щебрешинъ на Вепрѣ, а Ягайло придалъ еще ему въ 1380 г. гор. Туробинъ (къ SW отъ перваго). Такимъ образомъ это—самые западныя города въ Холмской землѣ; Горай—уже польскій городъ. *Baliński. Star. Polska, t. III.*

⁶⁾ „Поя у него (Ингваря) Лестко дщерь и пусти, иде же ко Орельску (изъ Владимира). Ип. 432. М. б. къ S отъ Красностава, гдѣ Орловъ Древняны, Орловскій; Майданъ и Воля.

⁷⁾ „Болеславъ... воева около Щекарева и взя десять селъ“. Ип. 585.—Нын. Красноставъ см. Зубрицкій. Кр. ист. пов. подъ 1219 г. Барсовъ. Очерки, ст. 121.

⁸⁾ „Даніилъ прія Берестий, и Угровескъ, и Верещинъ, и Столпы, Комовъ и всю Украину“. Ип. 490. Кумовъ—на полудорогѣ отъ Холма до Ухани.

⁹⁾ Ип. 516 и 557—8. См. ниже.

¹⁰⁾ См. пр. 8. Столпы—къ NW отъ Холма. Въ немъ извѣстная Столпинская башня или вѣжа; см. статью Ревякина „Столпы или вѣжи подъ Холмомъ“ въ Холмскомъ мѣсяцесловѣ за 1868 г. ст. 129—142. Также Батюшковъ. Холмская Русь. 1885 г.

¹¹⁾ „Воеваша Ятвязѣ, около Охоже и Бусовна.... еще бо Холму не поставлену“. Ип. 531 ст. Бусовно—по дорогѣ изъ Красностава во Влодаву. Охоже—въ окрестностяхъ Столпы. См. вышеуказанную ст. Ревякина, ст. 132.

¹²⁾ Ляхи „повоеваша по Бугу“, Даніилъ послалъ войско „и биша и до Сухое Дорогве“. Ип. 490 ст. Должно быть—гдѣ-то на Вепрѣ, а не Сухава на Влодавѣ (Барсовъ. „Очерки“, 121 ст.).

¹³⁾ См. пр. 8. Украина выдѣляется отъ перечисленныхъ городовъ.

¹⁴⁾ Ип. 571. См. ниже.

¹⁵⁾ Ип. 529. Андреево на Влодавѣ или можетъ быть Андреевъ на Брокѣ. Лѣтопись не опредѣляетъ точно его мѣстоположенія. Г. Лонгиновъ указываетъ на Андреевку близъ Фрамполя (ст. 95), но я ее не нашель.

¹⁶⁾ См. пр. 8. Нын. Верещинъ на Влодавѣ; къ S отъ Грубешова есть Верешинъ и Вершжица.

ея впаденія въ Зап. Бугъ. Отъ Влодавы ¹⁾ рубежъ принимаетъ прямо восточное направленіе. Лѣтопись начерчиваетъ его уже въ гораздо болѣе общихъ чертахъ, такъ какъ, съ одной стороны, она имѣетъ для этого гораздо меньшій промежутокъ времени (именно до присоединенія Берестейской земли) и кромѣ того стольковеній съ сосѣдями съ этой стороны было гораздо меньше.

Вообще, граница отъ Влодавы шла по верховьямъ Припяти и затѣмъ правой стороной ея черезъ притоки Турію, Стоходъ и Стырь до водораздѣла ея съ Горынью. Съ сѣвера ближайшими городами были Берестье ²⁾, Кобринъ ³⁾ и Выгошевъ или Вышгородъ ⁴⁾, лежавшій на самой границѣ, наконецъ, Пинскъ. Со стороны Волыни можно указать гг. Турійскъ ⁵⁾, Черторыйскъ ⁶⁾, Камень ⁷⁾, Мельницу ⁸⁾, Ратно ⁹⁾ и Небль ¹⁰⁾, лежавшій на границѣ съ Турово-Пинскими землями. По этому водораздѣлу между Стырью и Горынью проходитъ вся восточная граница собственной Волыни. Ее ясно опредѣляетъ положеніе столицъ мелкихъ погорыньскихъ княжествъ Городна ¹¹⁾, Дубровицы ¹²⁾ и Степана ¹³⁾, и съ во-

¹⁾ Г. Лонгиновъ (Червенскіе города ст. 138) указываетъ на Мухавецъ и его притокъ Тросцяницу, какъ на пограничныя между Владимирской и Брестской землями. Гораздо естественнѣе провести границу такъ, какъ мы ее провели, тѣмъ болѣе, что г. Лонгиновъ не представилъ никакихъ доказательствъ, которыя подтвердили бы его положеніе. См. также раздѣльный актъ 1366 г.

²⁾ Ип. 101 и г. д. Брестъ-Литовскъ.

³⁾ Ип. 595. У. г.

⁴⁾ Мстиславъ заперся во Владимирѣ „и бѣша у него Берестяне, Пиняне, Выгошевици“. Лавр. 261 (Вышегородци. Ип. 178). Нын. Выжва на р. Выжвѣ, здѣсь же Выжев-ка, (Барсовъ. Словарь 45 ст.). Едва ли; это будетъ слишкомъ глубоко въ Волынской землѣ.

⁵⁾ Сравнить Ип. л., ст. 175, 483 и 544.

⁶⁾ См. Ип. 501.

⁷⁾ См. Ип. 468 нын. Камень Каширскій въ Ковельскомъ уѣздѣ.

⁸⁾ „Воеваша Литва около Мѣльницѣ, Лековни... Данило же... гнаста по нихъ до Пиньска“. Ип. 530. Мельница Луцк. у.; здѣсь же уроч. Лековня. Пинскъ—нын. у. г.

⁹⁾ Упомянется *Fedorius Rathniensis*. *Cod. Vit. N CIX*, р. 35. Ратно—на Припяти. См. *Guagnini* р. 40/2.

¹⁰⁾ Ср. Ип. 566. Небль на оз. Нобель.

¹¹⁾ Ип. 428. Кн. Борисъ Городненскій см. Ип. 285 и Лавр. 282. Городно—въ Пинскомъ уѣздѣ.

¹²⁾ Ип. 426. Кн. Глѣбъ Юрьевичъ Дубровицкій. Домбровица на Горыни.

¹³⁾ Ип. 616. Въ спискѣ городовъ (П. С. Р. Л. УП, ст. 240)—въ числѣ волыньскихъ; на Горыни

льнской стороны Черторыйска; она даже захватывает часть теченія притока Горыни, Путиловки (съ Миловидкой), на которой стоятъ волынскій городъ Чемеринъ¹⁾; противъ него, на Стублѣ,—погорыньскіе города, Пересошница²⁾ и Клевань³⁾. Слѣдуя дальше по водораздѣлу между Стырью и притоками Горыни, Стублой и Виліей, видимъ на волынской сторонѣ гг. Муравицу⁴⁾, Дубно⁵⁾, Стожекъ⁶⁾ и Кременецъ⁷⁾, а на кievской—Зарѣцкъ⁸⁾, Мильскъ⁹⁾, Гнойницу, Тихомль, Выгошевъ и Бужскъ¹⁰⁾. Затѣмъ граница поворачиваетъ на западъ по хребту отрога Кременецкихъ горъ, составляющаго водораздѣлъ Горыни и притока Стыри, Иквы, гдѣ, на волынской сторонѣ, находится г. Торчевъ или Торьцьвскъ¹¹⁾ и, наконецъ, сходится съ галицкимъ рубежемъ при пересѣченіи двухъ отроговъ Кременецкихъ горъ, на самой нынѣшней границѣ съ Австріей.

Все это пространство не представляло, однако, нераздѣльнаго цѣлаго, но уже съ самаго начала доступнаго намъ періода ея исторіи дѣлилось на части.

Прежде всего мы имѣемъ извѣстія о такъ-наз. Червенскихъ городахъ. Существованіе ихъ, какъ отдѣльной единицы, продолжалось

1) „Пойдоша полкъ отъ Лучьска и шедше сташа у Чемерина на Олычѣ“. Ип. 270. Чемеринъ—на р. Путиловкѣ, притокѣ Стублы. Прежде она называлась Олычемъ и теперь на ней находится м. Олыка, а выше, почти у устья Путиловки—с. Олычка.

2) „Глѣбъ стояше выше города Пересошницы на Стублѣ“. Ип. 275., яни. д. Пересошница.

3) Въ спискѣ городовъ (ПСРЛ. VII, ст. 240) „Колывань“ въ числѣ волынскихъ. На Стублѣ, въ Ров. уѣздѣ.

4) Ип. 271. На Иквѣ, въ Дубенскомъ уѣздѣ.

5) Ип. 272. У. г.

6) Ип. 600. Къ NE отъ Кременца.

7) Ип. 500 и 588 ст. У. г.

8) Изяславъ „ста выше Пересошницы и пожеже Зарѣческъ“ Ип. 284. На Стублѣ въ Ровенскомъ уѣздѣ.

9) Ип. л. ст. 285. Н. Мильскъ въ Острожск. уѣздѣ.

10) Ип. 313. Гнойница—яни. Б. или М. Гнойница, въ Острожскомъ уѣздѣ. Тихомль—Тихомель на Горыни. Выгошевъ м. б. Вышгородка въ юж. части Кремен. уѣзда. Бужскъ—неопредѣленное мѣсто, но это не Бужскъ на Зап. Бугѣ, такъ какъ онъ волынкскій городъ, а не кievскій.

11) Данилъ перешель черезъ р. Вилію на Шумскъ и „пойде ко Торчеву“. Ип. 511. М. б. Старый Таражъ въ Кременецкомъ уѣздѣ.

въ историческій періодъ очень не долго; въ 981 г. Владиміръ захватилъ „Червень и ины города“. Какіе города и сколько ихъ входили въ эту федерацію—неизвѣстно. Извѣстенъ, впрочемъ, навѣрно только одинъ, кромѣ, конечно, самаго Червна—это Бельзъ ¹⁾ Послѣ вторичнаго присоединенія Червенскихъ городовъ къ Руси, они уже, какъ отдѣльная политическая единица, исчезаютъ изъ исторіи. Дѣло въ томъ, что здѣсь упогребленъ былъ обычный приѣмъ, практиковавшійся при завоеваніяхъ земель съ сильно развитымъ вѣчевымъ устройствомъ: князья, чтобы не считаться съ сильнымъ червенскимъ вѣчемъ, сосредоточили центральное управленіе всей землей во Владиміръ и, такимъ образомъ, развили его на счетъ Червна. О внутреннемъ строѣ этой федераціи мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній.

Во второй половинѣ XII в., Кіевъ для князей утратилъ значительную долю своего обаянія; они прочтѣе усѣлись, каждый въ своемъ удѣлѣ и больше стали заботиться о своихъ земляхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ родъ княжескій размножался, искать удѣловъ внѣ своей земли уже нельзя было и, такимъ образомъ, приходится дробить землю на части. На Волыни въ 1188 г. мы видимъ Всеволода Мстиславича, князя Бельзскаго, а въ 1204 г.—Всеволода Всеволодовича, князя Червенскаго. Это дѣленіе бывшей федераціи Червенскихъ городовъ на Бельзское и Червенское, а послѣ основанія Холма,—Холмское княжество просуществовало до самаго конца разсматриваемаго нами періода времени.

Волынь, лежащая къ востоку отъ з. Буга, въ началѣ историческаго періода составляетъ одно цѣлое. Съ теченіемъ времени, рядомъ съ стольнымъ городомъ Владиміромъ, поднимается Луцкъ и скоро становится во главѣ всей восточной половины Волыни. Но въ особый удѣлъ онъ обособляется только во второй половинѣ XII в., когда въ немъ поселился Ярославъ Изяславичъ и долгимъ княженіемъ своимъ (1155—около 1180 г.) упрочилъ его за своимъ родомъ. Прежде бывшіе здѣсь князья: Святославъ Давыдовичъ, Владиміръ Мстиславичъ и Мстиславъ Изяславичъ не были въ немъ удѣльными, а только или стояли тамъ съ войскомъ, какъ Святославъ, или были намѣстниками князя Владиміро-Волынскаго, или м. б. жили, наконецъ, просто частными людьми, имѣя здѣсь личныя имѣнія. Родъ Ярослава прокняжилъ здѣсь

¹⁾ Ип. л., ст. 105, похъ 1030 годъ.

болѣе 70 лѣтъ, пока въ 1227 г. Ярославъ Ингваревичъ, внукъ Ярослава Изяславича не принужденъ былъ уступить удѣлъ этотъ Даниилу, основывавшему свой захватъ на томъ, что Луцкъ былъ завѣщанъ ему дядей Ярослава Ингваревича Мстиславомъ Нѣмымъ, умершимъ въ 1226 г. Конечно, это завѣщаніе едва ли было сдѣлано добровольно, вѣрнѣе, что тутъ не обошлось безъ давленія со стороны Даниила, который находилъ неудобнымъ такое отдѣленіе части Волыни въ руки другого рода. Здѣсь въ исторіи Луцка происходитъ перерывъ до смерти Василька, когда въ Луцкѣ появляется отдѣльный князь Мстиславъ Даниловичъ; впрочемъ, онъ тоже скоро объединяетъ въ своихъ рукахъ всю Волынь и, только при Львѣ Юрьевичѣ, Луцкъ обособляется опять. Послѣ смерти этого князя въ 1324 г., онъ переходитъ къ Любарту Гедиминовичу и какъ постоянная столица его, въ остальной періодъ времени получаетъ полное преобладаніе надъ Владиміромъ.

Въ концѣ рассматриваемаго нами періода и Владимірскій и Луцкій удѣлы выдѣлили изъ себя еще болѣе мелкіе удѣлы; такъ, изъ территоріи Владимірскаго удѣла было выкроено маленькое Рагненское княжество, а изъ Луцкаго — Острожское.

Выше мы высказали предположеніе, что Дулѣбы занимали первоначально одну нагорную часть Волыни, доходя къ сѣверу только до Волынскаго Полѣсья. Колонизаторскія стремленія населенія имѣли обширное поле для своего развитія. Только съ запада и съ юга они встрѣчаютъ серьезное сопротивленіе; прочіе же сосѣди, которыми были по преимуществу Дреговичи и Древляне, легко позволяли оттѣснить себя дальше къ сѣверу и востоку. Такимъ образомъ къ началу лѣтописнаго періода все Волынское Полѣсье было вполне колонизовано Дулѣбами-Волынцами, а къ половинѣ XII в. въ составъ Волыни окончательно вошла Погорина¹⁾.

¹⁾ Относительно послѣдней позволимъ себѣ высказать гипотезу, которая кажется весьма вѣроятной, хотя и не подтверждается ясными историческими фактами. Къ югу отъ Волыни жили Тиверцы и Улучи. Они первые подверглись напору кочевниковъ и частью погибли въ борьбѣ, частью подались къ сѣверу и заняли часть позднѣйшей Кіевщины и именно главнымъ образомъ земли по теченію Горини, заселенныя мало-культурнымъ племенемъ Древлянъ и уже провинныя во всѣхъ направленіяхъ Волынянами. Этимъ смѣшаннымъ характеромъ населенія, какъ кажется, и можно объяснить ту упорную борьбу, которая происходила между кіевскими князьями, предъявлявшими на Погорину свои права, такъ какъ это было коренная Древлянская земля, владѣтелями которой

Границы Погорины опредѣляются довольно легко: на востокѣ они идутъ по водораздѣлу съ Случью, захватывая иногда верхнія теченія лѣвыхъ ея притоковъ, а на югѣ заходятъ далеко даже за Случь и достигаютъ истоковъ Ю. Буга, гдѣ находился г. Межибожье. Всѣ города, которые выше были указаны, какъ пограничные—Городно, Дубровица, Степань, Пересопница, Шумскъ, Тихомль, Выгошевъ и т. д., входятъ въ составъ Погорины. Крайнимъ городомъ на границѣ съ Кіевскими землями былъ г. Кореческъ¹⁾. До соединенія своего съ Волынью, Погорина представляла изъ себя, такъ-сказать, запасной капиталъ для великаго князя Кіевского: когда ему нужно было успокоить какогонибудь князька, онъ давалъ ему нѣсколько погоринскихъ городовъ. Погорина такимъ образомъ постоянно переходила изъ одного рода въ другой; она принадлежить то Мстиславичамъ, то Андреевичамъ, то Вячеславу съ сыномъ, то сыновьямъ Юрію Долгорукаго. Только съ присоединеніемъ ея къ Волыни, здѣсь появляются отдѣльныя мелкія княжества съ установившимися княжескими родами, которые, въ большинствѣ случаевъ дожили до конца описываемаго періода и постепенно сошли, въ концѣ концовъ, въ ряды служилого боярства. Территорія Погорины вошла южной своей половиной въ составъ Луцкой земли, и впоследствии образовала владѣнія князей Острожскихъ; сѣверная половина распалась на нѣсколько мелкихъ княжествъ—Городненское, Степаньское и Дубровицкое, составившихся изъ остатковъ прежнихъ княжествъ Дорогобужскаго и Пересопницкаго.

Когда населеніе Погорины болѣе или менѣе прочно установилось, колонизаторскія стремленія Волынянъ, сдерживаемыя съ трехъ сторонъ, съ востока, запада и юга, съ особенной силой направились на сѣверъ и сѣверо-западъ. Нельзя, конечно, думать, что до окончательнаго заселенія Погорины, страны къ N и NW не колонизовались Волынянами,—колонизація была, хотя сравнительно въ слабыхъ размѣрахъ, но такъ какъ она началась очень рано и не встрѣчала особаго сопротивленія со стороны туземцевъ, то и развилась на столько, что къ началу историческаго періода охватила вполнѣ и ассимилиро-

---

считали себя они, и волынскими, основывавшими свои права на симпатіяхъ пришлаго населенія.

¹⁾ Выпроваживая Глѣба изъ Волыни, Изяславъ далъ ему конвой до Коречска нини м. Корца, Новоградъ-Вол. у. Ип. 276.

вала все Волинское Полѣсье. Въ эпоху начальной лѣтописи извѣстны уже города, находившіеся глубоко въ Полѣсьи, напр. Черторыйскъ. Всѣ центральные пункты земли Волинь, Червень и Владимиръ находились на границѣ съ Полѣсьемъ; такое положеніе ихъ, намъ кажется, уже показываетъ, въ какую сторону направлялись въ это время стремленія населенія.

Завладѣвъ окончательно Волинскимъ Полѣсьемъ, Воляняне встрѣтились съ племенами не славянскаго происхожденія, съ Ятвягами и Литовцами. Собственно Литовцы жили по среднему теченію Нѣмана и по Вилии, а Ятвяги занимали территорію къ югу отъ нихъ, по лѣвымъ притокамъ Нѣмана—Молчади, Шарѣ, Зельвѣ, Роси и Свислочи и затѣмъ страну между з. Бугомъ и Припятью почти до самаго волинскаго рубежа ¹⁾. Позже, подъ давленіемъ своихъ сосѣдей Славянъ, они совершенно измѣнили свое положеніе и перешли далеко на сѣверо-

---

¹⁾ Г. Барсовъ въ своихъ „Очеркахъ“ (ст. 39—41) иначе очерчиваетъ границы Ятвяговъ. Онъ основывается главнымъ образомъ на географическомъ распространеніи мѣстностей съ именами, производными отъ имени народа, такъ какъ литовско-польскія сказанія (Narbutt. Dzieje Litwy. II 174 и Jaroszewicz. Obraz Litwy I, 17 st.) о побѣдѣ Ярослава надъ Ятвягами и основаніи Дрогичина, Брянска, Мельника и м. б. Вѣльска, едва-ли имѣютъ за себя что либо достовѣрное, если принять во вниманіе умолчаніе о такомъ исходѣ похода Ярослава главныхъ списковъ лѣтописи, Ипатьевского и Лаврентьевскаго и прямое отрицаніе позднѣйшихъ сводовъ, Никоновскаго и Воскресенскаго (см. также Карамзинъ II, ст. 35). Слѣдя за распространеніемъ этихъ именъ, г. Барсовъ такъ опредѣляетъ границы первоначальныхъ (до первой половины XI в.) поселеній Ятвяговъ. Они находились между собственной Русью, Червенскими городами и Ляхами, съ одной стороны и Литвой—съ другой; между старославянскими поселеніями въ области Нѣмана, Припяти и Зап. Буга и старо-литовскими по правую сторону Нѣмана, въ области Вилии, т. е. что они занимали тогда пространство по Нѣману и его южнымъ притокамъ Молчади, Шарѣ, Зельвѣ, Роси и Свислочи, отъ водораздѣла съ Припятью и Побужьемъ на сѣв.-западѣ, до того мѣста, гдѣ Нѣманъ принимаетъ сѣверное направленіе у Гродно“ (Стр. 40).

Въ доказательство нашей граничной линіи можно привести слѣдующее соображеніе: Владимиръ въ 983 году въ первый разъ столкнулся съ Ятвягами (Ип. 54); въ 988 г. (Ип. 83), при распределеніи удѣловъ, въ первый разъ является г. Владимиръ; если предположить, что г. Владимиръ основанъ немного раньше (около 982 г.) этого столкновенія, что очень вѣроятно, если принять во вниманіе, что въ 981 г. были присоединены Червенскіе города и Владимиру нужно было выставить противовѣсъ сильному Червну, то ясно будетъ, что походъ на Ятвяговъ предпринятъ былъ въ защиту г. Владимира, и что они жили очень недалеко отъ него, а такъ какъ извѣстно, что лѣвое побережье Буга занимала территорія Червенскихъ городовъ, а по Припяти жили Дреговичи, то Ятвягамъ остается только середина между ними,

западъ. Больше всего свѣдѣній даетъ намъ о Литовскомъ народѣ Ипатская лѣтопись, затѣмъ древнѣйшія литовскія лѣтописи и, наконецъ, извѣстія нѣкоторыхъ западныхъ писателей: Галла, Кадлубка, Дюсбурга и друг.

Главная характерная черта Литовцевъ въ разсматриваемый древнѣйшій періодъ ихъ исторіи,—это отсутствіе всякой государственности. Всѣ почти авторы, писавшіе о Литовцахъ, согласны въ томъ, что городовъ у Литовцевъ не было, а жили они въ деревняхъ, полагаясь на защиту своихъ болотъ и лѣсовъ. Во время непріятельскихъ нападений на ихъ страну, они часто ограничивались для своей защиты только порчей дорогъ и засѣками. Если устранить совершенно баснословные рассказы лѣтописи такъ-наз. Быховца, то только половину XIII в. можно принять, какъ время появленія городовъ собственно литовскаго происхожденія ¹⁾, такъ какъ раньше основанные здѣсь города обязаны своимъ происхожденіемъ колонистамъ-Славянамъ ²⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ не было единой государственной власти, что очень естественно при отсутствіи центровъ. Ни въ лѣтописи, ни въ какомъ либо другомъ источникѣ ни разъ не упоминается объ Ятвягахъ подъ властью одного князя; князья у нихъ являются всегда болѣе или менѣе значительными группами; такъ въ сравнительно небольшомъ сраженіи Василька съ отрядомъ Ятвяговъ, вышедшихъ на грабежъ, у Дрогичина было убито 40 Ятвяжскихъ князей ³⁾, но нужно предположить, что не всѣ же ихъ князья были перебиты и часть ихъ успѣла убѣжать. Тоже самое было и у Литовцевъ до половины XIII ст. Очень характеренъ образъ дѣйствій этихъ князей. Они мало сознаютъ общенародную пользу; иногда они остаются безучастными зрителями гибели своихъ сосѣдей, или даже предаютъ ихъ, чтобы спасти только себя ⁴⁾. Такимъ образомъ очевидно, что эти князья были старѣйшинами отдѣльныхъ родовъ и власть ихъ простиралась только на ихъ одинъ родъ.

Пока колонизація шла мирнымъ путемъ, или, хотя и посредствомъ оружія, но безъ особаго напряженія, Литовцы крѣпко стояли,

¹⁾ См. В. Б. Антоновичъ Ист. в. к. Литовскаго, ст. 11.

²⁾ Ип. лѣт., 553 ст.

³⁾ Ип. л. 501—2, 531, 551—3, 575.

⁴⁾ Ип. 551—553.

хотя—разрозненные, съ незначительными силами и принуждены были мало по малу уступать. Такъ дѣло шло до появленія на берегу Рижскаго залива нѣмецкаго ордена крестоносцевъ. Обладая громаднымъ превосходствомъ въ вооруженіи и умѣнн сражаться, рыцари, съ помощью постоянно вновь прибывавшихъ изъ западной Европы знатныхъ особъ, стремившихся полегче овладѣть славою рыцаря-крестоносца, энергично принялись *ad maiorem Dei gloriam* захватывать земли и крестить туземцевъ, обращая ихъ, при этомъ удобномъ случаѣ, въ рабство или облагая непосильными налогами. Пока Латыши и Пруссы гибли медленною смертью, у сосѣднихъ—Жмуди и Литвы появляется стремленіе сплотиться для отраженія неизбежно грозившей опасности и неразрывная вмѣстѣ съ этимъ борьба за преобладаніе. Однако, къ тому времени какъ сѣверныя литовскія племена были покорены Нѣмцами, борьба эта, по крайней мѣрѣ, въ первой своей стадіи развитія—борьба между представителями многихъ княжескихъ родовъ—уже окончилась и Нѣмцамъ пришлось считаться съ сильнымъ, стойкимъ государствомъ, быстро развившимся и охватившимъ громадную массу русскихъ земель.

Еще задолго до Дулѣбовъ-Воляннѣ, землю Ятвяговъ начали колонизовать Дреговичи; къ началу лѣтописнаго времени, ихъ передовыя поселенія проникли глубоко на сѣверъ, по теченію Зап. Буга; въ это время, вѣроятно, уже существовалъ значительнѣйшій изъ городовъ ихъ—Берестье. Когда къ Дреговичамъ присоединились Воляняне, за которыми стояли силы великаго князя кievскаго, дѣло колонизаціи пошло гораздо быстрѣе и систематичнѣе. Съ самаго основанія г. Владимира начинаются въ лѣтописи извѣстія о походахъ князей на Ятвяговъ и Литву: въ 983 г. „Иде Владимиръ на Ятвяги и взя землю ихъ“¹⁾; въ 1038 г. „Иде Ярославъ на Ятвяги“²⁾, въ 1112—„Ярославъ ходи на Ятвязѣ, сынъ Святополчъ, и побѣди я“³⁾. Конечно, въ лѣтописи перечислены далеко не всѣ походы на Ятвяговъ, а только главнѣйшіе, когда сила одной Волини не хватало для дальнѣйшаго движенія. Нѣкоторые намеки въ лѣтописи указываютъ, что борьба шла гораздо интенсивнѣе и походы съ обѣихъ сторонъ были гораздо

1) Ип. лѣт. 54 ст.

2) Ип. лѣт. 108 ст.

3) Ип. лѣт. 196 ст.

чаще: „Тое же зимы ходи Романъ Мьстиславичъ на Ятвягы отомьщивать-ся: бяхуть бо воевали волость его“ ¹⁾; между тѣмъ о нападеніи Ятвяговъ лѣтопись умалчиваетъ; и дальше—„Василько.... иже иногда многажды побѣжаше поганые, или иногда многажды посылающима има на поганыя..... И во иная времена Божию милостью, избѣени быша погани, ихъ(ъ) же не хотѣхомъ писати отъ множества ради“ ²⁾. Особенно рѣзкій характеръ приняла борьба при Даниилѣ и Василькѣ. Страна, уже пронизанная во всѣхъ направленіяхъ славянскими поселеніями, опустошенная постоянными набѣгами, перестаетъ укрывать своихъ жителей и Ятвяги постепенно отступаютъ все дальше и дальше въ глубь страны на сѣверо-западъ, за Наревъ и Бобръ, въ болота и дебри нынѣшней восточной Пруссіи. Можно прослѣдить до нѣкоторой степени, какъ быстро совершилось это отступленіе. Въ 1227 г. (по счету Гал. Вол. лѣт.) Ятвяги воюютъ въ окрестностяхъ Берестья ³⁾; въ 1229 г. Даниилъ и Василько, идя на помощь къ Конраду Мазовецкому оставляютъ Владимира Пинскаго съ Берестьянами и Угровчанами стеречь землю отъ Ятвяговъ ⁴⁾. Въ 1248 г. Василько бьется съ Ятвягами у дрогичинскихъ воротъ, слѣдовательно, на границѣ ⁵⁾, но уже въ 1250 году Конрадъ и Василько воротились, изъ похода на нихъ, съ Нура ⁶⁾ и въ слѣдующемъ году грабили Ятвяжскую землю за Наревомъ и Лыкомъ, т. е. въ самой глубинѣ прусскихъ болотъ ⁷⁾. Наконецъ, въ 1256 г. Даниилъ съ громаднымъ ополченіемъ нанесъ имъ окончательный ударъ ⁸⁾. Послѣ этаго разгрома Ятвяги держались еще нѣсколько лѣтъ, но голодъ 1279 года сломилъ, наконецъ, ихъ стойкость и они подчинились литовскому князю Тройдену. Съ этого времени они исче-

¹⁾ Ип. лѣт. 471 ст.

²⁾ Ип. лѣт. 531 ст. Даниилъ и Василько возвратились изъ похода на Ятвяговъ, „наслѣдивши путь отца своего великаго князя Романа, иже бѣ изострился на поганыя, яко левъ, имъ же Половци дѣти страшаху“ Ип. лѣт. ст. 540. Здѣсь, конечно, „Половци“—ошибка вмѣсто „Ятвязи“.

³⁾ Ип. лѣт. 501 ст.

⁴⁾ Ип. лѣт. 503 и 517 стр.

⁵⁾ Ип. лѣт. 581 ст. Если принимать Дрогичинскіе ворота въ томъ значеніи, какъ въ 1268 г., „се же бѣшаше мѣсто твердо, зане немощно бысть обойти его никуда же, тѣмъ же наричахуться ворота гѣснотою своею“. Ип. лѣт. ст. 572.

⁶⁾ Ип. лѣт. ст. 537.

⁷⁾ Ип. лѣт. ст. 549.

⁸⁾ Ип. лѣт. ст. 551—553.

зають изъ исторіи, хотя слѣды ихъ сохранялись впродолженіи долгаго времени ¹⁾. Часть Ятвяговъ еще раньше подчинилась Руси и осталась на своихъ старыхъ мѣстахъ; Мендовгъ въ 1259 г., въ грамотѣ своей упоминаетъ о „Depova tota, quam etiam quidem Iacwezim vocant“ ²⁾. Нужно думать, что именно эти Ятвяги обязались давать Даниилу дань „и работѣ быти“, а не Ятвяги сѣверные—занаревскіе и забобрянскіе.

По мѣрѣ отступленія Ятвяговъ, земля ихъ все больше заселялась выходцами изъ окрестныхъ славянскихъ земель ³⁾. При первомъ взглядѣ на карту бывшей Ятвяжской земли, бросается въ глаза, что почти всѣ названія поселеній—славянскія, рѣкъ же и озеръ—литовскія ⁴⁾. Слѣдовательно, первоначальное населеніе, давшее имена рѣкамъ, было вытѣснено не сразу, а постепенно, такъ какъ иначе и имена рѣкъ были бы славянскія.

Постараемся уязать границы территоріи, на которую простиралась здѣсь власть волынскихъ князей.

Крайнимъ сѣверозападнымъ пунктомъ, гдѣ сходились волынскія, мазовецкія и ятвяжскія границы, былъ г. Визна, нѣкоторое время принадлежавшій Волыни, а затѣмъ опять отошедшій къ своимъ первоначальнымъ владѣльцамъ, князьямъ мазовецкимъ ⁵⁾. Отсюда граница шла на востокъ, по Нареву, на лѣвомъ побережьи котораго тянется цѣлый рядъ мѣстностей, опредѣляющихъ ея направление: Грудокъ на

¹⁾ „Terra Iacuitarum“ упоминается въ 1422 г. Cod. Vit. p. 573.—Miechovius p. 146 „primum linguagium (Lithuanicum) est Iazwingorum, ut horum, qui circa castrum Drohiczin inhabitant et pauci supersunt“.

²⁾ Барсовъ. „Очерки“ ст. 237.

³⁾ Кромѣ Волынянъ и Дреговичей, Ятвяжскую землю колонизовали и Мазовшане. Крайнимъ мазовецкимъ городомъ былъ Визна. Можно и теперь прослѣдить линію въ Вѣльскомъ и Вѣлостоцкомъ уѣздахъ, гдѣ столкнулись двѣ славянскія колонизаціи: на русской сторонѣ находятся дд. Слохы, Огородники, Клеконово, Крупецъ, Роговка, Ключково, Вершейки, Журобице, Горново, Лубрейки; вездѣ здѣсь говорятъ теперь по бѣлорусски; въ слѣдующихъ же сосѣднихъ деревняхъ говорятъ уже по польски: Якубовиче, Верпенице, Лубинъ, Муличе, Малиново, Баньки, Нивино, Ольшаница, Мелевиче, Страбле (Бѣльск. уѣзд.), Дорочки, Зимнохи, Ходоры, Чачки, Туросль, Костельна, Наводница, Чаплинь, Хорошъ, Ленце, Яворовка, Храболо, Пенске, Богушево, Магнусы, Сикары, Калимовка, Рудковскіе, Моноушки, Долистово (Вѣлост. уѣзд.) „Гродн. губ.“ I т. 618 ст.

⁴⁾ Такъ напр. рѣки Котра, Жижва, Зельва, Меречанка, Дитва, Каравка, Изва и мн. др.

⁵⁾ Ип. лѣт. ст. 227. Визна на Наревѣ.

Наревъ, Стражи, Васильковъ, Стражники, Гродиско—къ SE отъ м. Нарева, Гродекъ на Супрасли; немного ниже г. Васильковъ, Городянска, Стражна—къ NE отъ Василькова; Заславъ—къ NW отъ Бѣлостока, а къ SW отъ него с. Городнены на р. Городнѣ¹⁾. Крайнимъ городомъ съ волинской стороны былъ г. Бѣльскъ на Орленѣ²⁾, лѣвомъ притокѣ Нарева и въ XIII в. основанный Каменецъ на р. Леснѣ³⁾. Далѣе, граница шла на востокъ до истоковъ Шары и Сырвеча и далѣе по водораздѣлу между Нѣманомъ и Припятью; здѣсь опять тянется цѣлый рядъ мѣстностей, напоминающихъ граничныя укрѣпленія: сс. Городяны, Воротна и Городецъ—къ S отъ Пружанъ, Осѣка и Подгородье—къ E отъ Пружанъ, р. Городечна—притокъ Мухавца, Воротиничи на Мухавцѣ, Стражовщина на притокѣ Шары—Гривдѣ, 3 Городища на верхней Шарѣ, Городники у самыхъ истоковъ Шары, Городище у истоковъ Сырвеча⁴⁾. Кромѣ того, на пограничное положеніе Шары указываетъ и сама лѣтопись⁵⁾. Наконецъ, начинаясь недалеко отъ Здитова, какъ можно думать, идетъ граница съ Турово-Пинскими землями; она проходитъ около самаго города и озера Небля⁶⁾, затѣмъ сливается съ указанной уже выше границей собственно Волинской земли. Что касается западной границы, то она переходила черезъ З. Бугъ и тянулась узкой полосой, почти параллельно рѣкѣ до самой исходной точки нашей границы.

Весьма интересно было бы, хотя и очень трудно, очертить область распространенія славо-русской колонизаціи на лѣвомъ побережьи Зап. Буга. Опредѣлить границы эти трудно, главнымъ образомъ, потому, что лѣтопись, главный и единственно безспорный источникъ для исторической географіи, вовсе почти умалчиваетъ о пограничныхъ, съ этой стороны, мѣстностяхъ; по характеру топографическихъ названій тоже трудно опредѣлить её, такъ какъ страна такъ долго находилась подъ исключительнымъ польскимъ вліяніемъ, что, за немногими исключеніями, всѣ эти названія извѣстны теперь въ полонизированной формѣ. Благодаря недавно появившейся книгѣ г. Лонгина „Червен-

¹⁾ Барсовъ. „Очерки“ ст. 132.

²⁾ Ип. 544 ст. М. Бѣльскъ.

³⁾ Ип. 572 ст. Существуетъ и нынѣ.

⁴⁾ Барсовъ. „Очерки“ ст. 132—3.

⁵⁾ Ип. лѣт. ст. 543.

⁶⁾ Ип. лѣт. ст. 566.

скіе города“¹⁾, мы можемъ однако въ значительной степени устранить шаткѣй, особенно въ данномъ случаѣ, филологическій методъ г. Барсова. Западной границей сплошныхъ русскихъ поселеній вообще было среднее теченіе Вепря. Къ югу она заходила далеко на западъ²⁾, а къ сѣверу шла по Тысменицѣ, захватывала Воинь³⁾, находившійся „на Въкраиници“, затѣмъ, по верховьямъ р. Кросны, нын. Кржны⁴⁾, гдѣ

1) Книга г. Лонгинова называется „Червенскіе города. Историческій очеркъ въ связи съ этнографіей и топографіей Червоной Руси“. Специальная цѣль ея „подобрать и вызвать къ жизни памятники русской старины тамъ, гдѣ она была наиболѣе забыта и гдѣ, потому, многіе вовсе не подозрѣвали ея существованія, сгруппировать ихъ и привести хоть въ какую нибудь систему“ (ст. 239). Методъ г. Лонгинова въ данномъ случаѣ таковъ: онъ разсматриваетъ церковныя и другіе архивы и, найдя тамъ указанія, что въ извѣстной мѣстности существовало нѣкогда православное населеніе или православная церковь и, если при этомъ въ актахъ этихъ, обыкновенно сравнительно позднихъ, подтверждаются права, данныя церкви предками дателя, или указывается, что церковь ими владѣла издревле, то онъ дѣлаетъ заключеніе, что эта мѣстность—коренная русская (ст. 233). Въ общемъ такой методъ довольно вѣренъ, но, намъ кажется, здѣсь есть одна крупная ошибка: авторъ предполагаетъ, что русское населеніе, занявъ извѣстную территорію по лѣвому берегу З. Буга, перестало дальше двигаться, что оно, встрѣтившись съ Мазовшанами, прекратило поступательное движеніе и начало только воспринимать въ себя новыя элементы; заключаемъ это изъ того же положенія автора, что мѣстность хотя бы съ незначительнымъ православнымъ населеніемъ—коренная русская. Между тѣмъ есть полное основаніе думать, что именно Русскіе двигались впередъ, какъ болѣе культурная нація (см. напр. Дашкевичъ: „Княженіе Данила Галицкаго“, гл. II и Линиченко: „Взаимныя отношенія Руси и Польши“ гл. IV. Отношенія экономическія, культурныя и религіозныя“). Такимъ образомъ, хотя мы и имѣемъ указанія, что Русскіе жили и даже имѣли свои церкви въ Сендомирѣ, Лысцѣ (Ип. 564--5) и т. д., хотя мы имѣемъ извѣстія о значительномъ чисто русскомъ населеніи въ Люблинѣ (Лонгиновъ ст. 91 и сл.), то это доказываетъ только, что здѣсь дѣйствительно жили Русскіе и православныя, но нисколько, что они были здѣсь коренными жителями. Намъ кажется, что можно принять за коренныя русскія земли только тѣ, о которыхъ мы имѣемъ прямое или косвенное указаніе въ лѣтописяхъ и въ актахъ, при чемъ указаніе на существованіе церкви или православнаго населенія мы можемъ считать за подтверждающее только, а не за рѣшающее обстоятельство. Г. Лонгиновъ считаетъ Люблинскую землю за коренную русскую (см. ст. 96), часть Червенской земли; если бы это было такъ, то почему же Люблинъ не былъ присоединенъ къ Руси еще Ярославомъ? Если же вполнѣдствіи изъ-за него и боролись Романъ и Даниилъ, то это просто можно объяснить особенно сильнымъ развитіемъ здѣсь русскаго населенія.

Одинъ изъ главнѣйшихъ недостатковъ этой книги—спутанность и отрывочность изложенія: авторъ постоянно отвлекается въ сторону какимъ нибудь мелкимъ вопросомъ, теряетъ нить разсказа и вслѣдствіе этого безпрестанно повторяется.

²⁾ Подробнѣе объ этомъ—ниже.

³⁾ Нын. Вохинь. Ип. лѣт. ст. 586.

⁴⁾ Ип. лѣт. ст. 586.

стоялъ мазовецкій городъ Луковъ, по водораздѣлу между Бугомъ и его лѣвымъ притокомъ Ливцомъ съ Збучинкой, на которой находится тоже мазовецкій городъ Венгровъ и гдѣ есть ясныя слѣды русскаго населенія ¹⁾ и заканчивалась у Стердыня на Бугѣ ²⁾. Здѣ же находятся слѣд. мѣстности съ именами, указывающими на русское происхожденіе: Кіѣвецъ къ N отъ Бреста, Хвалатице—Русскіе къ SW отъ Мельниковъ, Межки и Русаковъ нѣсколько къ SW отъ Дрогичина; сс. Русски (на полдорогѣ къ Соколову), Бучикъ Русскій и Русска Строна (оба на дорогѣ изъ Соколова въ Нуръ); близъ нихъ с. Вратновъ. Далѣе за Бугомъ находятся сс. Андреево, сѣвернѣе его Дрогошево, немного на NE—Высоки Мазовецки, затѣмъ Русь на р. Манкѣ, къ S отъ Мазовецка, Русколони къ NW отъ Андреева, Драги, Острожна и т. д. ³⁾.

Берестейская земля сперва принадлежала великому князю кіевскому; въ половинѣ XII ст. она перешла въ руки волынскихъ князей, но уже въ первой четверти XIV в. вошла въ составъ незадолго предъ тѣмъ сформировавшагося Литовскаго государства. Это произошло, кажется, въ 1316 г., когда, послѣ битвы подъ Владимиромъ, въ которой погибъ князь Юрій Львовичъ ⁴⁾, Гедиминъ остановился въ Берестыи и распустилъ войско по домамъ.

Страна эта называлась Подляхіей и составляла, только одинъ удѣлъ съ главнымъ городомъ Берестьемъ. Татищевъ сохранилъ намъ отрывокъ изъ недошедшей Полоцкой лѣтописи, который указываетъ на существованіе еще особаго Дрогичинскаго княжества; о Дрогичинскомъ княжествѣ говоритъ и Кадлубекъ. Намъ кажется, что существованіе этаго княжества—чисто фиктивное. Дѣло въ томъ, что Дрогичинъ только временно былъ столицею князя, владѣвшаго всей Подляхіей, т. е., онъ игралъ по отношенію къ Берестыю точно такую же роль, какую Луцкъ—по отношенію къ Владимиру въ періодъ его процвѣтанія.

Такъ какъ Татищевскій отрывокъ одинъ только бросаетъ свѣтъ на этотъ темный и запутанный фактъ въ исторіи Волини, то мы приведемъ его цѣликомъ.

¹⁾ См. „Память о древнемъ православіи въ Соколовѣ“. Холмск.-Варш. Епарх. Вѣст. 1877 г. № 10 ст. 1—16.

²⁾ Стердынь—крайній пунктъ съ русскимъ населеніемъ, по опред. Риттиха. (Лонгинъ ст. 53).

³⁾ Барсовъ ст. 131 „Очерковъ“.

⁴⁾ В. Б. Антоновичъ. Ист. В. К. Литовскаго. ст. 57—8.

„Василько Дрогицкій, сынъ Ярополковъ, розсоряся со Владиміромъ Минскимъ призвалъ Поляковъ и Мазовшанъ въ помощь пошелъ къ Бресту, и у рѣки Буга Владимірко, встрѣтя его, учинили жестокую битву; но Владимірко, потерявъ много людей, ушелъ въ Минскъ, а Василько пришедъ съ Поляки Брестъ взялъ; обаче бояся сам тутъ быть, оставилъ въ немъ брата жены своей, князя Мазовецкаго съ Поляки, самъ возвратился въ Дрогичинъ. Владимірко Володаревичъ, собравъ паки войско, взялъ помощь отъ Полоцкихъ, пошелъ къ Бресту, чрезъ девять дней Брестъ взялъ и Мазовшанъ многихъ побилъ, достальныхъ на окупъ и въ размѣну за своихъ отпустилъ. Потомъ пошелъ за Бугъ (въ Подляшіе) на Василька, который съ немалымъ войскомъ Полякъ и Мазовшанъ стоялъ на рѣкѣ Нурѣ за Дрогичинымъ. Владимірко наступа на него били ся одъ утра до полудни, и по жестокомъ сраженіи Поляки, видя много своихъ побитыхъ, стали отступать къ лѣсу; тѣмъ Владимірко, жесточае на Василька и Мазовшанъ наступа, почитай всѣхъ на мѣстѣ побилъ; и едва самъ Василько съ малыми людьми къ тестю своему Лешку ушелъ, которой тотчасъ еще собравъ войско, пошелъ на Владимірка, и принудилъ его, оставя Подляшіе—область Василькову, вытти къ Бресту за р. Бугъ. Василько не имѣя чѣмъ Полякамъ обѣщаннаго заплатить, котораго отъ него усиленно требовали: пожитки бо его всѣ Владимірко въ Дрогичинѣ и Нурѣ пограбилъ, и городъ разорилъ, уступилъ тестю по себѣ все свое владѣніе, понеже онъ дѣтей не имѣлъ. И тако сольщень былъ Василько тестемъ своимъ, хотя дѣтямъ своимъ великое владѣніе присовокупить, но по смерти его Поляки все у дѣтей Лешковыхъ отняли“ ¹⁾.

Василько Ярополчичъ былъ близкимъ родственникомъ волынскаго княжескаго рода: онъ былъ сыномъ Ярополка Изяславича, слѣдовательно, двоюроднымъ братомъ Романа. Мы мало знаемъ о его судьбѣ до появленія его въ Дрогичинѣ. Онъ княжилъ прежде на Поросьи и стоялъ всегда на сторонѣ Мстислава Изяславича; послѣ взятія и разграбленія Кіева войсками Андрея Боголюбскаго, онъ напалъ на Половцевъ, отпущенныхъ домой великимъ княземъ Глѣбомъ, былъ разбитъ и затѣмъ осажденъ въ г. Михайловѣ Глѣбомъ и Ростиславичами; примирившись съ ними, онъ ушелъ въ Черниговъ. Послѣ смерти

¹⁾ Татищевъ г. III ст. 247.

брата Романа, Владимира ¹⁾, сидѣвшаго въ Берестѣи, которую лѣтописецъ помѣщаетъ подъ 1173 г. (хотя эта дата нѣсколько сомнительна) онъ получилъ Дрогичинъ и Берестѣе, гдѣ и женился на дочери Болеслава Кудряваго ²⁾.

Другое дѣйствующее лицо въ этомъ отрывкѣ—Владимиръ Володаревичъ Минскій. Онъ не упоминается ни разу въ лѣтописи, не помѣщенъ также въ списокъ князей, составленномъ Погодинымъ. Впрочемъ, его съ большой увѣренностью можно считать сыномъ минскаго князя Володаря Глѣбовича, упоминаемаго въ послѣдній разъ въ лѣтописи подъ 1167 г. ³⁾.

Отрывокъ этотъ бросаетъ яркій свѣтъ на какое то внутреннее движеніе въ Берестейской землѣ, направленное противъ волинскаго княжескаго рода; жители стремились, при помощи князя изъ другой линіи, добиться извѣстной самостоятельности. Василько получилъ Брестъ и Дрогичинъ и между тѣмъ онъ живетъ въ Дрогичинѣ, Брестъ же, очевидно, тянетъ къ Владимиру Минскому; Василько съ Мазовшанами и Поляками идетъ къ Бресту, о который, главнымъ образомъ, опирался Владимирко; и одержавъ побѣду, онъ, только съ помощью Поляковъ, успѣваетъ овладѣть упорно защищавшимся Брестомъ, „обаче бояся самъ тутъ быть“, уходитъ, оставивъ польскій гарнизонъ. Владимирко, взявъ городъ опять, не дѣлаетъ никакого вреда жителямъ, а избиваетъ только часть гарнизона.

На время подавленное возстаніе въ Берестейской землѣ прорывалось еще нѣсколько разъ. „И приде (Данилъ) ко граду Дорогичину и восходѣ внити во градъ, и вѣстьно бысть ему, яко „не видиши во градъ“; оному рекшу, яко „се былъ градъ нашъ и отецъ нашихъ“;— „вы же не изволисте внити в онъ“ и отъиде мысля си, иже Богъ послѣже отмъстье створи держателю града того“ ⁴⁾. Въ другой разъ, послѣ смерти Владимира Васильковича, роль Владимирка Минскаго

¹⁾ „В то же время представился башеть братъ ему мѣнший миръ въ Берестѣи“ Ип. лѣт. ст. 388. Другаго русскаго имени на „миръ“, кромя Владимиръ,—нѣтъ.

²⁾ См. Линниченко. „Вз. оти. Руси и Польши“. Глава о бракахъ. Въ отрывкѣ Лешко называется то братомъ жены Василька, то тестемъ; тестемъ Лешко, конечно, не могъ быть, такъ какъ въ это время ему было только 24 года. Онъ родился въ 1156 г. „Anastasia... Boleslai.... consors, filio edito, cui nomen Leszko datum est, morte absumpta est“ Dlug. V. 496.

³⁾ Ип. лѣт. ст. 361.

⁴⁾ Ип. лѣт. ст. 524.

сыгралъ, впрочемъ очень неудачно, Юрій Львовичъ ¹⁾; за эту послѣднюю крамолу Берестяне были обложены въ наказаніе новою податю „ловчимъ“ ²⁾. Кажется, вслѣдствіе того же враждебнаго отношенія къ своимъ князьямъ, страна эта такъ легко подчинилась Литовцамъ.

Не отвергая вѣрности общаго содержанія этого отрывка, мы должны указать на несообразность ея подробностей. Принимая безъ измѣненія фразу „принудилъ его, оставя Подляшіе область Василькову вытти къ Бресту, за рѣку Бугъ“, придется предположить, что Брестъ считался владѣніемъ Владимира Минскаго, что, конечно, не вѣрно и не подтверждается никакими другими фактами. Далѣе, такъ какъ Василько не имѣлъ возможности заплатить Лешку за помощь, то онъ „уступилъ ему по себѣ всё свое владѣніе, понеже онъ дѣтей не имѣлъ“. Василько не могъ завѣщать Лешку свой удѣлъ, такъ какъ Романъ, конечно, не позволилъ бы распоряжаться такимъ образомъ съ его отчиной; въ лѣтописи, за это время, нѣтъ ни малѣйшаго намека, что Подляхіей владѣлъ мазовецкій князь. Здѣсь лѣтописецъ или, можетъ быть, и самъ Татищевъ перепуталъ событія: въ первой четверти XIII в. Дрогичинъ, дѣйствительно, нѣкоторое время принадлежалъ князю мазовецкому. Наконецъ, еще двѣ болѣе мелкія ошибки: Лешко былъ не тестемъ Васильку, а зятемъ и затѣмъ Лешко умеръ бездѣтнымъ и его земля не по завоеванію, а по наслѣдству досталась Казимиру Справедливому.

Есть еще одно указаніе на существованіе Дрогичинскаго княжества у Кадлубка ³⁾. Неизвѣстный дрогичинскій князь возбуждалъ Подляшцевъ противъ Польши и Казимиръ, начавши войну съ Литвой, прежде всего напалъ на Дрогичинъ и взялъ его, а князь дрогичинскій призналъ себя вассаломъ Польши. Сколько истины во всемъ этомъ, сказать рѣшительно невозможно, такъ какъ это извѣстіе стоитъ совершенно особнякомъ; категорически отрицать можно только указаніе на вѣчное подданство Польши, которое не совмѣстимо съ послѣдующими фактами.— Во всякомъ случаѣ, ни первый отрывокъ,

¹⁾ Ип. лѣт. ст. 610 и сл.

²⁾ Ип. лѣт. ст. 613.

³⁾ М. Р. Н. t. I st. 421—2.

ни второй не могут еще служить доказательствами существованія отдѣльнаго Дрогичинскаго княжества.

Такимъ образомъ, на территоріи Волыни можно указать слѣдующія части, составлявшія особыя княжества, хотя, правда, они постоянно сознавали свою тѣсную племенную и территоріальную связь: кромѣ собственно Владимирскаго княжества, существовали еще Луцкое, Холмское, Бельзское, Червенское, Острожское, Ратненское, Степаньское, Городненское и Дубровицкое княжества (3 послѣднихъ образовались изъ остатковъ Пересопницкаго и Дорогобужскаго княжествъ) и наконецъ земля Брестейская или Подляхія. Сверхъ того, временно возникали еще болѣе мелкіе удѣлы, напр. одинъ г. Кременецъ, принадлежавшій въ 60-хъ годахъ XIV в. Юрію Наримунтовичу; Бужскъ и Межибожіе, принадлежавшіе въ 1146 году Святославу Всеволодовичу, а въ 1148 г. Ростиславу Юрьевичу; одно Межибожіе, принадлежавшее Ярославу Ингваревичу въ 1227 г.; ему же раньше составлялъ удѣлъ одинъ г. Перемиль и т. д.

Очень интересно было бы прослѣдить границы этихъ княжествъ между собою. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, именно тамъ, гдѣ граница какого нибудь княжества совпадаетъ съ этнографической границей Волынянъ, напр. сѣверная граница Луцкаго княжества и т. д., онѣ опредѣляются легко—по старой границѣ (племенной), но во всѣхъ остальныхъ случаяхъ размежевка эта въ высшей степени спутана и сбивчива.

При опредѣленіи границъ, мы будемъ указывать ихъ не для одного какого нибудь опредѣленнаго времени, но для цѣлаго разсматриваемаго періода. При этомъ, конечно, мы можемъ впасть въ анахронизмы, такъ напр., указывая мѣстность—пограничную въ XII в., мы принимаемъ ее (если только нѣтъ указаній на противоположное) за такую же и въ XIV в., хотя она, на самомъ дѣлѣ, можетъ и не стоять на границѣ, постепенно измѣнившейся съ теченіемъ времени ¹⁾. Для

¹⁾ Такъ напр. Бужскъ и Межибожіе въ XIV ст. были волынскими городами, какъ это подтверждается, по крайней мѣрѣ относительно послѣдняго актомъ 1366 г., между тѣмъ въ 1396 г. они уже считаются въ числѣ подольскихъ городовъ см. Cod. Vit. № CXV и Arch. Sang. № XIX.

избѣжанія, по возможности, такихъ ошибокъ, мы не будемъ проводить самыхъ граничныхъ линій, а опредѣлимъ ихъ приблизительно, перечисливъ всѣ города, которые заключались внутри ихъ. При этомъ мы избѣгаемъ и повтореній, которыя необходимо должны были бы явиться во всякомъ другомъ случаѣ. Главнымъ источникомъ нашимъ остается, конечно, лѣтопись (особенно Галицко-Волынская), но кое-какія указанія, особенно важныя при опредѣленіи территоріальныхъ границъ, мы возьмемъ изъ актовъ и грамотъ. Указанія иностранцевъ по части исторической географіи не имѣютъ никакой почти цѣны; только „Sarmatiae Europaeae descriptio“ Guaguini имѣетъ нѣкоторое значеніе, да и то преимущественно только для топографіи городовъ.—Обыкновенно, при опредѣленіи какой либо мѣстности, сперва намѣчаютъ ея положеніе приблизительно, по сравненію съ другими уже извѣстными мѣстностями и затѣмъ уже подыскиваютъ мѣстности одноименныя или съ именами, происходящими отъ одного корня съ именемъ искомаго пункта; но при этомъ часто на данной территоріи оказываются цѣлые десятки такихъ названій и, конечно, въ такихъ случаяхъ эта мѣстность остается также мало опредѣленной, какъ еслибы здѣсь ни одного такого названія не было. Въ подобныхъ случаяхъ много помогаютъ, а иногда даже и рѣшаютъ вопросъ—остатки древнихъ укрѣпленій отыскиваемыхъ поселеній—городища.

Городища, по ихъ формѣ, опредѣляющей время ихъ возникновенія, можно раздѣлить на нѣсколько группъ. Древнѣйшія—круглой или эллиптической формы, съ двумя противоположными выходами, обыкновенно на сѣверъ и югъ; снаружи, на равномъ разстояніи отъ обоихъ выходовъ насыпано по сторожевому кургану; это — городища до-христіанской эпохи. Въ княжескій періодъ, укрѣпленія городовъ располагались иначе: дѣтинець занималъ крутой выступъ на горнаго берега въ рѣку; съ трехъ сторонъ его, обыкновенно, окружала рѣка или рѣва и ея притокъ, съ четвертой шли глубокіе рвы и высокіе валы, отрѣзывавшіе доступъ со стороны суши, кромѣ того по склону горы устраивалось еще нѣсколько концентрическихъ рвовъ и валовъ. Однимъ изъ лучшихъ примѣровъ городищъ такого рода можетъ служить Вышгородъ. Но подобныя типическія городища встрѣчаются рѣдко; дѣло въ томъ, что, съ улучшеніемъ техники и въ особенности съ появленіемъ огнестрѣльнаго оружія, подобныя укрѣпленія оказались недостигающими своей цѣли и были замѣнены новыми.

Вообще, городища, относящіяся къ до-огнестрѣльному періоду, расположены не по плану, а примѣнительно къ мѣстности, слѣдую всеѣмъ изгибамъ возвышенности, на которой они стоятъ, между тѣмъ въ послѣдующее время они принимаютъ точныя геометрическія формы— сперва прямоугольника или какой нибудь другой менѣе правильной фигуры, а съ половины XVII вѣка, послѣ реформы Вобана,—форму прямоугольника съ бастіонами или форму звѣзды. При опредѣленіи эпохи, къ которой относится данное городище, форма представляетъ единственный достовѣрный признакъ. Безспорно, могутъ быть и городища княжеской, напр., эпохи въ формѣ прямоугольника, но только тогда, если характеръ мѣстности требуетъ этого; это, конечно, исключительные случаи, которыхъ въ расчетъ принимать нельзя.

Г. Багалъй не признаетъ значенія формы при опредѣленіи древности городища; онъ не согласенъ съ тѣмъ, что городища съ неправильными извилистыми линіями относятся къ времени до изобрѣтенія огнестрѣльнаго оружія, а—съ правильными угловатыми—къ болѣе позднимъ временамъ. Онъ указываетъ нѣсколько случаевъ, которые по его мнѣнію опровергаютъ эту теорію, предложенную г. Самоквасовымъ. „Городокъ, въ Ярославской волости, въ самомъ селѣ Ярославцѣ, на берегу озера Бычка, на мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ приходской храмъ. Это—круглая плоскость на возвышенномъ холмѣ, обведенная валомъ и глубокимъ рвомъ. Когда въ 1841 г. разрывали насыпь вокругъ церковной ограды и ровняли площадь для сада, то найдены были три ядра величиною съ большое яблоко; одно изъ нихъ было или казалось въ родѣ стеклянаго“. По своему круглому очертанію, прибавляетъ г. Багалъй, этотъ городокъ долженъ быть причисленъ къ до-татарскимъ, а найденные тамъ ядра указываютъ на его позднѣйшее происхожденіе“ ¹⁾. Почему бы не объяснить появленіе здѣсь ядеръ какимъ нибудь сраженіемъ происходившимъ вблизи? Это во всякомъ случаѣ гораздо проще и вѣроятнѣе. Далѣе г. Багалъй указываетъ другой примѣръ. „Городецъ въ Воробейнской волости (Мгл. уѣзд.); въ 200 саж. на западѣ отъ села Воробейни находится возвышенная въ видѣ укрѣпленія насыпь, въ простонародіи называемая „городецъ“. Величина площади насыпи имѣетъ около десятины,

¹⁾ Исторія Сѣв. земли. ст. 60. Самоквасовъ. Древніе города Россіи. приб. къ ст. 6.

видъ имѣеть шарообразный, съ западной и съ южной стороны примыкаетъ къ берегу рѣчки Теремушки, а съ восточной и съ сѣверной стороны отрѣзана отъ косогора канавою или рвомъ, имѣющимъ до 4-хъ сажень ширины и до 3-хъ сажень глубины, высота насыпи со всѣхъ сторонъ около 4-хъ сажень; по канавѣ или рву растутъ въковыя деревья; поверхность площади насыпи — ровная, къ краямъ покатаѣ, имѣеть длину и ширину до пятидесяти сажень; входъ или въѣздъ на насыпь, какъ замѣтно, былъ на сѣверо-западной сторонѣ. Въ 1866 г., при паханіи этой насыпи, сдѣлался провалъ въ глубину до полутора сажень, въ которомъ найдены мѣстнымъ священникомъ Іоаномъ Нѣмцовымъ заржавѣлыя ядра, величиною съ гусиное яйцо, свинець и ящикъ, который былъ съ порохомъ, побѣлѣвшимъ отъ времени. Въ настоящее время провалъ тотъ засыпанъ землею. Преданій о немъ въ народѣ нѣтъ никакихъ“. Опять—городецъ, прибавляетъ г. Багалѣй, который, по своему круглому очертанію, можетъ быть отнесенъ къ до татарской эпохѣ, а на самомъ дѣлѣ позднѣйшаго происхожденія“¹⁾. И опять это объясняется также просто: здѣсь стояли когда то войска и вырыли себѣ погребъ для склада военныхъ припасовъ, который съ теченіемъ времени разрушился.—„Съ другой стороны, продолжаетъ дальше г. Багалѣй, мы имѣемъ и обратные примѣры: городище имѣеть правильныя угловатыя очертанія, а между тѣмъ мы должны отнести его къ до-татарской эпохѣ. „Городецъ въ Старопочепѣ, на берегу р. Косты. Это—возвышенная, круто и ровно со всѣхъ сторонъ обрѣзанная площадь; въ длинѣ ея съ запада на востокъ 43 сажени, а въ ширину 16 саж. Съ южной и сѣверной стороны городца поселенія жителей отдѣляются глубокими провальями; по восточной сторонѣ, при подошвѣ горы протекаетъ р. Коста, съ берегомъ болотистымъ и поросшимъ деревьями. На западной сторонѣ городъ узкимъ перешейкомъ соединяется съ горой; на этомъ перешейкѣ стоятъ храмы—старый обветшалый и новый на каменномъ фундаментѣ, тотъ и другой во имя св. Николая“²⁾. Этотъ послѣдній примѣръ рѣшительно ничего не доказываетъ. Городище ясно и безошибочно относится къ княжескому періоду, такъ какъ правильная форма его—слѣдствіе физическаго строенія почвы.

1) Багалѣй ст. 60—1. Самоквасовъ. приб. къ ст. 14.

2) Багалѣй ст. 61. Самоквасовъ. приб. къ ст. 15.

Ясно, что предметы, находимые въ городищахъ, могутъ имѣть значеніе только тогда, если они указываютъ не на болѣе позднее, а на болѣе раннее происхожденіе городища, напр., если въ городищѣ съ правильными формами будутъ найдены какія нибудь вещи безспорно княжескаго времени, то конечно, ясно будетъ, что древнее городище княжеской эпохи было потомъ передѣлано и приняло правильную форму. Точно также часто случаются ошибки вслѣдствіе плохого состоянія городища: часть его можетъ быть разрушена рѣкой, запашкой или наконецъ постройками, такъ что иногда приходится судить о цѣломъ по незначительнымъ уцѣлѣвшимъ остаткамъ.

Къ сожалѣнію о городищахъ въ особенности Галиціи, Гродненской и Люблинской губ. мы имѣемъ весьма неполныя и неточныя свѣдѣнія. Болѣе разработана въ этомъ отношеніи Волынская губ.: кромѣ отдѣльныхъ указаній въ различныхъ сочиненіяхъ, напр. у Стецака „Wołyń etc.“ и др., мы имѣли подъ руками извлеченія изъ донесеній волостныхъ правленій въ губернской волынской статистической комитетъ. Свѣдѣнія эти довольно полны, хотя страдаютъ неясностью и неопредѣленностью; часто указывается только на существованіе въ данной мѣстности городища, но не описывается ни его форма, ни размѣры, ни мѣстоположеніе ¹⁾.

Всѣ вышеуказанныя части Волыни могутъ быть, съ нѣкоторой точностью, разграничены только на основаніи данныхъ второй половины XIV вѣка. Кромѣ лѣтописи, въ этомъ случаѣ очень важны для насъ раздѣльные акты между Казимиромъ Великимъ и литовскими князьями. Такъ, актъ 1366 г. перечисляетъ всѣ главнѣйшіе города, входившіе въ составъ Владимирскаго княжества и, такимъ образомъ, указываетъ приблизительно границу этаго княжества. Города эти, кромѣ Владимира, были: Городло, Любомль, Турійскъ, Ратно, Кошеръ, Влучимъ, Ветлы, Лбьяжъ, Черный городокъ, Камень и Мельница. Такимъ образомъ Владимирское княжество занимало территорию нынѣшнихъ уѣздовъ Владимирскаго и Ковельскаго.

Важнѣйшимъ городомъ въ княжествѣ была столица всей Волыни *Владимиръ*, основанный Владимиромъ Святымъ въ 80-хъ годахъ

---

¹⁾ Тѣже донесенія легли въ основаніе статьи Л. Баторевича: „Историческое значеніе городищъ и свѣдѣнія о городищахъ и курганахъ, существующихъ въ Волынской губерніи“. Вол. губ. вѣд. 1880 г. № 93, 1881 № 27—29.

Х вѣка. Расположенъ онъ при впаденіи р. Смочи въ р. Лугъ. Городъ былъ хорошо укрѣпленъ толстыми деревянными стѣнами, валами и глубокими рвами ¹⁾. Укрѣпленія были настолько громадны, что при погромѣ Бурундая, Василько принужденъ былъ сжечь его деревянные стѣны, „зане немощно бысть розметати вборзѣ его величествомъ“ ²⁾. Но и послѣ уничтоженія стѣнъ, валы и рвы представляли еще такую солидную силу, что Бурундай потребовалъ и ихъ разрушенія. Внутренній городъ, въ которомъ находился и княжескій теремъ, былъ тоже обнесень стѣной и валомъ и, кромѣ того, его окружала еще Смочь. Городъ раскидывался на огромномъ пространствѣ. О прежней его обширности можно судить по тому, что с. Зимно, находящееся нынѣ въ 5 верстахъ отъ города, было прежде предмѣстьемъ Владимира, о чемъ упоминается въ инвентарѣ зимнинской церкви; точно также предмѣстьемъ Владимира было и с. Когильно, находящееся теперь въ 7 верстахъ отъ города, какъ это видно изъ эрекціонной въ пользу Михайловской церкви надписи, сдѣланной бывшимъ вотчинникомъ села, Исидоромъ Колленскимъ, собственноручно на Евангеліи, писанномъ въ 1508 г. ³⁾. Древнѣйшая церковь, выстроенная, по преданію, Владимиромъ св., находится теперь за версту отъ города, въ дер. Федоровцы, а естественно, что главная церковь въ городѣ должна была находиться въ его центрѣ.—Въ городѣ было нѣсколько воротъ, изъ которыхъ мы знаемъ только двое: Гридшины и Кіевскія на берегу Луга ⁴⁾; послѣдніе находились, конечно, на восточной сторонѣ города, обращенной къ Кіеву.

Въ городѣ еще до сихъ поръ сохранилась древнѣйшая церковь во имя св. Василія, основаніе которой приписывается Владимиру Святому; лѣтопись о ней, впрочемъ, не упоминаетъ. — Владимиръ же основалъ и кафедральный соборъ Успенія св. Богородицы, совершенно обновленный и перестроенный въ византійскомъ стилѣ Мстиславомъ Изяславичемъ ⁵⁾. Развалины его, существующія и понынѣ, сохраняютъ еще слѣды былого великолѣпія этого храма, за дверями кото-

¹⁾ Dlugosz IX p. 1150. Guagnini. p. 59/1.

²⁾ Ип. лѣт. 562 ст.

³⁾ Памятники старины въ западныхъ губерніяхъ имперіи вып. I ст. 7.

⁴⁾ Ип. лѣт. ст. 334.

⁵⁾ Ип. лѣт. 108 ст., подъ 1039 г.

раго нѣкогда укрылось и спаслось множество горожанъ ¹⁾. Кромѣ того, въ лѣтописи упоминаются еще: церковь св. Димитрія, распи-санная при Владимирѣ Васильковичѣ, церковь св. Николая Мирли-кійскаго, существовавшая еще въ XVI в. ²⁾ и монастырь св. Михаила Великаго, въ которомъ былъ убитъ и погребенъ Войшелкъ ³⁾. Конечно, это далеко не всѣ существовавшія здѣсь церкви. Кромѣ право-славныхъ церквей, во Владимирѣ былъ еще и католическій каедральный костелъ во имя св. Богородицы: во Владимирѣ жило много католиковъ ⁴⁾; Нѣмцы даже играютъ здѣсь извѣстную политическую роль, такъ Мстиславъ Даниловичъ, получивъ отъ Владимира Васильковича Волынь, приказываетъ читать грамоту объ этомъ при боярахъ владимирскихъ, мѣстичахъ русскихъ и Нѣмцахъ ⁵⁾. Въ 1364 г. Казимиръ Великій основалъ здѣсь католическую епископскую каедрю, но до 1375 года она оставалась только на бумагѣ, такъ какъ и власть Польши надъ западною частью Волыни была чисто номинальная. Пер-вымъ епископомъ былъ здѣсь Исидоръ (1375—80), а затѣмъ Rugian (ум. ок. 1400 г.). Въ 1427 г., она была перенесена Витовтомъ въ его любимый городъ Луцкъ. Изъ частныхъ зданій, лѣтопись говоритъ о домѣ какого то Вакѣя, куда былъ привезенъ ослѣпленный Василько Ростиславичъ ⁶⁾.

Въ южномъ предмѣстїи Владимира, нынѣшнемъ селѣ Зимнѣ на-ходился княжескій загородный дворъ и при немъ древняя каменная Успенская церковь; построение которой приписывается Владимиру Святому; ниже ея расположена другая, по архитектурѣ ей современ-ная церковь, такъ наз. Малая Зимнинская церковь ⁷⁾. Здѣсь же, по направленію къ с. Шистову, находится треугольное городище, въ 400

¹⁾ Ип. лѣт. 482 ст. Онъ служилъ также княжеской усыпальницей; здѣсь были по-хоронены: Василько Романовичъ въ 1271 г. (Ип. 574), его жена Елена—въ 1265 г. (Ип. 570) и Владимиръ Васильковичъ—въ 1289 г. (Ип. 604).

²⁾ Ип. лѣт. 608 ст.—„Данилови же молящуся (во Владимирѣ) Богу и святому ар-херею Николѣ“. Ип. лѣт. ст. 516.

³⁾ Ип. лѣт. ст. 573.

⁴⁾ Ип. лѣт. ст. 605.

⁵⁾ Ип. лѣт. ст. 596.

⁶⁾ Ип. лѣт. ст. 171.

⁷⁾ Иловайскій т. II ст. 23. Памятники старины въ Зап. губ. вып. I.

саж. въ окружности, расположенное на берегу Луга ¹⁾, очевидно,—остатокъ древнихъ передовыхъ фортовъ Владимира.

Изъ другихъ предмѣстій Владимира намъ извѣстны—*Житань* и *Пятидно*, въ которыхъ, во время разгрома Волыни Бурундаемъ, онъ останавливался ночевать ²⁾. Гдѣ именно находится Житань, мы не могли опредѣлить, а Пятидно можно отождествить съ нынѣшнимъ с. Пятидни на Лугѣ ³⁾.

Къ югу отъ Владимира, на Лугѣ, недалеко отъ с. Зимна лежали *Хвалимичи* ⁴⁾ (д. Фалимичи). Къ юго-востоку отъ Хвалимичей находилось с. *Бужковичи* и около него, упоминаемое при описаніи маршрута Телебуги на Поляковъ ⁵⁾, *Бужковское поле*, нынѣ это село Бушковичи на правомъ притокѣ Луга (южнѣе, около Горохова—с. Божовъ). Еще далѣе къ югу, на притокѣ Луга, расположены лѣтописныя *Свинуси*—нын. д. Свинюхи ⁶⁾. Наконецъ, гдѣ то въ окрестностяхъ Владимира находился городъ *Всеволожь*, разграбленный въ 1097 г. Володаремъ и Василькомъ Ростиславичами ⁷⁾, а въ 1287 г. отданный кн. Мстиславомъ какимъ то боярамъ ⁸⁾.

У устья Луга лежалъ городъ, а нынѣ мѣстечко *Устимугъ* ⁹⁾, входившій въ составъ линіи укрѣпленій, окаймлявшихъ берега Зап. Буга. Здѣсь и теперь существуетъ городище 4-угольной формы; оно расположено на высокомъ берегу Буга, окружено валами и имѣетъ вѣздъ съ NE ¹⁰⁾.

¹⁾ Донесеніе Зарѣчанской вол.

²⁾ Ип. лѣт. 562 и особенно 588 ст.

³⁾ На одной изъ могилъ, разбросанныхъ на поляхъ д. Рыловицы, въ верстѣ отъ Владимира, находится древній голый камень. Здѣсь мѣстное преданіе указываетъ церковь св. Юрія, въ которой было погребено тѣло князя Андрея, погибшаго въ битвѣ съ Гедиминою. Stecki, Lusk. 21 прим.

⁴⁾ Ип. лѣт. ст. 334.

⁵⁾ Ип. лѣт. 588 ст. Здѣсь же невдалекѣ находится Загоровскій Св.-Рождественскій монастырь, упоминаемый въ житіи св. Феодосія подъ 1071 г. См. Холмская Русь ст. 324.

⁶⁾ Ип. лѣт. ст. 334.

⁷⁾ Ип. лѣт. ст. 125.

⁸⁾ Ип. лѣт. ст. 592. Сравни Шараневичъ. Исторія Гал. Вол. кн. ст. 220. Если это одинъ и тотъ же Всеволожь, то онъ долженъ находиться на лѣвомъ берегу Буга.—Воложки Ковельскаго уѣзда (Погодинъ. Изсл. зам. и лекціи т. IV, ст. 158) рѣшительно негодятся.

⁹⁾ Ип. лѣт. ст. 283.

¹⁰⁾ Городище—незначительныхъ размѣровъ: 36—23 саж. Дон. Хотячевской волости.

Немного южнѣ Устилуга, по теченію же Буга, находятся остатки древней столицы Волини, города *Волиня или Вельня* ¹⁾; на мѣстѣ его, на правомъ берегу Буга, противъ устья р. Гучвы и теперь сохранился обширный валь съ особымъ городкомъ „Словенскимъ“ и множествомъ могилъ внутри его ²⁾.

Гораздо больше населенныхъ пунктъ извѣстно намъ къ сѣверу отъ Владимира.

Ближе другихъ къ Владимиру находится г. *Турійскъ* ³⁾, извѣстный еще со времени борьбы, происшедшей послѣ ослѣпленія Василька Романовича. Нынѣ это—мѣстечко Ковельскаго уѣзда, на Туріи; не вдалькѣ отъ Турійска, между нимъ и м. Дубенкой, находится с. Ставки съ церковью св. Евстафія. Есть мнѣніе ⁴⁾, что эта церковь стоитъ на мѣстѣ любимаго монастыря кн. Владимира Васильковича во имя свв. Апостоловъ, который онъ украсилъ и потомъ завѣщаль своей женѣ ⁵⁾.

Къ сѣверо-западу отъ Турійска, на верховьяхъ р. Выжвы находится любимый когда то городъ Владимира Васильковича—*Любомль* ⁶⁾. Князь этотъ былъ страстный охотникъ и этой страсти обязанъ своимъ существованіемъ Любомль. Владимиръ выстроилъ здѣсь свой дворецъ и около него каменную церковь во имя св. Георгія, украсилъ её, расписалъ, снабдилъ утварью, книгами и пр. ⁷⁾. Здѣсь же онъ и умеръ. Послѣ его смерти городокъ этотъ заглохъ.

Далѣе, по теченію р. Выжвы стоитъ мѣст. Выжва—лѣтописный, какъ думаютъ ⁸⁾, *Вьлошевъ*, жители котораго, вмѣстѣ съ Берестьянами и Пинянами, охраняли однажды Владимиръ отъ Давида Игоревича ⁹⁾. Сколько истины въ этомъ сближеніи, основанномъ только на созвучіи, и то еще отдаленномъ, именъ Выгошевъ и Выжва, сказать трудно.

¹⁾ Ип. лѣт. ст. 100 и 140.

²⁾ Ходаковский. Русскій истор. сборникъ. Карамзинъ т. III пр. 79. Длуг. I р. 13.

³⁾ Ип. лѣт. 175, 483 и 544 ст.

⁴⁾ См. статью А. Перлштейна „Древнѣйшій монастырь въ селѣ Ставакахъ, близъ Турійска“ Вол. губ. вѣд. 1854 г. № 5.

⁵⁾ Ип. лѣт. 595 и 669 ст.

⁶⁾ Ип. лѣт. 592 и 596—8 ст.

⁷⁾ Ип. лѣт. 608—9 ст.

⁸⁾ Погодинъ. Изсл. зам. и лекціи т. IV ст. 162. Соловьевъ т. II пр. 130.

⁹⁾ Лавр. лѣт. 261 ст.

На притока р. Стохода, Мельницѣ лежитъ г. *Мельница* ¹⁾, нынѣ мѣстечко Ковельскаго уѣзда. Городъ этотъ имѣлъ довольно значительныя размѣры, его городище правильной круглой формы достигало до полуверсты въ діаметрѣ ²⁾. Вблизи Мельницы находилось селеніе или, можетъ быть, и городъ *Лековня или Лековно*, окрестности котораго однажды были пограблены Литовцами ³⁾.

Въ 50 вертахъ къ Н отъ Ковеля расположено мѣстечко Камень Каширскій—лѣтописный городъ *Каменецъ* или какъ онъ позже назывался Кошеръ, составлявшій одно время единственное убѣжище знаменитыхъ братьевъ Романовичей ⁴⁾.

Еще сѣвернѣе на Припяти находится г. *Ратно*, въ самомъ концѣ XIV в. выдѣлившійся въ особое маленькое княжество ⁵⁾. Въ лѣтописи онъ не встрѣчается точно также какъ и гг. *Ветлы*, *Льбязь*, *Влучимъ* и *Черный городокъ*. Всѣ они извѣстны только изъ акта 1366 года ⁶⁾ и позднѣйшихъ. Ветлы—теперь убогая деревенька на берегу Припяти, недалеко отъ границы съ Минской губ. На ея прежнее значеніе указываетъ древнее городище довольно значительныхъ размѣровъ ⁷⁾. Льбязь—теперь д. Любядзь, при озерѣ того же имени въ Пинскомъ уѣздѣ. Влучимъ ⁸⁾, позднѣе Овлучимъ или Овлучинъ—село къ NNW отъ Владимира, въ Владимирскомъ уѣздѣ. Что касается Чернаго городка или Чернечь-городка, о которомъ говорить только одинъ актъ 1366 года, то опредѣлить его положеніе мы не могли,

¹⁾ Ип. лѣт. 530 и 566 ст.

²⁾ Донесеніе Мельницкой волости.

³⁾ Ип. лѣт. 530 ст. Существуетъ урочище Лековня вблизи Мельницы. Можетъ быть также, это—нынѣшняя деревня Луково на Стыри.

⁴⁾ Ип. лѣт. ст. 487 и др. Въ 5 в. отъ него, въ д. Езюркѣ находится громадное городище круглой формы, 420 саж. въ окружности; окружено съ W--озеромъ, а съ N, S и E--валомъ и 2-мя рвами. (Донес. Кам. Каширской вол.).

⁵⁾ См. Зубрицкій. Крит. ист. повѣсть ст. 290 пр. 177 и Шараневичъ Гал. Вол. Руси ст. 373. Baliński и Lipiński t. II st. 768 совершенно вѣрно опредѣлили его. Кн. Fedaric de Rathin (1375) Cod. Vit. № СІХ р. 35. Въ 1433 г. оно принадлежало кн. Сангушкѣ. Arch. Sang. № XXXIII; также и Ветлы № XXXIX р. 38—9.

⁶⁾ Daniłowicz. Scarbiec № 432.

⁷⁾ Дон. Велико-глушской вол.

⁸⁾ См. люстрацію замка Владимирскаго 1552 года. Были князья Овлучимскіе. Stadnicki называетъ его—Wołczyn. Syn. Ged. I st. 50.

хотя, съ большой вѣроятностью, его можно помѣстить гдѣ нибудь въ Ковельскомъ уѣздѣ ¹⁾.

Наконецъ, остается указать еще одинъ городъ, находившійся во Владимирскомъ княжествѣ,—г. *Небль*, нынѣшній Нобель, при озерѣ того же имени, въ Пинскомъ уѣздѣ, который, по смыслу лѣтописнаго извѣстія, лежалъ на самой границѣ съ Турово-Пинскими землями ²⁾.

Въ сторонѣ и отъ Владимирскаго, и отъ Луцкаго княжествъ ³⁾, въ XIV в. сталъ городъ *Кременецъ*, нын. уѣздн. городъ. Въ половинѣ этого столѣтія, во время борьбы между Казимиромъ Великимъ и Любартомъ, онъ составилъ владѣніе Юрія Наримунтовича. Этотъ удѣлъ устроенъ былъ въ видахъ политическаго равновѣсія, такъ какъ владѣніе Кременцемъ, безспорно сильнѣйшей крѣпостью на Волыни, давало значительный перевѣсъ той изъ борющихся сторонъ, которой онъ принадлежалъ. Удѣлъ этотъ постоянно переходилъ изъ рукъ въ руки: въ 1380 годахъ онъ принадлежалъ Федору Любартовичу, послѣ того какъ тотъ лишился Луцкаго княжества, доставшгоса Витовту и наконецъ, конецъ разсматриваемаго нами періода застаеть его въ рукахъ Скиргайла ⁴⁾. Кажется, территории, тянувшей къ нему, кромѣ собственно городскихъ земель, не было и онъ имѣлъ значеніе только, какъ точка опоры, пунктъ, владѣніе которымъ обезпечивало владѣльцу господство надъ окружающею страной.

Кременецъ живописно раскинулся на оврагахъ и лощинахъ, окруженныхъ отрогами Татровъ, достигающими здѣсь наибольшей своей высоты и господствующими надъ всей окрестной страной. Уже по самой природѣ мѣстности, Волынской Швейцаріи, какъ еѣ называютъ, городъ не можетъ представлять сплошной массы, а состоитъ только изъ одной улицы съ разбросанными по сторонамъ, безъ всякаго порядка, домиками. На горѣ, господствующей надъ городомъ, и теперь еще сохранились остатки нѣкогда сильнѣйшей крѣпости на

¹⁾ Шараневичъ,—въ картѣ, приложенной къ „Ист. Гал. Вол. Руси“, помѣщаетъ его въ Подольской губ. на Юж. Бугѣ, что не оправдывается актомъ 1366 года (см. также Arch. Sang. № I). Кромѣ того теперь тамъ находится не Черный городъ, а Черный Островъ. О Городѣ см. ниже.

²⁾ Ип. лѣт. ст. 556.

³⁾ Кременецъ не встрѣчается ни въ одномъ спискѣ гг. Луцкаго и Владимирскаго княжествъ.

⁴⁾ Cod. Vit. XCVIII p. 31.

Волини, которую не могъ взять даже Батый съ его безчисленными полчищами. Въ этихъ развалинахъ нѣтъ, конечно, и слѣда древнихъ княжескихъ укрѣпленій, много разъ разрушенныхъ и опять возстановленныхъ въ продолженіе одного только XIV вѣка. Крѣпость соединялась съ городомъ посредствомъ узкой насыпи и мостовъ ¹⁾ Укрѣпленія были деревянные, иначе ихъ трудно было бы уничтожить такъ быстро, какъ это сдѣлалъ Василько при погромѣ Буравдая, а съ другой стороны еще въ XVI в. онъ представлялъ „*civitas ampla lignea, castrum quoque ligneum, argila circumlinitum habet*“ ²⁾.

На самой границѣ съ галицкими землями находилась другая сильная крѣпость—*Олеско*, нын. м. Олеско въ Галиціи, на верховьяхъ Стыри. Олеско тоже не стоитъ ни въ одномъ спискѣ владимирскихъ и луцкихъ городовъ, что едва ли было возможно, если бы онъ входилъ въ составъ какого либо изъ этихъ княжествъ. Въ лѣтописи Олеско не встрѣчается, впервые онъ появляется въ XIV ст. и сразу занимаетъ выдающееся мѣсто, какъ передовая крѣпость съ галицкой стороны. Вообще онъ раздѣляетъ участь Кременца: вмѣстѣ они попадаютъ въ руки Поляковъ, вмѣстѣ же и переходятъ опять къ Любарту и Волини.

Вся остальная часть собственной исконной Волини, а впоследствии, послѣ присоединенія Погорины, и юго-восточная часть этой послѣдней, тянула къ Луцку. По акту 1366 года, въ составъ Луцкаго княжества входили слѣдующіе города: Стожекъ, Даниловъ, Закамень, Шумскъ, Острогъ, Полонный и Межибожіе ³⁾. Затѣмъ, сюда же относился городъ Дубно и нѣкоторые другіе, о которыхъ мы знаемъ изъ лѣтописи ⁴⁾. Впоследствии, однако, значительная часть этой территории выдѣлилась и сгруппировалась около Острога, объединившаго вокругъ себя почти всю юго-восточную часть бывшей Погорины. Ягайло въ 1386 г. подтвердилъ Ѳедору Даниловичу владѣніе Острогомъ, и при-

¹⁾ См. иллюстрацію 1542 г. Val. i Lip.

²⁾ Guagnini p. 59/1. О Кременцѣ см. „Кременецъ, уѣздный городъ Волинской губ.“ Вол. Губ. вѣд. 1868 г. № 98—101.

³⁾ Daniłowicz. Scarbiec № 432, st. 210.

⁴⁾ Ип. лѣт. 596 ст. и др.

лежащими уѣздами: Корцомъ, Заславомъ, Хлапотинимъ, Ивановимъ, Хрестовичемъ, Краснымъ и Крупой ¹⁾).

Столица восточной половины Волыни и соперникъ Владимира, *Луцкъ* ²⁾ расположенъ на возвышенности, при слияніи Стыри съ ея маленькимъ притокомъ Глушцемъ. Въ этомъ мѣстѣ Стырь, направлявшаяся все время прямо къ сѣверу, дѣлаеть внезапный поворотъ къ юго-западу и образуетъ крутую луку, охватывающую городъ съ трехъ сторонъ, оставляя его открытымъ только съ востока, гдѣ къ нему прилегаютъ предмѣстья: Хмѣльникъ, Вулька, Яровичы и Юрисдика. Въ прежнее время размѣры города были гораздо значительнѣе. Есть мѣстное преданіе, что окружающія деревни: Гнидава, Красная, Черчицы, Дворецъ, Княгининскъ, Жидичинъ, Киверцы и Забороль были тоже нѣкогда предмѣстьями города. Относительно первыхъ четырехъ, это можетъ быть принято съ большою вѣроятностью, прочіе же слишкомъ удалены отъ города, особенно Жидичинъ и Киверцы, такъ что едвали они могли быть предмѣстьями, а скорѣе развѣ подгородными деревнями. Извѣстно также, что дд. Гнидава и Красная были соединены съ городомъ мостами и греблями, а черчицкая церковь и теперь считается за городскую. Мостъ, который упоминается, между прочимъ, и при осадѣ Луцка въ 1431 г., соединялъ городъ съ Гнидавой.

Весь городъ съ предмѣстьями, за исключеніемъ Яровичей, былъ укрѣпленъ валами съ деревянными палисадами и рвами. Въ палисадахъ были продѣланы укрѣпленные ворота; въ актахъ упоминаются Заглушецкіе ворота,—за Глушцомъ, ведущіе къ Хмѣльнику и противоположные имъ, которыми обыкновенно въѣзжали въ городъ. Въ предмѣстьяхъ тоже было двое воротъ: на Юрисдикѣ, въ концѣ улицы, ведущей къ еврейскому кварталу, и Владычине — въ валахъ, при выѣздѣ изъ Хмѣльника. Юго-восточная не защищенная рѣкой часть города была укрѣплена двумя замками: верхнимъ и нижнимъ или „окольнымъ“ ³⁾. Верхній замокъ стоялъ на возвышенномъ холмѣ,

¹⁾ Arch. Sang. № VI p. 6.

²⁾ Описаніе это составлено преимущественно по Steck'ому „Luck“. Многія подробности относятся къ болѣе позднему времени, но ихъ отграничить очень трудно. См. также Батюшкова. „Памятники старины въ западныхъ губерніяхъ имперіи“. вып. II.

³⁾ Luczko—civitas provincialis lignea, sede episcopali Ruthenorum et Romanae oboedientiae clara, arces muratas duas in colle eminenti habet. Guagnini p. 59/1.

вдавшемся въ рѣку, которая окружала его съ трехъ сторонъ; съ четвертой же онъ отдѣлялся отъ нижняго замка и города глубокимъ каналомъ съ шлюзами, который, такимъ образомъ, можно было въ случаѣ необходимости наполнить водой. Стѣны нижняго замка касались береговъ Стыря и Глушца съ одной стороны, а съ другой, юго-западной, примыкали къ верхнему замку. Оба замка начаты были Любартомъ. Въ люстраціи 1555 года говорится: „Люстраторамъ было указано, что самый первый началъ строить оба замка—князь Любартъ, а по немъ кончилъ кн. Свидригайло“ 1).

По актамъ, хотя и болѣе поздняго времени, можно составить довольно полное представленіе о размѣщеніи населенія. Луцкъ, въ концѣ разсматриваемаго періода, высоко поднялся и занялъ первое мѣсто на Волыни по своей торговлѣ. Купцы наѣзжали изъ всѣхъ окрестныхъ странъ, а нѣкоторые даже совсѣмъ селились здѣсь; такимъ образомъ появились цѣлые кварталы, населенные Нѣмцами, Поляками и т. д. Собственно въ городѣ, между замками и мостомъ жили христіане: Русскіе, Поляки, Нѣмцы и Литовцы, кромѣ того здѣсь же жили и христіане армяно-грегоріанскаго исповѣданія. Евреи селились по направленію къ с. Жидичину, которое, вѣроятно, отъ нихъ получило свое наименованіе. Позже при Сигизмундѣ I появились въ Луцкѣ и Караимы, поселившіеся въ нын. д. Омельяникахъ 2). У каждаго изъ этихъ разновѣрныхъ народовъ были свои церкви и молитвенные дома.

Изъ лѣтописи, захватившей только первую половину исторіи Луцка, когда онъ былъ еще въ періодѣ развитія, мы знаемъ только объ одной церкви св. Θεодора, которая была княжеской церковью и родовой усыпальницей княжескаго дома 3). Въ XIII вѣкѣ здѣсь была основана епископія, которая упоминается въ первый разъ, уже какъ существующая, въ 1288 г. 4). Г. Голубинскій говоритъ въ своей „Исторіи Русской церкви“ 5). „Послѣ соединенія Волыни съ Гали-

1) Stecki. Luck st. 120—1.

2) Плоцанскій. Жиды—Караимы. Лит. сб. Гал.-рус. мат. 1870 г. ст. 112 и сл.

3) Ип. лѣт. ст. 464. „Преставился князь Изяславъ Ярославичъ Меньшій... и положиша тѣло его во святѣмъ Θεодорѣ близъ отня гроба“.

4) Ип. лѣт. ст. 609.

5) Т. I ст. 579.

ціей Романомъ Мстиславичемъ, первая составила въ послѣдней частнѣйшей удѣль, и послѣ смерти Романа, въ продолженіи 60 лѣтъ, имѣла своимъ княземъ его младшаго сына Василька, одновременно съ тѣмъ, какъ на Галицкомъ столѣ сидѣлъ старшій сынъ Даниилъ. Какъ старшій братъ открылъ у себя одну новую епископію (Угровскую), такъ тоже самое могъ сдѣлать и младшій; какъ однимъ епископія была открыта еще до нашествія Монголовъ, такъ тогда же она могла быть открыта и другимъ. Во всякомъ случаѣ, заканчивается онъ, мы не имѣемъ объ этомъ положительныхъ свѣдѣній¹⁾. Въ началѣ XV в. здѣсь было до 15-ти церквей, извѣстныхъ намъ изъ различныхъ источниковъ. Каѳедральный соборъ во имя св. Іоанна Бого-

¹⁾ Бартошевичъ говоритъ, что епископія Луцкая была основана въ 1238 г., но откуда онъ почерпнулъ это извѣстіе,—не извѣстно. Нѣкоторые указываютъ на время княженія Юрія II, когда былъ поставленъ еп. Феодосій, наконецъ есть указанія на время Любарта, основывающіяся на дарственномъ документѣ церкви св. Іоанна Богослова. Документъ этотъ спорѣлъ въ 1589 году, но осталось нѣсколько различныхъ копій, довольно сомнительной достовѣрности. Самый фактъ пожалованія, впрочемъ, едвали подлежить сомнѣнію. „Bożiju miłostju swiatoj materi naszej i Sw. Ioanna Bohosłowa—ja Lubart Gedyminowicz, kniaz łuckij i władymirskij, pomyszlaja o duszi swojej i buduczj w zdrowom razumi i żełaja duszi swojej spasenja, zapisał i dał seło swoje Rożyzsci sw. Ioannu Bohosłowu—sobornoj cerkwi w horodu Łucku, na winczynja wremena.... Także dla prilicnejszoho otprawlenja chwały Bożij prisobornoj cerkwi dajem dla toho pod Ostrohom seło nasze Bnszcze, wełyki i małyj Mizocz, Budaraż, Pivne, Tetewyczi ś roszczamy, łowlami i wsim imuszczestwom. Wsimy tymy sełamy, dannymi na cerkow Bożiju powyńen władet' hospodyn bohomołec nasz Klymentij, władyka łuckij i ostrogskij i wsi jeho preemniki wiczno i nenasuzno; za nas że i za potomkow naszich, a także o obszczestwennom blahie, s naszym synklitom mołyť Hospoda Boha, wo perwych jako pastyr' i otec' nasz, i pry nas i pry soweszczanjach kniaziej i bojar naszych radit' i sejmowat', wsimy cerkwamy i duchowenstwom, pomeszczeniem bidnych, hospitalamy, strannoprzyjmnymy domamy uplawlat', dobrych nahraždat', złych karat', jaho sam hospodyn i władyka nasz majet wlast' od Chrysta Spasytela archimandrytow błagosłowlat', ihumenow nastawlat', swiaszczennykow i djakonow poświaszczat', roblaszczych soblazn ukroszczat' i zminiat'; cerkwi oswiaszczat', autiminsy błagosłowlat', eretykow i nepokornych predawat' proklatiju.... swerch toho ne sledujet wmisziwatsia ni detiam moim, ni wnukam, ni wsemu pokolenju, na wiki wicznyij, ni w dieła cerkownych ludej, ni w jaku nebud' ich prinadleznost', bo vse to ja ustupił cerkwi Bożej. K tomu że poweławajem tiwunam naszym ne trebowat' ot swiaszczennykiw kunyci, a tahże ne sudit' duchownych; potomu jah im nesledujet wmiszimatsia w tyij diła. A jeslyby kto, uwlekszys' hordostju začhotiwby perestupyt' tyij oteczeskije prykazanja kniazestwa naszoho, tot da budet proklat od Boha. (Łuck 40—1). Этотъ же документъ по русски у Л. Крушинскаго „Историческій очеркъ Волыни“ Жит. 1867. ст. 69—70, но мы не имѣли его подъ руками. Уже по слогу видно, что документъ поддѣльный.—Чистовичъ полагаетъ основаніе Луцкой епархіи въ 1326 г. (т. I ст. 7), но на какихъ основаніяхъ—не говоритъ.

слова, выстроенный изъ камня уже въ XIV в., находился въ верхнемъ замкѣ; здѣсь же былъ и владычій дворъ; изъ другихъ церквей, относящихся къ этому времени, можно указать еще церковь св. Димитрія, въ нижнемъ замкѣ, основанную, по преданію, Мстиславомъ Владимировичемъ, одарившимъ ее различными угодьями и деревней Демьяновкой; наконецъ, на такъ называемой Святой Горѣ стоялъ основанный тѣмъ же Мстиславомъ Владимировичемъ женскій Пречистенскій монастырь ¹⁾. Почти всѣ церкви въ это время были деревянныя и потому очень часто исчезали въ безпрестанныхъ пожарахъ, періодически опустошавшихъ всѣ города древней Руси. Такъ, всѣ лущкія церкви сгорѣли при осадѣ города въ 1431 году, когда Свидригайло сжегъ его весь, чтобы не дать укрѣпиться въ немъ непріятелю ²⁾.

У католиковъ, въ началѣ XV вѣка, было уже два костела; одинъ изъ нихъ, деревянный—св. Креста ³⁾. Въ 1427 году Витовтъ перевелъ сюда владимирскую епископію и богато одарилъ ее деревнями и льготами ⁴⁾. Колонія польская здѣсь существовала очень давно, но основаніе доминиканскаго монастыря и костела опредѣленно относится къ 1390 году, хотя, въ учредительной грамотѣ Ягелла, о доминиканцахъ говорится, какъ о бывшихъ здѣсь и прежде ⁵⁾. Развалины этого монастыря и теперь находятся въ чертѣ нижняго замка.

Была, наконецъ, въ Луцкѣ армяно-грегоріанская церковь св. Стефана ⁶⁾ и еврейская синагога. Зданіе, въ которомъ она теперь помѣщается, по архитектурѣ относится къ концу XIV столѣтія ⁷⁾.

Съ сѣвера ближайшимъ подгороднымъ селеніемъ былъ *Жидичинъ*, о которомъ есть преданіе, что онъ входилъ въ число предмѣстій

¹⁾ Батюшковъ, II вып.

²⁾ Шараневичъ. Ист. Гал. Вол. Руси. ст. 358.

³⁾ Шараневичъ *op. cit.* ст. 358.

⁴⁾ Głodno 1428^{1/4}lv. Витовтъ даритъ еп. Андрею Луцкому деревни: Луцицу, Вишневу, Терчинъ, Скуленъ и Биденъ въ Луцкомъ уѣздѣ; Хотачевъ, Стрижпаницу и поль Шеленова въ Владимирскомъ; мельницу въ Крочельницахъ и д. Парохово въ Брестскомъ и Шерешеву въ Дрогицкомъ уѣздахъ. Жителей ихъ освобождаетъ отъ всѣхъ податей кромѣ воловщизны. (*exaccio terrestris generalis*). Cod. Vit. № 1322. p. 795.

⁵⁾ M. Grabowski i A. Przewdziecki „Źródła do dziejów Polskich“ t. I st. 147—150. (см. Łuck 197—9).

⁶⁾ Stecki. Łuck. st. 211.

⁷⁾ Stecki. Łuck. st. 219.

Луцка. Онъ былъ укрѣпленъ; городище его существуетъ и теперь ¹⁾. Жидичинъ славился своимъ монастыремъ св. Николая, пользовавшимся глубокимъ уваженіемъ на Волыни ²⁾. Къ югу отъ него, подъ Луцкомъ, стоялъ загородный дворецъ Мстислава Даниловича, *Гай*,— мѣсто же то красно вѣдѣніемъ и устроено различными хоромы, церкви же баше в немъ предивна, красотою сияючи, тѣмъ же угодно бысть князю пребывать въ немъ ³⁾. Къ юго-востоку отъ Луцка, на правомъ берегу Стыри, теперь—два сс. Б. и М. Подгайцы. Можетъ быть, остатки его сохранились въ городищѣ, находящемся между Б. Подгайцами и с. Романовымъ, около хуторка Горадже ⁴⁾. Къ сѣверу отъ Жидичина, на лѣвомъ притока Стыри, Ставѣ, въ 18-ти верстахъ отъ Луцка, стоялъ городъ *Шеполь* ⁵⁾, нын, село Шепель, который нѣкогда Давидъ Игоревичъ предлагалъ ослѣпленному Васильку ⁶⁾.

Еще сѣвернѣе, на Стыри, находится селеніе Копылы (въ Луцкомъ уѣзд.), которое, какъ можно думать, упоминается въ лѣтописи подъ именемъ *Копыля*, „Мстиславъ... шелъ башеть отъ Копылы воюя по Полѣсью“ ⁷⁾.

Наконецъ, на полудорогѣ изъ Луцка въ Пинскъ, расположенъ на Стыри городъ *Черторыескъ*—одинъ изъ значительнѣйшихъ на Полѣсьи. Онъ принадлежитъ къ числу самихъ древнихъ городовъ Волыни: въ 1100 году онъ уже былъ большимъ городомъ ⁸⁾; сохранившееся доннынъ городище его имѣетъ всѣ признаки, относящія его къ началу княжескаго періода ⁹⁾. Въ 1291 г. онъ былъ укрѣпленъ каменнымъ столбомъ или вѣжей ¹⁰⁾.

Гораздо больше населенныхъ мѣстностей извѣстно намъ къ за-

¹⁾ Городище—4-угольное; имѣетъ признаки сравнительно болѣе поздняго происхожденія. Здѣсь была когда то церковь св. Духа. (Дон. Теремецкой вол.).

²⁾ Ип. лѣт. 501 ст.

³⁾ Ип. лѣт. ст. 597.

⁴⁾ Городище — круглое; 400 саж. въ окружности. По преданію здѣсь былъ замокъ. (Дон. Романовской вол.).

⁵⁾ Городище 4-угольное. Каждая сторона по 95 саж.; по преданію сооружено Шведами- (Дон. Торчинской вол.).

⁶⁾ Ип. лѣт. 173 ст.

⁷⁾ Ип. лѣт. 576 ст.

⁸⁾ Ип. лѣт. 180 ст.

⁹⁾ Дон. Медвѣжской вол.

¹⁰⁾ Ип. лѣт. ст. 616.

паду, югу и востоку отъ Луцка, такъ какъ богатая и открытая страна здѣсь представляетъ гораздо больше удобствъ и для поселенія и для прохода черезъ нее, чѣмъ болотистое Полѣсье. Такимъ образомъ, здѣсь чаще происходили различныя столкновения во время безпре-
станныхъ княжескихъ усобицъ и лѣтописецъ чаще имѣлъ поводъ говорить объ этой части Волыни и больше дѣлать различныхъ географическихъ указаній.

Между Владимиромъ и Луцкомъ находился г. *Полоная*, упоминаемый въ 1149 году ¹⁾. Теперь къ SW отъ Луцка, на притокѣ Стыри Тывѣ, находятся 2 подобноименныхъ поселенія: село Полонное и немного ниже—с. Полонка: кромѣ того верстахъ въ 80 ниже Луцка, на Стыри—третье Полонное. Въ данномъ случаѣ подходятъ только первые два; съ большою же увѣренностью можно остановиться на первомъ, въ 1¹/₂ верстѣ отъ котораго, на болотѣ, у рѣчки Черногузки и теперь сохранилась какая то земляная насыпь ²⁾.

„И тако поиде Телебуга на Ляхи... пришедшу же ему къ Горинѣ—и срете и Мьстиславъ съ питьемъ и зъ дары и поиде оттолѣ мимо Кремянѣць ко Перемилю, ту и срѣте Володимиръ... на Липѣ; и по семь угони и Левъ князь ко Бужьковичемъ и съ питьемъ и с дары... и оттолѣ поидоша и къ Володимиру и стапа на Житани“ ³⁾. Этотъ маршрутъ Телебуги же лучше всего опредѣляетъ положеніе г. *Перемилля*, первое извѣстіе о которомъ относится еще къ 1097 г. Всѣ другія указанія ⁴⁾ въ лѣтописи не даютъ почти ничего для опредѣленія этого города. Мѣстностей съ подобозвучными именами—есть довольно много: Боремець—на правомъ берегу Стыри, въ Дубенскомъ уѣздѣ; Боремль и Перемель—нѣсколько выше перваго, на лѣвомъ берегу Стыри; Перемилровка—на притокѣ Стублы, по дорогѣ изъ Дубна въ Клевань; Беремилловъ ⁵⁾,—въ Галиціи между Трембовлей и Сатановымъ и т. д. ⁶⁾. Ближе всего подходитъ Перемель на Стыри. Въ

¹⁾ Ип. лѣт. ст. 273.

²⁾ Въ донесеніи Лавровской волости большихъ указаній нѣтъ, и времени, къ которому относится эта насыпь, мы опредѣлить не можемъ.

³⁾ Ип. лѣт. ст. 568.

⁴⁾ Ип. лѣт. ст. 173, 468, 488, 498, 502 и 513.

⁵⁾ Карта Шуберга Л. XL. у Погодина—Перемилловъ. *op. cit.* т. IV ст. 158.

⁶⁾ Г. Лонгиновъ опредѣляетъ Перемилловъ—гдѣ то на истокахъ р. Липы, притока Днѣстра, къ SW отъ Буска. ст. 158.

свое время, это былъ довольно значительный городъ; городище его представляетъ овалъ въ 210 саж. въ окружности возвышающійся на 10 саж. надъ окрестностями ¹⁾; между прочимъ у Перемиля существовалъ, при Данилѣ, мостъ черезъ Стырь ²⁾.

Немного ниже Перемиля, при впаденіи въ Стырь р. Липки, находилось с. *Липа* (нын. деревня Дубенскаго уѣзда), гдѣ Телебугу встрѣтилъ Владимиръ Васильковичъ ³⁾.

Почти по самой границѣ (въ половинѣ XII вѣка) между собственной Волинью и Погориной протекаетъ рѣчка Путиловка, по всѣмъ соображеніямъ, лѣтописный Олычъ. На ней и теперь находится д. *Чемеринъ*, упоминаемая въ лѣтописи въ 1149 году ⁴⁾. Старое имя рѣчки сохранилось въ именахъ двухъ селъ, лежащихъ на ней: Олыки и Олычки (почти у самаго устья Путиловки) ⁵⁾.

„Князь же Дюрги, съ братомъ своимъ Вячеславомъ... поидоша къ Лючьску. Ростиславу Дюргевичю съ братомъ своимъ Андрѣемъ ходяче на передъ, съ Половци и ставшимъ имъ у Муравици и бы ночь, пополохъ золь..... и сдумавшимъ имъ отступашася назадъ и сташа у Добна“ ⁶⁾. *Добенъ* или *Дубенъ* ⁷⁾, упоминаемый здѣсь, конечно, — нынѣшній уѣздный городъ Дубно на Иквѣ. Онъ принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ волинскихъ городовъ и упоминается въ первый разъ въ 1097 г. ⁸⁾. Положеніе *Муравицы* опредѣляется тоже весьма ясно. Это — мѣстечко Муравица, на Иквѣ, между Дубномъ и Луцкомъ, въ 17 верстахъ отъ перваго. Въ XII в. онъ, вѣроятно, былъ значительнымъ укрѣпленнымъ городомъ, по крайней мѣрѣ городище его древнѣйшей формы, сохранившееся очень хорошо, достигаетъ размѣровъ, далеко превосходящихъ городища такимъ значительныхъ городовъ, какъ Чертомыскъ, Степань и мн. др.; оно достигаетъ 900 сажень въ

¹⁾ Донесеніе Берестецкой вол.

²⁾ Ип. лѣт. 513 ст.

³⁾ Ип. лѣт. 568 ст.

⁴⁾ Ип. лѣт. ст. 270

⁵⁾ Названіе м. Олыки извѣстно уже въ XVI в. О ней см. Вол. губ. вѣд. 1848 г. № 22 и статью Переговскаго „Мѣстечко Олыка“ въ Вол. губ. вѣд. 1869 г. № 15—16.

⁶⁾ Ип. лѣт. ст. 272.

⁷⁾ „Дубна“ Лавр. лѣт. 307 ст. также Ип. 180 и 596 ст.

⁸⁾ Лавр. лѣт. 264 ст.

окружности и обнесено валами въ 10 саж. вышины съ двумя выѣздами на W и S ¹⁾).

Окольскій и Несѣдцкій, рассказывая о родѣ Денисковъ-Мовосѣевъ, упоминаютъ, что сынъ родоначальника этой фамилии, Петръ завладѣлъ между прочимъ и Стожкомъ. Это, конечно, не болѣе какъ простая фамилная легенда. Въ лѣтописи *Стожекъ* упоминается только два раза, и то довольно поздно, послѣ 1260 года ²⁾). Въ XIV вѣкѣ онъ считается однимъ изъ большихъ городовъ, принадлежавшихъ къ Луцкому княжеству, и въ спискѣ городовъ, уступленныхъ Любарту Казимиромъ Вел. по договору 1366 года, онъ стоитъ первымъ. Между нынѣшнимъ с. Стожкомъ (въ Кременецкомъ уѣздѣ къ сѣверо-востоку отъ г. Кременца) и дер. Антоновцами, въ 3-хъ или 4-хъ верстахъ отъ перваго, на высокой горѣ, въ урочищѣ Уніасѣ, находится овальное городище, довольно большихъ размѣровъ—310 саж. въ окружности. Городище окружено рвомъ и валами до 2-хъ сажень вышины; въѣзды обращены къ E, W и S. На площади городища находится множество могилъ ³⁾ и иногда, весной, вода вымываетъ „различные предметы, приготовленные искусствомъ рукъ человѣческихъ“ ⁴⁾), такъ что у мѣстныхъ жителей даже составилось преданіе, что нѣкогда здѣсь былъ городъ Кременецъ. Вѣрнѣе однакоже, что здѣсь былъ не Кременецъ, а Стожекъ, впоследствии, можетъ быть, перенесенный, какъ это извѣстно о нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ, на то мѣсто, гдѣ онъ находится теперь. Здѣсь же, гдѣ то неподалеку, находился Холмъ, извѣстный изъ акта 1354 года: „Литовскимъ княземъ стати оу Холмѣ а королеви оу Сточьцѣ, еде смолвать тутъ будетъ судъ“ ⁵⁾). Какъ то, такъ и другое имя произошло отъ характера мѣстности: отъ формы холмовъ, похожихъ на стогъ сѣна ⁶⁾).

¹⁾ Донесеніе Млыновской вол.

²⁾ Ип. лѣт. 562 и 600 ст.

³⁾ Донесеніе Бѣлокриницкой вол.

⁴⁾ См. статью Г. Оссовскаго „Изъ путевыхъ замѣтокъ по Дубенскому и Кременецкому уѣздамъ. Дерманскія горы, Антоновецкій лѣсъ и стожкообразныя возвышенности въ составѣ Кременецкихъ горъ“. Вол. губ. вѣд. 1868 г. № 74- 76 см. № 76.

⁵⁾ Акты, отн. къ исторіи Зап. Россіи т. I ст. 1.

⁶⁾ См. вышеуказанную статью Оссовскаго.

Въ сосѣдствѣ съ Кременцемъ и Стожкомъ ¹⁾ находился сильно укрѣпленный городъ *Даниловъ*, основанный, безъ сомнѣнія, Даниломъ Романовичемъ. Въ 1240 году Батый, проходя черезъ Волынь, „видивъ Кремянѣць и градъ Даниловъ, яко не возможно прияти ему и отъиде отъ нихъ“ ²⁾. Бурндай настоялъ на разрушеніи его укрѣпленій, а въ договорѣ 1366 года онъ находится въ числѣ важнѣйшихъ; тянувшихъ къ Луцку городовъ. Положеніе его точно неизвѣстно. Изъ указаній лѣтописныхъ можно вывести только, что онъ былъ гдѣ то въ смежныхъ частяхъ Кременецкаго и Дубенскаго уѣздовъ и его нужно искать въ городищахъ сс. Кокорева, Старога Таража, Перенятина, Пещатинцевъ, Борщувки, Иваниничей и др., смежныхъ съ ними. Даниловки, на которую указываетъ Stecki ³⁾, мы не нашли. Не менѣе трудно опредѣлить положеніе волынскаго *Торчева*; по лѣтописи онъ находился гдѣ то къ западу отъ Шумска: „Данииль.... наутрѣя же перейдетъ рѣку Велью на Шумьскъ... и исполчивъ полки свое, поиде ко Торчеву“ и дальше тамъ же „Идушу ему (королевичу Андрею) по ровни, Данилови же и Василькови съехати бѣ со высокихъ горъ“ ⁴⁾. Въ указанномъ направленіи вѣтъ ни одной мѣстности съ подобозвучнымъ именемъ, такъ что приходится съ большой тяжекой подвести сюда с. Старый Таражъ, лежащій не далеко отъ истоковъ р. Иквы ⁵⁾. Впрочемъ онъ имѣетъ за себя то, что здѣсь находится обширное городище ⁶⁾ и онъ, дѣйствительно, расположенъ на склонахъ горъ.

Крайними западными городами, тянувшими къ Луцку, были *Броды* и *Закамень*, находившіеся на самой границѣ съ Галицкой землей. Первый изъ нихъ появляется очень рано и затѣмъ совершенно исчезаетъ; Владимиръ Мономахъ въ своей „Духовной“ говоритъ: „и на ту весну

1) Ип. лѣт. ст. 523 и 562.

2) Ип. лѣт. ст. 523.

3) Wołyń. t. II st. 41. Есть Даниловка прямо къ S отъ Ляховцевъ и къ SE отъ Ямполя.

4) Ип. лѣт. ст. 511.

5) См Барсовъ. „Очерки“ ст. 292 пр. 220. Раньше въ „Словарѣ“ г. Барсовъ указывалъ на Торчинъ, мѣстечко Луцкаго уѣзда Вѣляевъ ищетъ его въ Галиціи, на Серетѣ, около Тарнополя. Намъ кажется, его можно, съ нѣкоторой увѣренностью, искать въ многочисленныхъ городищахъ къ N отъ Шумска.

6) Городище—круглой формы, 360 саж. въ окружности. У мѣстнаго населенія извѣстно подъ именемъ „Десяти валовъ“. (Дон. Длушанской вол.).

(ходилъ) къ Ярополку совокупляться на Броды¹⁾. Теперь это, безъ сомнѣнія, Старые Броды въ Галиціи, у самой русской границы.— Послѣдній появляется очень поздно—въ 1366 г., но уже въ это время онъ былъ значительнымъ городомъ. Теперь, кажется, онъ нѣсколько измѣнилъ свое имя и называется Подкаменемъ. Подкамень—въ Галиціи, къ SE отъ Бродъ, у самыхъ истоковъ р. Иквы.

Указаніе лѣтописи „(Даніиль) перейдетъ рѣку Велію на Шумскъ“ опредѣленно прикрѣпляетъ лѣтописный *Шумскъ* къ нынѣшнему мѣстечку Кременецкаго уѣзда того же имени, на р. Вилии. Шумскъ находился уже на территоріи не собственной Волини, а на погоринской и еще въ 1170 годахъ принадлежалъ дорогобужскому князю Владимиру Андреевичу²⁾. Впослѣдствіи, онъ обособился и имѣлъ собственнаго князя Святослава, погибшаго въ 1224 году, въ битвѣ на Калкѣ³⁾. Вѣроятно, послѣ этого онъ, вмѣстѣ съ другими южными погоринскими городами, попалъ въ руки Даніила и началъ тянуть къ Луцку. Шумскъ былъ сильно укрѣпленъ. Древнія укрѣпленія были большею частью уничтожены позднѣйшими, но сохранились еще остатки валовъ, охватывавшихъ городъ съ запада и сѣвера; съ остальныхъ сторонъ его огибалъ большой, глубокой прудъ, образуемый теченіемъ Вилии⁴⁾. Черезъ Вилію здѣсь былъ перекинутъ мостъ⁵⁾. Въ городѣ находился очень уважаемый въ окрестностяхъ монастырь (или м. б. церковь) во имя св. Симеона⁶⁾.

Южные погоринскіе города являются въ лѣтописи почти всегда группою: „И пришедъ Изяславъ Володимерю, посла посадники своя въ города, на нихъ же баше крестъ цѣловалъ Володимерь: въ Бужескъ, въ Шюмескъ, въ Тихомль, у Выгошевъ, у Гнойницю“⁷⁾.

Бужескъ, упоминаемый здѣсь,—ни въ какомъ случаѣ не тотъ Бужскъ, что стоитъ на З. Бугѣ, такъ какъ, по смыслу лѣтописнаго

¹⁾ Лавр. лѣт. 239.

²⁾ Ип. лѣт. 373.

³⁾ Никон. лѣт. т. II стр. 353. Лѣтопись по Академическому списку (прод. Лавр.) 1872 г. ст. 482.

⁴⁾ См. статью въ Волинск. губ. вѣд. 1869 года. № 8—10, подъ заглавіемъ „Кременецкія горы въ уѣздѣ того же имени, въ Волинской губерніи“. № 9.

⁵⁾ Ип. лѣт. 486 ст.

⁶⁾ Ип. лѣт. 511 ст.

⁷⁾ Ип. лѣт. 313 ст.

извѣстія, это былъ городъ кievскій, а Бужскъ на З. Бугѣ всегда былъ волынскимъ городомъ. Этотъ же Бужескъ, какъ кажется, упоминается и раньше, въ сосѣдствѣ съ Межибожіемъ и Котельницей¹⁾. Если это такъ, то его нужно искать гдѣ то по теченію притока Юж. Буга—Божка. На украинное положеніе Бужеска указываютъ слова Изяслава Мстиславича, отправлявшагося въ походъ на сѣверъ; онъ посылаетъ въ Бужескъ Ростислава Юрьевича и говоритъ ему: „а ты постережи земли русской оттолб“²⁾. Позже онъ, вмѣстѣ съ Межибожіемъ, вошелъ въ составъ Подольской земли³⁾.

Положеніе *Тихомля* не опредѣляется точно ни однимъ мѣстомъ въ лѣтописи. Впрочемъ, всѣмъ требованіямъ⁴⁾ удовлетворяетъ нынѣшнее село Тихомель⁵⁾ на Горыни, у самой границы Острожскаго уѣзда. Тихомль былъ сильно укрѣпленъ. Городище его, расположенное на гористомъ берегу ямпольскаго пруда, достигало довольно значительныхъ размѣровъ; съ E, N и W оно было окружено глубокими рвами и валомъ, а съ S находился прудъ⁶⁾. Кромѣ того и весь городъ, съ незащищенныхъ рѣкой сторонъ, былъ окруженъ рвами, достигавшими самаго пригорыньскаго луга⁷⁾.

Выгошевъ Надеждинъ и Неволинъ⁸⁾ ищутъ въ нынѣшнемъ мѣстечкѣ Вышгородкѣ, въ южной части Кременецкаго уѣзда. Сколько истины въ этомъ указаніи, трудно сказать; считаемъ нужнымъ при-

1) Ип. лѣт. ст. 235 и 243.

2) Ип. лѣт. 258 ст.

3) Codex Vitoldi № CXV и Arch. Sang. № XXI. Документъ датированъ 13 Іюня 1395 года.

4) Ип. 321, 488, 513 и особенно 313 и 500 ст.

5) Погодинъ г. IV ст. 186. см. также карту при „Ист. Гал. Вол. Руси“ Шараневича. Вѣляевъ (О географ. свѣд. въ древней Россіи ст. 122), при опредѣленіи положенія Тихомля дѣлаетъ ошибку: помѣщаетъ Станковъ на Серетѣ (Ип. 321 ст.) въ волынской землѣ, а Тихомель прямо на N отъ Станкова, между тѣмъ какъ онъ лежитъ прямо на E.

6) Дон. Семеновской вол.

7) См. статью „Южная часть Острожскаго уѣзда“ въ Вол. губ. вѣд. 1868 г. №№ 36, 37, 47, 64—67 и статью св. Николая Трипольскаго „Историческія изслѣдованія о городахъ, мѣстечкахъ и селахъ Волынской губ.“ Тамъ же. 1877 г. №№ 4—10, 12—16, 18—23, 25, 28, 30, 31, 37, 40, 42, 45, 47, 54, 58, 64, 67, 69, 73, 74. 79, 84, 89; 1878 г. №№ 1, 3, 4, 6, 9, 11, 14, 16, 18 — 19, 22, 26, 28, 30, 32, 35, 40, 42, 48, 50, 52, 55, 57, 59, 65, 67, 69, 76, 81, 90, 93. 1879 г. №№ 2, 5, 12, 13, 17, 27, 29; См. 1878 г. № 57 и 59.

8) Погодинъ op. cit. IV. 162 ст. Барсовъ „Очерки“ пр. 217.

бавить только, что въ Вышгородѣ находится городище со слѣдами какого-то замка ¹⁾

Наконецъ положеніе *Гнойницы* опредѣляется, селами Б. и М. Гнойницей въ Острожскомъ уѣздѣ, вблизи теченія Горыни ²⁾.

Бужескъ, о которомъ мы упоминали выше, встрѣчается въ лѣтописи тѣсно связаннымъ съ четырьмя городами: *Межибожіемъ*, *Котельницей* и двумя другими, именъ которыхъ лѣтопись ни разу не называетъ ³⁾. Данилъ отдалъ Межибожіе и затѣмъ Перемиль Ярославу Ингваревичу Луцкому въ вознагражденіе за потерю Луцка ⁴⁾. Послѣ татарскаго нашествія, Межибожіе съ окружающей территоріей обособляется и пристаётъ къ федераціи Болоховцевъ ⁵⁾. Но уже въ 1366 году Межибожіе считается въ числѣ коренныхъ Луцкихъ земель ⁶⁾. Въ 1395 году онъ, вмѣстѣ съ Бужескомъ, входитъ въ составъ Подолья. Межибожіе—это нынѣшній Менджибожь—мѣстечко Проскуровскаго уѣзда, на южномъ Бугѣ.—Что касается *Котельницы* или *Котельнича*, то, если это—нын. мѣстечко Житомирскаго уѣзда Котельня на Гунвѣ ⁷⁾, мы ея касаться не будемъ, такъ какъ она не входила въ составъ Волыни.

Наконецъ, въ самомъ крайнемъ юговосточномъ углѣ Волыни, образуемомъ теченіемъ рѣкъ Случи и Хомора, расположена группа изъ 4-хъ городовъ: Микулина, Каменца, Колодежна и Полоннаго. Первый изъ нихъ—*Микулинъ* упоминается въ лѣтописи только одинъ разъ въ 1169 г. ⁸⁾; его можно приурочить къ д. Микулину Заславскаго уѣзда, на р. Хоморѣ.—*Каменецъ*—нын. м. Каменка на лѣвомъ берегу Случи. Это именно тотъ Каменецъ, который надѣлалъ столько хлопотъ и такъ долго производилъ путаницу въ южныхъ границахъ Волыни и въ географическомъ положеніи многихъ мѣстностей этой части Руси. Предполагали, что почти всѣ указанія на Каменецъ относятся къ

¹⁾ Stecki. Wołyń II st. 388.

²⁾ Погодинъ оп. cit. т. IV. ст. 188.

³⁾ Ил. лѣт. 234, 243 и 257 ст.

⁴⁾ Ил. лѣт. 502 ст.

⁵⁾ Ил. лѣт. 555 ст.

⁶⁾ Оно входитъ въ составъ „terrae cum omnibus territoriis primaevae, quaeadmodum fuit a principio“ см. Шараневичъ Ист. Г. В. Руси ст. 192 пр. 39.

⁷⁾ Погодинъ оп. cit. т. IV, 171 ст.

⁸⁾ Ил. лѣт. ст. 365.

внѣшнему Каменецъ-Подольску, приче́мъ граница Волини опускалась далеко къ югу и захватывала значительную часть средняго теченія Днѣстра. Между тѣмъ теперь различаются существовавшіе одновременно: Каменецъ Лосненскій, Каменецъ въ окрестностяхъ Кобрина, Каменецъ Каширскій и, наконецъ, Каменецъ на Случи. Положеніе послѣдняго особенно рельефно выставляется при описаніи борьбы Даниила съ Болоховскими князьями: „Придоша Галичане на Каменецъ и вси Болоховьскіи князи с нима и повоеваша по Хомору и поидоша ко Каменцю..... Данилови же бояре выехавши ис Каменца.... и постигоша ѣ“¹⁾.

Въ нѣсколькихъ верстахъ къ югу отъ Каменца на Случи расположена сильнѣйшая когда то въ этой мѣстности крѣпость *Колодязенъ*, которую не могъ взять самъ Батый и долженъ былъ прибѣгнуть къ обману, чтобы овладѣть имъ²⁾. Одновременно съ Колодязнымъ взять и разрушенъ былъ и Каменецъ; больше они и не подымались. Въ переченяхъ городовъ Волини XIV в. они уже не упоминаются.

Наконецъ, четвертый городъ изъ этой группы просуществовалъ дольше всѣхъ. Онъ упоминается въ числѣ коренныхъ луцкихъ городовъ въ актѣ 1366 г.³⁾ Городъ *Полонное*—нын. м. Полонное на Хоморѣ, въ Новоградъ-Волинскомъ уѣздѣ. Положеніе его точно опредѣляется слѣд. отрывкомъ лѣтописи: „Даниль же... угони и во Полонномъ, и япа и въ лузѣ Хоморьскомъ“⁴⁾. Въ немъ сохранилось городище, но, кажется, позднѣйшаго происхожденія⁵⁾.

Наконецъ, со временъ Даниила, въ составъ Луцкой земли вошла еще одна часть Погорины, не выдѣлявшаяся уже потомъ болѣе,—это, именно, центръ бывшихъ Дорогобужскаго и Пересопницкаго княжествъ съ городами Дорогобужемъ и Пересопницей во главѣ. Въ 1227 г.

¹⁾ Ип. лѣт. ст. 516. См. также Ип. лѣт. ст. 468, 503 и 523.

²⁾ Ип. лѣт. ст. 523. Считаая Каменецъ на Случи за Каменецъ-Подольскъ, Колодязенъ указывали въ Ладжижѣ Гайсинскаго уѣзда. См. напр. карту при „Исторіи Гал. Вол. Русь“ Шараневича.

³⁾ Daniłowicz. „Scarbiec“ t. I № 432.

⁴⁾ Ип. лѣт. ст. 514.

⁵⁾ Надъ прудомъ р. Хомора—многоугольное городище, 770 саж. въ окружности. Площадь его застроена, ширина валовъ до 20 саж. Въѣзды съ N, S и W. Были ворота съ каменными стѣнами. (Донесеніе Полонской вол.).

Данилъ получилъ, по завѣщанію Мстислава Нѣмаго, Луцкъ. Мстиславъ раньше былъ пересопницкимъ княземъ и, естественно, сдѣлавшись княземъ луцкимъ, объединилъ оба княжества, которые, такимъ образомъ, оба сразу и попали въ руки Данила. По крайней мѣрѣ, захвативъ Луцкъ, которымъ овладѣлъ было племянникъ Мстислава Ярославъ Ингваревичъ, онъ отдаетъ брату Васильку „Луческъ и Пересопницу“¹⁾.

Походъ Изяслава въ 1151 году въ Кіевъ сразу указываетъ почти всѣ населенныя мѣстности, извѣстныя здѣсь. „Изяславъ же идя мимо Пересопницу, поже Зарѣческъ и ста у Мыльска²⁾..... поиде к Дорогобужю..... и перешедъ Горину и ту ста на Хотри; оттолѣ же поиде ко Коречьску“³⁾.

*Пересопница*⁴⁾, чередуясь съ Дорогобужемъ, во все время отдѣльнаго существованія Погоринскаго княжества, была ея столицей. Городъ былъ сильно укрѣпленъ⁵⁾, такъ какъ онъ представлялъ первый оплотъ для кіевскихъ князей противъ волынскихъ. Когда Погорина вошла въ составъ Волыни, то и Пересопница потеряла всякое значеніе⁶⁾. Нынѣ это село Пересопница на Стублѣ, въ Ровенскомъ уѣздѣ.

Изъ окрестностей ея лѣтопись указываетъ на *Вьдбучи*⁷⁾, но что это такое селеніе, урочище или, можетъ быть, рѣка—сказать трудно.

Далѣе, немного выше Пересопницы, на Стублѣ же, находится сел. *Зарѣческъ*⁸⁾, который въ 1150 г. сжегъ Изяславъ Мстиславичъ.

Лѣтописный *Милескъ*, съ большой достовѣрностью, ищутъ въ окрестностяхъ нынѣшней дер. Новаго Мыльска на притокѣ Горыни Осневицѣ, въ Острожскомъ уѣздѣ. Онъ находился между нынѣшними Старымъ и Новымъ Мыльскомъ, въ 1 верстѣ отъ послѣдняго, гдѣ и

1) Ип. лѣт. 501 ст.

2) Лав. лѣт. ст. 313.

3) Ип. лѣт. ст. 285.

4) Ип. лѣт. 275 ст.

5) Хотя дѣлинецъ былъ не особенно великъ—263 шага длины и 252—ширины. (Дон. Милостовской вол.).

6) Ип. лѣт. 355 ст. „Мстиславъ поиде изъ(ъ) Володимира.... къ Пересопници, и пришедъ ста на Вьдбучи“.

7) Ип. лѣт. 284 ст. Зарѣческъ 1106 года (Ип. лѣт. 186 ст.), кажется, сюда не относится, такъ какъ Половцы никогда не заходили такъ далеко на сѣверо-западъ.

8) Погодинъ ор. cit. т. IV ст. 179—181.

теперь находится небольшое городище круглой формы (въ 210 саж. въ окружности), укрѣпленное валами ¹⁾).

О другомъ болѣе значительномъ городѣ погоринскомъ—*Дорогобужка*, мы имѣемъ нѣсколько больше свѣдѣній. Всѣ изслѣдователи ²⁾ единогласно указываютъ его въ нынѣшнемъ мѣстечкѣ того же имени, на Горыни, въ Острожскомъ уѣздѣ ³⁾. Дѣтинецъ, въ которомъ находился и дворецъ княжескій, былъ расположенъ на самомъ возвышенномъ мѣстѣ; съ сѣвера и запада онъ примыкалъ къ рѣчкѣ и пруду, а съ остальныхъ сторонъ его окружалъ рядъ рововъ и валовъ. Городъ былъ расположенъ, главнымъ образомъ, на востокѣ отъ дѣтинца, на низменности и занималъ все пространство до нынѣшней деревни Подолянъ, само названіе которой указываетъ, что она была нѣкогда частью города ⁴⁾. Кромѣ дѣтинца и весь городъ былъ окруженъ рвами и валами, слѣды которыхъ и теперь видны около Подолянъ ⁵⁾. Черезъ Горынь здѣсь былъ перекинутъ мостъ ⁶⁾.

Что касается *Хотриу*, то мѣстность эта до сихъ поръ еще не опредѣлена; трудно даже сказать, населенная ли это мѣстность или какое нибудь урочище. Во всякомъ случаѣ она находилась гдѣ то на правомъ берегу Горыни, по дорогѣ изъ Дорогобужа къ Корцу ⁷⁾.

Наконецъ, недалеко отъ Дорогобужа находился г. *Сапожинъ*, у котораго, въ 1151 г., Владимиро Галицкій перебилъ Угровъ Мстислава Изяславича ⁸⁾. Мы не могли опредѣлить его положеніе; во всякомъ случаѣ это не Сапожинъ Острожскаго уѣзда, за Горыню, какъ думаютъ Надеждинъ и Неволинъ и за ними повторяетъ г. Барсовъ ⁹⁾, такъ какъ, зачѣмъ было бы Мстиславу бѣжать въ Луцкъ, когда ему гораздо удобнѣе было направиться въ Кіевъ, гдѣ его ждалъ отецъ. Это и не Сапоговъ (въ 13-ти верстахъ отъ Луцка), такъ какъ онъ

¹⁾ Дон. Здолбицкой вол.

²⁾ Карамзинъ г. II пр. 147. Арцыбашевъ т. IV ст. 151. Бѣляевъ „О геогр. свѣд.“ ст. 12. Барсовъ „Словарь“ 66—7 ст. и т. д.

³⁾ Ср. Ип. лѣт. 285, 275, 308 и 367 ст.

⁴⁾ Точно также Подоль въ Кіевѣ и въ Полтавѣ.

⁵⁾ См. вышеуказанную статью св. Трипольскаго въ Вол. губ. вѣд. 1879 №№ 13—17.

⁶⁾ Ип. лѣт. 367 ст.

⁷⁾ „Изяславъ.... нерешедъ Горину и ту ста на Хотриу; оттолѣ же понде ко Коречьску“. Ип. лѣт. ст. 285.

⁸⁾ Ип. лѣт. 305 ст.

⁹⁾ Погодинъ оп. cit. т. IV ст. 184. Барсовъ „Словарь“ ст. 182.

слишкомъ далеко находится отъ Дорогобужа ¹⁾ и едва ли Владимиръ Андреевичъ могъ послать Мстиславу „питье из Дорогобужа много“, если бы онъ находился верстахъ въ 50 отъ него.

Прочія части Погоринны составили нѣсколько мелкихъ княжествъ.

Почти весь юго-восточный уголъ ея заняло княжество Острожское, образовавшееся при Любартѣ и въ зависимости отъ него ²⁾. Первымъ княземъ Острожскимъ былъ Данило Дмитріевичъ, внукъ пинскаго князя Юрія Владимировича, умершаго въ 1292 году ³⁾. О дѣятельности его мы почти ничего не знаемъ ⁴⁾. Не знаемъ также, когда онъ сдѣлался Острожскимъ княземъ и когда умеръ. Истиннымъ основателемъ могущества этаго рода былъ сынъ его, Феодоръ Даниловичъ.

Въ 1386 году, 4-го ноября Владиславъ Ягелло, вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ своимъ Витовтомъ, издали въ Луцкѣ грамоту, точно опредѣлившую границы, въ которыхъ стояло тогда Острожское княжество. „Consideramus fidele servitium ducis Feodor Danilowicza..... donamus plenam omnimodem potestatem castrum ipsius Ostrog et cum districtibns sitti Ostroviensis, sicut pater ipsius dux Daniel habuit, ad dictum castrum Ostrog pertinentium, istos districtus nominamus: Korzec, Zosław, Chlaphothyn, Iwanyn, Chrestowicz, Krasne, Krupa, ad dictum castum Ostrog spectantibus“ ⁵⁾. Таковъ былъ первоначальный объемъ этого княжества, но оно постоянно, изъ года въ годъ, увеличивалось новыми селами и мѣстечками, переходившими Острожскому князю по завѣщаніямъ, дарственнымъ записямъ, покупкой и т. д. ⁶⁾. Уже черезъ 10 лѣтъ, въ 1396 г., Витовтъ подтверждаетъ Феодору Даниловичу владѣніе слѣдующими раньше пріобрѣтенными селами: Бродовымъ, Радоселками, Радогопцѣй, Межиричами, Дьяковымъ, Свищовымъ съ приселками Озерянами, Городницею и двумя Ставками ⁷⁾.

¹⁾ Карамзинъ II пр. 343.

²⁾ Первый актъ Ягелла отъ 1386 г. ⁴/_{vi} подтверждаетъ Феодору Даниловичу владѣніе Острогомъ, „eo modo et condicione, quibus dictus dominus Fedor illustri principi olim domino Lubardo, duci Włodimiriensi, potruo nostro legitimo, ab antiquo dinoscitur servi visse“. Arch. Sang. № V р. 5.

³⁾ Ип. лѣт. 616 ст. см. также 566 ст. Максимовичъ т. I ст. 164—167.

⁴⁾ Между прочимъ онъ подписался на раздѣльной грамотѣ между Казимиромъ Великимъ и Любартомъ въ 1366. (Князь Данилай) Arch. Sang. № 1.

⁵⁾ Arch. Sang. № VI.

⁶⁾ Arch. Sang. №№ II, XII, XX, XXX и т. д.

⁷⁾ Arch. Sang. Въ Cod. Vit. № CXXVII р. 90 не два Ставки—а Dwastawki. Въ Arch. Sang. документъ датированъ 1396 ³/_{vii}, а въ Cod. Vit.—1396 ¹⁷/_{vii}.

Положеніе этих мѣстностей точно опредѣляетъ границы Острожскаго княжества въ концѣ XIV в. *Коремъ*—нынѣшнее мѣстечко того же имени, въ Новоградъ-Вол. уѣздѣ, на полудорогѣ между Ровномъ и Новоградъ-Волынскомъ. *Зославъ*—нын. уѣздный городъ Заславль. *Хлапотынъ*, позже извѣстный подъ именемъ Красностава ¹⁾,—нынѣ дер. Красный Ставъ Берездовской волости, Новоградъ-Вол. уѣзда, на р. Корчикѣ. *Иванинъ*,—можетъ, быть, Ивановка—къ западу отъ Заславля. *Хрестовичъ*—с. Христовка на истокахъ Хомора, въ Заславскомъ уѣздѣ. *Красне*,—можетъ быть, Красноселки на границѣ съ Ровенскимъ уѣздомъ, на Горыни, или Красноселка около Дьякова, или Красноселка къ востоку отъ Заславля. *Круна*—с. Крупецъ около Острога, на Горыни. *Бродовъ*—къ сѣверу отъ Острога, на Горыни. *Радоселки*—Радосевка къ сѣверу отъ Заславля. *Радогоща*—есть Бол. и Мал. Радогощъ—на притокѣ Вили, къ югу отъ мѣст. Кунева, *Межиричи*—можетъ быть Мензиричи—около Острога, а вѣрнѣе—Межиричи—недалеко отъ Корца, въ Ровенскомъ уѣздѣ ²⁾. *Дьяковъ*—на самой границѣ между Острожскимъ и Новоградъ-Волынскимъ уѣздами, недалеко отъ Корца. *Свищовъ* съ *Озерянами*, *Городницей* и двумя *Ставами* должны находится неподалеку другъ отъ друга. Свищовъ есть въ Дубенскомъ уѣздѣ на какомъ то маленькомъ притоцѣ Стыри съ правой стороны; здѣсь же недалеко находится с. Ставище на притоцѣ Путиловки и два сельца Городницы (Бол. и Мал.) на той же рѣчкѣ, что протекаетъ и въ Свищовѣ ³⁾. Озерянь вблизи нѣтъ, но много подобноименныхъ сель разбросано по Луцкому, Ровенскому и Дубенскому уѣздамъ; наконецъ, такъ какъ имя Озерянь произошло отъ характера мѣстности, то они могли находится на томъ же притоцѣ Стыри, образующемъ нѣсколько небольшихъ озеръ. То, что эти села находятся такъ далеко отъ Острога, въ центрѣ луцкихъ земель, едва-ли можетъ служить опроверженіемъ такого опредѣленія ихъ положенія, если припомнить, какими способами увеличивали свои владѣнія князья острожскіе.

Только очень немногія изъ перечисленныхъ мѣстностей являются раньше послѣдней четверти XIV вѣка и извѣстны намъ изъ лѣтописи.

¹⁾ См. Арх. Ю. З. Р. отд. I т. VI ст. 416, 440—2.

²⁾ См. Bałiński i Lipiński „Star. Polska“ t. II cz. II.

³⁾ Здѣсь же, въ окрестностяхъ села Острожець, находятся два городища.

Во главѣ княжества стоялъ гор. *Острогъ*, о которомъ впервые мы узнаемъ изъ лѣтописи еще въ самомъ началѣ XI вѣка, именно въ 1100 году, онъ былъ отданъ Давиду Игоревичу по увѣщательскому съѣзду ¹⁾. Затѣмъ онъ исчезаетъ изъ лѣтописи и появляется опять только въ актѣ 1366 года, какъ одинъ изъ главныхъ городовъ, такъ и, какъ по Луцеу. Онъ расположенъ при слияніи *Иквы* съ Горынью нувшихъ къ казываетъ само его имя, былъ сильно укрѣпленъ ²⁾.

Въ лѣтописи упоминается также *Корецъ* или *Корческъ*, самый восточный погоринскій городъ. Въ 1150 году Мстиславъ Изяславичъ, выпроваживая изъ Погорины засѣвшего было въ ней Глѣба Юрьевича, довелъ его до Корца и отсюда отпустилъ его въ отцу, со словами: „поѣди же брате къ отцу своему, а то волость моя и отца моего по Горину“. *Корецъ* былъ значительно укрѣпленъ; городище его 3-угольной формы, 130 саж. въ окружности, было окружено валомъ и рвами, соединяющимися съ рѣкой ³⁾.

Заславль упоминается въ лѣтописи только одинъ разъ и то очень поздно—во время татарскаго нашествія: „И приде (Батый) Каменцю Изяславлю (и Заславлю), взять я“ ⁴⁾.

Наконецъ, въ сѣверной Погоринѣ находился рядъ маленькихъ княжествъ. Одни изъ нихъ возникли раньше, другіе позже; прекратили свое существованіе они тоже въ разное время.

Раньше другихъ обособился въ Городнѣ родъ Всеволодка Владимировича ⁵⁾, княжившій здѣсь въ продолженіи почти $\frac{3}{4}$ XII ст. отъ 1116 по 1182 годъ ⁶⁾. Были-ли князья здѣсь позже, сказать трудно, такъ какъ, хотя въ XIV вѣкѣ и появляется цѣлая значительная группа мелкихъ князьковъ на Волыни, но, къ несчастью, мѣста ихъ княженія въ большинствѣ случаевъ неизвѣстны ⁷⁾. *Г'ородно* или *Городенъ*

¹⁾ Ип. лѣт. ст. 180.

²⁾ Батюшковъ. Памятники старины въ зап. губ. вып. III.

³⁾ Дон. Корецкой вол. Stecki. Wołyń I str. 279.

⁴⁾ Ип. лѣт. ст. 523. У Даниловича „Lat. Litwy“ вариантъ „I pride ko Kamenciu i nemoу rozbiti steny ich, Ziasławliu i ziat' ja“ (60 ст. рук.). Текстъ испорченъ; слова „nemoу rozbiti steny ich“ вставлены не къ мѣсту и искажаютъ смыслъ фразы; сравн. Ип. лѣт. 523 ст. „И приде к городу Колодажню и постави порока и не може разбити стѣнъ“.

⁵⁾ См. Ип. л. ст. 226—7.

⁶⁾ Погодинъ. Иссл. и зам. т. VI стр. XXXI.

⁷⁾ См. Cod. Vit. № XXXV р. 13. Клязья: Степанскій, Ратненскій и др. Arch. Sang.

—теперь мѣст. Пинскаго уѣзда, на самой линіи водораздѣла бассейновъ Стыри и Горыни. Онъ былъ значительно укрѣпленъ. Въ лѣтописи, подъ 1184 годомъ ¹⁾, упоминается здѣсь какая то каменная церковь, сгорѣвшая отъ молніи.

Немного южнѣ Городна находился городъ *Дубровица* ²⁾, промелькнувшій только въ исторіи Волини. О существованіи его въ эту пору мы знаемъ только по извѣстію о князѣ Глѣбѣ Юрьевичѣ Дубровицкомъ ³⁾. Кажется, раньше Дубровица тянула къ Городну и отецъ Глѣба Юрій Ярославичъ получилъ ее какъ приданное за женой, дочерью Всеволодка Городенскаго ⁴⁾. Дубровица—теперь м. Домбровица на Горыни, недалеко отъ сліянія ея съ Случью ⁵⁾.

Наконецъ, еще южнѣ Дубровицы лежитъ столица третьяго княжества, на которыя распалась сѣверная Погорина,—*Степань* ⁶⁾ (нынѣшнее мѣстечко того же имени на Горыни, въ Ровенскомъ уѣздѣ). Появляется онъ довольно поздно, но уже сразу какъ мѣсто пребываніе отдѣльнаго князя; именно въ 1292 году здѣсь умеръ князь Иванъ Глѣбовичъ и „нача княжити в(ъ) него мѣсто сынъ его Володимиръ“ ⁷⁾. Къ какому роду принадлежали эти князья, опредѣлить рѣшительно невозможно, такъ какъ самое извѣстіе слишкомъ отрывочно ⁸⁾. Княжество это просуществовало, кажется дольше другихъ сосѣдей сво-

(№ VIII р. 8). Князь великій Федотъ съ братьями Симеономъ и Лазаремъ. (№ XI р. 11). Князь Романъ Федоровичъ, кн. Симеонъ Ивановичъ и др.

¹⁾ Ип. лѣт. 428 ст.

²⁾ Максимовичъ. „Дубровица“ въ II т. Полн. соб. соч. Въ Вол. губери. вѣд. за 1855 г. № 39 помѣщенъ переводъ польской статьи „Домбровица“ Гр. Плятера, представляющей компиляцію или скорѣе просто переводъ статьи Максимовича съ добавленіемъ нѣсколькихъ генеалогическихъ замѣтокъ.

³⁾ Ип. лѣт. ст. 426. Умеръ въ 1195 г. см. Ип. лѣт. 466 ст. и Погодинъ. Изслѣдованія и замѣтки т. VI ст. 188.

⁴⁾ Ип. лѣт. 226—7 ст.

⁵⁾ Г. Барсовъ („Очерки“ ст. 122) помѣщаетъ къ югу отъ Дубровицы, въ нын. с. Городцѣ на Горыни—лѣтописный Городескъ 1257 года. Едвали-ли такъ. Сопоставленіе съ сосѣдними: Межибожьемъ, Волоховымъ, Побожьемъ, Городкомъ, Сѣмоцемъ, Возвяглемъ и т. д. (Ип. лѣт. 555 ст.) указываетъ скорѣе на Житомирскій и Новоградъ-Волинскій уѣзды, а не на берега нижней Горыни.

⁶⁾ См. ст. Новоселецкаго. „Мѣстечко Степань“ Вол. губ. вѣд. 1855 г. № 37.

⁷⁾ Ип. лѣт. ст. 616.

⁸⁾ Къ ст. 114. Не сынъ ли онъ Глѣба Волковскаго см. Ип. лѣт. 561 ст. Ни одинъ ни другой Глѣбъ сюда не подходитъ, см. Погодинъ изсл. зам. и лекціи VI т. и указатель къ лѣтописи.

ихъ: еще въ 1375 году мы имѣемъ извѣстіе о князѣ Семенѣ Степаньскомъ ¹⁾. О границахъ всѣхъ этихъ мелкихъ княжествъ никакого представленія мы составить не можемъ, такъ какъ, кромѣ самихъ столицъ, намъ неизвѣстно ни одного населеннаго пункта.

Къ западу отъ всѣхъ перечисленныхъ частей Волыни находится такъ наз. Червенская земля.

Подъ именемъ Червенской земли—Червенскихъ городовъ—многіе изслѣдователи понимаютъ чрезвычайно обширную территорію. Г. Лонгиновъ, авторъ спеціального изслѣдованія о Червенскихъ городахъ говоритъ: „Съ половины XI столѣтія, наряду съ Люблинской землей, на территоріи Несторовыхъ Червенскихъ городовъ, стали выдѣляться отдѣльныя области—Брестская, Холмская, Бельзская, Галицкая и Перемышльская. Вся остальная территорія, не вошедшая въ составъ этихъ областей, сохранила названіе Червенской земли“ ²⁾; и въ другомъ мѣстѣ: „Подъ Червенскими городами, наша начальная лѣтопись разумѣетъ обширную страну, заключающую въ себѣ Галицко-Перемышльскую область, вмѣстѣ съ землями Бельзскою, Бусскою, Любачевскою, Звѣнигородскою и Терембавельскою, забужныя части земли Брестской, зѣмли Холмско-Червенскую и Люблинскую“ ³⁾. Намъ кажется, что размѣры эти слишкомъ преувеличены. Такое представленіе о границахъ Червенской земли основывается на одномъ лишь мѣстѣ лѣтописи: „Иде Володимиръ къ Ляхомъ и зая грады ихъ Перемышль, Червень и ины города, иже суть и до сего дне подъ Русью“ ⁴⁾. Во всѣхъ другихъ случаяхъ лѣтопись, говоря о Червенскихъ городахъ, не даетъ никакихъ указаній на размѣры ихъ территоріи ⁵⁾. Разберемъ подробнѣе этотъ первый текстъ: Владимиръ напалъ на Ляхомъ и захватилъ какіе то ихъ города ⁶⁾, затѣмъ Перемышль и наконецъ Червень и „ины города“. Выраженіе „ины го-

¹⁾ Cod. Vit. № XXXIX.

²⁾ Лонгиновъ „Червенскіе города“ ст. 96.

³⁾ Тамже ст. 187.

⁴⁾ Ип. лѣт. ст. 54.

⁵⁾ Ип. лѣт. 101, 105 ст. Лавр. лѣт. 146 и 146 ст.

⁶⁾ Червенскіе города не принадлежали въ это время Ляхамъ. Лонгиновъ. ст. 60—64.

роды“, естественно, относится только къ одному Червну, такъ какъ, если-бы лѣтописецъ считалъ и Перемышль за червенскій городъ, то онъ, конечно, подвелъ бы Перемышль подъ понятіе Червенскихъ городовъ, назвавъ сперва главный городъ Червень, а затѣмъ уже Перемышль и „ины города“; между тѣмъ лѣтописецъ ставитъ Перемышль особнякомъ, между какими то польскими городами, которые захватилъ Владимиръ, и Червномъ. Наконецъ, непонятно, какимъ образомъ Червенскіе города оторвались отъ Галицко-Перемышльской земли и во все остальное время тянули не къ Галичу, а къ Волыни, а также какъ могъ Владимиръ, а затѣмъ Ярославъ завоевать такую громадную территорію въ одинъ походъ и Болеславъ отнять её у перваго. Самая форма извѣстій о захватѣ Червенской земли опровергаетъ предположеніе о громадныхъ размѣрахъ ея: Болеславъ „грады Червѣньскыя зая собѣ“ ¹⁾, Ярославъ и Мстиславъ „заяста грады Червѣньскыя опять“ ²⁾. Слово „заяти“ едвали можетъ быть употреблено для обозначенія захвата цѣлой большой страны; въ такомъ случаѣ употребляется имя племени, а не страны и другой глаголь: „Поча Олегъ воевати на Древляны“ ³⁾, „Иде Олегъ на Сѣвры, и побѣди Сѣверы“ ⁴⁾, „И бѣ обладая Олегъ Деревляны, Полянми, Радимичи, а со Уличи и Тиверьци имѣяше рать“ ⁵⁾. „Заяти“ употребляется, обыкновенно, для обозначенія захвата имущества, одного города или, наконецъ, небольшой территоріи, напр. „Давыдъ зая Грѣкы во Олешыи и зая въ нихъ все имѣнье“ ⁶⁾. „Володимиричь, сыновець Изяславль зая всѣ города Подесненскыя“ ⁷⁾ и т. д.

Наконецъ, говорятъ, что подъ именемъ Червоной Руси теперь разумѣется гораздо большая площадь, что польскіе географы прошлаго столѣтія причисляли къ Червоной Руси воеводства: Русское, съ землями Холмской и Галицкой, Бельзское и даже Волынское и Подольское, что Іоаннъ Кразинскій, уставщикъ и каноникъ въ Кра-

¹⁾ Ип. лѣт. 101 ст.

²⁾ Ип. лѣт. 105 ст.

³⁾ Ип. лѣт. 13 ст.

⁴⁾ Ип. лѣт. 13 ст.

⁵⁾ Ип. лѣт. 14 ст. См. также Ип. лѣт. 25 ст. подъ 914 г., 28 ст. подъ 942 г. 42 ст. подъ 965 и 966 г. и т. д.

⁶⁾ Ип. лѣт. 144 ст. подъ 1084 г.

⁷⁾ Ип. лѣт. 333 ст. подъ 1156 г.

ковѣ и Гнѣзнѣ, называя Червоную Русь Роксоланіей, говорить, что она заключаетъ въ себѣ области: Львовскую, Люблинскую, Подляхю, Бельзскую, Волинь и пр., доходить до Карпатскихъ горъ, начинаясь недалеко отъ Кракова ¹⁾; но изъ всего этого еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы объемы понятій Червенскихъ городовъ и Червоной Руси были совершенно одинаковы, чтобы Червенскіе города времени Владимира были тѣмъ же самымъ, что Червоная Русь XVII и XVIII вѣковъ. Отождествлять ихъ на основаніи только сходства именъ мы не имѣемъ права. Имя „Червень“, какъ доказываетъ самъ г. Лонгиновъ ²⁾, происходитъ отъ корня „червн“, отсюда—червленый, чермный—въ значеніи—красный, прекрасный. „Такія названія мѣстностей..... обязаны своимъ происхожденіемъ преимущественно плодородію почвы, но многія изъ нихъ, очевидно, сложились такъ по живописному или же выгодному въ какомъ-либо отношеніи географическому положенію“ ³⁾. Земли, которыя помѣщаются въ составъ Червоной Руси, дѣйствительно, удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ, представляемымъ для такого названія, точно также какъ и, въ отдѣльности, мѣстность, занимаемая Червенскими городами. Но и только ⁴⁾.

Намъ кажется, что, придерживаясь точныхъ указаній лѣтописи, мы должны ограничить территорію Червенскихъ городовъ позднѣйшими княжествами: Холмско-Червенскимъ и Бельзскимъ съ землей Бужскою, которыя во всё разсматриваемое время находились въ извѣстной тѣсной связи между собой.

Первоначальная исторія Червенскихъ городовъ — очень темна. Первое извѣстіе о нихъ мы имѣемъ подъ 981 годомъ: „Иде Володимиръ къ Ляхомъ и зая грады ихъ, Перемышль, Червень, и ины го-

¹⁾ Лонгиновъ ст. 53.

²⁾ Лонгиновъ стр. 6—9.

³⁾ Тамъ же ст. 9.

⁴⁾ Зубрицкій, всю жизнь изучавшій и разрабатывавшій исторію своей страны предоставилъ Червоной Руси сперва такую территорію. „Часть нынѣшняго Галицкаго королевства, отдѣляемая р. Вислокомъ, отъ истоковъ ея до впаденія въ р. Сянъ, потомъ р. Сяномъ до границы царства Польскаго и лежащая на востокъ..... (затѣмъ) еще значительная часть Волини, Подолия, Подлѣсія“ (Кр. Ист. Пов. ст. 16). Но затѣмъ онъ отказался отъ своего мнѣнія: „Червоной Русью, говоритъ онъ, могъ называться край въ окрестностяхъ Холма, Люблина, Бельза и Любачева и, можетъ быть, еще Перемышль; наша же Русь звалась частью Волиньскою, Подоломъ, а частью Галицкой Русью“. (ibid. пр. 179 ст. 304).

роды, иже суть и до сего дне подъ Русью“¹⁾. Какъ мы выше уже сказали, только первые „грады“ принадлежали Полякамъ.—У кого-же Владимиръ „зая Перемышль, Червень и ины города“? На это намъ даетъ отвѣтъ грамота имп. Оттона II и папы Бенедикта VI пражскому епископу (973 г.), которая опредѣляетъ границы пражской епископіи на востокъ до Буга и Стыри²⁾. Лѣтописецъ, рассказывая о жизни Владимира Святаго послѣ принятія христіанства, говоритъ: „и бѣ живя с князи околными его миромъ, с Болеславомъ Лядскимъ, и съ Стефаномъ Угорьскимъ, и съ Ондроникомъ Чешскимъ, и бѣ миръ межи ими и любы“³⁾. Такимъ образомъ Русь, при Владимирѣ, граничила съ владѣніями короля чешскаго и, если принять во вниманіе вышеуказанную грамоту Оттона II и Бенедикта VI, то ясно будетъ, что Червенскіе города и Перемышль были въ зависимости, можетъ быть только номинальной, отъ Чеховъ. О борьбѣ за нихъ съ Чехами нѣтъ никакихъ указаній. Въ 1018 году, Червенскіе города были захвачены Болеславомъ Храбрымъ, но черезъ 12 лѣтъ были возвращены къ Руси и затѣмъ въ продолженіи почти всего рассматриваемаго періода были неразрывно связаны съ Волынью. Правда, за это время, нѣсколько разъ то Бельзъ, то Червень⁴⁾ выдѣлялись въ особия княжества, но эта самостоятельность ихъ продолжалась недолго и сознание близкой, кровной связи не терялось никогда; если въ это время и происходили усобицы съ князьями владимирскими, то они ничѣмъ не рознились по своимъ мотивамъ отъ усобицъ, постоянно происходившихъ въ родѣ князей черниговскихъ и др. Въ началѣ XIV вѣка, мы теряемъ изъ виду Червенскіе города и только во второй половинѣ этого столѣтія исторія ихъ нѣсколько проясняется. Они выступаютъ теперь съ княземъ Юріемъ во главѣ. Самъ князь Юрій—лицо въ высшей степени загадочное; трудно даже опредѣлить Славянинъ ли этотъ князь или онъ литовскаго происхожденія; одни изслѣдователи считаютъ его сыномъ Наримунта Гедиминовича, другіе склонны видѣть

¹⁾ Ип. лѣт. 54 ст.

²⁾ Лонгиновъ ст. 60. Здѣсь же приведенъ перечень мнѣній ученыхъ по этому вопросу.

³⁾ Ип. лѣт. 87 ст. Лавр. лѣт. 124 ст.

⁴⁾ Въ Бельзѣ: Всеволодъ Мстиславичъ (1188—95) Василько Романовичъ, Всеволодъ и Александръ Всеволодовичи и др. Въ Червиѣ: Всеволодъ (1204) и Александръ Всеволодовичи и др.

въ немъ внука извѣстнаго волынскаго князя Мстислава Даниловича и отцемъ его считаютъ Данила Мстиславича, о жизни котораго не извѣстно ровно ничего. И то и другое мнѣніе имѣеть за собой извѣстные данныя. Подробнѣе о нихъ мы скажемъ ниже. Во всякомъ случаѣ этотъ князь, человекъ, очевидно, очень энергичный и талантливый, является яримъ врагомъ Поляковъ и ревностнымъ сподвижникомъ Любарта въ его борьбѣ за самостоятельность Волыни. Не смотря на всѣ старанія Казимира Великаго и Людовика Венгерскаго, имъ не удалось одолѣть окончательно этого безпокойнаго сосѣда; онъ терялъ отдѣльныя области своего удѣла, но продолжалъ твердо сидѣть въ своемъ сильно укрѣпленномъ Бельзѣ. Наконецъ, только вслѣдствіе брака Ягелла на Ядвигѣ и новыхъ отношеній, въ которыя сталъ великій князь литовскій къ Польшѣ, князь Юрій Бельзскій и сынъ его Иванъ лишились и остатковъ своего удѣла, которыми Ягелло слѣшилъ успокоить важнѣйшаго изъ своихъ соперниковъ—претендентовъ на польскій престолъ—кн. Семовита Мазовецкаго.

Область Червенскихъ городовъ дѣлилась на двѣ главныя части: на княжество Бельзское, выдѣлившееся впервые въ 1184 году, и на княжество Червенское. Послѣ основанія или, скорѣе, возобновленія Холма Данииломъ начинается поглощеніе Холмомъ волостей, прежде тянувшихъ къ Червеню. Еще въ самомъ концѣ XIII вѣка есть извѣстіе о существованіи Червенскаго княжества, но съ XIV в. оно совершенно входитъ въ составъ Холмскаго княжества и самъ Червень исчезаетъ изъ исторіи навсегда.

Сѣверная граница 1) Червенской земли не переходила лѣтописной р. Кросны 2) (нынѣшняя р. Крзна, притокъ Э. Буга съ лѣвой стороны), такъ какъ Воинь „село на Вѣкраиници“—нынѣшній Вохинь 3) (къ SE отъ Радзина) принадлежалъ къ Берестейской землѣ 4). На западѣ, граница шла по Тысяницѣ къ устью Быстрицы, при-

1) Очеркъ границъ составленъ преимущественно по Лонгинову.

2) „Ляховѣ воеваша у Берестыя по Кроснѣ..... Берестыяни же собрашася и гнаша по нихъ. Ип. лѣт. ст. 586.

3) Г. Лонгиновъ говоритъ, что въ древнихъ грамотахъ Вохинской церкви село называется Воиномъ ст. 96.

4) „И вспомяну Володимѣрь, оже преже того Лестко, пославъ Люблинѣць, взявъ бѣшеть у него село на Вѣкраиници, именемъ Воинь“. Ип. лѣт. ст. 586 подъ 1282 г. Червенская земля не принадлежала въ это время Владимиру Васильковичу.

тока Вепря, потомъ по водораздѣлу между Быстрицей и Гелчевомъ, притокомъ Пора, огибая Быхаву, и между рр. Санной, притокомъ Вислы и Поромъ, на которомъ лежитъ Туробинь ¹⁾. Далѣе, она шла по верховьямъ Лады, Танева и Бѣлой ²⁾ и здѣсь пересѣкалась съ сѣверной границей Галицко-Перемышльской земли. Затѣмъ, она проходила по водораздѣлу между Саномъ, Бугомъ и Вепремъ, на нынѣшній Потеличъ—лѣтописный, какъ можно думать, Теличъ ³⁾, мимо Щекатова ⁴⁾, и Звенигорода по рр. Полтеву и Ярычевкѣ, мимо Львова ⁵⁾—къ З. Бугу; захвативъ, такимъ образомъ, бассейнъ части З. Буга, ниже впаденія р. Полтева, граница переходила, нѣсколько южнѣе г. Бужска, черезъ З. Бугъ, проходила мимо Пльснеска и Олеска, по водораздѣлу между Стырью и З. Бугомъ и наконецъ сливалась съ его теченіемъ вблизи того мѣста, гдѣ онъ теперь входитъ въ предѣлы Волынской губерніи, чтобы не разставаться съ нимъ до самой исходной точки своей—около впаденія Кросны въ З. Бугъ.

Территорія эта дѣлилась на двѣ части: Холмско-Червенское и Бельзское княжества. Предѣлы Холмско-Червенской земли, занявшей сѣверную половину территории Червенскихъ городовъ, не переходили за линію, проведенную отъ верховьевъ Танева и Вепря къ верховьямъ Гучвы и р. Сулимовки, лѣваго притока З. Буга.

Границу между Холмской и Червенской землями опредѣлить

¹⁾ Основывалась на ординаціи Замоискаго (1589 г.), г. Лонгиновъ говоритъ (ст. 231): „Пунктами, черезъ которые до самихъ истоковъ р. Бѣлой проходила древняя межа, отдѣлявшая Холмско-Червенскую землю отъ Люблинской были, кромѣ Красника, слѣдующія села: Сухиня, Выжница, Выжвянка, Стружа, Слодковъ, Блиновъ, Вильколазъ, Волька Рудницкая, Пониква, Токары, Бискупе, Тернава и Хута“. Затѣмъ въ другомъ мѣстѣ онъ опредѣляетъ границу Люблинскаго воеводства при Казимирѣ Великомъ, около 1342 г. на востокъ она шла начиналась отъ Вонна на села: Парчевъ, Островъ, устье р. Быстрицы, далѣе она огибала съ лѣвой стороны Туробинь, проходила мимо Янова и упиралась въ Санъ около Радомысла (ст. 16).

²⁾ Подтверженіе этой граничной линіи г. Лонгиновъ видитъ въ эпизодѣ, рассказанномъ въ Ип. лѣт. ст. 529, и Андреевъ видитъ въ Андреевкѣ около м. Фрамполя. Этой Андреевки мы ни въ одной изъ 4-хъ бывшихъ у насъ довольно подробныхъ картъ Люблинской губерніи не нашли.

³⁾ Ип. лѣт. 566 ст.

⁴⁾ Городище близъ с. Глинска, въ Жолкевскомъ окр. см. Барсовъ „Очерки“ ст. 118.

⁵⁾ Когда былъ пожаръ въ Холмѣ, причеъ сгорѣлъ весь городъ „Сицѣ же пламени бывшу, якоже со всеи земли зарѣ видити, якоже и со Львова зряще видити, по полемъ Бельзскимъ, отъ горения силнаго пламени“. Ип. лѣт. ст. 557.

почти невозможно, такъ какъ первая постепенно и безостановочно поглощала послѣднюю. Однако для конца XIII вѣка г. Лонгиновъ опредѣлили её, ограничивъ собственно Червенскую землю частями Грубешовскаго и Замостьскаго уѣздовъ и цѣлымъ Томашовскимъ уѣздомъ. Такимъ образомъ, отъ Волыни она отдѣлялась З. Бугомъ, а отъ Холмской земли верховьями Вепря и Гучвой¹⁾.

Бельзская земля занимала южную часть прежней территоріи Червенскихъ городовъ.

Есть нѣсколько противорѣчивыхъ мнѣній о томъ, гдѣ находился лѣтописный *Червенъ*. Соловьевъ и его послѣдователи предполагаютъ, что это—Червоноградъ въ Чертковскомъ округѣ, въ Галиціи, на Дзурошѣ, лѣвомъ притокѣ Днѣстра. Карамзинъ и Бѣляевъ указываютъ на с. Чернеевъ къ югу отъ Холма и наконецъ остальные изслѣдователи по этому вопросу — и притомъ большинство—Ходаковскій, Шафарикъ, Зубрицкій, Шараневичъ, Барсовъ, Иловайскій, Лонгиновъ и др. указываютъ на дер. Чермно близъ Тышовцевъ, въ Томашовскомъ уѣздѣ, на р. Гучвѣ. Послѣднее мнѣніе—наиболѣе вѣрное; оно, съ одной стороны, не опровергается никакими лѣтописными указаніями, а съ другой стороны подтверждается топографическими данными. Между деревнями Чермно и Вакіевымъ, находящимися вблизи другъ отъ друга, почти на самомъ берегу р. Гучвы находится громадное городище, раздѣленное на три неправильной формы укрѣпленія. Собственно „Городищемъ или Замчискомъ“ называется та часть, которая находится у самаго берега Гучвы. Городище достигаетъ до 183 сажень въ окружности. Мѣстные жители рассказывали одному изслѣдователю, что Чермно было когда то гораздо обширнѣе: оно захватывало и противоположный берегъ Гучвы, гдѣ также есть слѣды укрѣпленій, покрытые дремучимъ боромъ. Замѣчательны также названія двухъ урочищъ, находящихся неподалеку другъ отъ друга: одно изъ нихъ называется „Подъ-монастыремъ“, другое „Червенець“. „Какъ бы то ни было“, говоритъ г. Лонгиновъ при топографическомъ описаніи Червна, названіе Червена кроется не въ той мѣстности, которую нынѣ зовутъ Чермно, а въ той, которая, на Вакіевѣ, зовется Червенцемъ. Несомнѣнно, здѣсь былъ главный пунктъ города, обнимавшаго,

¹⁾ Лонгиновъ стр. 170.

вѣроятно, своими валами и предмѣстьями Чермно Вакіевъ, Замчиско, монастырь, а быть можетъ и близлежащія съ двухъ сторонъ, на разстояніи около версты отъ Чермно-Вакіева, села Переспу и Майданъ—Переспу. На мѣстахъ, гдѣ находятся обѣ Переспы, вѣроятно были насыпные валы, такъ какъ „переспа“, по нашей лѣтописи, означаетъ насыпь“¹⁾. Разновремененно здѣсь были находимы остатки различныхъ каменныхъ построекъ. Сосѣдній лѣсъ наполненъ множествомъ могилъ.

Къ сѣверу отъ Червена находился другой центръ земли—Холмъ, основанный или, можетъ быть, возобновленный только Даниломъ Романовичемъ. Существуютъ нѣкоторыя указанія, позволяющія отнести этотъ городъ къ числу самыхъ древнѣйшихъ городовъ на Руси, хотя, нужно признаться, они представляются вовсе не убѣдительными. Данные эти собраны у г. Лонгинова²⁾ и въ VII томѣ „Памятниковъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ“, въ статьѣ г. Хрущеви-ча³⁾. *Vilkina saga*, на которую ссылается г. Лонгиновъ, ни слова не говоритъ о Холмѣ: сага перечисляетъ области *Känungardhia*, *Holmgardhia*, *Palltescia* и *Smalenskia* т. е. Кіевъ, Новгородъ (а не Холмъ), Полотескъ и Смоленскъ, слѣдовательно, именно тѣ области, съ которыми Скандинавы имѣли преимущественно сношенія, области, лежавшія на рѣчныхъ путяхъ „изъ Варягъ въ Греки“. Холмъ на путяхъ этихъ не лежалъ, о сношеніяхъ его съ скандинавскими народами мы ничего не знаемъ⁴⁾ и потому толкованіе Шафарика, выдающаго въ

¹⁾ Лонгиновъ ст. 186. Описаніе составлено по отрывку изъ „Поѣздки въ Червоную Русь“, помѣщенную у Барсова „Очерки“ прим. 172 и по Лонгинову стр. 182—187.

²⁾ Стр. 54—58.

³⁾ Статья называется „Городъ Холмъ“ стр. 13—45.

⁴⁾ Вопросъ о сношеніяхъ Холма и вооце Волынской земли съ Скандинавіей можетъ съ извѣстной точностью быть рѣшенъ на основаніи находокъ, сдѣланныхъ здѣсь. На Волыни найдено было множество монетныхъ кладовъ; большинство ихъ относится къ XVI—XVII вв. Но найдены также монеты римскихъ императоровъ въ с. Машевѣ Владим. уѣздѣ (Марка Аврелія), въ Александріи Ровенск. уѣзда (Антонина) (см. Исслѣдованіе о кладахъ Волынской губ. (изъ Вол. губ. вѣд. за 1884 г.) Житомиръ 1885 г.) У с. Антоновцы Крем. уѣзда (Stecki. Wołyń. II t. st. 87), у с. Киверцы Луцк. уѣзда (Имп. Марка Аврелія, Максимиана, Геренія Этруска и т. д. Brączynski. Actuarium historiae naturalis Regni Poloniae 1742 p. 24—5). и т. д. и т. д.

Монеты испанскія X в. найдены были въ Ковельскомъ уѣздѣ (Исл. о кладахъ 8 ст.). Монеты кувическія найдены въ имѣніи Чалле-Обремналке, Сѣдл. губ. Соколов. уѣзда (713—871 г.) и въ д. Костомлотахъ Сѣдл. губ. (около Бреста)—X в. (Тизенгаузенъ. Монеты восточнаго калифата ст. XXXVI) и т. д.

„Holmgardia“—Новгородъ, намъ кажется гораздо болѣе правильнымъ, чѣмъ ясно тенденціозное чтеніе Вельмана, а за нимъ и г. Лонгинова. Указанія Длугоша, Кромера и Нарушевича, на которыя ссылается далѣе г. Лонгиновъ, тоже очень сомнительны. По ихъ словамъ, Болеславъ Смѣлый въ 1073 году пытался взять Холмъ, но ему это не удалось и онъ ограничился опустошеніемъ только окрестностей. Лѣтопись объ этомъ ничего не говоритъ и кромѣ того мы не знаемъ ни одного факта, который бы могъ послужить причиной быстрого упадка города, служившаго долгое время оплотомъ цѣлой страны. Наконецъ, указанія, находящіяся въ книгѣ Якова Суши „*Phoenix tertiatio redivivus*“, что на колонѣ холмскаго каедральнаго собора былъ обозначенъ по гречески 1001 годъ и затѣмъ стѣны собора отъ древности казались какъ бы литыми изъ олова ¹⁾, тоже не безспорны, такъ какъ самъ Яковъ Суша этой надписи не видѣлъ и самая колонна была разрушена за много лѣтъ до его рожденія; что же касается до крѣпости стѣнъ, то постройки княжескаго періода извѣстны своей прочностью и долговѣчностью ²⁾. Намъ кажется, что большимъ

Византийскія монеты были найдены вмѣстѣ съ куфическими въ Костомлотахъ. Монеты германскихъ владѣльцевъ относятся къ болѣе позднему времени: у М. Шпиколоси Владим. уѣздъ—монеты имп. Карла IV ($\frac{1}{2}$ XIV в.) и въ Луцкѣ—монеты богемскихъ королей: Венцеслава II, (1278—1305) и Иоанна I (1311—46). См. Извѣстія Археол. общ. т. VI. от. 2 ст. 212. О находкахъ англо-саксонскихъ мы не нашли ни одного указанія не смотря на то, что нами пересмотрѣны почти всѣ томы: Извѣстій Археологическаго Общества, Древностей (Труды Моск. арх. общ.), Древностей, издававшихся подъ редакціей А. А. Котляревскаго, Записокъ Имп. Археолог. общества, Записокъ отдѣленія русской и славянской археологіи Импер. русскаго археологическаго общества, Отчетовъ Имп. Археол. общества, а также сочиненіе Б. В. Кёне „Описаніе Европейскихъ монетъ X, XI, XII вв., найденныхъ въ Россіи“.

¹⁾ „Холмская Русь“ стр. 15.

²⁾ Сравнить Ил. лѣт. ст. 558. Если бы Холмъ до Данила былъ когда либо значительнымъ городомъ, то этотъ разсказъ лѣтописи, не имѣлъ бы смысла, такъ какъ Даниилъ безъ всякаго сомнѣнія зналъ бы объ этомъ. Хронологія Галицко-Волынской лѣтописи чрезвычайно спутана и точно опредѣлить къ какому году нужно отнести основаніе Холма—невозможно. Впервые онъ упоминается подъ 1223 годомъ, но, какъ извѣстно, епископъ Асафъ „скачи на столъ митрополичъ“ и за то „свѣрженъ бысть стола своего“—во время татарскаго нашествія, когда митрополитъ Іосифъ, только что прибывшій изъ Константинополя, пропалъ безъ вѣсти; слѣдовательно это извѣстіе попало подъ 1223 годъ случайно. Точно также не на мѣстѣ поставлено извѣстіе, находящееся подъ 1248 годомъ, что въ это время „Холму не поставлену бывшю Даниломъ“ (Ил. лѣт. 531 ст.), такъ какъ дальше лѣтописецъ говоритъ, что его „Татарове не возмогша прияти, огда Батый всю землю

городомъ Холмъ до Даниіла никогда не былъ, но нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что здѣсь находилось какое нибудь мѣстечко или деревенька, называвшаяся Холмомъ, хотя изъ лѣтописи даже и этого нельзя заключить ¹⁾).

Какъ бы то ни было, но около 1237 года Даниилъ основалъ здѣсь „градѣць малъ“, укрѣпилъ его стѣнами и выстроилъ церковь во имя св. Іоанна Златоуста. Это было время, когда Даниилъ, утомившись безконечной борьбой съ непокорными галицкими боярами, искалъ новой столицы. Сперва онъ остановился было на Угровскѣ, но, послѣ основанія Холма, окончательно рѣшилъ утвердиться въ Холмѣ. „Видѣвъ же яко Богъ помощникъ ему и Іоанъ спѣшникъ ему есть, и созда градъ иный, его же Татарове не возмогоша прияти, огда Батый всю землю Русскую поима“ ²⁾. Вскорѣ онъ здѣсь выстроилъ и великолѣпно изукрасилъ церкви: Троицкую, сгорѣвшую во время нашествія Татарскаго и Козьмо-Демьянскую. Въ видахъ укрѣпленія и украшенія города Даниилъ устроилъ вежу на каменномъ фундаментѣ, достигавшемъ 15 локтей. Сама вежа была изъ тесанаго дерева „и убѣлена яко сыръ, свѣтяцися на всеи стороны“ ³⁾. На случай осады, чтобы не было недостатка въ водѣ, вырытъ былъ замѣчательно глубокой колодезь; онъ достигалъ 35 саж. Колодезь этотъ существуетъ и теперь. На „поприще“ отъ города, по дорогѣ къ нему находился столбъ каменный съ орломъ на верху, выстроенный, очевидно, съ цѣлью указать, что этотъ городъ—столица. Въ 1259 г., во время са-

---

Рускую поима“ (Ип. лѣт. ст. 558). Слѣдовательно онъ былъ основанъ до 1240 года. Въ первый разъ онъ какъ уже существующій упоминается подъ 1235 годомъ („Данилу, въ Холмѣмъ будущю“, говорится здѣсь. Ип. лѣт. ст. 517), но подъ 1235 годомъ въ лѣтописи сгруппированы событія нѣсколькихъ годовъ. Въ началѣ извѣстій помѣщенныхъ подъ этимъ годомъ лѣтописецъ говоритъ „Кондратови же ставшу кде иный градъ Холмъ стоитъ“, слѣдовательно Холмъ еще не существовалъ, между тѣмъ черезъ два года (лѣту наставшю.... веснѣ же бывши.... по томъ же лѣтѣ) Даниилъ уже былъ въ Холмѣ, устраивалъ его. Если походъ на Темплиаріевъ произошелъ въ 1238 году (Дашкевичъ. Даниилъ Галицкій стр. 18. прим.), то это пребываніе Даниіла въ Холмѣ нужно отнести къ 1239 году, но, очевидно, заложенъ онъ былъ раньше (около 1237 г.), такъ какъ въ 1240 году, онъ уже могъ выдержать осаду татарскаго воиска.

¹⁾ „Яздящу же ему по полю и ловы дѣющу, и видѣ мѣсто красно и лѣсно на горѣ, обходящу округъ его полю и вопроша тоземѣць“..... „Тоземѣць“ можетъ обозначать жителей окрестныхъ селъ, вѣроятно, собранныхъ загонщиками на княжью охоту.

²⁾ Ип. лѣт. 558 ст.

³⁾ Ип. лѣт. 559 ст.

маго нашествія Куремсы, Холмъ загорѣлся отъ неосторожности какой то „окаянная баба“ и сгорѣлъ весь до-тла. Пламя было такъ велико, что зарево видно было во Львовѣ. Окрестные жители, предполагая, что Холмъ уже въ рукахъ Татаръ, разбѣжались по лѣсамъ. Отбившись отъ Куремсы, Даниилъ принялся за возобновленіе любимаго города, но новый Холмъ былъ уже далеко не таковъ, какъ прежде: у Даниила прибавилось теперь много новыхъ заботъ по укрѣпленію другихъ городовъ Волыни и онъ не имѣлъ теперь ни времени, ни средствъ возстановить всё въ прежнемъ видѣ. Онъ возобновилъ только старыя церкви и устроилъ новую во имя Пресвятой Богородицы, въ которой былъ похороненъ онъ самъ и два его сына, Романъ и Шварнъ ¹⁾. Вскорѣ послѣ татарскаго нашествія сюда была перенесена епископія изъ Угровска и первымъ епископомъ былъ Іоаннъ „отъ кѣлроса великое церкви святой Богородицы Володимерьской“ ²⁾. Въ 1377 г. Холмъ отошелъ къ коронѣ польской и въ этомъ же году здѣсь была основана католическая епископія, перенесенная въ 1473 году въ Грубешовъ.

Въ 1213 году Даниилъ „ѣха съ братомъ и прия Берестий, и Угровескъ, и Верещинъ и Столпзе, Комовъ, и всю Украйну“ ³⁾. Подъ Украйной здѣсь подразумѣвается территорія, расположенная на западъ отъ перечисленныхъ городовъ, выдѣлявшихся, какъ это ясно изъ точнаго смысла текста, изъ понятія Украйны, слѣдовательно, это—земли по Вепрю и верховьямъ Лады, Танева и Бѣлой.

Кромѣ Берестья, не принадлежавшаго къ числу холмско-червенскихъ городовъ, мы изъ этого текста узнаемъ о 4-хъ городахъ: *Угровескъ*—нынѣшній Угрускъ на З. Бугѣ, выше Влодавы, съ монастыремъ св. Даниила ⁴⁾. *Верещинъ* ⁵⁾—на самой границѣ Люблинской

¹⁾ Ип. лѣт. ст. 600.

²⁾ Какъ на одно изъ вѣсскихъ доказательствъ древности Холма указываютъ на текстъ Никоновской лѣтописи, что при перенесеніи мощей свв. Бориса и Глѣба присутствовалъ епископъ Иванъ Холмскій (Ник. лѣт. I ст. 165), но если принять во вниманіе всё вышесказанное и умолчаніе объ этомъ всѣхъ прочихъ болѣе достовѣрныхъ и древнихъ списковъ лѣтописей, то приходится и это доказательство признать недостаточнымъ.

³⁾ Ип. лѣт. 460 ст.

⁴⁾ Влѣзъ него с. Воля Угруйска. На „картѣ Царства Польскаго, служащей къ продолженію подробной карты Россіи“ 1816 года—Урускъ. О монастырѣ св. Даниила см. Ип. лѣт. 575 ст.

⁵⁾ На картѣ 1816 года—Вересежинъ. Барсовъ „Матерьялы“ 27 ст. указываетъ на Верещинъ между Бельзомъ и Грубешовымъ.

и Сѣдлецкой губерній, на р. Влодавѣ. *Столтѣ* ¹⁾—близъ Павлова, по дорогѣ изъ Холма въ Люблинъ и *Комовъ* ²⁾—нынѣ Кумовъ—къ югу отъ Холма. Замѣчательна исторія перваго изъ нихъ—Угровска. Волею Данила этотъ незначительный городокъ одно время даже имѣлъ своего епископа. Это было въ то время, когда Даниилъ искалъ себѣ новой столицы, чтобы избавиться отъ вѣчной борьбы съ родовой галицкой аристократіей, съ боярствомъ. Взгляды его сперва остановились и на Угровскѣ, городкѣ недавняго происхожденія, даже, кажется, имъ самимъ построенномъ ³⁾. Тогда то и былъ поставленъ Угровску особый епископъ Юсафъ, лишенный епархіи за самовольный захватъ митрополичьяго сана ⁴⁾; сама-же епископія была перенесена въ только что основанный Холмъ.

Къ сѣверу отъ Угровска стоялъ г. *Володава* ⁵⁾—нын. мѣстечко Влодава у устья р. Влодавы въ Зап. Бугѣ, это—самый сѣверный населенный пунктъ, извѣстный намъ въ Холмско-Червенской землѣ.

Южнѣе его на Влодавѣ же находился *Андреевъ*—нынѣшній (можетъ быть), Андржейовъ ⁶⁾; г. Лонгиновъ указываетъ Андреевъ въ дер. Андреевкѣ близъ Фрамполя ⁷⁾, что по ходу обстоятельствъ кажется вѣрнѣе, но мы этой Андреевки ни на одной изъ картъ царства Польскаго найдти не могли.

¹⁾ Столтѣ получило свое имя отъ извѣстныхъ вѣжъ или столповъ. Одинъ изъ нихъ сохранился и теперь (было ихъ три). Другой находится у дер. Вѣлавино въ 2-хъ верстахъ отъ Холма. Авторъ статьи „Вѣлавинская и Столтѣнская башни подъ Холмомъ“, помѣщенной въ „Холмской Руси“ стр. 44—63, г. Хрущевичъ предполагаетъ, что это были охотничьи дворцы мѣстнаго князя, какъ говоритъ преданіе Щека,—Рисунки обѣихъ башенъ въ нынѣшнемъ ихъ состояніи приложены къ ст. Ревякина „Столпы или вѣжи подъ Холмомъ“ Холмскій мѣсяцесловъ за 1868 г. ст. 131—142.

²⁾ Кумовъ считался городомъ уже въ 1494 году. Лонгиновъ стр. 140.

³⁾ „Данилови бо князю во Володимѣрѣ, созда градъ Угорескъ и постави во немъ пискуца“ Ип. лѣт. ст. 558.

⁴⁾ Г. Чисовичъ говоритъ (Исторія зап.-рус. церкви т. I ст. 175), что епископія угровская была основана еще въ концѣ XI столѣтія или въ началѣ XII и, въ первое время своего существованія, обнимала всѣ православныя церкви между З. Бугомъ и Вислой, включая сюда Краковскую область, и на сѣверѣ простиралась за Вислу до Опатова (Радомской губ.). На какомъ основаніи онъ говоритъ это, мы не знаемъ и принять все это безъ подтвержденія фактами не рѣшаемся.

⁵⁾ Ип. лѣт. 528 ст.

⁶⁾ Ип. лѣт. 529 ст.

⁷⁾ Лонгиновъ стр. 95.

Еще далѣе къ югу, рядомъ стояли гг. *Бусовно* ¹⁾, нынѣшнее с. Бусовна, между Холмомъ и Верещинымъ, и *Охоже*, нынѣ деревня Охожа въ окрестностяхъ Столпья ²⁾. Спускаясь далѣе къ югу встрѣчаемъ *Сухую Дорогу* ³⁾, нынѣшній Суходоль у Файславицъ, *Ухани* ⁴⁾, —нынѣшнее мѣстечко Ухане, на полудорогѣ между Красноставомъ и Грубешевымъ, и *Городло* — на З. Бугѣ, немного ниже впаденія въ него р. Луга. Въ первый разъ Городло появляется въ 80-хъ годахъ XIII вѣка; его завѣщаетъ своей женѣ Владимиръ Васильковичъ; въ это время онъ былъ еще селомъ ⁵⁾. Впослѣдствіи оно было сильно укрѣплено и сдѣлалось однимъ изъ сильнѣйшихъ оплотовъ всего Забужья ⁶⁾.

Къ югу отъ Красностава, немного въ сторону отъ дороги во Владимиръ находятся въ самомъ близкомъ другъ отъ друга разстояніи селенія: Орловъ Майданъ, Орловская Воля, и Орловъ Древняный, подъ которыми, какъ думаютъ ⁷⁾, скрывается лѣтописное селеніе *Орельскъ* ⁸⁾.

Во второй половинѣ XIII столѣтія появляется впервые городъ *Грабовецъ* ⁹⁾ (мѣстечко Грабовецъ между Грубешевымъ и Красноставомъ), позже, въ концѣ XIV ст., занявшій видное мѣсто въ числѣ городовъ, защищавшихъ берега Буга; онъ обязанъ этимъ, главнымъ образомъ, удобству своего мѣстоположенія. Гванини говоритъ о немъ: „*arx in colle eminentissimo natura et oportunitate loci munitissima accessuque ardua*“ ¹⁰⁾.

¹⁾ Ип. лѣт. 531 ст.

²⁾ Ип. лѣт. 531 ст.; а не Оцкоржа Барсова „Очерки“ ст. 121. См. статью Ревякина о вѣжахъ или столпахъ.

³⁾ Ип. лѣт. 490. г. Барсовъ указываетъ на двѣ Сухавы въ 10 верстахъ отъ Влодавн. „Очерки“ ст. 121.

⁴⁾ Ип. лѣт. 483 ст.

⁵⁾ „Иже далъ есмь ей село свое Городель и съ мѣтомъ.... и т. д.“ Ип. лѣт. ст. 595. Одно время Городло принадлежало къ Владимирскому княжеству см. Daniłowicz Scarbies № 432.

⁶⁾ Guagnini. p. 40/1 Hrodlo.... arcem in colle, Bugo praeterflum, habet“.

⁷⁾ Надеждинъ и Неволинъ — у Погодина „Изсл. и зам.“ IV ст. 196. Барсовъ „Матерьялы“ ст. 154 и „Очерки“ ст. 121.

⁸⁾ Ип. лѣт. 482 ст.

⁹⁾ Ип. лѣт. 572 ст.

¹⁰⁾ p. 40/1.

На Гучвѣ, недалеко отъ ея устья, расположенъ г. *Грубешовъ* (нынѣ уѣздный городъ) съ церковью св. Николая ¹⁾). Южнѣе Грубешова, находится дер. Чернечинъ, покрывшая собою, какъ думаетъ г. Лонгиновъ ²⁾, лѣтописный *Чернецьскъ*, гдѣ съѣзжались въ 1142 году Святославъ Всеволодовичъ, Изяславъ Давыдовичъ и Владимиръ Галицкій съ Владиславомъ Польскимъ ³⁾).

Наконецъ, дарственная грамота Юрія Холмскаго кафедральной холмской церкви, данная въ 1376 году, перечисляетъ еще 4 села, уже существовавшія въ это время: *Стрижово* на З. Бугѣ, немного выше Городла, *Сленче*, тоже на З. Бугѣ въ нѣсколькихъ верстахъ къ югу отъ Стрижева, *Космово* ⁴⁾—близъ Крылова, почти на границѣ Владимирскаго и Люблинскаго уѣздовъ и *Щучнево*—гдѣ-то на З. Бугѣ, такъ какъ оно было подарено „з обема береги обаполь Бугу“ ⁵⁾).

На Украинѣ мы знаемъ нѣсколько мѣстностей, появившихся очень поздно, въ большинствѣ случаевъ только въ XIV столѣтїи. *Щекаревъ* ⁶⁾ находился на мѣстѣ нынѣшняго уѣзднаго города Красностава, основаннаго въ 1394 году на поляхъ села Щекарева ⁷⁾).

Щебрешинь на Вепрѣ и *Туробинъ* на Порѣ существовали уже въ XIV вѣкѣ, какъ это видно изъ жалованныхъ грамотъ Владислава Опольскаго и Ягайла Дмитрію изъ Горая ⁸⁾).

Наконецъ, гдѣ то здѣсь же находился и лѣтописный *Сутейскъ*, лежащій, по словамъ лѣтописи ⁹⁾, вблизи Червена, но такъ какъ именемъ своимъ онъ указываетъ на существованіе здѣсь какой-то границы, то мы и помѣщаемъ его въ этой украинной мѣстности.

Гораздо меньше населенныхъ мѣстностей извѣстно въ Бельзской

¹⁾ Ип. лѣт. ст. 550. см. также Лонгиновъ ст. 267—271.

²⁾ Стр. 284. Погодинъ думаетъ, что онъ былъ въ Польшѣ. Иссл. и зам. т. IV стр. 167.

³⁾ Ип. лѣт. ст. 224.

⁴⁾ Погодинъ. Иссл. и зам. т. IV стр. 147.

⁵⁾ „Холмская Русь“ ст. 73. Также Зубрицкій „Исторія“ т. III пр. 249.

⁶⁾ Ип. лѣт. 492 и 585 ст.

⁷⁾ См. Лонгиновъ, главу—„Красноставъ и его православныя церкви“ ст. 247—330 стр.; а также Памятную книжку Люблинской губ. на 1874 г. Описаніе г. Красностава ст. 121—3.

⁸⁾ См. Шараневичъ „Исторія“ ст. 221 пр. 17. По Лонгинову Щебрешинь существовалъ въ XII стр. 224—5. см. также „Холмская Русь“ статья „Успенская церковь въ Щебрешинь“ стр. 234.

⁹⁾ Ип. лѣт. ст. 178.

землѣ. Во главѣ земли стоялъ городъ *Бельзъ*, нынѣшній Бѣльць на Солокіѣ, извѣстный еще съ 1030 года ¹⁾; впоследствии онъ былъ сильно укрѣпленъ и въ 1377 г. былъ въ состояніи отразить цѣлую громадную армію Людвика Венгерскаго. Еще древнѣе—другой значительный центръ страны—*Бужскъ*, бывший центромъ бужанскихъ поселеній, хотя въ лѣтописи онъ встрѣчается гораздо позже, чѣмъ Бельзъ, именно въ концѣ XI вѣка ²⁾.

Кромѣ этихъ двухъ городовъ, мы можемъ назвать только развѣ *Темичъ* ³⁾—нынѣшнее мѣстечко Потеличъ около г. Равы, который входилъ въ число городовъ Бельзской земли.

Переходимъ, наконецъ, къ Берестейской землѣ. Послѣдней (въ половинѣ XII вѣка), она вошла въ составъ Волыни и первой отпала отъ нея: въ началѣ XIV вѣка (въ первой четверти его) она уже принадлежала Кейстуту. Переходъ этотъ совершился, кажется, (мы объ этомъ очень мало знаемъ) безъ особенной борьбы. Вообще, жители этой земли были недовольны волынскими князьями и постоянно старались выбиться изъ подъ ихъ власти: въ концѣ XII вѣка они ищутъ помощи у мяскаго князя; послѣ смерти Владимира Васильковича обращаются къ Юрію Львовичу. Наконецъ неожиданная преданность, которую они высказали по отношенію къ Романовичамъ во время ихъ дѣтства, тоже очень и очень подозрительна и еѣ съ полнымъ основаніемъ можно истолковать тѣми же стремленіями добиться нѣкоторой самостоятельности ⁴⁾.

Выше, въ очеркъ колонизаціи, мы указали направленіе движенія и развитіе славянскаго населенія, медленно, но безъ прерыва, оттѣснявшаго Ятвяговъ все дальше и дальше въ глубь болотъ и лѣсовъ, за Наревъ и Бобръ. Въ моментъ наибольшаго своего распространенія, земля Берестейская тянулась довольно узкой полосой съ юга на сѣ-

¹⁾ Ип. лѣт. 105 ст. О положеніи и укрѣпленіяхъ его Гванини говоритъ: „Arcem ligneam lutosus paludibus late flagrantibus circumductam habet, quam nequaquam Tartarica sagitta attingit“ р. 40/1.

²⁾ Ип. лѣт. ст. 174.

³⁾ Ип. лѣт. ст. 566.

⁴⁾ Срав. также рассказъ Ипатской лѣтописи ст. 524. Рассказъ о приѣмѣ Берестьянами Данила (Ип. лѣт. ст. 482—3), конечно, нельзя понимать буквально.

верѣ, отъ границъ собственной Волыни и до Нарева и Бобра. Начинаясь отъ точки пересѣченія сѣверной границы Владимирской земли съ теченіемъ Зап. Буга, граница Берестейской земли шла къ сѣверу по Бугу; не вдалекѣ отъ Берестья она переходила на лѣвый берегъ Буга и затѣмъ направлялась на западъ, слѣдуя теченію р. Кросны и ея притока Зелявы. Охвативъ Вохинь, она шла къ сѣверу, мимо Соколова, Стердыня и Нура къ Визнѣ, самому сѣверному пункту земли. Отсюда граница поворачивала на востокъ и юго-востокъ, слѣдуя линіи водораздѣла бассейновъ Нѣмана и Буга съ Припятью. У Злитова она принимала южное направленіе и, отдѣляя, такимъ образомъ, Берестейскую землю отъ владѣній князей турово-пинскихъ, доходила до оз. Небля, гдѣ опять встрѣчалась съ сѣверной границей собственной Волыни.

Земли по лѣвому берегу Буга и между Бугомъ и Наревомъ назывались, точно также какъ въ Червенской землѣ побережье Вепря, — Украйной. Мы знаемъ очень немного городовъ на этой Украйнѣ. Въ южной части ея находился *Воинь* ¹⁾ „село на Вѣкрайницѣ“, которое пограбилъ Лешко у Владимира Васильковича, — нынѣшній Вохинь, близъ г. Радзина. На Зап. Бугѣ находился г. *Нуръ* ²⁾, нынѣшнее мѣстечко Нуръ, откуда въ 1260 году князья вернулись съ похода на Ятвяговъ. Наконецъ, при сліяніи Бобра и Нарева стоялъ мазовецкій городъ *Визна* ³⁾ (нынѣ мѣстечко), уступленный въ 1145 году мазовецкими князьями Болеславомъ и Межкомъ. Впрочемъ, въ 1250 г. онъ уже не принадлежалъ волынскимъ князьямъ, какъ это видно изъ разсказа лѣтописи: Даніилъ, возвращаясь изъ похода на Ятвяговъ „приде ко Визнѣ и перейде рѣку Наровь..... и придоста на землю свою“ ⁴⁾.

На Бугѣ, при впаденіи въ него Мухавца лежалъ г. *Берестье*, нынѣшній Брестъ-Литовскъ ⁵⁾. Городъ этотъ — одинъ изъ древнѣйшихъ въ краѣ; въ лѣтописи онъ упоминается въ первый разъ подъ 1019 го-

¹⁾ Ип. лѣт. ст. 586. см. также Лонгиновъ. Червенскіе города ст. 96.

²⁾ Ип. лѣт. ст. 537.

³⁾ Ип. лѣт. ст. 227.

⁴⁾ Ип. лѣт. ст. 540.

⁵⁾ Теперь городъ расположенъ преимущественно на правомъ берегу Мухавца, а на лѣвомъ находится предмѣстіе Волынское. За городомъ, на равнинѣ, на правомъ берегу Мухавца, много кургановъ и среди нихъ одинъ, отличающійся своей высотой. „Живописная Россія“ т. III. Статя А. К. Киркора „Города и поселенія въ Литвѣ“ ст. 195.

гомъ ¹⁾ и въ это время онъ уже былъ значительнымъ городомъ. Украше-
 ниемъ своимъ и укрѣпленіемъ онъ особенно обязанъ былъ Влади-
 миру Васильковичу, который выстроилъ здѣсь церковь св. Петра,
 украсилъ её и снабдилъ всёмъ необходимымъ ²⁾; кромѣ укрѣпленія
 стѣнъ, онъ выстроилъ каменную башню „столпъ высотой яко Камене-
 нецкій“ ³⁾, а въ Каменцѣ башня достигала 17 сажень высоты. Сила
 его укрѣпленій увеличивалась еще мѣстоположеніемъ; Длугошъ такъ
 описываетъ его: „Situm enim illud castrum optimum habet, paludini-
 bus longe versus Poloniam protensis et limosis gurgitibus, alveoque
 fluminis Bug, qui in illo loco vada raro praebet aliisque qualificationi-
 bus plurimis natura consitum et munitum, ut quasi quidam portus et
 janua in terras Lithuaniae et Russiae possit aestumari“ ⁴⁾.

Слѣдующее мѣсто за Берестьемъ по древности и значенію за-
 нималъ *Дрогичинъ*, нынѣ мѣстечко Брянскаго уѣзда, на З. Бугѣ ⁵⁾.
 Въ 1237 году онъ попалъ въ руки такъ наз. Добрыньскихъ рыцарей,
 отданный имъ Конрадомъ Мазовецкимъ ⁶⁾. Вскорѣ однако Даніилъ
 опять возвратилъ его Руси ⁷⁾. Здѣсь же, спустя нѣсколько лѣтъ,
 онъ принялъ королевскій титулъ и корону ⁸⁾. Городъ дѣлился Бу-
 гомъ на двѣ части: Русскую и Лядскую стороны. Г. Лонгиновъ
 утверждаетъ, что на одной Лядской сторонѣ было 3 православныхъ
 церкви ⁹⁾. Укрѣпленія сохранились еще, хотя Бугъ сильно подмылъ
 замковую гору и половина ея обрушилась въ рѣку ¹⁰⁾.

Между Берестіемъ и Дрогичинымъ находился городъ *Мельникъ*

¹⁾ Ип. лѣт. ст. 101.

²⁾ Ип. лѣт. ст. 610.

³⁾ Ип. лѣт. 610 ст.

⁴⁾ Lib. IX. p. 1093.

⁵⁾ Предположеніе Погодина (Исслѣд. зам. и лекція т. VI. 166 ст.), что Дрогичинъ
 —мѣстечко Кобринскаго уѣзда, не выдерживаетъ критики.

⁶⁾ Daniłowicz. „Scarbies“ t. I st. 63. № 79.

⁷⁾ Ип. лѣт. 517 ст.

⁸⁾ Ип. лѣт. 549 ст.

⁹⁾ Лонгиновъ ст. 134.

¹⁰⁾ „Живописная Россія“ т. III ст. 202. „Съ восточной стороны, на высотѣ 10 са-
 жень отъ основанія (горы) есть входъ въ подземелье“.

(нынѣ Мельники) на Бугѣ; здѣсь была церковь св. Богородицы съ чудотворной, пользовавшейся глубокимъ уваженіемъ въ окрестностяхъ, иконой „святаго Спаса Избавника“ ¹⁾).

Прямо къ сѣверу отъ Мельника, на притокѣ Нарева Орленѣ стоялъ г. *Бѣльскъ*, въ которомъ Владимиръ Васильковичъ „поустроилъ церковь иконами и книгами“ ²⁾).

Владимиру Васильковичу обязанъ не только украшеніемъ, но и самымъ существованіемъ городъ *Каменецъ на Лоскѣ*, нынѣшній Каменецъ Литовскій. Основанъ онъ былъ „на пустомъ мѣстѣ“ ³⁾, запустѣвшемъ „по 80 лѣтѣхъ по Романѣ“ ⁴⁾, для обороны страны отъ нападений и разорений Литовцевъ. Это былъ одинъ изъ любимыхъ городовъ Владимира Васильковича. Онъ построилъ здѣсь церковь Благовѣщенія и снабдилъ её богатой утварью, а самый городъ сильно укрѣпилъ, выстроивъ между прочимъ каменный столбъ „подобенъ удивленію всѣмъ зрящимъ нанѣ“ ⁵⁾. Столпъ этотъ существуетъ и теперь; онъ имѣетъ въ вышину 17, а въ окружности 16 сажень; верхъ зубчатый, 3 очень узкія окна въ видѣ амбразуръ. Сохранились даже погреба, своды которыхъ поражаютъ своей прочностью и превосходной отдѣлкой ⁶⁾. Во время послѣдней своей, смертельной болѣзни, Владимиръ Васильковичъ жилъ преимущественно въ Каменцѣ.—Если лѣтописецъ не ошибся, опредѣляя время основанія Каменца 1285 годомъ, то придется признать существованіе еще одного *Каменца*, окрестности котораго были пограблены Литовцами въ 1262 и 1276 годахъ ⁷⁾. Бѣляевъ ⁸⁾ указываетъ этотъ Каменецъ въ нынѣшнемъ Кам-

¹⁾ Ил. лѣт. 560 ст. „Замковая гора сохранилась и до сихъ поръ, на ней построенъ костелъ“. „Живописная Россія“ т. III ст. 202.

²⁾ Ил. лѣт. 608 ст. Замковая гора съ развалинами замка сохранилась до сихъ поръ. „Живописная Россія“ т. III ст. 202.

³⁾ Ил. лѣт. 608 ст.

⁴⁾ Ил. лѣт. 578 ст. Слѣдовательно онъ основанъ около 1285 года. По лѣтописи въ 1276 г.

⁵⁾ Ил. лѣт. 608 ст.

⁶⁾ „Живописная Россія“ т. III ст. 194.

⁷⁾ Ил. лѣт. 565 и 577 ст.

⁸⁾ „О географическихъ свѣдѣніяхъ“ ст. 131.

нѣ Королевѣ или же Камнѣ Шляхетскомѣ, находящихся къ востоку отъ г. Кобрина. Весьма интересно было бы прослѣдить судьбу этого послѣдняго города (*Кобрина*), появляющагося впервые въ завѣщаніи Владимира Васильковича ¹⁾. Почему именно онъ одинъ, принадлежавшій женѣ Владимира Васильковича, по договоромъ Любарта и его братьевъ съ Поляками, достался Ольгерду?

Гдѣ-то между Любомлемъ и Каменцемъ Лосненскимъ находился загородный дворецъ Владимира Васильковича—*Рай* ²⁾. Ни въ какомъ случаѣ нельзя смѣшивать этотъ Рай, котораго само имя указываетъ на его назначеніе ³⁾, съ Райгородомъ, который видѣлъ Даниилъ „на горѣ красной“ ⁴⁾ во время похода на Ятвяговъ; было бы странно думать, чтобы Владимиръ Васильковичъ могъ дѣлать такія экскурсіи, лежа на смертномъ одрѣ и сознавая, что онъ умираетъ.

Позже, и въ актахъ и у западныхъ лѣтописцевъ, мы встрѣчаемъ еще довольно много указаній на существовавшіе здѣсь новые города, но такъ какъ земля Берестейская отошла отъ Волыни въ первой четверти XIV вѣка, а данныхъ о времени основанія этихъ городовъ мы никакихъ не имѣемъ, то мы и ограничились лишь тѣми, о которыхъ говорить лѣтопись.

Въ нашемъ изложеніи, мы вовсе опустили разсмотрѣніе всего того, что обыкновенно понимается подъ общимъ заглавіемъ „внутреннее состояніе страны“ т. е., развитія торговли и промышленности, образованности и пр. Но мы слишкомъ мало имѣли данныхъ, относящихся собственно къ Волыни, чтобы составить изъ того незначительнаго матерьяла, который у насъ былъ подъ руками, хоть сколько

---

¹⁾ Ип. лѣт. 595 ст. Очень трудно опредѣлить, гдѣ находились села: Садовое и Сомино, подаренныя княземъ по той же духовной, такъ какъ не указано даже, гдѣ ихъ нужно искать: въ собст. Волыни или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ; мѣстностей же съ похожими именами много разбросано повсюду.

²⁾ Ип. лѣт. 593 и 596 ст.

³⁾ „Богатые люди, говоритъ г. Иловайскій, въ особенности князья любили пребывать въ своихъ обширныхъ загородныхъ жилищахъ, называя ихъ обыкновенно „раемъ“, „краснымъ дворомъ“, „краснымъ селомъ“ и т. п. *Исторія Россіи* т. II ст. 314.

⁴⁾ Ип. лѣт. ст. 549.

нибудь удовлетворительный очеркъ этихъ вопросовъ. Въ Codexъ Vitoldi, Архивъ Сангушка, Актахъ Зап. Руси и другихъ собраніяхъ актовъ, мы имѣемъ очень много матерьяла, въ особенности по первому и второму вопросамъ, но, къ несчастью, почти весь этотъ матерьялъ относится къ времени, хронологически выходящему изъ рамокъ, которыя мы себѣ поставили.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

О древнѣйшей исторіи Волыни мы знаемъ очень мало. Резюмируемъ всё сказанное по этому поводу выше. Волыняне (Дулѣбы, Бужане) жили по верховьямъ обоихъ Буговъ и правыхъ притоковъ Припяти, по Кременецкимъ горамъ и ихъ далеко раскинувшимся отрогамъ. Съ теченіемъ времени, благодаря колонизаціи и, съ другой стороны, давленію южныхъ сосѣдей, они передвинулись на сѣверъ и заняли ту страну, на которой застаютъ ихъ лѣтопись. Волыняне составляли сильное государство съ отдѣльными племенными князьями и имѣли значительное число городовъ. Одно время они даже стояли во главѣ какого-то союза сосѣднихъ племенъ. Къ несчастію, Масуди¹⁾, сохранившій намъ это извѣстіе, ничего не говоритъ ни о времени, ни о составѣ и цѣли этого союза и мы можемъ только догадываться, что онъ былъ заключенъ ради цѣлей военныхъ, быть можетъ, для борьбы съ Византіей²⁾. Въ VII вѣкѣ, во времена императора Ираклія, какъ сообщаетъ лѣтопись, „Обри воеваша на Словѣны и примучиша Дулѣбы, сущая Словѣны“³⁾. Неизвѣстно точно, когда удалось Волыни выбиться изъ подъ власти Аваровъ, но въ началѣ X вѣка она входила уже въ составъ Кіевского княжества, такъ какъ въ 907 году Волыняне участвовали въ походѣ кіевского князя на Грековъ. Кажется, потеря самостоятельности не была тяжела для Волынянъ,

---

1) Гаркави. „Ск. Мус. Пис. о Рос.“ стр. 17, стр. 135—136.

2) Византійскіе писатели этого времени постоянно жалуются на частые и опустошительные набѣги Славянъ. Черты, которыми они ихъ описываютъ даютъ полную возможность предположить, что въ этихъ набѣгахъ не послѣднюю роль играло и наше племя.

3) Ип. лѣт. ст. 7.

по крайней мѣрѣ ни малѣйшаго намѣка на какую либо борьбу съ кievскими князьями въ лѣтописи нѣтъ. Далѣе въ исторіи Волыни слѣдуетъ большой пробѣлъ. Единственный источникъ нашъ, Несторова древнѣйшая лѣтопись ничего не говоритъ намъ о Волыни до самаго времени Владимира и мы можемъ только догадываться, что въ обще-русскихъ предпріятіяхъ дѣло не обходилось безъ участія Волынянъ.

Со смертью Святослава прошла пора геройскихъ и бесполезныхъ предпріятій, походовъ въ Булгарію и на Кавказъ. Государство настойчиво требовало прочнаго устройства—коренныхъ реформъ внутри и бѣльшей безопасности извнѣ. Эта тяжелая, но славная обязанность выпала на долю Владимира Святаго. Два новыхъ врага грозили въ это время Руси: съ юга Печенѣги, съ запада—молодое ляхское государство, во главѣ котораго вскорѣ сталъ энергичный Болеславъ Храбрый, и Владимиръ забылъ планы своего отца и занялся расширеніемъ и укрѣпленіемъ границъ своего государства съ юга и запада.

Въ 981 году онъ сдѣлалъ первую попытку въ этомъ направленіи и результатомъ ея было пріобрѣтеніе Червенской и Перемышльскаго земель, находившихся въ какой то зависимости отъ Чешскаго короля, и кромѣ того какихъ то городовъ польскихъ. Въ это же время былъ основанъ или, можетъ быть, только укрѣпленъ и переименованъ—г. Владимиръ, который, составляя оплотъ страны противъ враждебныхъ сосѣдей и, съ другой стороны, противовѣсь прежнему центру земли—Червну, съ вѣчемъ котораго князю пришлось бы въ иномъ случаѣ крупно считаться, сослужилъ странѣ двойную службу.

Въ самомъ концѣ X вѣка на Волыни опять является особый князь, хотя уже не своего племенной, а чуждый—кievскій „и посади (Володимеръ), говоритъ лѣтопись подъ 988 годомъ, Вышеслава в Новѣгородѣ, а Изяслава въ Полотъсцѣ..... Всеволода въ Володимерѣ“¹⁾. Но это—первое и послѣднее извѣстіе объ этомъ первомъ волынскомъ князѣ. Больше мы ничего о немъ не знаемъ. До какого времени онъ княжилъ, перешелъ ли онъ въ какой нибудь другой удѣлъ или здѣсь и умеръ,—лѣтописецъ этого не знаетъ. Можно констатировать лишь одно, что, во время борьбы Святополка съ Ярославомъ, онъ княземъ

¹⁾ Ип. лѣт. 83 ст.

волынскимъ уже не былъ, такъ какъ Святополкъ не потерпѣлъ бы такого близкаго сосѣдства.

При смерти Владимира не присутствовалъ ни одинъ изъ его сыновей. Ближе всѣхъ къ Киеву жилъ Святополкъ, котораго отецъ, ревностный христіанинъ, послѣ исторіи съ Рейберномъ, старался держать подлѣ себя ¹⁾. Святополку удастся захватить столъ великокняжій; чувствуя себя не твердымъ на великомъ княженіи, онъ избиваетъ 3-хъ братьевъ и вступаетъ въ упорную борьбу съ четвертымъ братомъ — Ярославомъ. Театромъ войны была южная Русь. Послѣ перваго пораженія на р. Альтѣ, Святополкъ обращается за помощью къ тестю своему Болеславу Храброму. Этотъ эпизодъ очень подробно разсказанъ польскими лѣтописцами. При этомъ не обошлось, конечно и безъ поэтическихъ прикрасъ, на которыя такъ щедръ средневѣковые хронисты. Фантастичность этихъ подробностей увеличивается по мѣрѣ отдаленія авторовъ отъ описываемаго ими времени. Мы не будемъ конечно приводить всѣхъ этихъ разсказовъ, а постараемся выбрать только то, что было на самомъ дѣлѣ ²⁾. Наиболѣе достовѣрными источниками въ данномъ случаѣ являются: наша лѣтопись и хроника Титмара и Мартына Галла. Г. Линниченко, разсматривая извѣстія лѣтописи, Титмара и Галла объ этомъ походѣ, пришелъ къ слѣдующимъ результатамъ: лѣтопись и Титмаръ почти вполне достовѣрны, Галлъ нѣсколько менѣе; источниками у лѣтописца были: устное преданіе дружиннаго происхожденія и, кажется, пѣсня или былина новгородскаго происхожденія; у Титмара — разсказы саксонскихъ воиновъ, помогавшихъ Болеславу; у Галла — эпическое сказаніе, современное событію, сильно попорченное и временемъ и самимъ Галломъ ³⁾. Послѣ перваго своего пораженія, Святополкъ обращается къ Боле-

¹⁾ Иловайскій „Исторія Россіи“ т. I ст. 82.

²⁾ Относительно темной судьбы Святослава Древлянскаго, Зубрицкій дѣлаетъ предположеніе, что послѣ смерти Всеволода, Волынь и Галичъ были отданы Святославу, который, послѣ борьбы съ Святополкомъ, разбитый имъ, бѣжалъ въ Венгрію и на дорогѣ былъ настигнутъ и убитъ (Исторія др. Гал. Рус. княж. II ст. 5—6). Какъ на мѣсто, гдѣ онъ былъ убитъ, указываютъ на долину около Сколя, по дорогѣ въ Венгрію. Жители и теперь называютъ это поле Святославовымъ и разсказываютъ, что здѣсь былъ убитъ какой то Святославчикъ. „Зоря“ на 1860 г. стр. 295.

³⁾ Подробный разборъ этого похода см. Линниченко „Взаимныя отношенія между Польшей и Русью до половины XIV в.“ Ун. Изв. 1882 № XI ст. 281—295.

славу Храброму и тотъ безъ всякихъ предвзятыхъ плановъ о завоеваніи Руси, о томъ, чтобы сдѣлать ее своей данницей (какъ объ этомъ говорятъ всѣ польскіе лѣтописцы, начиная съ Галла), отправляется на Русь. Первая встрѣча произошла на берегахъ Буга и Ярославъ былъ разбитъ. Онъ убѣждалъ въ Новгородѣ самъ-пять, какъ говоритъ лѣтописецъ, но Титмаръ увѣряетъ, что онъ захватилъ предварительно какой-то городъ ¹⁾. Между тѣмъ Болеславъ съ Святополкомъ шли къ Кіеву, не встрѣчая задержки, такъ какъ Кіевъ и прочіе южные города видѣли въ Святополкѣ своего прирожденнаго князя, а Ярославъ былъ для нихъ чуждъ. Не доходя до Кіева, князя посылаютъ впередъ Печенѣговъ, но ихъ, какъ и нужно было ожидать, Кіевляне въ городъ не впустили, а отворили ворота только передъ Болеславомъ и Святополкомъ. Здѣсь Болеславъ, считая походъ оконченнымъ, распускаетъ свои наемныя войска по домамъ ²⁾, а черезъ 1—2 мѣсяца и самъ спокойно уходитъ въ Польшу съ большими подарками и съ сестрами самого князя Святополка, что не особенно удивительно, такъ какъ Святополкъ родственными чувствами вообще не отличался. Кромѣ того, Болеславъ получилъ еще нѣчто болѣе существенное: Святополкъ уступилъ ему Червенскіе города. На обратномъ пути Болеславъ еще разъ разбилъ Ярослава ³⁾; не смотря на это, Святополкъ не долго продержался въ Кіевѣ; онъ еще разъ сразился съ Ярославомъ, потерпѣлъ пораженіе, бѣжалъ опять къ тестю и гдѣ-то на дорогѣ погибъ.

Итакъ результатомъ этого междоусобія, для Волыни, было опустошеніе ея двумя враждующими сторонами и отторженіе большой и богатой территоріи Червенскихъ городовъ.

Ярославъ съ этимъ послѣднимъ помириться не могъ и, уже въ 1022 году ⁴⁾, онъ намѣревался сдѣлать нападеніе на Ляховъ изъ Берестя, которое, послѣ отторженія Червенской земли, очутилось на границѣ съ Польшей. Нападеніе Мстислава Тмутороканскаго и послѣдовавшая за тѣмъ долговременная неурядица пріостановила на нѣ-

¹⁾ Туровъ по предположенію г. Линиченко, тамъ же ст. 284.

²⁾ 300 Нѣмцевъ, 500 Венгровъ и 1000 Печенѣговъ. Mon. Pol. Hist. t. I p. 317—318. (Thitmar).

³⁾ Ип. лѣт. 108 ст.

⁴⁾ Ип. лѣт. 102 ст.

сколько лѣтъ исполненіе плановъ Ярослава. Наконецъ, въ 1030 году ¹⁾ онъ почувствовалъ себя въ силахъ возобновить свои притязанія. Обстоятельства, какъ нельзя больше, благоприятствовали исполненію его плановъ. Вся Польша въ это время была взволнована внутренними неурядицами. Лѣтопись относитъ причину этихъ безпорядковъ къ смерти Болеслава, но Болеславъ умеръ гораздо раньше—именно въ 1025 году ²⁾. Причина же теперешнихъ смуть—совершенно иная. Болеславъ оставилъ престолъ не старшему сыну Бесприму, а второму—Мѣшку. Въ то же время, послѣ его смерти, начинается все съ большей и большей силой проявляться реакція, такъ долго сдерживавшаяся Болеславомъ, съ одной стороны религіозная (языческая), а съ другой,—направленная противъ централизаціи областей, стремленіе ихъ врозь. Во главѣ этихъ реакціонныхъ движеній стали братья Мѣшка Беспримъ и Оттонъ. Вотъ эта то борьба и разыгралась въ 1030 году. Сначала Мѣшко одержалъ верхъ и прогналъ Бесприма на Русь. Здѣсь Беспримъ нашелъ поддержку у Ярослава ³⁾, который, незадолго передъ этимъ, уже захватилъ Вельзь ⁴⁾ и теперь желалъ овладѣть и остальными Червенскими городами. Ему, дѣйствительно, это и удалось: „Ярославъ и Мстиславъ..... занята города Червенскія опять, и повоеваста Лядскую землю и многи Ляхи приведоста, и раздѣлиста я; и посади Ярославъ своя по Рси, и суть и до сего дни“ ⁵⁾. Но Ярославъ, какъ государь и ревностный христіанинъ не могъ, конечно, по убѣжденію помогать Бесприму, стоявшему во главѣ противохристіанской и противугосударственной реакціи; помогъ онъ ему, только преслѣдуя личныя цѣли, и, достигнувъ ихъ, онъ тотчасъ же оставилъ его на произволь судьбы. Съ тою же цѣлью—упроченія за собой нововозвращенной территоріи, Ярославъ выдаетъ за сына Мѣшка Казимира, когда онъ овладѣлъ польскимъ престоломъ, свою сестру Марію Доброгнѣву ⁶⁾ и помогаетъ ему въ борьбѣ съ Моиславомъ, предводителемъ мятежныхъ Мазовшанъ.

¹⁾ Ип. лѣт. 105 ст.

²⁾ Liber ecclesie s. Crucis. M. P. H. t. II st. 773. Rocznik Capitulny Krakowski ib. st. 794. R. Traski ib. st. 829. R. Sędziwoja ib. st. 873 и т. д.

³⁾ Vipo. Vita Chuonradi imperatoris. M. G. SS XI p. 29.

⁴⁾ Ип. лѣт. 105 ст. подъ 1030 г.

⁵⁾ Ип. лѣт. 105 ст. подъ 1031 г.

⁶⁾ Соображенія относительно времени брака и личности невѣсты см. у Линниченка *op. cit.* № IX ст. 227—231.

Мазовшане сопротивлялись очень упорно: потребовалось 7 лѣтъ войны и 3 похода Ярослава ¹⁾, пока, наконецъ, въ 1047 году союзникамъ не удалось разбить ихъ на голову, причемъ погибъ Моиславъ и Мазовія должна была покориться ²⁾).

Такимъ образомъ, миръ между Русью и Польшей, нарушенный Болеславомъ, былъ опять восстановленъ и яблоко раздора—Червенскіе города возвратились къ ихъ первоначальному владѣльцу.

Лѣтопись въ немногихъ лаконическихъ фразахъ описываетъ эту борьбу, тянувшуюся такъ долго, о другихъ событіяхъ она и вовсе не упоминаетъ; такимъ образомъ о Волыни мы ничего почти не знаемъ. Специально волынская лѣтопись за это время до насъ не дошла, а кievскій лѣтописецъ говоритъ о Волыни только при случаѣ, описывая дѣла великаго князя. Благодаря этому, мы знаемъ только о походахъ Ярослава на Ятвяговъ ³⁾ и Литву ⁴⁾, съ цѣлью, какъ можно думать, обезпеченія и распространенія здѣсь волынской колонизаціи. О результатахъ этихъ походовъ лѣтопись ничего не говоритъ; вѣроятно, Ярославъ ограничился опустошеніемъ ближайшихъ вражескихъ поселеній.

Въ 1054 году умеръ Ярославъ. Сыновья его подѣлили Русскую землю между собой, причемъ Волынь досталась на долю Игоря Ярославича. Впрочемъ, черезъ два года умеръ младшій изъ братьевъ Вячеславъ Смоленскій и Игорь перешелъ въ Смоленскъ, гдѣ вскорѣ и умеръ ⁵⁾.

На Волыни сталъ княжить сынъ старшаго изъ Ярославичей, умершаго еще раньше, Владимира—Ростиславъ ⁶⁾. Лѣтопись намъ объ

¹⁾ По Ип. лѣт.—2: въ 1041 и 1047 гг., а по Воскресенск. лѣт. П. С. Л. т. VII ст. 331—332 и по Никоновской (1767 г.) т. I 137—139 ст.—3: въ 1041, 1043 и 1047 гг.

²⁾ Извѣстія польскихъ лѣтописцевъ объ этой борьбѣ очень рельефно выставляютъ ихъ тенденціозное отношеніе къ Руси. Имъ тяжело было признаться, что, послѣ того какъ при Болеславѣ, они объявили Русь данницей Польши (Gallus. M. P. H. t. I p. 404), теперь только съ ея помощью Польшѣ удастся восстановить миръ внутри самаго государства. Они или совсѣмъ умалчиваютъ объ участіи Руси (Галль) или даже говорятъ о помощи Руси Мазовшанамъ (Кадлубекъ, Богухваль).

³⁾ Ип. лѣт. 108 ст. подъ 1038 г.

⁴⁾ Ип. лѣт. 108 ст. подъ 1040 г. Никон. лѣт. подъ 1040 и 1044. „Того же лѣта ходи Ярославъ на Литву, а на весну заложилъ Новгородъ и содѣла и“ ст. 138; Воскр. лѣт. тоже. П. С. Р. Л. VII т. 332 ст.

⁵⁾ Ип. лѣт. ст. 114 подъ 1055—60 гг.

⁶⁾ Татищевъ II т. ст. 117. Соловьевъ. т. II пр. 32.

этомъ ничего не говорить, но мы можемъ съ полной увѣренностью сдѣлать такое предположеніе потому, что въ послѣдствіи дѣти Ростислава добивались себѣ волости именно на Волыни. Какъ долго княжилъ здѣсь Ростиславъ и какія причины вынудили его покинуть Волынь— неизвѣстно, но въ 1064 году ¹⁾ онъ убѣжалъ въ отдаленную Тмуторокань и, не смотря на сопротивленіе Святослава Ярославича Черниговскаго, сына котораго Глѣба онъ выгналъ изъ Тмуторокани, онъ удержался здѣсь до самой своей печальной смерти въ 1066 году ²⁾. Можетъ быть, одной изъ причинъ его бѣгства въ Тмуторокань былъ недостатокъ простора на Волыни, гдѣ онъ постоянно находился подъ строгимъ надзоромъ у дядей.

Послѣ его бѣгства, Волынь взялъ великій князь Изяславъ себѣ и посадилъ, вѣроятно, кого нибудь изъ сыновей; когда же, въ 1073 году, на столъ великокняжій сѣлъ Святославъ Ярославичъ, то Волынь была отдана сыну его Олегу, который и прокняжилъ здѣсь до самой смерти своего отца; со смертью же его онъ потерялъ и удѣлъ ³⁾.

Мирное теченіе событій, послѣ смерти Ярослава, вскорѣ было нарушено. Въ половинѣ XI вѣка, въ степяхъ появляется новый кочевой народъ—Половцы. Они дѣлаютъ сперва нѣсколько небольшихъ набѣговъ—рекогносцировокъ въ Русь ⁴⁾ и затѣмъ уже съ громадными силами вторгаются въ Переяславскую землю и на Альтѣ наносятъ страшное пораженіе соединеннымъ силамъ 3-хъ братьевъ Ярославичей ⁵⁾. Изяславъ убѣгаетъ въ Кіевъ, но здѣсь подымается возстаніе и Изяславъ принужденъ оставить его. Онъ обращается за помощію къ Болеславу Смѣлому, своему родственнику ⁶⁾ и тотъ охотно беретъ ему помочь. Цѣной этой помощи были, какъ можно догадываться, опять таки Червенскіе города. Походъ былъ какъ нельзя болѣе уда-

¹⁾ Ип. лѣт. ст. 115.

²⁾ Ип. лѣт. ст. 117.

³⁾ См. Духовная Влад. Моп. „И Святославъ умре..... и Олегъ приде, из Володимеря выведенъ“. Лавр. лѣт. ст. 239.

⁴⁾ Ип. лѣт. подъ 1055 и 1061 гг. Появленію ихъ въ 1068 г. предшествуютъ различныя знаменія. см. Ип. лѣт. ст. 115.

⁵⁾ Ип. лѣт. ст. 118 и дальше.

⁶⁾ Изяславъ былъ женатъ на дочери Мѣшка II, слѣдовательно, теткѣ Болеслава. Бракъ этотъ произошелъ около 1047 года, когда Ярославъ помогъ Казимру окончательно овладѣть Мазовіей. Подъ 1050 г. Новгород. I и II лѣт. упоминаютъ уже о сынѣ его Святополкѣ.

ченъ. Всеславъ Полоцкій, который съ своими двумя сыновьями ¹⁾ сидѣлъ во время народнаго возмущенія въ тюрьмѣ, въ Кіевѣ и былъ поставленъ Кіевлянами княземъ, убѣжалъ въ Полоцкъ, не ожидая неравной битвы. Кіевъ безъ сопротивленія сдался Изяславу. Болеславъ пробылъ въ Кіевѣ около 10 мѣсяцевъ ²⁾, пока наконецъ жители, на которыхъ лежала обязанность содержать польское войско, не стали избивать своихъ квартирантовъ и это движеніе приняло такіе размѣры, что Болеславъ былъ принужденъ уйдти, какъ можно поспѣшнѣе, домой ³⁾.

Братья жили мирно до 1073 года, когда „вздвиге дьяволъ котору въ брати сей Ярославличихъ“ ⁴⁾. Изяславъ опять бѣжитъ къ Болеславу, которому всякая междоусобица въ средѣ русскихъ князей была очень выгодна; Болеславъ охотно беретъ помогать бѣжавшему князю, имѣя въ виду вторичный захватъ Червенскихъ городовъ. Объ послѣдней попыткѣ говорить одинъ только Длугошъ и рассказъ его, неправдоподобный въ частностяхъ, въ общемъ имѣетъ значительную долю вѣроятія ⁵⁾. Оставивъ въ сторонѣ ту часть рассказа его, кото-

¹⁾ Długosz. L. III p. 249.

²⁾ Поляки провели въ Кіевѣ лѣто, осень и зиму, Dlug. L. III p. 266.

³⁾ Польскіе лѣтописцы здѣсь опять тенденціозны. М. Галль совсѣмъ умалчиваетъ объ этомъ, а у Кадлубка (L. II сар. 18, p. 294), Богухвала (сар. 13 p. 488) и Длугоша (L. III p. 267), (у котораго впрочемъ это происходитъ послѣ втораго занятія Кіева Болеславомъ) причиной ухода Поляковъ изъ Кіева является слухъ о невѣрности ихъ женъ и связи ихъ съ рабами (сравн. извѣстный классическій мифъ). Кромержъ (p. 60 по изданію 1568 года) прибавляетъ къ этому, что Болеславъ уходилъ очень поспѣшно, боясь, чтобы жители не напали на него. Объ этомъ походѣ передаютъ много баснословныхъ рассказовъ, такъ М. Галль говоритъ объ ударѣ копьемъ въ Золотныя ворота (сар. 10 p. 406—7; сравн. подробности похода Олега на Цареградъ), объ *osculum pacis*, данномъ Болеславомъ русскому князю (сар. 23. p. 419—20). Это извѣстіе Кадлубекъ разукрашиваетъ новыми подробностями собственнаго изобрѣтенія (L. II сар. 18, p. 291—2). Еще болѣе фантастическимъ отгѣнкомъ отличается рассказъ Богухвала (с. 13 p. 486). Что касается рассказа Длугоша, то здѣсь можно обозначить двѣ части: I) дѣйствія Бол-а въ пользу Изяслава, представляетъ весьма неудачную перефразировку и раскраску извѣстій лѣтописи, и II) дѣйствія Бол-а съ цѣлью завладѣть Червенскими городами; вторая часть, если отбросить всѣ украшенія и оставить только одинъ скелетъ рассказа,—весьма вѣроятна и подтверждается „Поученіемъ Владимира Мономаха“.

⁴⁾ Ип. лѣт. ст. 128. Длугошъ выставляетъ, какъ причину борьбы, ссору „*pro finibus terrarum et spoliis utrinque secutis*“ L. III p. 271.

⁵⁾ Рассказъ Длугоша (L. III p. 266—268) вкратцѣ таковъ: уйдя изъ Кіева, Болеславъ беретъ города по Сану и послѣ очень долгой осады Перемишля, захватываетъ его

рая относится къ завоеванію Кіева, рассмотримъ только все, относящееся къ исторіи Воыни. Характерной особенностью польскихъ лѣтописцевъ и въ особенности Длугоша было стремленіе разукрашивать факты возможными, но не происходившими на самомъ дѣлѣ, подробностями. Въ данномъ случаѣ, если сопоставить этотъ рассказъ съ указаніями, находящимися въ „Поученіи Мономаха“, то всѣ подробности придется выбросить и многословный рассказъ можно передать въ нѣсколькихъ словахъ: Болеславъ взялся помогать Изяславу и пожегъ Берестье; „(Владимира) тое же зимы той посласта Берестию брата на головнѣ, иде бяху пожегли, той ту блюдохъ городъ тѣхъ“¹⁾; затѣмъ онъ долго и безуспѣшно осаждалъ Перемышль, но въ это время у Сутейска появился Владимиръ Мономахъ, которому поручено было охраненіе Воыни, начались переговоры, сущность которыхъ намъ неизвѣстна, но результатомъ ихъ было то, что Ляхи „показаша Изяславу путь отъ себе“ (сравн. „а по Велицѣ дни ис Переяславля та Володимерю, на Сутейску мира творить съ Ляхи, оттуда паки на лѣто Володимерю опять“).

Изяславъ возвратился на Русь, какъ извѣстно, только послѣ смерти Святослава, съ помощью Поляковъ. Причиной такого поворота въ отношеніяхъ Болеслава къ Изяславу было слѣдующее обстоятельство: Болеславъ находился въ это время во враждебныхъ отношеніяхъ съ Вратиславомъ Чешскимъ; онъ пригласилъ себѣ на помощь русскихъ князей. Къ нему явились Владимиръ Мономахъ и Олегъ Святославичъ, сидѣвшій тогда на Воыни, и они вмѣстѣ ходили „за Глоговы до Чепскаго лѣса, ходивъ в земли ихъ 4 мѣсяца“²⁾. Татищевъ добавляетъ слѣдующія подробности: когда Вратиславъ узналъ о

(1071). Затѣмъ онъ отправляется на Соломона Венгерскаго (1072). Къ нему прибѣгаетъ изгнанный Изяславъ и онъ опять идетъ въ Перемышль и оттуда на Воынь (1073). Послѣ 5-мѣсячной осады одного изъ трехъ главныхъ воыньскихъ городовъ—Воыня, ему удается захватить городъ. Князь Всеволодъ хочетъ вступить въ битву, но видя силы Болеслава, уходитъ. Болеславъ хочетъ завладѣть Владимирою и Холмомъ, но къ нему является князь Георгій, который обѣщаетъ ему покорность Воыни и даетъ ему заложниковъ, если онъ уйдетъ изъ предѣловъ Воыни (1074 г.). Болеславъ идетъ въ Кіевъ, разбиваетъ Всеволода, но при этомъ у него оказывается 1000 раненыхъ и онъ уходитъ домой.—Дальнѣйшій рассказъ никакого значенія для насъ не имѣетъ.

¹⁾ Лавр. лѣт. ст. 238.

²⁾ Сравнить „Поученіе Владимира Мономаха“. Лавр. лѣт. стр. 238 и Ип. лѣт. 139 стр. подъ 1076 г.

приближеніи союзниковъ, онъ поспѣшилъ примириться съ Болеславомъ, Болеславъ предложилъ тогда Владимиру и Олегу, вмѣсто Чеховъ, отправиться на Поморьянъ, но князья не согласились и одни отправились въ Чехію, взяли г. Гладъ и здѣсь заключили съ Вратиславомъ миръ, получивъ отъ него 1000 гривенъ серебра и большіе дары ¹⁾. Это происшествіе и было главной причиной ссоры Болеслава съ старшими русскими князьями и того, что онъ рѣшился помочь Изяславу занять опять Кіевское княженіе. Въ это время Святослава уже не было въ живыхъ, а Всеволодъ, по своему мирному характеру, не захотѣлъ бороться съ братомъ и уступилъ ему Кіевъ добровольно.

Изяславъ княжилъ недолго. Черезъ 1½ года, въ 1078 году, онъ палъ въ сраженіи съ двумя изгоями: Борисомъ, сыномъ умершаго въ 1057 году Вячеслава Смоленскаго и Олегомъ Святославичемъ ²⁾, который, послѣ смерти отца, не только потерялъ свой удѣлъ—Волынь, но и былъ объявленъ изгоемъ, такъ какъ его отецъ умеръ прежде старшаго брата; то, что Святославъ былъ все-таки великимъ княземъ, не приняли во вниманіе, объявивъ его незаконнымъ.

Время отъ 1076 по 1097 годъ наполнено почти исключительно борьбой дядей съ ихъ племянниками—изгоями. Изгой до этого времени жилъ тихо, мирился съ своею незавидною участію безудѣльныхъ. Появленіе въ ихъ средѣ богатыхъ средствами и сильныхъ духомъ Святославичей возбудило ихъ и они то съ помощью Половцевъ, то разными другими средствами стараются добыть себѣ удѣлы. Такъ напримѣръ, Давыдъ Игоревичъ добился себѣ удѣла ³⁾, засѣвъ съ дружиной у устья Днѣпра и прекративъ, такимъ образомъ, всю торговлю съ Византіей, составлявшую одинъ изъ главныхъ источниковъ дохода великаго князя и всего Кіева.

Послѣ смерти Изяслава, Всеволодъ отдалъ Волынь Ярополку Изяславичу, прибавивъ ему еще Туровскую землю ⁴⁾. У него же жили 3 брата Ростиславичи и Давыдъ Игоревичъ. Жилось имъ, вѣроятно, не особенно хорошо, по крайней мѣрѣ въ 1081 году Давыдъ Игоревичъ и Володаръ Ростиславичъ бѣжали въ Тмуторокань ⁵⁾, это послѣднее

¹⁾ Татищевъ II ст. 130.

²⁾ Ип. лѣт. ст. 140.

³⁾ Ип. лѣт. ст. 144.

⁴⁾ Ип. лѣт. 143 ст.

⁵⁾ Ип. лѣт. 143 ст.

прибѣжище всѣхъ изгоевъ. Здѣсь они выгнали намѣстника кievскаго князя Ратибора, котораго Всеволодь посадилъ тамъ послѣ того, какъ Олега Святославича взяли въ плѣнъ Греки и заточили на островъ Родось. Черезъ два года, однако, они сами были прогнаны возвратившимся съ Родоса Олегомъ, но куда они ушли, гдѣ нашли себѣ прибѣжище,—рѣшительно неизвѣстно.

Въ 1084 г. Ростиславичи сдѣлали еще одну попытку добыть себѣ удѣлы. Ярополкъ, отправляясь на Пасху въ Кіевъ, къ дядѣ, взялъ съ собою и обоихъ оставшихся братьевъ Василька и Рюрика ¹⁾, но тѣ убѣжали отъ него съ дороги обратно во Владимиръ и захватили его, но удержаться въ немъ не могли, такъ какъ Всеволодь выслалъ на нихъ сына Владимира. Однако, кажется, эта послѣдняя попытка ихъ была причиной того, что Всеволодь далъ, наконецъ, имъ въ удѣлъ Галицко-Перемышльскую землю, гдѣ эти очень умные и энергичные князья оказались какъ разъ на мѣстѣ, въ виду близкаго сосѣдства Польши и Венгріи.

Въ томъ же 1084 году получилъ удѣлъ на Волыни и Давыдъ Игоревичъ ²⁾. Такимъ образомъ, Ярополкъ очутился между двухъ огней, между энергичными Ростиславичами и не менѣе ихъ умнымъ и энергичнымъ Давыдомъ; всѣ они съ полнымъ основаніемъ утверждали, что Волынь ихъ отчина и стремились ею овладѣть. Положеніе Ярополка было очень тяжело и виновникомъ его онъ считалъ великаго князя, самовольной раздачей которымъ его земель онъ имѣлъ полное право оскорбиться. Явились крупныя неудовольствія и Ярополкъ, подъ вліяніемъ своей дружины, рѣшилъ идти къ Кіеву. Но Ярополкъ былъ въ высшей степени нерѣшительный, даже больше,—трусливый человекъ ³⁾; узнавъ, что противъ него выступилъ Владимиръ Мономахъ, онъ не рѣшился вступить съ нимъ въ борьбу и убѣжалъ въ Польшу, оставивъ дружину и семейство въ Луцкѣ ⁴⁾. Дружина была возмущен-

¹⁾ Ип. лѣт. 144 ст. Обыкновенно считаютъ Рюрика старшимъ изъ Ростиславичей, по крайней мѣрѣ въ родословныхъ онъ всегда помѣщается первымъ. Старшимъ вѣрнѣе считать Володаря, который первый выступилъ на поле дѣятельности.

²⁾ См. выше. Ип. лѣт. 144 ст.

³⁾ „Такъ бо баше блаженный князь Ярополкъ кротокъ, смиренъ, братолюбивъ и нищелюбець“ Ип. лѣт. 145 ст. Такова почти монашеская личность князя; въ немъ нѣтъ ни одной мужественной черты. Онъ вполне наслѣдовалъ черты своего такого же невоинственнаго отца.

⁴⁾ Ип. лѣт. 144 ст.

на такимъ поведеніемъ своего князя и, безъ всякаго сопротивленія, позволила Мономаху овладѣть Луцкомъ. Въ Владимирѣ сѣлъ Давидъ Игоревичъ ¹⁾. Ярополкъ убѣждалъ въ Польшу и обратился за помощью къ Владиславу Герману, тоже не отличавшемуся силой характера; чтобы вѣрнѣе склонить его на свою сторону, Ярополкъ предложилъ руку своей сестры Евдокіи ²⁾ племяннику его и наслѣднику престола Мечиславу ³⁾. Несмотря на все это, осязательной помощи онъ не получилъ и поэтому рѣшился лучше покориться дядѣ, признать себя виноватымъ и просить извиненія. Онъ получилъ обратно Владимиръ. Кажется, одной изъ причинъ, почему онъ не получилъ помощи у Поляковъ, было вліяніе тамъ Ростиславичей; поэтому уже черезъ нѣсколько дней—„пересѣдивъ мало днѣй“ говоритъ лѣтопись,—онъ отправляется къ Звенигороду на Ростиславичей, но на дорогѣ гибнетъ отъ руки подосланнаго Рюрикомъ Ростиславичемъ убійцы—Нерядца ⁴⁾.

Волынь опять досталась Давиду Игоревичу.

Еще одна вѣтвь княжескаго дома—Святославичи—оставалась въ изгойствѣ, но и она, въ 1094 г. получила себѣ въ удѣль Сѣверскую землю ⁵⁾, принадлежавшую ихъ отцу. Въ обезпеченіе себя отъ дальнѣйшихъ неурядицъ изъ-за удѣловъ, по предложенію Владимира, собранъ былъ въ 1097 г. извѣстный Любечской сѣздъ; по договору, заключенному на этомъ сѣздѣ, Волынь осталась за Давыдомъ, а Ростиславичи утвердились въ Галичинѣ ⁶⁾.

Извѣстно, что послѣ этого сѣзда былъ ослѣпленъ Василько и произошли новыя смуты. Единственнымъ виновникомъ этого преступленія былъ, безъ сомнѣнія, Давыдъ Игоревичъ. Святосполкъ Изяславичъ (великій князь) былъ слишкомъ трусливый, слишкомъ ничтожный человѣкъ, чтобы онъ самъ могъ рѣшиться на такой поступокъ, да и

¹⁾ Ип. лѣт. 144 ст.

²⁾ Dlug. IV р. 312. Бракъ этотъ совершенъ былъ только въ 1088 году, а въ слѣдующемъ году Мечиславъ былъ отравленъ. см. М. Р. Н. t. II Roc. Świętokrzyski dawny р. 773. Roc. Kapitulny Krakowski р. 796; Roc. Sędziwoja р. 874 и т. д.

³⁾ Болеславъ Кривоустый родился въ 1088 г.

⁴⁾ Инициатива убійства принадлежала несомнѣнно одному Рюрику, такъ какъ во 1-хъ) Нерядецъ убѣждалъ къ нему въ Перемышль, а во 2-хъ) въ томъ же году Всеволодъ ходилъ къ Перемышлю. Василько и Володаръ—слишкомъ рыцари для такого поступка.

⁵⁾ Ип. лѣт. 157—8 ст.

⁶⁾ Ип. лѣт. 167 ст.

выгоды ему отъ этого не представлялось никакой. Между тѣмъ какъ послѣдующее поведеніе Давыда показывало, чего онъ ожидалъ отъ устраненія самаго энергичнаго и талантливаго изъ Ростиславичей. Приведа Василька во Владимиръ, онъ немедленно нападаетъ на Володаря. Въ рѣшительную минуту онъ, однако, струсиль и вмѣсто того, чтобы выйдти на поле и рѣшить дѣло сраженіемъ, онъ предпочелъ запереться въ Бужскѣ и былъ тамъ осажденъ. Но Давыдъ былъ ловкій дипломатъ; онъ успѣлъ убѣдить Володаря, что въ ослѣпленіи его брата виновать не онъ, что онъ дѣйствовалъ только по приказанію великаго князя. Володаръ согласился его выпустить съ условіемъ, чтобы Василько былъ немедленно освобожденъ. Василько, дѣйствительно, тотчасъ же получилъ свободу и, конечно, объяснилъ брату все и указалъ настоящихъ виновниковъ своего ослѣпленія. Когда весна уже вполнѣ установилась, Володаръ и Василько появились подъ стѣнами Владимира, взявъ предварительно и совершенно разрушивъ городокъ Всеволожь, находившійся гдѣ-то недалеко отъ Владимира. Подойдя къ городу, они потребовали выдачи трехъ бояръ: Турыка, Лазоря и Василя, которыхъ обвиняли въ томъ, что они уговорили Давыда ослѣпить Василька. Въ городѣ собралось вѣче и потребовало у Давыда, чтобы онъ выдалъ ихъ Ростиславичамъ, но Давыдъ еще заранѣе поспѣшилъ выслать ихъ въ Луцкъ. Турыкъ убѣжалъ оттуда въ Кіевъ, а остальные два зачѣмъ-то вернулись назадъ въ Турійскъ, были схвачены и казнены. Послѣ этого Ростиславичи сняли осаду и ушли домой.

Между тѣмъ Святополку удалось оправдаться предъ Владимиромъ и прочими князьями и свалить всю вину на Давыда. Князья—искренно ли или притворно—но повѣрили его оправданіямъ и даже поручили ему наказать его же сообщника. Промедливъ до весны, онъ прежде всего пошелъ къ Берестью и оттуда завелъ переговоры съ Поляками о помощи. Узнавъ объ этомъ, и Давыдъ поспѣшилъ обратиться за тѣмъ же къ Владиславу и предложилъ ему 50 гривенъ золота¹⁾. Владиславъ велъ себя въ данномъ случаѣ очень двусмысленно: онъ взялъ у Давыда деньги и обѣщаль ему примирить его съ Святополкомъ и въ тоже самое время заводить съ этимъ послѣднимъ

¹⁾ „Massam auri“ Dlug. L. IV p. 328.

переговоры на счетъ брака своего сына Болеслава съ Сбыславой Святополковной и общаетъ ему не только не помогать Давыду, но даже выдать его, если Давыдъ попадетъ ему въ руки ¹⁾). Ведя такимъ образомъ двойную игру, Владиславъ на самомъ дѣлѣ не помогаль ни тому, ни другому, хотя ясно склонялся на сторону Святополка. Обеспеченный со стороны Польши, Святополкъ осадилъ Владимиръ и послѣ семинедѣльной осады, наконецъ, принудилъ Давыда сдать городъ. Давыдъ ушелъ въ Червень, но не пожилъ здѣсь долго; вслѣдствіе ли давленія со стороны Святополка или, можетъ быть, вслѣдствіе несочувствія къ себѣ жителей, онъ долженъ былъ оставить и Червень и удалиться въ Польшу. Волянь такимъ образомъ, цѣликомъ попала въ руки Святополка. Цѣль, къ которой онъ стремился, была достигнута. Для округленія владѣній ему нужно было только овладѣть еще Галицко-Перемышльской землей. Но это ему не удалось. Въ битвѣ на Рожни-полѣ онъ былъ разбитъ и ушелъ во Владимиръ, а сына своего Ярослава послалъ за помощью въ Венгрію. Общность опасности сблизила враговъ и Ростиславичи примирились съ Давыдомъ Игоревичемъ. Давыдъ оставилъ свою жену у Володаря въ Перемышлѣ, а самъ отправился за помощью къ Половцамъ. Между тѣмъ самъ король венгерскій Коломанъ съ громадной арміей осадилъ Перемышль. Давыдъ воротился съ небольшимъ отрядомъ хана Боняка и, въ происшедшемъ скорѣ послѣ этого сраженіи, на голову разбилъ Венгровъ ²⁾). Пользуясь всеобщимъ замѣшательствомъ послѣ этого сраженія, Давыдъ захватилъ Сутескъ и Червень и подошелъ къ Владимиру, гдѣ уже засѣлъ Мстиславъ Святополчичъ съ ополченіемъ изъ Берестья, Пинска и Вышегорода. Во время осады былъ убитъ Мстиславъ; городъ однако не сдался, такъ какъ значительная оставшаяся въ городѣ дружина князя не позволила горожанамъ передаться Давыду. Извѣстили Святополка объ отчаянномъ положеніи города. Святополкъ послалъ на выручку воеводу Путяту съ войскомъ. Соединившись съ кн. Николой Свято-

1) Татищевъ II ст. 187—8.

2) Безъ сомнѣнія лѣтопись преувеличила разницу въ числѣ враждебныхъ армій: число Венгровъ она опредѣляла въ 100,000 человекъ, между тѣмъ какъ Русскихъ — 400 (въ томъ числѣ 300 Половцевъ. Воскр. лѣт. ст. 16.), но во всякомъ случаѣ потери ихъ были очень велики (лѣтописецъ опредѣляетъ ихъ тенденціозно въ 40,000 чел.), такъ что Коломанъ, умирая, взялъ съ своего сына клятву отомстить Русскимъ (Thugosz сар. 62).

шей, стоявшимъ лагеремъ въ Луцкѣ, Путята врасплохъ напалъ на Давыда и истребилъ часть его дружины. Давыдъ ушелъ опять къ Половцамъ за помощью, Путята же и Никола Святоша вошли въ городъ и смѣнили прежняго посадника новымъ, нѣкимъ Василюемъ, человѣкомъ преданнымъ Святополку. Между тѣмъ Давыдъ возвратился изъ степей опять съ тѣмъ же ханомъ Бонякомъ, выгналъ Святошу изъ Луцка и въ свою очередь завладѣлъ Владимиромъ¹⁾.

Борьба непрерывно тянулась 3 года. Всѣ устали и рѣшено было покончить дѣло общимъ совѣтомъ. На Витичевскомъ съѣздѣ въ 1100 году согласились дать Давыду только города Бужскъ, Острогъ, Дубенъ и Черторыйскъ, т. е. южную и восточную части Волыни, и денежное вознагражденіе въ 400 гривенъ, но черезъ нѣсколько времени²⁾ Изяславъ отнялъ у него и это и далъ ему одинъ только Дорогобужъ³⁾, гдѣ онъ и умеръ въ 1112 году⁴⁾. Что же касается Волыни, то Святополкъ посадилъ тамъ сына своего Ярослава. Никто ему не противорѣчилъ въ этомъ, такъ какъ единственно кто могъ-бы заявить неудовольствіе—Владимиръ Мономахъ, но ему такой захватъ былъ прямо на руку: онъ зналъ, что послѣ смерти Святополка великимъ княземъ будетъ онъ и тогда ему будетъ легче прибрать Волынь къ рукамъ.

Борьба изъ-за Волыни однакоже не прекратилась. Былъ еще князь, справедливо считавшій Волынь своей отчиной. Это былъ сынъ Ярополка, убитаго Нерядцей, Ярославъ. Ни по Любечскому, ни по Витичевскому съѣздамъ онъ ничего не получилъ, а послѣ того какъ Волыню завладѣлъ Святополкъ, онъ потерялъ надежду получить что-либо отъ него и рѣшился послѣдовать примѣру своихъ троюродныхъ братьевъ Ростиславичей и силой добиться себѣ волости. Въ 1101 году онъ захватилъ Берестіе, но неудачно; онъ не могъ удержаться въ городѣ, попалъ въ руки Святополка и былъ посаженъ въ тюрьму. Митрополитъ и духовенство печаловались о немъ предъ великимъ

¹⁾ Ип. лѣт. 167—179 ст.

²⁾ Очень скоро послѣ Витичевского съѣзда, такъ какъ авторъ вставочнаго разсказа въ Ипатской лѣт. подъ 1097 г. совѣтъ не знаетъ объ этомъ рѣшеніи съѣзда, а прямо указываетъ что на этомъ съѣздѣ Давыдъ получилъ одинъ Дорогобужъ: „.....и не даша ему Володимеря, но даша ему Дорогобужъ, у нѣмъ же и вымръ“. Ип. лѣт. 179 ст.

³⁾ Ип. лѣт. 180—1 ст.

⁴⁾ Ип. лѣт. 197 ст.

княземъ и Ярославъ получилъ свободу ¹⁾). Гораздо хуже для него окончилась вторая попытка, въ октябрѣ слѣдующаго года. Ярославъ собрался убѣжать въ Польшу; окольными путями достигъ уже Нура, но здѣсь его нагналъ Ярославъ Святополчичь Волинскій, схватилъ и привезъ къ отцу. Заключенный опять въ тюрьму, Ярославъ вскорѣ тамъ и умеръ ²⁾).

Въ 1113 году умеръ великій князь Святополкъ. Преемникомъ его былъ Владимиръ Мономахъ. Въ рукахъ его уже въ это время сосредоточивались зѣмли: Кіевская, Переяславская, Смоленская и Ростовская. Очередь была теперь за Волынью. Трудно опредѣлить точно, какая причина была столкновенія его съ Ярославомъ Святополчичемъ: хотѣлъ ли Ярославъ присоединить къ своей волости погоринскіе города, въ которыхъ сидѣлъ Всеволодъ, сынъ Давида Игоревича ³⁾ или причиной этой были семейныя недоразумѣнія его съ женой, внучкой Мономаха ⁴⁾. Вѣрнѣе, впрочемъ, и то и другое вмѣстѣ. Какъ бы то ни было, но въ 1117 году Ярославъ былъ осажденъ Мономахомъ и послѣ двухмѣсячной упорной обороны, принужденъ сдаться на его милость ⁵⁾. Ярославъ очутился въ очень тяжеломъ положеніи: ему тягостна была даже мысль стать въ положеніе подручника, а дома, на Волыни, онъ не имѣлъ опоры, такъ какъ не ладилъ съ самымъ сильнымъ сословіемъ на Волыни—съ боярствомъ ⁶⁾. Ему ничего не оставалось, какъ искать помощи за предѣлами Руси. Въ теченіи всей своей жизни Ярославъ сохранялъ самыя дружественныя отношенія съ Поляками. Еще отецъ его Святополкъ вошелъ въ тѣсныя отношенія съ Владиславомъ Польскимъ ⁷⁾ и сговорилъ за его сына Болеслава дочь свою Сбыславу, на которой Болеславъ женился

¹⁾ Ип. лѣт. 181 ст.

²⁾ Ип. лѣт. 182 ст.

³⁾ Татищевъ т. II ст. 219.

⁴⁾ Никон. лѣт. II ст. 53. „Ярославецъ Святополчичь отсла отъ себе жену свою, Мстиславлю дщерь, внуку Володимірову, и про то поиде нань Владиміръ Мономахъ“.

⁵⁾ Ип. лѣт. ст. 204—5. „и наказавъ его Володимерь о всемъ, веля ему къ собѣ приходити „когда ты позову“.

⁶⁾ Ип. лѣт. 205 ст. „бояре и отступиша отъ него“.

⁷⁾ Эти сношенія не прерывались до самой смерти Владислава. Поэтому-то, безъ сомнѣнія, и сохранилась въ лѣтописи замѣтка о смерти послѣдняго. Ип. лѣт. ст. 182.

уже послѣ смерти отца, въ 1102 году ¹⁾. Позже онъ помогалъ Болеславу въ борьбѣ съ его братомъ Збигнѣвомъ ²⁾. Наконецъ, кромѣ родственныхъ отношеній ихъ соединяла еще и общность политическихъ отношеній къ врагамъ ихъ обоимъ—Ростиславичамъ, а послѣ смерти Святополка—и къ великому князю кievскому. Понятно, что польскимъ князьямъ выгоднѣе было поддерживать на Воляни слабаго князя, да къ тому же и родственника, чѣмъ имѣть сосѣдомъ грознаго Владимира.

Сношенія Ярослава съ Поляками, между тѣмъ, сдѣлались такъ часты и оживленны, что, наконецъ, возбудили у Владимира подозрѣнія и, такъ какъ Ярославомъ многіе были недовольны и между прочимъ вся боярская партія, то онъ скоро узналъ о всѣхъ его замыслахъ. Тогда онъ, не обращая никакого вниманія на права князя, посылаетъ во Владимиръ не то для наблюденія только, не то настоящимъ княземъ ³⁾ сына своего Романа, который и явился сюда съ приличной поддержкой. Несчастному Ярославу ничего не оставалось, какъ бѣжать къ своимъ друзьямъ, что онъ и сдѣлалъ въ 1118 году ⁴⁾. Завернувъ сперва въ Венгрію, чтобы и здѣсь заручиться помощью, Ярославъ явился наконецъ въ Польшу. Нѣсколько лѣтъ прошло въ сборахъ. Въ это время Ярославъ отъ времени до времени дѣлалъ попытки утвердиться гдѣ нибудь на границѣ; такъ въ 1121 г. ⁵⁾ онъ пытался захватить Червень, но былъ отраженъ посадникомъ Өомой Ратиборичемъ. Наконецъ, въ 1123 году ⁶⁾, ему удалось составить громадное ополченіе изъ Венгровъ, Чеховъ и Поляковъ; къ нему пристали и Ростиславичи ⁷⁾. Союзники осадили Владимиръ, но осада эта

¹⁾ Ип. лѣт. ст. 182. Roczn. Świętokrzyski dawny (M. P. N. t. II st. 773). Roczn. Traski (ib. st. 831).

²⁾ Лавр. лѣт. ст. 271 подъ 1106 г.

³⁾ „Володимѣръ же посла сына Романа во Володимѣръ княжить“ Ип. лѣт. 205 ст.

⁴⁾ Ип. лѣт. 205 ст.

⁵⁾ Ип. лѣт. 205—6 ст.

⁶⁾ Ип. лѣт. ст. 206.

⁷⁾ Ростиславичи первое время оставались на сторонѣ Владимира, съ которыми они были связаны родствомъ. (Романъ Владимировичъ былъ женатъ на Володаревнѣ. Ип. лѣт. ст. 199). Кромѣ того они еще не теряли надежды овладѣть Волянью; но когда, послѣ смерти въ 1118 году Романа, Владимиръ посадилъ тамъ другаго сына Андрея и такимъ образомъ выказалъ твердую рѣшимость присоединить Волянью къ своимъ землямъ, Ростиславичи сообразили, какъ опасно имѣть такого сосѣда и соединились съ Ярославомъ.

кончилась очень печально для Ярослава. Во время одной рекогносцировки онъ былъ убитъ какими то двумя Ляхами, вышедшими изъ города ¹⁾). Послѣ смерти Ярослава союзникамъ, конечно, ничего болѣе не оставалось, какъ разойтись по домамъ.

Въ княженіе Ярослава Святополчича необходимо указать на особое движеніе колонистовъ изъ Волыни въ Ятвяжскую землю. Для защиты и помощи ихъ Ярославъ ходилъ въ 1112 году на Ятвяговъ; дѣло кончилось обычнымъ опустошеніемъ земли ²⁾). Наконецъ, Ярославъ, конечно, участвовалъ и во всѣхъ походахъ обще-княжескихъ на Половецевъ ³⁾). Описывать ихъ мы не будемъ, такъ какъ прямого отношенія къ Волыни они не имѣютъ.

Такимъ образомъ Волынь попала въ руки Мономаховичей и осталась въ ихъ владѣніи, почти безъ перерыва, до самаго пресѣченія ихъ южной владѣтельной линіи. Еще въ 1117 году, Владимиръ посадилъ на Волыни сына своего Романа; черезъ годъ, въ началѣ 1119 года, Романъ умеръ и его мѣсто занялъ другой сынъ Мономаха Андрей ⁴⁾). Тихо, незамѣтно прошло почти все княженіе Андрея Владимировича. Великими князьями въ это время были Владимиръ и затѣмъ старшій его сынъ Мстиславъ; они строго относились къ всякой попыткѣ князей вспомнить старину, не долго думая, они даже выгоняли иныхъ совсѣмъ изъ Русской земли. Такъ, напр. Мстиславъ поступилъ съ полоцкими князьями, осмѣливавшимися ослушаться его. Сперва онъ послалъ на нихъ нѣсколькихъ удѣльныхъ князей, между которыми былъ и Андрей Волынской. Они пограбили землю Полоцкую и взяли нѣсколько городовъ ⁵⁾), а когда полоцкіе князья и послѣ этого не смирились, Мстиславъ захватилъ ихъ въ плѣнъ и вы-

Такимъ образомъ ни въ какомъ случаѣ не выдерживаетъ критики предположеніе, что Ростиславичи помогали Ярославу вслѣдствіе зависимости, въ которую они стали къ Польшѣ послѣ плѣна Володаря Петромъ Властомъ.

¹⁾ Длугошъ (L. IV р. 419—20), Татищевъ (II ст. 226—7) и Турочъ (сар. 63) утверждаютъ что Ярославъ погибъ въ битвѣ съ осажденными, во время вылазки изъ города.

²⁾ Ип. лѣт 196 ст.

³⁾ Лавр. лѣт. ст. 275.

⁴⁾ Ип. лѣт. 205 ст. По Лавр. лѣт. это было въ 1119—1120 гг. (ст. 277).

⁵⁾ Ип. лѣт. ст. 210—1.

слалъ въ Византию, а по городамъ посадилъ своихъ намѣстниковъ¹⁾. Въ 1132 году умеръ Мстиславъ и вступилъ на кievскій престолъ братъ его Ярополкъ. Ярополкъ—бывшій переяславскій князь былъ человекъ очень храбрый и мужественный; казалось бы, что въ его княженіе удѣльнымъ князьямъ будетъ еще тяжеле, чѣмъ прежде, что они и головы не посмѣютъ поднять передъ великимъ княземъ, но вышло совсѣмъ наоборотъ: только лишь вступилъ онъ на престолъ, какъ начинается междоусобица въ самомъ племени Мономаха: борьба ведется изъ-за старшинства между младшими дядями и старшими племянниками (т. е. старшими сыновьями старшихъ братьевъ этихъ дядей).

Ярополкъ былъ бездѣтенъ; онъ обѣщалъ умирающему Мстиславу заботиться объ его дѣтяхъ и первымъ дѣломъ его, по вступленіи на престолъ, было устроить своихъ племянниковъ—Мстиславичей. Старшаго изъ нихъ онъ перевелъ изъ Новгорода поближе къ себѣ въ Переяславъ. Но въ родѣ Мономаха уже сложилась традиція, по которой князь переяславскій былъ уже почти объявленнымъ наслѣдникомъ великаго князя. Дяди—Юрій и Андрей возмутились такимъ нарушеніемъ своихъ правъ, и Юрій Ростовскій выгналъ Всеволода изъ Переяслава. Послѣ нѣсколькихъ смѣнъ князей²⁾, въ Переяславѣ утвердился Юрій, но въ это время второй сынъ Мстислава³⁾ Изяславъ, котораго перевели, противъ его желанія, изъ Полоцка сперва въ Переяславъ, а затѣмъ въ Туровъ, выгнанный изъ послѣдняго Вячеславомъ Владимировичемъ, соединился съ братомъ Всеволодомъ, воротившимся опять въ Новгородъ, и съ Ольговичами и пограбилъ Переяславскую землю. По миру, который заключили борящіеся стороны, старый порядокъ былъ на время восстановленъ и въ Переяславлѣ сѣлъ Андрей Владимировичъ. Волынь досталась Изяславу Мстиславичу⁴⁾.

Такимъ образомъ выступилъ на историческое поприще первый изъ цѣлаго ряда талантливыхъ князей, сидѣвшихъ, почти безъ пере-

1) Ип. лѣт. ст. 211 подъ 1130 годомъ.

2) Всеволодъ Мстиславичъ, Юрій Владимировичъ, Изяславъ Мстиславичъ, Вячеславъ Владимировичъ и опять Юрій.

3) См. Соловьевъ т. II генеалогическая таблица № 4.

4) Ип. лѣт. 213—14 ст.

рыва, въ теченіи полутораста лѣтъ на волынскомъ княженіи. Князь въ высшей степени умный и честолюбивый, онъ неутомимо стремился къ разъ намѣченной цѣли и всегда достигалъ ее. Съ непостижимымъ искусствомъ и ловкостью онъ выпутывался и выходилъ побѣдителемъ изъ самыхъ запутанныхъ и невыгодныхъ для него положеній. Онъ положилъ начало обособленію своего рода на Волыни и съ этого времени Изяславичи княжатъ здѣсь до половины XIV вѣка.

Въ 1139 году умеръ Ярополкъ и Кіевомъ завладѣлъ Всеволодъ Ольговичъ Черниговскій. Такая узурпація, съ точки зрѣнія Мономаховичей, у которыхъ уже сложилось убѣжденіе о принадлежности Кіева одному ихъ роду, не могла пройти безъ протеста съ ихъ стороны. Они забываютъ на время ссоры и сговариваются опять завладѣть Кіевомъ и великокняжимъ столомъ. Всеволодъ попытался было предупредить ихъ соединеніе, напавъ на каждого поодиночкѣ, но его планъ не удался: онъ отправился самъ на Андрея Переславскаго, а на Изяслава Мстиславича послалъ двоюроднаго брата своего, Изяслава Давыдовича съ Половцами; съ нимъ должны были соединиться галицкіе князья—Владимиръ Володаревичъ и Иванъ Васильковичъ. Но какъ тотъ, такъ и другой походъ кончились ничѣмъ. Владимирко и Иванъ Васильковичъ вступили сперва въ переговоры съ Изяславомъ; кажется, они требовали отъ Изяслава за свой нейтралитетъ уступки какихъ то городовъ, но, когда Изяславъ отказалъ имъ въ этомъ, Ляхи¹⁾, бывшіе вмѣстѣ съ галицкими князьями, начали грабить Волынь и Изяславъ, угрожаемый съ двухъ сторонъ, принужденъ былъ просить мира. Всеволодъ отказалъ было, но потомъ, „сѣдумавъ оже ему безъ нихъ нельзя быти“²⁾, примирился съ нимъ.

1) Это было войско Владислава, старшаго сына Болеслава Кривоустаго. Владиславъ, тѣснымъ братьями, искалъ помощи на Руси, сблизился съ Всеволодомъ, который въ это время только что вступилъ на великокняжій столъ, и предложилъ ему обручить своего еще малолѣтнаго сына Болеслава на дочери Всеволода Звениславѣ. Всеволодъ принялъ предложеніе и былъ съ нимъ въ тѣсной дружбѣ до самаго изгнанія Владислава изъ Польши; такъ, въ 1142 году, онъ посылаетъ сына своего Святослава Волынскаго съ Владимиромъ Галицкимъ на помощь ему противъ его младшихъ братьевъ. Впрочемъ, они, соединившись у Чернечьска, ограничились опустошеніемъ земли „вземше боже мирныхъ, неже раатныхъ“. Ип. лѣт. ст. 224. Польскіе лѣтописцы утверждаютъ, что они были разбиты Вшеборомъ, воеводой Сендомирскимъ и потомъ уже оплущены Владиславомъ. (Bielski 91 p. Kromer. 165 p.). Въ 1143 г. Поляки пріѣзжали на свадьбу Святослава Всеволодовича „и пиша у Всеволода и тако разошася“ Ип. лѣт. ст. 224.

2) Ип. лѣт. ст. 219.

Всеволодъ изъ одной крайности бросился въ другую. Помирившись съ Мономаховичами, онъ отстранилъ своихъ братьевъ на второй планъ и началъ выказывать особенную заботливость объ интересахъ Мономаховичей, такъ въ 1142 году онъ перевелъ Вячеслава изъ Турова на важнѣйшій послѣ Кіева переяславскій столъ, а Туровъ отдалъ сыну своему Святославу. Тогда братья его рѣшили добиться силой—на что они, по ихъ мнѣнію, имѣли право и напали прежде всего на Вячеслава ¹⁾. Попытка эта кончилась не совсѣмъ удачно для нападающихъ: на помощь Вячеславу пришли—дружина великаго князя, Ростиславъ Мстиславичъ Смоленскій и наконецъ Изяславъ Мстиславичъ съ своей волынской дружиной. Ольговичи были разбиты и союзники пограбили ихъ же волости. Для успокоенія братьевъ Всеволодъ прибавилъ къ тому, что онъ давалъ прежде ²⁾, еще нѣсколько городовъ и помирился съ братьями, однако эта борьба такъ напугала добродушнаго старика Вячеслава, что онъ немедленно передалъ Изяславу Мстиславичу Переяславъ, а самъ уѣхалъ въ свой любимый Туровъ. На Волыни сѣлъ бывшій туровскій князь Святославъ Всеволодичъ ³⁾. Пока на Волыни сидѣлъ Изяславъ, Владимирко былъ въ союзѣ съ Всеволодомъ, но какъ только Владимиръ занялъ снѣгъ Всеволода Святославъ, Владимирко сейчасъ же перемѣняетъ свою политику по отношенію къ Всеволоду Ольговичу: „раскоторастася Всеволодъ съ Володимѣркомъ, говоритъ лѣтописецъ, про сына, оже сѣде его сынъ Володимири, и почаста на ся искати вины“ ⁴⁾. „Вина“ скоро нашлась и Всеволодъ, имѣя громадное, небывалое еще ополченіе со всей южной Руси ⁵⁾ и войско Владислава Польскаго, вторгнулся въ галицкіе продѣлы и нанесъ страшное пораженіе Владимирку. Впрочемъ, это пораженіе не имѣло для князя галицкаго особенно тяжелыхъ послѣдств-

1) Причина ихъ нападенія сперва на Вячеслава объясняется тѣмъ значеніемъ, которое имѣлъ Переяславъ, какъ послѣдняя ступень къ великому княженію.

2) Онъ давалъ имъ 4 города—Берестье, Дрогичинъ, Клецкъ и Черторыйскъ. Въ 1140 г. Всеволодъ отдалъ Мстиславичамъ Берестье съ тѣмъ только, чтобы они не шли въ Новгородъ, куда ихъ приглашали. Ип. лѣт. 220 ст.

3) Ип. лѣт. ст. 222--3.

4) Ип. лѣт. 225 ст.

5) Всеволодъ изъ Кіева, Игорь изъ Городца, Святославъ изъ Курска, Владимиръ изъ Чернигова, Вячеславъ изъ Турова, Изяславъ изъ Переяслава, Ростиславъ изъ Смоленска, Святославъ изъ Владимира, Борисъ и Глѣбъ Городенскіе и Ростиславъ Глѣбовичъ Курскій.

вій, какъ ловкій дипломатъ онъ ловко вывернулся изъ своего тяжелаго положенія и отдѣлался страхомъ да дарами, которые онъ раздалъ, чтобы умилостивить князей ¹⁾).

Владимирко не успокоился въ своихъ проискахъ, ему слишкомъ невыгодно было такое близкое сосѣдство сына сильнаго кievскаго князя. Слѣдствіемъ этого былъ новый походъ Всеволода на Владимирка съ такими же громадными силами, хотя далеко не съ такимъ успѣхомъ: дѣло кончилось только осадой Звенигорода; даже не взявъ его, князья воротились по домамъ. Неудачу эту нужно приписать болѣзни Всеволода, отъ которой онъ и умеръ ²⁾).

Раньше мы говорили, что Всеволодъ при самомъ вступленіи своемъ на великокняжій престолъ вошелъ въ близкія отношенія съ Владиславомъ Польскимъ. Владиславъ находился въ это время въ очень тяжеломъ положеніи, онъ постоянно опасался, что братья прогонятъ его изъ Польши. Въ борьбѣ съ ними, онъ часто обращался за помощью къ свату своему Всеволоду. Борьба эта ³⁾, вообще очень запутанная, шла съ переменнымъ счастьемъ; такъ, послѣ пораженія на р. Пилицѣ ⁴⁾, Владиславъ съ вспомогательнымъ русскимъ отрядомъ ⁵⁾ побѣждаетъ своихъ братьевъ, но при осадѣ Познани, онъ терпитъ полное пораженіе и бѣжитъ къ императору Конраду III; сынъ его Болеславъ убѣгаетъ къ Всеволоду ⁶⁾. Но Всеволодъ не могъ въ это время помочь ему, онъ самъ былъ занятъ войной съ Володимиркомъ Галицкимъ, а послѣ окончанія ея вскорѣ и умеръ; преемникъ же

¹⁾ Ип. лѣт. 225—26 ст.

²⁾ Ип. лѣт. 228—29 ст.

³⁾ Лѣтопись говоритъ только о двухъ походахъ: 1142 (Ип. лѣт. 224 ст.) и 1145 г. (Ип. лѣт. 227 ст.); оба—съ удачнымъ исходомъ. Но польскіе источники указываютъ ихъ гораздо большее число.

⁴⁾ Kadłubek. M. P. N. II p. 366.

⁵⁾ При осадѣ Познани Богухваль указываетъ на присутствіе въ польскомъ войскѣ какого то русскаго князя: „*princeps Ruthenus Boleslai propinquus*“ M. P. N. II cap. 32 st. 522. Возможно, что это былъ Святославъ Волинскій.

⁶⁾ Онъ упоминается во второмъ походѣ на Владимирка (Ип. лѣт. ст. 228). Затѣмъ его же посылаетъ Всеволодъ въ Переяславъ къ Изяславу Мстиславичу удостовѣриться въ вѣрности его Игорю. (Ип. лѣт. ст. 229). Здѣсь въ лѣтописи по ошибкѣ переписчика стоитъ Владиславъ вмѣсто Болеслава.

его Изяславъ Мстиславичъ былъ расположенъ болѣе къ младшимъ Болеславичамъ ¹⁾).

Извѣстно, что послѣ Игоря Ольговича, княжившаго только нѣсколько дней, на престолъ великокняжій вступилъ Изяславъ Мстиславичъ. Ольговичи потеряли всѣ свои пріобрѣтенія. На Волыни, послѣ Святослава, которому Изяславъ Мстиславичъ далъ другой удѣлъ, именно южную Погорину—города Божскій, Межибожіе и 3 другихъ, которыхъ лѣтопись не называетъ ²⁾),—сѣлъ Владимиръ Андреевичъ, сынъ Андрея Владимировича Переяславскаго; но княжилъ онъ здѣсь очень недолго: онъ былъ посаженъ здѣсь Вячеславомъ, который, будучи въ это время старшимъ въ родѣ Мономаховичей, рѣшилъ, что хотя Кіевомъ овладѣлъ не онъ, а Изяславъ, но онъ, какъ младшій въ родѣ долженъ будетъ уступить великое княженіе ему. Основываясь на такомъ предположеніи, онъ заранѣе отдалъ Волынь Владимиру Андреевичу; но онъ не рассчиталъ того, что теперь уже не тѣ времена и за это сильно поплатился: Изяславъ отнялъ у него даже Туровъ. При этомъ погромѣ, вѣроятно, досталось и Владимиру Андреевичу: онъ едва-ли усидѣлъ на Волыни ³⁾).

Лѣтописецъ не говоритъ, кто смѣнилъ Владимира Андреевича на Волыни. Весьма вѣроятно, что тамъ сѣлъ братъ Изяслава Владимиръ Мстиславичъ, который раньше княжилъ въ Берестыи; затѣмъ въ 1148 году во Владимирѣ сѣлъ другой братъ великаго князя Святополкъ Мстиславичъ ⁴⁾), а Владимиръ Мстиславичъ перешелъ въ Луцкъ,

¹⁾ Изяславъ отказался участвовать въ походѣ 1145 года на младшихъ Болеславичей подъ предлогомъ болѣзни. Ип. лѣт. 227 ст.

²⁾ Святославъ Всеволодовичъ не долго усидѣлъ въ новомъ удѣлѣ. Сперва онъ помогалъ Изяславу въ его борьбѣ съ Святославомъ Ольговичемъ, но затѣмъ вѣстѣ съ Давыдовичами перешелъ на сторону этого послѣдняго. (Ип. лѣт. 244 ст.). Въ удѣлѣ, данномъ ему Изяславомъ, онъ упоминается еще разъ (см. Ип. лѣт. 243 ст.). Послѣ его измѣны Изяславъ, конечно, отнялъ у него эти земли и вскорѣ послѣ этого отдалъ ихъ Ростиславу Юрьевичу. Ип. лѣт. ст. 257.

³⁾ Въ битвѣ у Переяслава лѣтописецъ говоритъ объ участіи Владимира Андреевича, но не упоминаетъ, что онъ предводительствовалъ волынскимъ полкомъ, а полкъ этотъ поставленъ особо отъ него „и Володимирскій полкъ приведе (Изяславъ)“ говоритъ лѣтопись. Ип. лѣт. ст. 254.

⁴⁾ Новгород. I стр. 10 подъ 1148 годомъ говоритъ „тои же осѣни присла Изяславъ изъ Кіева сына своего Ярослава, і пріяша Новгородьци, а Святополка выведе, злобы его ради, и дасть ему Володимиръ.“

гдѣ онъ упоминается въ 1149 г. ¹⁾). Впрочемъ, ведя борьбу за Кіевъ, Изяславъ не выпускалъ изъ рукъ Волыни и братья его были скорѣе его намѣстниками, чѣмъ самостоятельными князьями. При жизни Изяслава мы не имѣемъ ни одного указа на самостоятельную ихъ дѣятельность на Волыни ²⁾); кромѣ того, во время борьбы за Кіевъ, изгоняемый оттуда нѣсколько разъ, Изяславъ прямо убѣгаетъ на Волынь, какъ къ себѣ домой, и братья всегда уступаютъ ему безъ сопротивленія.

Тяжело пришлось Изяславу на великомъ княженіи, которое онъ занялъ совершенно неправильно, противъ всѣхъ обычаевъ. Захвативъ его, онъ нарушилъ и интересы Ольговичей, которые при этомъ потеряли всё, что было приобретено Всеволодомъ, и интересы старшихъ Мономаховичей—Вячеслава и Юрія, такъ какъ они—дяди его имѣли преимущественное право на столъ кіевскій по родовымъ счетамъ и традиціямъ, не успѣвшимъ еще потерять свою силу.

Сперва ему пришлось вынести продолжительную борьбу съ Святославомъ Ольговичемъ, добивавшимся освобожденія брата—Игоря, а послѣ того какъ Игорь былъ убитъ Кіевлянами, мстившимъ ему; потомъ началась еще болѣе тяжелая война съ дядей Юріемъ, которому по старшинству долженъ бы былъ достаться Кіевъ, такъ какъ Вячеславъ былъ совершенно неспособенъ постоять за свои права.

Изяславъ предпринималъ три похода на Ольговичей и всѣ они кончились приблизительно одинаково: Изяславъ опустошалъ Черниговскую землю и затѣмъ спокойно уходилъ въ Кіевъ. Далѣе дѣло не шло. Эта продолжительная и бесполезная война тяжело отзывалась на жителяхъ Черниговской земли и самихъ Ольговичахъ и они рѣшились, наконецъ, просить мира и оставить навсегда, забыть смерть Игоря; къ такому рѣшенію они пришли тѣмъ скорѣе, что единственный ихъ союзникъ—Юрій Долгорукій отказалъ имъ въ помощи ³⁾), а польскіе князья, послѣ изгнанія Владислава, находились въ тѣсной дружбѣ съ Изяславомъ. Изяславъ охотно согласился примириться—онъ чувствовалъ себя нѣсколько виноватымъ передъ Ольговичами за

¹⁾ Ип. лѣт. ст. 273.

²⁾ Ип. лѣт. 254 ст. упоминается „Володимѣрскій полкъ“ безъ князя.

³⁾ Ип. лѣт. 256 ст.

смерть Игоря,—и осенью 1148 года ¹⁾ Изяславъ былъ на снемѣ у Городка съ Владимиромъ и Изяславомъ Давыдовичами „и ту вси быша“.

Устроивъ такимъ образомъ свои дѣла съ Ольговичами, Изяславъ хотѣлъ отдѣлаться и отъ послѣдняго возможнаго соперника на великокняжескій столъ—Юрія. Подъ предлогомъ, что Юрій обижаетъ Новгородцевъ, у которыхъ княжилъ сперва братъ его Святополкъ Мстиславичъ (1142—1148 г.), а затѣмъ сынъ Ярославъ, Изяславъ Мстиславичъ отправляется въ Новгородъ ²⁾ и оттуда вмѣстѣ съ новгородскимъ ополченіемъ и братомъ Ростиславомъ Смоленскимъ нападаетъ на Поволжье. Впрочемъ, опустошеніемъ Поволжья дѣло и окончилось—Юрій перенесъ и это: онъ не хотѣлъ рисковать, начиная борьбу одними собственными силами, не заручившись сочувствіемъ на югѣ. Еще передъ отъѣздомъ Изяслава въ Новгородъ, къ нему явился Ростиславъ Юрьичъ; онъ рассказалъ Изяславу о своей ссорѣ съ отцемъ и просилъ защиты. Изяславъ принялъ его дружелюбно и далъ ему Бужскъ, Межибожіе, Котельницу и два другихъ города (бывшую волость Святослава Всеволодовича), но воротаясь изъ похода на Юрія, онъ узналъ, что Ростиславъ устраивалъ противъ него заговоръ съ цѣлью передать Кіевъ отцу. Взбѣшенный Изяславъ не обратилъ никакого вниманія на оправданія Ростислава и съ позоромъ изгналъ его изъ Кіева; однако Ростиславъ все таки успѣлъ склонить на сторону отца Кіевлянъ и Черныхъ Клобуковъ. Послѣ этого Юрій немедленно собралъ всѣ свои силы, соединился съ Святославомъ Ольговичемъ и Святославомъ Всеволодичемъ, призвалъ Половцевъ и подошелъ къ Переяславу. Изяславъ съ своей стороны соединился съ Ростиславомъ Смоленскимъ, вызвалъ своихъ Волынцевъ и тоже подошелъ къ Переяславу. Сраженіе кончилось очень несчастливо для Изяслава: онъ былъ разбитъ и бѣжалъ сначала въ Кіевъ, а оттуда во Владимиръ ³⁾.

Во Владимирѣ Изяславъ принялъ немедленно всѣ мѣры къ продолженію войны: пригласилъ Венгровъ, Чеховъ ⁴⁾ и Ляховъ. Въ борь-

¹⁾ Ип. лѣт. 256—7 ст.

²⁾ Ип. лѣт. 259—60 ст.

³⁾ Ип. лѣт. ст. 261—8.

⁴⁾ Святополкъ Мстиславичъ былъ женатъ на родственницѣ Владислава II Чешскаго. Карамзинъ т. II пр. 282.

бѣ съ Юріемъ, которую онъ велъ отъ своего имени, общественное мнѣніе высказалось противъ него, такъ какъ онъ нарушилъ давно уже сложившіяся традиціи о престолонаслѣдіи и старшинствѣ. Желая склонить опять общественное мнѣніе на свою сторону и въ то же время достигнуть и своихъ цѣлей, Изяславъ придумалъ закрыться, какъ щитомъ, именемъ старшаго изъ оставшихся еще въ живыхъ Мономаховичей Вячеслава, оспаривать права котораго Юрій не могъ. Но прежде нужно было заставить трусливаго старика рѣшиться предъявить свои права. Изяславъ, сгорая, забывъ объ его характерѣ и томъ, что у него еще не прошли впечатлѣнія недавняго урока, даннаго ему имъ же самимъ, началъ дѣйствовать слишкомъ круто и этимъ совсѣмъ испугалъ Вячеслава. Онъ послалъ сказать Вячеславу, что если онъ не объявитъ себя претендентомъ на великовняжій столъ, то его волости не одобровать. Испуганный Вячеславъ обратился за помощью къ Юрію и просилъ у него защиты и Юрій, хорошо понимая, какъ важно для него сохранить расположеніе Вячеслава, немедленно же выступилъ противъ Изяслава. До битвы однако дѣло не дошло: къ Юрію пришелъ отрядъ Галичанъ и самъ Владимирко подошелъ къ Шумску, кромѣ того князя польскіе Болеславъ и Генрихъ оставили Изяслава, такъ какъ имъ пришло извѣстіе, что Пруссы грабятъ ихъ земли ¹⁾. При такихъ обстоятельствахъ Изяславу ничего не оставалось дѣлать, какъ просить мира; посредникомъ явился начальникъ венгерскаго вспомогательнаго отряда. Юрій прежде всего потребовалъ, чтобы союзники разошлись по домамъ ²⁾. Требованіе это было исполнено. Мирные переговоры однако не привели ни къ какому результату: Юрій не соглашался возвратить Изяславу новгородскихъ даней, захваченныхъ имъ раньше. Война возобновилась. Андрей и Ростиславъ Юрьевичи осадили брата Изяслава Владимира Мстиславича въ Луцкѣ, а когда Изяславъ хотѣлъ придти къ нему на помощь, Владимирко Галицкій сталъ у Полоннаго, между Владимиромъ и Луцкомъ, и такимъ образомъ загородилъ ему дорогу. Но Владимиру, было-бы очень невыгодно, если бы Юрій окончательно побѣ-

¹⁾ Кажется нападеніе Пруссовъ было однимъ предлогомъ, а истинной причиной ихъ ухода было то, что они опасались нападенія Владислава, судьбой котораго занялся въ это время самъ папа Евгений III.

²⁾ Череминъ, гдѣ стоялъ Изяславъ съ союзниками, принадлежалъ Глѣбу Юрьевичу.

диль Изяслава и завладѣль его волостью; онъ предпочиталъ имѣть сосѣдомъ, хотя и энергичнаго и сильнаго князя, но все таки удѣльнаго, а не великаго. Такимъ образомъ, когда доведенный до крайности Изяславъ попросилъ его посредничества, онъ охотно согласился. Послѣ долгихъ споровъ, миръ, наконецъ, состоялся. Изяславъ получилъ Владимиръ и новгородскія дани, но за то навсегда отказался отъ Кіева.

Миръ продолжался недолго: Юрій не исполнилъ условій его, не отдалъ новгородскихъ даней и Изяславъ, призвавши опять Ляховъ и Чеховъ ¹⁾, направился къ Кіеву, по дорогѣ захватилъ безъ всякаго сопротивленія земли по Горыни, составлявшія удѣль Глѣба Юрьевича, увеличилъ свои силы Черными Клобуками и овладѣль Кіевомъ. Движеніе это было такъ быстро, что Юрій не успѣлъ собраться съ силами и убѣжалъ въ Городецъ, свое обычное пристанище во время борьбы за Кіевъ. Сюда къ нему пришли черниговскіе князья, затѣмъ онъ послалъ просить помощи у Владимирка. Изяславъ такимъ образомъ очутился межъ двухъ огней. Положеніе его было тѣмъ болѣе опасно, что надежнаго войска у него было очень мало: Кіевляне въ борьбѣ съ Юріемъ поддерживали его очень слабо, такъ какъ Юрій былъ тоже Мономаховичъ ²⁾, на Черныхъ Клобуковъ, опытъ уже показалъ, надѣяться было нечего, Ляхи дѣйствовали тоже вяло. Вся надежда была только на своихъ Волынцевъ, да на полкъ Вячеслава, съ которымъ онъ, въ этотъ промежутокъ времени, близко сошелся и успѣлъ убѣдить его принять участіе въ борьбѣ. Дѣйствительно, при встрѣчѣ съ Владимиркомъ, дѣло даже до битвы не дошло, такъ какъ Кіевляне и Черные Клобуки разбѣжались. Изяславъ долженъ былъ поневолѣ уйти сперва въ Кіевъ, а затѣмъ къ себѣ во Владимиръ. По дорогѣ онъ захватилъ погоринскіе города и посадилъ въ нихъ сына своего Мстислава, но тотъ не долго владѣль ими: Владимирко, на обратномъ пути изъ Кіева, проходилъ мимо Дорогобужа, гдѣ сидѣлъ Мстиславъ Изяславичъ; этотъ послѣдній испугался и ушелъ въ Луцкъ къ дядѣ Святополку, а въ Дорогобужѣ Влади-

¹⁾ Ип. лѣт. 279 ст.

²⁾ Вотъ что сказали Кіевляне Изяславу, когда тотъ приглашалъ ихъ идти на Юрія: „княже ты ся на насъ не гнѣвай, не можемъ на Володимере племя руки възнати“ Ип. лѣт. 243 ст.

мирко посадил сына Юрія Мстислава. Черезъ нѣсколько времени Мстислава смѣнилъ здѣсь самый храбрый и дѣятельный изъ Юрьевичей—Андрей. Отецъ къ Погоринѣ прибавилъ для него еще Турово-Пинскую землю. Андрей поселился не въ значительномъ Туровѣ, а въ маленькой Пересопницѣ, такъ какъ она была наиболѣе выгоднымъ стратегическимъ пунктомъ для наблюденія за Изяславомъ.

Изяславъ очутился опять въ самомъ стѣсненномъ положеніи: съ одной стороны грозилъ Владимирко Галицкій, захватившій у него уже земли по истокамъ Горыни ¹⁾, а съ другой—храбрый Андрей Юрьичъ. Онъ сдѣлалъ было попытку выйти изъ своего тяжелого положенія мирнымъ путемъ, требуя только, чтобы ему отдали Погорину, такъ какъ иначе онъ никогда не могъ быть покоенъ въ сосѣдствѣ съ Андреемъ, но Юрій объ этомъ и слышать не хотѣлъ. И только съ помощью короля венгерскаго, приславшаго ему 10000 войска ²⁾, Изяславу удастся не только выйти изъ своего тяжелого положенія, но и овладѣть Кіевомъ, не смотря на то, что на пути къ Кіеву, въ Пересопницѣ и Бѣлгородѣ, сидѣли Андрей и Борисъ Юрьевичи и за нимъ по пятамъ гнался Владимирко. Эту удачу можно объяснить только той популярностью, которой пользовался Изяславъ не только на Волыни, но и въ Кіевщинѣ. На всемъ пути его—въ Дорогобужѣ, Корчеськѣ, Мичськѣ, Бѣлгородѣ,—вездѣ жители принимаютъ его съ знаками глубокой привязанности и уваженія ³⁾. Вообще этотъ походъ Изяслава можетъ считаться образцовымъ по той ловкости, съ которой онъ увертывался отъ преслѣдовавшаго его Владимирка. Не мало, конечно, помогла ему достигнуть цѣли и нерасторопность Бориса Юрьевича, который безпрепятственно дозволилъ ему овладѣть укрѣпленнымъ Бѣлгородомъ.

¹⁾ Бужськь, Шумськь, Тихомль, Выгошевъ и Гнойницу, такъ какъ позже, во время борьбы съ Владимиркомъ, Изяславъ требуетъ возвратить эти города „Русскіе“. Ип. лѣт. 313 ст.

²⁾ Поляки совсѣмъ не явились, хотя къ нимъ Изяславъ тоже посылалъ: „Ляхове же не идоша, а Угре идоша“ Лавр. лѣт. 319 ст.

³⁾ Вотъ что говоритъ ему на военномъ совѣтѣ дружина: „а что ти будешь на Теревѣ, а ту к тобѣ дружина твоя вси прийдуть, а что ти Богъ дастъ и до Бѣлгорода дойдеши передъ нимъ, а боле дружины к тобѣ приѣдетъ, а болши ти сила“. Ип. лѣт. 286 ст. Еще раньше лѣтописецъ говоритъ, что Изяславъ отправился въ Кіевъ „повабившимъ его мужемъ Вячеславимъ и Берендѣемъ и Кланомъ“ Ип. лѣт. 284 ст.

Юрій ушелъ въ Городокъ, а Владимирко возвратился домой, разсердившись на Юрія и Юрьевичей, позволившихъ такъ себя обойти ¹⁾). По дорогѣ, однако, онъ не преминулъ ограбить всѣ города, лежавшіе на его пути.

Такимъ образомъ Изяславъ въ послѣдній разъ овладѣлъ Кіевомъ и не разставался съ властью уже до самой своей смерти. На самомъ дѣлѣ, онъ не носилъ великокняжескаго титула, уступивъ его и всѣ почести, съ нимъ связанныя, старику Вячеславу. Только такимъ способомъ онъ, въ глазахъ народа, властвовалъ по праву, а не силой только.

Юрій не оставилъ своихъ притязаній на Кіевъ. вмѣстѣ съ Ольговичами и Половцами онъ перешелъ черезъ Днѣпръ у Заруба ²⁾). Но тутъ его ждала полная неудача. Изяславъ приготовился къ рѣшительной битвѣ: кромѣ своей волынской дружины, Кіевлянъ и полка Вячеслава, съ нимъ были еще полки Ростислава Смоленскаго, Изяслава Давыдовича Черниговскаго, Бориса Городенскаго, Владимира Мстиславича и Черные Клобуки ³⁾). Послѣ неудачнаго приступа къ Кіеву и продолжительныхъ переговоровъ съ Вячеславомъ, Юрій отступилъ на югъ и на берегахъ р. Рута потерпѣлъ страшное пораженіе. Юрій принужденъ былъ бѣжать за Днѣпръ въ Переяславъ. Но пока онъ имѣлъ пристанище въ южной Руси, до тѣхъ поръ Изяславъ не могъ быть вполне спокоенъ и первымъ его дѣломъ, послѣ занятія Кіева, было заставить Юрія уйти изъ Переяславля въ Городокъ; въ Переяславлѣ же онъ оставилъ его сына Глѣба. Но въ это же самое время Изяславъ получаетъ извѣстіе, что Владимирко нападетъ врасплохъ, ночью, на венгерскіе полки, которые вель отцу Мстиславъ Изяславичъ, и совершенно истребилъ ихъ, а также что Юрій зоветъ Владимирка къ себѣ на помощь. Тогда онъ заставилъ Юрія совсѣмъ удалиться изъ южной Руси, а въ Городкѣ посадилъ Глѣба Юрьевича. Въ слѣдующемъ, 1152 году, Изяславъ окончательно разрушилъ Горо-

¹⁾ „Володимеръ же рече Андрѣви Гюргевичю и Володимеру Андрѣвичю: „како есть княженіе свата моего, аже рать на нь из Володимера идеть, а како того не увѣдати? а ты сынъ его сѣдиши в Пересопници, а другій Вѣлѣгородѣ, како того не устеречи?“ и рече съ гнѣвомъ къ Андрѣви Гюргевичю: „оже тако княжите съ своимъ отцемъ, а правите сами, а яз не могу на Изяслава одинъ поити“. Ип. лѣт. ст. 289.

²⁾ Нын. Зарубинцы въ Полтавской губ.

³⁾ Венгровъ незадолго передъ тѣмъ Изяславъ отпустилъ домой съ большими дарами и вмѣстѣ съ ними отправилъ для переговоровъ сына Мстислава Ип. лѣт. ст. 291.

докъ и, лишивъ такимъ образомъ Юрія точки опоры на югѣ, отнялъ у него всякую возможность вредить себѣ¹⁾.

Покончивъ съ Юріемъ, Изяславъ рѣшилъ покончить и съ Владимиркомъ и это было для него тѣмъ легче сдѣлать теперь, что король венгерскій явился самъ къ нему на помощь съ 73 полками строевого вонска, да кромѣ того съ Изяславомъ были полки: свой собственный, Вячеслава, Владимира Мстиславича Дорогобужскаго, Владимира Андреевича Берестейскаго и Святополка Мстиславича Владимирскаго, Кіевляне и Черные Клобуки. Владимирко съ силами одной Галицкой земли не могъ устоять противъ такого вонска: онъ былъ совершенно разбитъ на берегахъ р. Сана, убѣжалъ въ Перемышль и оттуда, притворившись умирающимъ, уговорилъ короля помириться съ нимъ и тотъ, не смотря на протесты Изяслава и его сыновей, заключилъ съ нимъ миръ. При этомъ Владимирко обѣщаль Изяславу возвратить города: Бужскъ, Шумскъ, Тихомль, Выгошевъ и Гнойницу, которые онъ раньше захватилъ. Но когда Изяславъ послалъ въ эти города своихъ намѣстниковъ, то Владимирко ихъ не пустилъ; такимъ образомъ вторая война была неизбежна. Въ это самое время умеръ скоропостижно Владимирко, но Ярославъ Владимировичъ, руководимый старыми боярами отца, неуклонно слѣдовалъ его политикѣ. Противники²⁾ встрѣтились на берегахъ р. Серета у Теробовля и битва осталась нерѣшенной: Изяславъ набралъ много плѣнныхъ Галичанъ, а тѣ—своихъ противниковъ. Тѣмъ дѣло и кончилось. Изяславъ ушелъ домой.

Этимъ и закончилъ свою дѣятельность Изяславъ Мстиславичъ. Вскорѣ послѣ смерти своего брата Святополка Владимирскаго³⁾,

¹⁾ Юрій было еще разъ попытался возвратить себѣ прежнее значеніе, это—послѣ перваго похода Изяслава на Владимирко; но походъ кончился полной неудачей. Онъ осадилъ Черниговъ, но не взявъ его, ушелъ въ Суздаль, при приближеніи Изяслава. Изяславъ осадилъ Новгородъ Сѣверскъ, гдѣ скрылся союзникъ Юрія Святославъ, взявъ его и потомъ уже примирился съ Ольговичемъ. Ип. лѣт. 314—16 ст. Эту попытку можно считать послѣдней, такъ какъ попытка 1154 года не имѣла рѣшительно никакихъ результатовъ: Юрій едва вошелъ въ Черниговскую змлю, какъ сейчасъ же и повернулъ назадъ, такъ какъ къ нему пришло слишкомъ мало Половцевъ. Ип. лѣт. ст. 323.

²⁾ Съ Изяславомъ были полки: свой, Вячеслава, Владимира, Дорогобужскаго, Мстислава Изяславича Переяславскаго, Владимира Берестейскаго и Святополка Владимирскаго. Ип. лѣт. 321 ст.

³⁾ Изяславъ послалъ на мѣсто его сына Ярослава. Ип. лѣт. 322 ст.

умершаго по пути къ Кіеву (ожидалась война съ Юріемъ), умеръ и самъ Изяславъ. Это было 13 ноября 1154 года.

Смерть Изяслава давала Юрію полную возможность съ успѣхомъ возобновить свои притязанія. Дѣйствительно, Ростиславъ, занявшій было по приглашенію Вячеслава Кіевъ, не отличался стойкостью своего брата и послѣ первой же стычки подъ Черниговомъ съ Изяславомъ Давыдовичемъ отказался отъ дальнѣйшей борьбы и уѣхалъ въ свой Смоленскъ. Одной изъ причинъ, что Ростиславъ такъ легко отказался отъ Кіева, было извѣстіе о смерти Вячеслава, принесенное ему почти наканунѣ битвы; такимъ образомъ теперь Юрій имѣлъ уже неоспоримое, въ глазахъ народа, право на Кіевъ, (а ясно было, что Изяславъ Давыдовичъ не можетъ удержаться въ Кіевѣ, въ виду кандидатуры Юрія и нерасположенія Кіевлянъ къ Ольговичамъ); кромѣ того Ростиславъ еще не „утвердился“ съ Кіевлянами и легко могъ ожидать, что они не станутъ его поддерживать въ виду правъ Юрія. Онъ уѣхалъ въ Смоленскъ, а помогавшій ему въ борьбѣ племянникъ Мстиславъ Изяславичъ Переяславскій оставилъ на произволь судьбы свой удѣлъ Переяславъ, изъ котораго Юрій его все-равно прогналъ бы, и ушелъ въ родовую Волынь къ брату Ярославу, княжившему въ Луцкѣ, такъ какъ Владимиръ, послѣ смерти Святополка Мстиславича, занялъ ихъ дядя Владимиръ Мстиславичъ. Здѣсь братья подѣлились такъ, что Ярославъ остался по прежнему въ Луцкѣ, а Мстиславъ утвердился въ Погоринѣ. Однако онъ не долго прожилъ здѣсь: въ это время уже Изяславъ Давыдовичъ принужденъ былъ уступить Кіевъ Юрію и тотъ не замедлил воспользоваться своими силами, чтобы отомстить сыновьямъ Изяслава и лишить ихъ возможности себѣ вредить. Сперва онъ отнялъ у Мстислава земли по Горыни, а затѣмъ послалъ Ярослава Галицкаго и Владимира Мстиславича Владимирскаго, соединившагося съ Юріемъ съ цѣлью послѣ изгнанія племянниковъ овладѣть всей Волынью,—къ Луцку, но Мстиславъ, не ожидая ихъ, ушелъ за помощью въ Польшу ¹⁾, а Ярославъ отсидѣлся отъ нихъ въ Луцкѣ.

¹⁾ Długosz (L. V p. 498—9) говоритъ, что Болеславъ Краковскій, Мечиславъ Познанскій и Генрихъ Сендомирскій дали ему большое войско, Юрій, испуганный его силами, отдаетъ ему Переяславъ „jurejurando se astringens nunquam ad occupationem eorum dominiorum aspiraturum“. Татищевъ (Ш т. 92 ст.) нѣсколько иначе говоритъ о помощи

Вскорѣ Ростиславу Смоленскому удалось примирить ихъ съ Юріемъ. Рѣшено было съѣхаться въ Кіевѣ. На этомъ съѣздѣ участвовалъ и Владиміръ Мстиславичъ, который, видя неуспѣхъ своего плана завладѣть всей Волынію и боясь, чтобы племянники, помирившіеся съ Юріемъ, не лишили его удѣла, старался возстановить прежнія дружескія отношенія. Мстиславъ не явился на съѣздъ, онъ не очень то довѣрялъ Юрію. Положеніе Юрія въ виду ожидаемой войны за Кіевъ съ Изяславомъ Давыдовичемъ было таково, что онъ проглотилъ обиду и примирился съ Изяславичами. Опасенія Владиміра Мстиславича сбылись. Уже въ слѣдующемъ году Мстиславъ Изяславичъ выгналъ его изъ Владиміра и онъ убѣжалъ сперва въ Перемышль, а потомъ въ Венгрію за помощью ¹⁾. Съ другой стороны поднялся опять и Юрій; онъ хотѣлъ захватить Волынь, но не для того, чтобы возвратить ее Владиміру Мстиславичу, онъ это сдѣлалъ въ интересахъ другаго своего племянника Владиміра Андреевича; еще съ отцемъ его Андреемъ Владимировичемъ, съ которымъ онъ былъ очень друженъ, онъ условился, что оставшіеся въ живыхъ братья будутъ заботиться о дѣтяхъ умершаго. Походъ бытъ неудаченъ, соединившись съ Владиміромъ Мстиславичемъ, онъ осадилъ Владиміръ, но, послѣ 10-ти дневной упорной осады, Юрій „сѣжались о погыбели людстѣй“, сказалъ на совѣтѣ „не можемъ стояти сдѣ, зане онъ мний буда не покоритьмися; а язъ не радуюся о погыбели его, ни прогнанью его, но рекохъ: уведу и въ хрестъное целование, яко и братью его; онъ же не въсхотѣ того, но паче радуется о пролитыи крови“ ²⁾. Несмотря на это послѣднее, Юрій все таки ушелъ въ Кіевъ, а Мстиславъ шелъ за нимъ по пятамъ и пограбилъ всю Погорину до Дорогобужа. Владиміръ Андреевичъ, не менѣе Юрія неудачно пытавшійся овладѣть Червенемъ, принужденъ былъ удовольствоваться только одними погоринскими городами.

Владиміръ Мстиславичъ остался безъ волости. Позже Изяславъ Давыдовичъ съ Ярополкомъ Андреевичемъ, Ярославомъ Луцкимъ и

Поляковъ: „Поляки, договорившись съ Мстиславомъ, и взявъ отъ него змду, немедленно войска съ нимъ отправили, но онмя пришедъ болѣе его области вреда и никакой пользы ему учина возвратилися“. Лѣтописъ совершенно умалчиваетъ о помощи Поляковъ.

¹⁾ Ип. лѣт. ст. 333.

²⁾ Ип. лѣт. 335 ст.

галицкими полками пытались добыть ему Туровъ, но сидѣвшій тамъ Юрій Ярославичъ отбился и они воротились ни съ чѣмъ ¹⁾. Въ 1162 году мы его видимъ въ Слуцкѣ, но его и оттуда изгоняютъ Рюрикъ Ростиславичъ и нѣкоторые другіе князья ²⁾. Наконецъ, онъ уходитъ къ брату Ростиславу въ Кіевъ, отъ котораго и получаетъ Треполь и 4 другихъ города ³⁾.

Между тѣмъ собиралась новая война: Изяславъ Давыдовичъ соединился съ Ростиславомъ Мстиславичемъ и Мстиславомъ Изяславичемъ, чтобы изгнать Юрія изъ Кіева и только внезапная смерть Юрія помѣшала ей разыграться. Изяславъ занялъ Кіевъ, но недолго пришлось ему воспользоваться столь желаннымъ великокняжескимъ титуломъ: онъ въ короткое время успѣлъ перессориться со всѣми сильнѣйшими князьями. Причиной этого былъ Иванъ Ростиславичъ—двоюродный братъ Ярослава Галицкаго, жившій у Изяслава Давыдовича. Ярославъ, желая во что бы то ни стало отдѣлаться отъ соперника, потребовалъ его выдачи; имѣя громадныя связи, онъ „подмолвилъ“ предъявить такое же требованіе „князю Рускиѣ, и короля, и Лядския князю“ ⁴⁾. Между прочимъ, въ числѣ ихъ были и всѣ Волынскіе Изяславичи, Изяславъ все таки отказалъ. выдать Ивана и даже отпустилъ его къ Половцамъ набирать войско, а потомъ и самъ отправился на Ярослава добывать Ивану волость. Въ это время уже грозное ополченіе галицкаго и волынскихъ князей подвигалось по направленію къ Кіеву. Изяславъ пересѣкъ имъ путь и сталъ около Бѣлгорода на кіевской дорогѣ, но тутъ ему измѣнили Черные Клобуки: они передались Мстиславу, зажгли обозъ Изяслава, такъ что ему только и оставалось теперь немедленно уходить не только съ поля сраженія, но и вообще изъ Кіевской земли; что онъ и сдѣлалъ съ большою поспѣшностью. Мстиславъ же, войдя въ Кіевъ, захватилъ себѣ всё его имущество и возвратился домой, пригласивъ въ Кіевъ дядю Ростислава Смоленскаго ⁵⁾.

¹⁾ Ип. лѣт. 337—8 ст.

²⁾ „Рюрикъ и Святополкъ Гюргевичъ Туровскій, и Святославъ Всеволодичъ съ братомъ Ярославомъ, и съ Олгомъ Святославичемъ, и съ Володимиричемъ, и съ Кривскими князьями“. Ип. лѣт. ст. 356.

³⁾ Ип. лѣт. ст. 356.

⁴⁾ Ип. лѣт. 341 ст.

⁵⁾ Ип. лѣт. 342—345 ст.

Цѣлый годъ послѣ этого было тихо на Волини. Но уже слѣдующій 1161 годъ начался войной съ Юріемъ Ярославичемъ Туровскимъ, который питалъ старую вражду ко всѣмъ Изяславичамъ. Еще отецъ его Ярославъ Святополчичъ былъ лишенъ своего удѣла—Волини Владиміромъ Мономахомъ и погибъ, добывая ее. Мстиславъ отправился въ походъ съ братьями Ярополкомъ и Андреевичами—Владиміромъ и Ярополкомъ, осадилъ Туровъ, но простоявъ понапрасну 2½ недѣли подъ городомъ, вернулся ни съ чѣмъ ¹⁾. Какая собственно была причина войны—неизвѣстно.

Между тѣмъ Изяславу Давыдовичу удалось таки, послѣ продолжительной борьбы, овладѣть опять Кіевомъ. Ростиславъ ушелъ въ Бѣлгородъ и былъ здѣсь осажденъ Изяславомъ. Но вскорѣ обстоятельства перемѣнились: на зовъ Ростислава, къ нему на помощь явились Мстиславъ съ своимъ полкомъ и съ Галичанами, Рюрикъ изъ Торческа съ Владиміромъ Андреевичемъ, Василькомъ Юрьевичемъ и съ Берендѣями, Коуями, Торками и Печенѣгами. Соединившись у Котельницы, они вмѣстѣ подошли къ Бѣлгороду; Изяславъ бѣжалъ безъ битвы и, во время этого бѣгства, онъ былъ настигнуть Торками, преслѣдовавшими его по пятамъ, и убитъ ²⁾.

Ростиславъ опять вошелъ въ Кіевъ. Такимъ образомъ Мстиславъ Изяславичъ уже второй разъ добылъ дядѣ великокняжескій столъ. Немудрено поэтому, что онъ предъявилъ ему какія то требованія, вѣроятно, еще о прибавкѣ волости ³⁾ и, получивъ отказъ, разсорился съ дядей, „много рѣчи вѣста межи нами“ и онъ ушелъ во Владиміръ. Ростиславъ захватилъ себѣ города его, находившіеся въ Кіевской землѣ.

Черезъ нѣсколько времени Мстиславъ обратился за помощью къ Владимиру Андреевичу Пересопницкому, но тотъ отказался помогать ему. Попытка добыть другихъ союзниковъ тоже не увѣнчалась успѣхомъ, кромѣ того онъ самъ чувствовалъ неправоту свою предъ великимъ княземъ и въ слѣдующемъ году примирился съ Ростиславомъ.

¹⁾ Ип. лѣт. ст. 349.

²⁾ Ип. лѣт. 353—4 ст.

³⁾ Мстиславъ въ это время владѣлъ уже городами Торческомъ, Бѣлгородомъ и Триполемъ въ Кіевской землѣ. см. Ип. лѣт. 357 ст.

Ростиславъ возвратилъ ему его города въ Кіевской землѣ¹⁾. Съ этого времени и до самой смерти Ростислава Мстиславъ Изяславичъ уже находился въ полной дружбѣ съ дядей. Въ 1168 году, онъ участвовалъ вмѣстѣ съ многими другими князьями въ походѣ къ Каневу для охраненія купеческихъ каравановъ отъ кочевниковъ²⁾.

Послѣ смерти Ростислава, сильнѣйшимъ и наиболѣе популярнымъ княземъ въ южной Руси былъ Мстиславъ Изяславичъ³⁾, наслѣдовавшій вполнѣ всѣ хорошія качества своего отца. Взоры всѣхъ и обратились на него. Одновременно онъ получаетъ приглашеніе занять великокняжій столъ отъ князей Владимира Мстиславича и Ростиславичей—Рюрика и Давыда, отъ Кіевлянъ и наконецъ отъ Черныхъ Клобуковъ. Мстиславъ, конечно, съ удовольствіемъ принялъ такое единодушное приглашеніе. Немедленно выѣхать въ Кіевъ онъ не могъ и до своего прибытія поручилъ Васильку Ярополчичу, своему племяннику, извѣстному вполнѣ дрогоичинскому князю, управление Кіевомъ и прислалъ своего тивуна.

Владимиръ Мстиславичъ и другіе князья, приглашая Мстислава въ Кіевъ, уговорились предварительно заставить его за великое княженіе, на которое всѣ они имѣли извѣстныя права⁴⁾, уступить имъ волости по ихъ выбору; между прочимъ Владимиръ Мстиславичъ хотѣлъ къ своей волости прибавить еще Торческъ со всѣмъ Поросьемъ, Владимиръ Андреевичъ — Берестье, а Ярославъ Изяславичъ — Владимирскую землю⁵⁾. Обо всемъ этомъ Василько немедленно же

¹⁾ Вмѣсто Триполя онъ получилъ Каневъ, такъ какъ Триполь былъ отданъ Владимиру Мстиславичу. Ип. лѣт. ст. 356.

²⁾ „И приде (къ Ростиславу) Мстиславъ изъ Володимеря, Ярославъ братъ его изъ Лучска, Ярополкъ (другой братъ) изъ Бужска, Володимиръ Андрѣевичъ (Пересопницкій), Володимиръ Мстиславичъ (Трипольскій), Глѣбъ Юрьевичъ (Перелаславскій), Рюрикъ, Давыдъ, Мстиславъ (Смоленскіе), Глѣбъ Городенскій, Иванъ Ярославичъ (Туровскій) и Галичская помощь. Ип. лѣт. 361 ст. Дѣло касалось интересовъ всей южной Руси.

³⁾ Андрея Ростовскаго на югѣ не любили, а старшій по родовымъ счетамъ Владимиръ Мстиславичъ былъ слишкомъ слабъ и кромѣ того онъ дурно зарекомендовалъ себя прежней своей дѣятельностью.

⁴⁾ Владимиръ былъ старшій въ родѣ, а Рюрикъ и Давыдъ—сыновья умершаго только что великаго князя.

⁵⁾ Мстиславъ, занявъ Кіевъ, удержалъ за собой Владимиръ, такъ какъ, при перечисленіи „братіи“ Мстислава, о князѣ Владимирскомъ лѣтописецъ ничего не говоритъ. Ип. лѣт. 370 ст. Можетъ быть, здѣсь сидѣлъ какойнибудь изъ его малолѣтнихъ сыновей.

узналъ и донесъ Мстиславу. Мстиславъ снесся съ „ротниками“ своими: Ярославомъ Галицкимъ, польскими князьями ¹⁾ и Всеволодковичами Городенскими, собралъ ихъ на стѣздъ и здѣсь получилъ помощь въ 5 полковъ отъ Ярослава Галицкаго; обѣщаль также прійти съ своей дружиной Мстиславъ Всеволодковичъ. Позже у Микулина къ нему присоединились и всѣ Черные Клобуки. Съ этими силами онъ безпрепятственно вступилъ въ Кіевъ. Изъ этихъ предосторожностей видно, что дѣло было нешуточное, что союзники — заговорщики рѣшились бы на крайнія мѣры. Теперь же они, узнавъ о силахъ Мстислава, струсили и притаились въ своихъ удѣлахъ. Главной и инициаторомъ заговора былъ Владимиръ Мстиславичъ. Чувствуя, что ему теперь не сдобровать, онъ бросилъ на произволъ судьбы свой удѣлъ и убѣжалъ въ Вышгородъ, гдѣ и былъ черезъ нѣсколько времени осажденъ Мстиславомъ. Впрочемъ, всѣ они вскорѣ сговорились въ волостяхъ и помирились. Владимиръ Мстиславичъ получилъ только одинъ маленькій городокъ Котельницу. Онъ согласился взять этотъ удѣлъ въ виду своего стѣсненнаго положенія, но и не думалъ оставлять своихъ притязаній на болѣе значительный удѣлъ. „И нача Володимиръ Мстиславичъ думати на Мстислава“ ²⁾; „дума“ его вскорѣ стала извѣстна и Мстиславу и Владимиръ долженъ былъ пріѣхать „оправливаться“ передъ племянникомъ. „Оправился“ онъ не совсѣмъ удачно, хотя Мстиславъ и ограничился тѣмъ, что заставилъ его поцѣловать крестъ въ томъ, „что онъ на него не думалъ и зла ему не ищетъ“. Но неудовлетворенное честолюбіе не давало ему покоя: въ надеждѣ на хорошую волость, онъ отказался отъ права на великокняжій столъ и между тѣмъ не получилъ и волости. Онъ не могъ оставить дѣла въ такомъ положеніи, не могъ помириться на участи мелкаго котельницкаго князька и вотъ онъ опять заводитъ сношенія съ Берендичами, увѣряетъ ихъ, что съ нимъ за одно стоять и Владимиръ Андреевичъ, и Ярославъ, и Ростиславичи. Тѣ поддались на обманъ, но узнавъ о немъ, едва не убили самаго Владимира. Вла-

¹⁾ Неизвѣстно, какая причина была, что вообще дружественные Мстиславичамъ Поляки пограбили въ 1163 году Червень. Ип. лѣт. ст. 357. Извѣстіе лѣтописи слишкомъ отрывочно. Въ 1158 году, какъ можно думать, Волынцы помогали Болеславичамъ въ борьбѣ съ Фридрихомъ Барбаруссой, который энергично взялся за дѣло Владислава, изгнаннаго Болеславичами. М. Р. Н. т. II ст. 21—22.

²⁾ Ип. лѣт. 366—7 ст.

димиръ убѣжалъ въ Дорогобужь, но Владимиръ Андреевичъ не впустилъ его въ городъ и онъ нашель убѣжище уже въ Рязани. Такимъ образомъ послѣдній врагъ Мстислава въ южной Руси сдѣлался для него неопасенъ и онъ спокойно могъ заняться другими гораздо болѣе важными для страны дѣлами. Торговли съ Греками сильно страдала отъ грабежей кочевниковъ сосѣдей. Уже давно Половцы видѣли у себя въ степяхъ только князей, набиравшихъ толпы ихъ для междоусобныхъ войнъ, они уже забыли времена Мономаха; Мстиславъ напомнилъ имъ о нихъ. Громадное ополченіе князей со всей южной Руси вошло въ землю Половецкую: „Съвѣкупившеса, говоритъ лѣтописецъ ¹⁾, вся братья..... Рюрикъ и Давыдъ, полкъ весь, а самому ему не сдраву сущю, и Всеволодича Святославъ и Ярославъ, Олегъ Святославичъ, братъ его Всеволодъ, Ярославъ изъ Лучьска, Ярополкъ, Мъстиславъ Всеволодковичъ, Святополкъ Гюргевичъ, Глѣбъ изъ Переяславля, братъ его Михалко, и инии мнози“. Съ такими силами князя сперва пошли къ Осколу и пограбили половецкія вежи по Углу и Снепороду; возвратившись, Мстиславъ съ „братіей“ только: Ярославомъ Луцкимъ, Владимиромъ Андреевичемъ Дорогобужскимъ, Рюрикомъ Овручскимъ, Давыдомъ Вышегородскимъ и Иваномъ Юрьевичемъ Туровскимъ ходилъ къ Каневу стеречь караваны „гречниковъ“.

При калущемся могуществѣ, положеніе Мстислава было довольно шаткое: самые родственники его были обижены тѣмъ, что онъ не далъ имъ волостей ²⁾, другіе князя съ завистью смотрѣли на его возраставшее могущество ³⁾. Такимъ образомъ, когда Андрей Ростовскій поднялся противъ него, съ нимъ немедленно соединились всѣ недовольные и составилось ополченіе, почти не бывалое до тѣхъ поръ на Руси: кромѣ Суздальцевъ, Владимирцевъ и Ростовцевъ, въ походѣ участвовали Глѣбъ Юрьичъ Переяславскій, Романъ Смоленскій, Владимиръ Андреичъ Дорогобужскій, Рюрикъ Овручскій, Давыдъ и Мстиславъ Вышегородскіе, Ольговичи: Олегъ и Игорь Святославичи и наконецъ Всеволодъ Юрьичъ и его племянникъ Мстиславъ Ростисла-

¹⁾ Ип. лѣт. 368—9 ст.

²⁾ Владимиръ Андреевичъ во второй разъ просилъ у него волости и онъ не далъ ему. Ип. лѣт. 371 ст.

³⁾ Сняъ его Романъ въ 1170 г. сѣлъ въ Новгородѣ; такимъ образомъ въ его рукахъ были силы Кіева, Владимира и Новгорода.

вичъ. Мстиславъ заперся въ Кіевѣ, но долго продержаться здѣсь не могъ и ушелъ на Волинь. Кіевъ, какъ извѣстно, былъ разграбленъ и Мстиславъ Андреевичъ, предводитель ополченія посадилъ въ немъ дядю своего Глѣба Юрьича Переяславскаго ¹⁾).

Когда все успокоилось, князья разбѣхались по волостямъ и Мстиславъ Андреевичъ ушелъ въ Суздаль, Мстиславъ начинаетъ проявлять признаки жизни. Онъ отправляется на Владимира Андреевича, но ограничивается тѣмъ, что беретъ Шумскъ и нѣсколько другихъ городовъ, такъ такъ Владимиръ въ это время лежалъ при смерти и вскорѣ умеръ ²⁾). Затѣмъ, соединившись съ галицкимъ, туровскимъ и городенскимъ князьями, съ Торками и Берендичами, онъ безпрепятственно овладѣваетъ Кіевомъ. Глѣбъ Юрьичъ въ это время былъ въ Переяславѣ, устраивая дѣла своего малолѣтняго сына Владимира съ Половцами. Утвердившись въ Кіевѣ, Мстиславъ, прежде всего заключаетъ договоры съ братіею: Ярославомъ, Владимиромъ Мстиславичемъ, недавно овладѣвшимъ Дорогобужемъ, Ярославомъ Галицкимъ, съ Всеволодовичами Городенскими, съ Святополкомъ Юрьевичемъ Туровскимъ и наконецъ съ Кіевлянами. Урядившись съ нами, онъ отправился на ближайшаго изъ своихъ враговъ Давыда Ростиславича Вышегородскаго. Осада была неудачна. Союзники начали расходиться: сперва ушли Галичане, затѣмъ началось движеніе и колебанія между Черными Клобуками; въ то же время пришло извѣстіе, что къ Давыду пришла помощь и Глѣбъ Юрьичъ съ Половцами переправляются черезъ Днѣпръ. Мстиславъ долженъ былъ оставить осаду; онъ ушелъ на Волинь, надѣясь въ слѣдующемъ году опять предъявить свои притязанія. Ему это не удалось; онъ заболѣлъ и, поручивъ дѣтей своихъ брату Ярославу Луцкому, „и крестъ цѣловавъ, якоже ему не подозрѣти волости подъ дѣтми его“, умеръ. Это было 19 августа

¹⁾ Ип. лѣт. 372—3 ст.

²⁾ Его съ торжествомъ перевезли и похоронили въ Кіевѣ. Между тѣмъ Владимиръ Мстиславичъ, который незадолго передъ тѣмъ возвратился въ свой старый удѣлъ Котельницу и Полонное, подошелъ къ Дорогобужу, далъ крестное цѣлованіе женѣ Владимира Андреевича, что онъ не тронетъ ни ея, ни города, былъ впущенъ въ городъ—и переступилъ клятву: захватилъ городъ, а княгиню выгналъ. (Ип. лѣт. 374 ст.). Мстиславъ и братья согласились его оставить здѣсь съ тѣмъ, чтобы онъ навсегда отказался отъ правъ на Кіевъ. Ип. лѣт. ст. 385.

1170 года¹⁾. Онъ былъ похороненъ въ церкви „святѣи Богородици въ епископы, юже бѣ самъ созда въ Володимѣри“²⁾).

Мстиславъ умеръ въ полномъ разцвѣтѣ силъ; ему было еще только около 40-лѣтъ³⁾. Онъ оставилъ 4-хъ сыновей: старшаго Романа, сидѣвшаго во время смерти отца въ Новгородѣ, Святослава⁴⁾, Всеволода⁵⁾ и Владимира, княжившаго въ Берестыи и умершаго на другой годъ послѣ смерти отца⁶⁾.

Послѣ смерти отца Романъ не могъ уже удержаться въ Новгородѣ, такъ какъ внѣшняя сильная поддержка исчезла. Новгородцы, такъ крѣпко стоявшіе за него, пока живъ былъ его отецъ, теперь немедленно „показали ему путь отъ себя“. Онъ ушелъ во Владимиръ⁷⁾, который и занялъ, какъ старшій въ родѣ. Остальные два брата, Святославъ и Всеволодъ (Владимиръ, какъ извѣстно, скоро умеръ) княжили въ западной Волини: Святославу принадлежали: Червень и Бужскъ⁸⁾, а Всеволоду—Бельзь⁹⁾.

Здѣсь, въ напихъ свѣдѣніяхъ о Волини, наступаетъ большой перерывъ. Лѣтописецъ въ продолженіи почти 20 лѣтъ, начиная отъ смерти Мстислава (1170 г.) до вступленія Владимира Ярославича на Галицкій столъ (1187 г.), не пользуется совершенно волинской лѣтописью; извѣстія его почти исключительно касаются сѣвера, Черниговской земли и Кіева, изрѣдка встрѣчаются извѣстія о Галичѣ. О во-

1) По ипатск. лѣт. въ 1172 г. (ст. 381—2) но это ошибка см. Погодинъ Изсл. и зам. IV ст. 96. По Лаврент. лѣт. въ 1170 г. осенью. ст. 346.

2) Ип. лѣт. ст. 381—2.

3) Въ первый разъ онъ упоминается подъ 1146 г., онъ участвовалъ въ походѣ Изяслава Мстиславича къ Кіеву; ему было въ это время во всякомъ случаѣ не болѣе лѣтъ 16—17, такъ какъ едвали такой энергичный князь и въ то безпокойное время могъ оставаться долго бездѣятельнымъ. Старшій его сынъ при его смерти оставался еще несовершеннолѣтнимъ.

4) Не извѣстно, почему г. Шараневичъ („Исторія“ 53 ст.) считаетъ Святослава старшимъ и полагаетъ его смерть въ 1175 г. Мы нигдѣ не нашли указаній на время его смерти.

5) Всеволодъ умеръ въ 1195 г., принявъ монашество и похороненъ въ церкви св. Богородицы во Владимирѣ. Ип. лѣт. ст. 459.

6) Ип. лѣт. ст. 383. „В то же время преставился братъ ему мѣньшій... миръ въ Берестіи“. Другаго имени на „миръ“, кромѣ Владимиръ—нѣтъ.

7) Ип. лѣт. ст. 384—5.

8) Ип. лѣт. ст. 446.

9) Ник. лѣт. т. II 215 ст.

лынскихъ дѣлахъ лѣтописецъ или вовсе умалчиваетъ, или говорить вскользь, между прочимъ и, только когда выступаетъ вопросъ о галицкомъ наслѣдствѣ и притязаніяхъ на него Романа,—тамъ указанія лѣтописи дѣлаются подробнѣе.

Дѣло о галицкомъ наслѣдствѣ, очень запутанное и сложное тянулось съ промежутками впродолженіи около 50-ти лѣтъ. Уже съ самаго начала въ немъ приняли участіе ближайшіе сосѣди—волынскіе князья.

Дѣло въ первое время заключалось въ слѣдующемъ: у князя Ярослава Владимировича было 2 сына—законный, но нелюбимый Владимиръ, и любимецъ—Олегъ—незаконный. Кому изъ нихъ наслѣдовать Галичъ послѣ отца? Самъ Ярославъ и кучка бояръ, родственниковъ матери Олега, стояли на сторонѣ послѣдняго, весь же остальной народъ, очень косо смотрѣвшій на соблазнительное поведеніе князя, предпочиталъ имѣть своимъ княземъ Владимира. Отношенія между обѣими сторонамъ такъ обострились, что Владимиръ принужденъ былъ бѣжать изъ Галицкой земли въ Польшу. Оттуда онъ переѣхалъ въ Червень къ Святополку Мстиславичу, чтобы оттуда легче сноситься съ своими приверженцами въ Галичѣ ¹⁾. Но дорогою онъ получилъ извѣстіе, что обстоятельства измѣнились въ его пользу: въ Галичѣ произошло возмущеніе: народъ сжегъ Настасью, мать Олега, а самаго Олега упрятали куда-то въ тюрьму—и Владимиръ безпрепятственно вернулся въ Галичъ ²⁾.

Въ 1174 году Владимиръ опять бѣжалъ—уже къ Ярославу Изяславичу въ Луцкѣ. Ярославъ Галицкій обратился съ требованіемъ къ Ярославу Изяславичу выслать къ нему сына; онъ пригласилъ себя въ помощь Поляковъ, опустошилъ и сжегъ два пограничныхъ луцкихъ городка и грозилъ опустошить всю землю. Владимиръ ушелъ къ дядѣ своему Михалку въ Торческѣ ³⁾. Черезъ нѣсколько времени отецъ все таки убѣдилъ его воротиться, но въ 1183 г. Владимиръ опять бѣжить сперва къ Роману Мстиславичу, затѣмъ къ Ингварю Ростиславичу Дорогобужскому, но ни тотъ, ни другой его не при-

¹⁾ За позволеніе жить въ Червинѣ онъ обѣщалъ ему возвратитъ Бужскъ и еще 3 города; этими городами. владѣлъ еще Ярополкъ Изяславичъ, но, послѣ его смерти, они отошли къ Галичу. Въ 1168 г. Ярополкъ изъ Бужска ходилъ съ великимъ кн. Ростиславомъ оберегать караваны. Ип. лѣт. ст. 361.

²⁾ Ип. лѣт. 384—5 ст.

³⁾ Ип. лѣт. ст. 388—9.

няли, боясь мести Ярослава. Скитаясь такимъ образомъ, онъ наконецъ прибылъ къ Игорю Святославичу въ Путивль; здѣсь онъ прожилъ 2 года и съ его помощью помирился съ отцемъ. Ярославъ, умирая, раздѣлилъ землю свою между Олегомъ и Владимиромъ, причемъ великое княженіе—Галичъ отдалъ Олегу, а Владимиръ получилъ Перемышль. Послѣ смерти Ярослава ¹⁾, борьба партій возобновилась съ новой силой: Олегъ былъ прогнанъ изъ Галича и убѣжалъ въ Овручъ къ Рюрику Ростиславичу, а Владимиръ объединилъ всю Галицкую землю. Владимиръ не былъ хорошимъ княземъ: онъ былъ пьяница и развратникъ; но главное, чѣмъ онъ возстановилъ противъ себя и могущественныхъ бояръ и простой народъ, это—тѣмъ, что отнял у какого-то попа жену и жилъ съ нею. Вотъ въ это-то время и вмѣшались въ дѣло князя волынскіе.

Романъ Мстиславичъ, въ это время, спокойно княжилъ у себя во Владимирской землѣ, не вмѣшиваясь въ чужія дѣла, не добываясь Кіева, который, послѣ своего разоренія и усиленія ростово-суздальскихъ князей, потерялъ значительную долю своего обаянія. Онъ занимался устроеніемъ и защитой своего княжества отъ нападений Ятвяговъ и Литовцевъ; самъ ходилъ въ ихъ землю, расчищая такимъ образомъ путь волынской колонизаціи. Но такое поле дѣятельности было слишкомъ узко для него и онъ задумалъ овладѣть Галичемъ. Пользуясь беспорядками въ Галицкой землѣ и недовольствомъ народа своими князьями, онъ успѣлъ приобрести сочувствіе простаго народа и составить себѣ громадную партію между боярами, не знавшими еще, что-за человѣкъ Романъ, и думавшими еще болѣе расширить при немъ свои права и привилегіи.

По его наущенію, вѣче потребовало отъ своего князя, чтобы онъ разошелся съ попадѣй и Владимиръ, помня страшный примѣръ Настасьи, матери Олега, и не рѣшаясь разстаться съ женой, предпочелъ бѣжать въ Венгрію, а Романъ, отдавъ брату Всеволоду Владимиръ, самъ занялъ Галичъ: онъ былъ вполне увѣренъ, что Владимиръ Ярославичъ не въ состояніи будетъ бороться съ нимъ болѣе; „Боле ми того не надобѣ Володимиръ“ ²⁾ говоритъ онъ, отдавая Владимиръ брату.

Вернемся теперь немного назадъ и бросимъ взглядъ на исторію

¹⁾ Это было въ 1187 г. Ип. лѣт. 441 ст.

²⁾ Ип. лѣт. ст. 445.

другихъ волынскихъ княжествъ. Въ моментъ смерти Мстислава, въ Луцкѣ сидѣлъ Ярославъ Изяславичъ, а землями по Горыни владѣлъ Владимиръ Мстиславичъ.

Владимиръ въ 1173 году, послѣ смерти Глѣба Юрьича, занялъ Кіевъ ¹⁾, а въ Дорогобужѣ оставилъ сына своего Мстислава, который кромѣ того владѣлъ и Триполемъ ²⁾. Черезъ 4 мѣсяца Владимиръ Мстиславичъ умеръ и въ Кіевѣ сѣлъ Романъ Ростиславичъ Смоленскій.

Извѣстна неудачная борьба Андрея Юрьича съ Ростиславичами: не смотря на громадныя силы, нападающіе потерпѣли неудачу, одной изъ причинъ которой было поведеніе Ярослава Луцкаго. Ярославъ Изяславичъ потребовалъ себѣ старшинства надъ Ольговичами, т. е. другими словами уступки Кіева, но въ этомъ ему отказали, тогда онъ перешелъ къ Ростиславичамъ. Осаждающіе разошлись и Ярославъ получилъ Кіевъ ³⁾.

Еще прежде Ярославъ заключилъ условіе съ Святославомъ Всеволодовичемъ Черниговскимъ, что если кто-нибудь изъ нихъ добьется великаго княженія, то надѣлится и другаго. Теперь Святославъ потребовалъ себѣ волости; Ярославъ отказалъ, тогда Святославъ внезапно напалъ на Кіевъ, выгналъ Ярослава Изяславича, пограбилъ все его имущество и, захвативъ съ собой жену Ярослава и его младшаго сына, ушелъ домой такъ же быстро, какъ и явился. Ярославъ немедленно, послѣ его ухода, занялъ Кіевъ и, подозрѣвая взмѣну себѣ со стороны Кіевлянъ, „попрода всѣ Кыевъ, игумены и попы, и чернцѣ, и черницѣ, Латину, и гостѣ, и затвори всѣ Кыяны“ ⁴⁾. Этимъ онъ сталъ во враждебныя отношенія къ Кіевлянамъ и впослѣдствіи, при первомъ подозрѣніи о враждебныхъ замыслахъ Ольговичей, онъ оставилъ Кіевъ и уѣхалъ въ Луцкъ ⁵⁾, гдѣ и умеръ около 1180 года.

Ярославъ оставилъ 4-хъ сыновей Всеволода, Ингваря, Мстислава и Изяслава, изъ которыхъ старшему Всеволоду было уже лѣтъ за 30 (въ 1167 году онъ уже женился на дочери Юрія Ярославича

¹⁾ „Онъ же, прѣступивъ крестъ к рогникомъ своимъ къ Ярославу и ко Мстиславичемъ, иде Кіеву утаився“. Ип. лѣт. 386—7 ст.

²⁾ Ип. лѣт. ст. 420.

³⁾ Ип. лѣт. 392 ст.

⁴⁾ Ип. лѣт. 393 ст.

⁵⁾ Ип. лѣт. ст. 407. Въ послѣдній разъ онъ упоминается подъ 1176 г., а въ 1180 г. въ лѣтописи уже появляются Ярославичи Луцкіе.

Туровскаго)¹⁾. Всѣ они охотно участвуютъ въ дѣлахъ, касающихся всей южной Руси, такъ въ 1183 году, въ походѣ на Половцевъ предпринятомъ великимъ княземъ кievскимъ Святославомъ и Рюрикомъ Ростиславичемъ, участвовали между другими и волынскіе князья: Всеволодъ и Мстиславъ Луцкіе и Мстиславъ Владимировичъ Дорогобужскій. Походъ былъ весьма удаченъ: было пограблено много вѣжъ и избито Половцевъ „безъ числа“²⁾. Мстиславъ Владимировичъ имѣлъ волость и въ Кіевской землѣ и, благодаря этому, стоялъ въ болѣе тѣсныхъ отношеніяхъ къ Кіевской землѣ и ея князю, такъ мы видимъ его, участвующимъ въ борьбѣ между Романомъ Смоленскимъ и Ольговичами за великое княженіе³⁾.

Мы имѣемъ извѣстіе еще объ одномъ княжествѣ—Дрогоичинскомъ, но о немъ мы уже говорили раньше.

Выше мы сказали, что Романъ овладѣлъ Галичемъ, но княжилъ онъ тамъ недолго. Владимиръ убѣждалъ къ королю венгерскому Беллѣ III и склонилъ его помочь себѣ. Романъ съ одной своей дружиной не могъ и думать о сопротивленіи; онъ поспѣшно ушелъ изъ Галича, гдѣ не могъ надѣяться на поддержку, такъ какъ скоро число его приверженцевъ между боярами значительно поуменьшилось, послѣ того какъ надежды ихъ, съ которыми они призвали Романа въ Галичъ, совершенно не оправдались. Сперва онъ направился во Владимиръ, но братъ Всеволодъ, которому онъ его отдалъ, теперь не впустилъ его въ городъ. Романъ ушелъ тогда въ Польшу, гдѣ у него были большія связи по матери, польской княжнѣ⁴⁾ и много товарищей дѣтства; извѣстно, что первоначальное воспитаніе онъ получилъ

¹⁾ Ип. лѣт. ст. 361.

²⁾ Ип. лѣт. ст. 427. О 3-хъ братьяхъ Ярославичахъ авторъ „Слова о полку Игоревѣ“ говоритъ: „О въ славнаго гнѣзда шестокрильци! заградите поле врагу стрѣлами острыми“.

³⁾ Умеръ въ 1195 г. Ип. лѣт. 464 ст.

⁴⁾ Родство между Романомъ и Казимиромъ Справедливымъ чрезвычайно спутано вслѣдствіи того, что мы о немъ имѣемъ нѣсколько противорѣчивыхъ свѣдѣній. Лѣтописецъ говоритъ, что Межко, братъ Казимира, былъ уемъ Роману (Ип. лѣт. 445 ст.), а по Кадлубку (L. IV с. 24) Романъ и Лешко находились въ „secundo consanguinitatis gradu“. Г. Линниченко предлагаетъ такую гипотезу: „не былъ ли скорѣе Казимиръ женатъ на сестрѣ Мстислава Изяславича? И въ такомъ случаѣ Лешекъ и Романъ были бы двоюродными братьями и Мѣшко могъ называться уемъ Романа“. (Взанмн. огн. Пол. и Руси Ун. Изв. гл. II ст 257—9).

въ Польшѣ, при дворѣ Казимира ¹⁾. Помощи однако онъ никакой не получилъ и съ пустыми руками явился къ тестю Рюрику Ростиславичу въ Бѣлгородъ. Вмѣстѣ съ нимъ были и тѣ изъ галицкихъ бояръ, которые слишкомъ скомпрометировали себя въ дѣлѣ изгнанія Владимира, чтобы остаться въ Галичѣ, и такимъ образомъ волей неволей должны были слѣдовать за Романомъ. Пользуясь поддержкой этихъ бояръ, сохранившихъ все таки значительное вліяніе на родинѣ, Романъ не терялъ надежды опять овладѣть Галичемъ, тѣмъ болѣе, что Белла III, занявъ Галичъ, не отдалъ его Владимиру, а посадилъ здѣсь своего сына Андрея, чѣмъ, понятно, народъ доволенъ быть не могъ.

Первая попытка Романа овладѣть г. Пльєснескомъ, который могъ бы послужить очень удобнымъ базисомъ для военныхъ дѣйствій и агитаціи въ Галицкой землѣ, не удалась: передовой отрядъ его былъ разбитъ Венграми и Галичанами, силы у Романа были очень не велики и онъ не рѣшился вести дѣло дальше. Ему необходимо было прежде возвратитъ себѣ свой прежній удѣлъ Владимиръ, который Всеволодъ Мстиславичъ упорно отказывалъ возвратитъ ему. Послѣ неудачнаго нападенія на Пльєснескъ, Романъ ушелъ въ Польшу и уговорилъ дядю Межка быть посредникомъ, но переговоры ихъ съ Всеволодомъ не привели ни къ какимъ мирнымъ результатамъ, а братъ Владимиръ осадой и приступомъ Романъ не хотѣлъ. Отпустивъ Поляковъ, онъ ушелъ къ тестю Рюрику, получилъ отъ него Торческъ и черезъ него опять завелъ переговоры съ братомъ: Рюрикъ съ самаго начала переговоровъ принялъ угрожающій тонъ и такъ перепугалъ своими угрозами Всеволода, что тотъ добровольно уступилъ Роману Владимиръ, а самъ уѣхалъ въ Бельзъ, гдѣ и умеръ въ 1195 г. ²⁾.

Въ это самое время въ Галичъ возвратился Владимиръ Ярославичъ, убѣжавшій изъ заключенія и Романъ принужденъ былъ оставить на время свои планы на пріобрѣтеніе Галицкой земли, такъ какъ Галичане, испытавъ, что такое значить чужеземное владычество, предпочитали держаться хоть худаго, но своего прирожденнаго князя.

Романъ Мстиславичъ былъ женатъ на дочери Рюрика Ростиславича Кіевскаго и стоялъ такимъ образомъ въ самыхъ близкихъ къ

¹⁾ „Meminit namque idem Romanus, quanta erga se Casimiri fuerint beneficia, apud quoniam, paene a cunabulis educatus“ Kadlubek L. IV, cap. 23 M. P. H. I 433 ст.

²⁾ Ип. лѣт. 459 ст.

нему отношеніяхъ. Дружба этихъ сильнѣйшихъ и энергичнѣйшихъ князей южной Руси внушала сильныя опасенія Всеволоду Юрьевичу Ростовскому и онъ давно уже изыскивалъ средства ихъ поссорить. Наконецъ, онъ придумалъ очень хитрый планъ, который и увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Кромѣ Владимирской земли Романъ владѣлъ еще пятью значительными городами въ Кіевской землѣ, данными ему Рюрикомъ. Это были—Торческъ, Треполь, Корсунь, Богуславль и Каневъ. Эти то города и послужили причиной ссоры между зятемь и тестемъ—ссоры, продолжавшейся всю ихъ жизнь. Всеволодъ потребовалъ отъ Рюрика себѣ волости въ Кіевской землѣ: „вы есте нарекли мя, говорилъ онъ, во своемъ племени во Володимерѣ старѣйшаго, а нынѣ сѣлъ еси в Кіевѣ, а мнѣ еси части не учинилъ в Руской землѣ, но раздалъ еси инѣмъ молодѣющимъ братья своей; да же в ней мнѣ части нѣтъ, да то ты, а то Кіевъ и Руская область; а кому еси в ней часть далъ, с темъ(ь) же еи и блюди и стережи; да како ю с нимъ удержишь, а то узрю же, а мнѣ не надобѣ“¹⁾. Всеволодъ потребовалъ именно тѣхъ городовъ, которые принадлежали Роману и ни за что не хотѣлъ взять другихъ „и бысть межи ими распря велика и рѣчи, и хотѣша межи собою востати на рать“²⁾. При посредствѣ митрополита Никифора и съ согласія самаго Романа миръ былъ восстановленъ и требуемые города были отданы Всеволоду. Но Всеволодъ самый богатый и значительный изъ этихъ городовъ отдалъ своему зятю, сыну Рюрика, Ростиславу. Романъ тогда понялъ, конечно, это такъ, что Рюрикъ самъ хотѣлъ отнять у него эти города, но не рѣшаясь сдѣлать это открыто, придумалъ такую хитрость. Не смотря на всѣ увѣренія Рюрика, на то, что онъ давалъ ему такую же волость, какъ и прежняя, дружба ихъ уже была нарушена. Романъ началъ сноситься съ Ольговичами, а Рюрикъ послалъ просить помощи у Всеволода.

Съ тѣми же цѣлями: добыть къ предстоящей войнѣ какъ можно болѣе союзниковъ, отправился Романъ къ своимъ польскимъ родственникамъ, но и здѣсь засталъ междоусобицу. Послѣ смерти Казимира Справедливаго³⁾, явились двѣ партіи: одна старалась доставить пре-

¹⁾ Ип. лѣт. 459 ст.

²⁾ Ип. лѣт. 459 ст.

³⁾ Въ 1195 г. Roc. Traski (M. P. H. II st. 833), R. Sędziwoja (ib. st. 876) R. Małopolski (ib. III p. 160) и т. д.

столь брату Казимира Межку, а другая стояла за малолѣтнихъ сыновей Казимира, Лешка Бѣлаго и Кондрата. Во главѣ партіи Казимиричей стояли архіепископъ краковскій Фулько и его братъ, знаменитый воевода Николай; благодаря ихъ вліянію, перевѣсъ остался на сторонѣ Казимиричей и Лешко Бѣлый былъ возведенъ на престоль. Межко не думалъ, однако, отказываться отъ своихъ притязаній: съ силами всей Великопольши онъ направился къ Кракову, намѣреваясь силой завладѣть престоломъ. Въ это-то время и пріѣхалъ Романъ къ своей теткѣ Еленѣ¹⁾, матери Лешка. При такомъ положеніи дѣлъ немедленной помощи онъ и ожидать не могъ; взамѣнъ того ему предложили, чтобы онъ помогъ сперва одолѣть Болеслава, а послѣ—все силы Казимиричей будутъ къ его услугамъ²⁾. Романъ принялъ это предложеніе, но расчеты его не осуществились: противники встрѣтились на берегахъ рѣчки Мозгавы и Романъ потерпѣлъ страшное поражение; онъ былъ раненъ и едва живой принесенъ во Владимиръ. Ему теперь ничего не оставалось, какъ смириться передъ Рюрикомъ. Рюрикъ простилъ и даже возвратилъ ему часть его прежней волости въ Кіевской землѣ³⁾.

Но разъ пошатнувшаяся дружба—уже больше не восстанавлилась болѣе. Романъ, оправившись отъ ранъ, хотя и клялся Рюрику „въ его волѣ быти и зрѣти на нь“, сносится съ Ольговичами и приказываетъ изъ Полоннаго грабить окрестныя земли, принадлежавшія Давыду Ростиславичу и Ростиславу Рюриковичу. Тогда Рюрикъ свесся съ давнишнимъ врагомъ Романа Владимиромъ Ярославичемъ Галицкимъ и съ двухъ сторонъ одновременно напали на Романа: Владимиръ пограбилъ Перемиль, а Ростиславъ Рюриковичъ съ Черными Клобуками—Каменецъ⁴⁾.

Раздоръ между тестемъ и зятемъ еще болѣе усилился, когда Романъ, въ вражды ли къ тестю или по другимъ какимъ либо причинамъ⁵⁾, сталъ принуждать жену свою постричься и наконецъ от-

¹⁾ Dlug. I. V p. 513.

²⁾ Ип. лѣт. ст. 461.

³⁾ „Полоное и польтѣргана Корьсуеньского“. Ип. лѣт. 462 ст. Соловьевъ „Исторія“ (II пр. 357) и Погодинъ „Изсл. и зам.“ (VI ст. 293) предлагаютъ читать „Польторческа Руского“. Зубрицкій (Крит. ист. пов.) указываетъ на слово „тартакъ“ лѣспильная мельница. Едва ли, впрочемъ, оба предположенія можно принять. Они слишкомъ натянуты.

⁴⁾ Ип. лѣт. ст. 468.

⁵⁾ Можетъ быть вслѣдствія ея неплодія.

правиль её къ отцу ¹⁾, чѣмъ, конечно, въ высшей степени оскорбилъ его.

Въ это время умеръ Владимиръ Ярославичъ Галицкій, оставивъ только двухъ незаконныхъ сыновей отъ погяды. Романъ имѣлъ теперь полную возможность предъявить свои претензіи на галицкій столъ. Партія его между боярствомъ, хотя и поуменьшилась, но все таки была еще, да и черныи народъ былъ за него, онъ хорошо испыталъ всѣ прелести иноземнаго, венгерскаго господства. Съ помощью Межка Стараго ²⁾, давшаго ему значительный отрядъ подъ начальствомъ воеводы Николая, какъ кажется, стараго друга и товарища дѣтства, Романъ слѣштитъ къ Галичу, опережаетъ Венгровъ, которые были въ это время уже около Карпатъ, и занимаетъ Галичь. Есть извѣстіе, что Галичане (или вѣрнѣе сказать галицкіе бояре) не хотѣли Романа и давали большіе дары Полякамъ, чтобы они покинули Романа ³⁾. Извѣстіе—не лишенное значительной доли правдоподобія, если принять во вниманіе, что была громадная венгерская боярская партія, что былъ извѣстенъ энергичный, настойчивый и не передъ чѣмъ не останавливающійся характеръ Романа и его взгляды на взаимныя отношенія между княземъ и его подданными. Это нежеланіе принять Романа имѣетъ полное оправданіе въ будущемъ. У польскихъ историковъ ⁴⁾ мы находимъ нѣсколько прикрашенную, прав-

¹⁾ Лавр. лѣт. ст. 392.

²⁾ Елена, послѣ Мозгавскаго пораженія, отчалась въ возможности удержать престолъ за сыномъ и предпочла добровольно уступить его Межку.

³⁾ Это извѣстіе находится у Кадлубка (M. P. N. t. II st. p. 436—41). Онъ по обыкновенію тенденціозенъ. По его разсказу выходитъ, что все дѣло велось по инициативѣ Поляковъ и что Романъ былъ посаженъ Николаемъ въ Галичь въ зависимости отъ Польши. „Sed quia, говоритъ онъ, sese viribus aliis videt (Romanus) disparem, duci Lestconi obnixе supplicat, ut eum perpetuo sibi famulatu obliget, ut ejus obsequio cunctis Ruthenorum principibus ac Parthorum per ipsum non principem Galicie, sed procuratorem ibi suum constituit“ (p. 437). Что касается до извѣстія, что Галичане дары давали воеводѣ Николаю, это весьма вѣроятно: не желая Романа, они, конечно, старались подкупить Поляковъ и лишить Романа ихъ помощи. Все послѣдующее поведеніе Романа опровергаетъ даже мысль о его подданничествѣ Польшѣ.

Главный источникъ нашъ Ипатская лѣтопись въ этомъ случаѣ намъ ничего не даетъ, такъ какъ въ ней здѣсь недостаегъ нѣсколькихъ листовъ; пробѣлъ въ значительной степени восполняетъ Кенигсбергская лѣт. и польскіе писатели, такъ какъ Романъ входитъ въ особенно близкія отношенія съ Поляками въ это время.

⁴⁾ „Vix enim dux Lestco pedem cum suis dimoverat, разсказываетъ Кадлубекъ,

да, картину того, какъ обращался Романъ съ ненавистнымъ ему галицкимъ боярствомъ. Множество изъ нихъ онъ казнилъ, многіе спаслись бѣгствомъ преимущественно въ Венгрію ¹⁾ и только послѣ смерти Романа, воспользовавшись междоусобицами во время малолѣтства Данила и Василька Романовичей, боярская партія ожила въ Галичѣ и даже еще болѣе расширила свои права.

Соединивъ въ своихъ рукахъ Владимиръ и Галичъ, находясь въ тѣсной дружбѣ съ польскими князьями, Романъ былъ бесспорно сильнѣйшимъ княземъ въ южной, если только не во всей Руси и борьба его съ Рюрикомъ вступаетъ въ новый фазисъ: зять одерживаетъ верхъ надъ тестемъ.

Въ 1202 году Рюрикъ, соединившись съ Ольговичами и двоюродными братьями своими Ростиславомъ, Мстиславомъ и Ярославомъ Владимировичами, собрался идти на Романа, но Романъ предупредилъ его и самъ первый вступилъ на кievскую территорию, Владимировичи отступили отъ Рюрика, такъ какъ иначе ихъ волости, лежавшей на пути Романа, угрожала опасность быть опустошенной. На всемъ пути Романа принимали съ радостью, наконецъ и самъ Кіевъ отворилъ ему ворота; только въ верхнемъ городѣ засѣлъ Рюрикъ съ Ольговичами, но и имъ пришлось вскорѣ помириться съ мыслью, что дѣло проиграно, и разойтись по домамъ. Рюрикъ ушелъ въ свой Овручъ, а въ Кіевѣ Романъ посадилъ своего двоюроднаго брата Ингваря Ярославича Луцкаго, которому онъ и впослѣдствіи не отказывалъ въ

---

quam Galiciensium satrapas et eubagionum florentissimos, incautos occupat ac trucidat; quosdam vivos terrae infodit, quosdam membratim discerpit, alios excoriat, multos, quasi signum, ad sagittam figit, nonnullos prius exenterat, quam interimit. Omne supplicii genus in suis experitur, grassantior civibus hostis factus, quam hostibus. Nam quos palam apprehendere non potuit, paene cunctis ad alias provincias metu dilapsis; donis, blandimentis et quibus plurimum viguit ingenii revocat, amplectitur, honorat, sublimat. Mox quibusdam insimulando figmentis immeritos praecipitat; praecipitatos tormentis iubet inexcogitatis interne: sive ut fortunas interemptorum eripiat, sive ut finitimis terrorem incutiat, sive ut potentioribus de medio sublatis securius imperet. Unde solenne illierat quasi proverbium: melle securius uti apum non posse, nisi penitus oppresso, non rarefacto examine (Ип. лѣт. ст. 509); nec sapere species, nisi creberrime pilo contusas. Aliorum ergo ad verisitate, immo sua prosperitate brevit crevit in immensum, ut omnibus paene Russiae provinciis ac principibus potentissime imperaret" (Kadlubek. M. P. H. t. II p. 440—1). См. также Długosz L. VI p. 580.

¹⁾ „Малу же времени минувшу, и приведоша кормиличича, иже бѣ загналь великий князь Романъ, невѣрн ради“. Ип. лѣт. ст. 481.

помощи, такъ въ томъ же году онъ ходилъ въ Половецкую землю и нанесъ Половцамъ много вреда ¹⁾.

Рюрикъ не оставилъ своихъ притязаній на Кіевъ: 2-го Января 1203 г. онъ съ Ольговичами и громаднѣмъ ополченіемъ Половцевъ взялъ Кіевъ. Городъ былъ страшно опустошенъ. Тутъ, впрочемъ, нельзя обвинять Рюрика: это было, безъ сомнѣнія, дѣломъ однихъ Половцевъ, которыхъ было очень много: „вся Половецкая земля“, какъ говоритъ лѣтопись ²⁾. Трудно себѣ представить, чтобы люди съ такимъ развитымъ религіознымъ чувствомъ, какими были тогдашніе Русскіе, оскорбляли свою же высокоуважаемую святыню. Новгородская I лѣтопись прямо указываетъ, что грабежъ былъ дѣломъ однихъ Половцевъ: „а кого доидеть рука, църница ли, църницѣ ли, попь ли, попадѣ ли, а ты ведоша въ поганя..... а что по монастыремъ и по всѣмъ църквамъ вся узорочья и иконы одраша, и везоша поганіи въ землю свою“ ³⁾. Поэтому то Романъ такъ легко и миролюбиво отнесся къ этому несчастному происшествію: узнавъ о грабежѣ и разореніи Кіева, онъ сейчасъ же отправился на Рюрика, но у Овруча онъ получилъ точныя извѣстія о томъ, какъ было дѣло, и не только самъ примирился съ Рюрикомъ, но и ходатайствовалъ за него передъ великимъ княземъ Всеволодомъ Юрьевичемъ. Какъ то ни было, но Рюрикъ примирился со всѣми противниками ⁴⁾ и получилъ опять Кіевъ.

Миръ продолжался не долго. Въ томъ же году ⁵⁾, возвращаясь вмѣстѣ изъ очень удачнаго похода на Половцевъ, они опять разсорились: „восхотѣша рядъ положить межъ собою, како кто пострадалъ за Рускую землю, и бысть смятение и брань межъ ихъ велика“ ⁶⁾, Романъ схватилъ Рюрика, постригъ его и заключилъ въ монастырь; той же

¹⁾ Лавр. лѣт. ст. 397. Кенигсб. лѣт. ст. 297.

²⁾ Лавр. лѣт. ст. 397.

³⁾ Нов. I лѣт. ст. 26.

⁴⁾ Ольговичи примирились позже: „Февраля 6... целоваша крестъ Ольговичи к великому князю Всеволоду и къ его сыномъ, и къ Романови и возвратишася во свояси“. Лавр. лѣт. 400 ст. Это было въ 1206 г. по хронологіи Лавр. лѣт., которая немного спѣшитъ см. Погодинъ Изсл. и зам. т. IV ст. 101.

⁵⁾ Лавр. лѣт. датируетъ это 1205 г., Густынская и IV Новгородская—1204 г., а I Новгор. и Никон. (т. II ст. 276)—1203 г. Послѣдняя дата кажется наиболѣе вѣрной; см. предъид. прим.

⁶⁾ Никон. лѣт. т. II ст. 276.

участи подверглись и жена Рюрика и дочь, разведенная жена самого Романа; двухъ же сыновей Рюрика Ростислава и Владимира онъ взялъ съ собой въ Галичъ, но вскорѣ опять выпустилъ ихъ по требованію тестя Ростислава Рюриковича великаго князя Всеволода. Такимъ образомъ, Романъ объединилъ въ своихъ рукахъ три самыя сильныя и богатыя княжества южной Руси: Галицкое, Владимирское и Кіевское ¹⁾.

Выше мы сказали, что Елена, мать Лешка Бѣлаго уступила Краковъ Мечиславу Старому съ тѣмъ, чтобы онъ ихъ оставилъ въ покоѣ, но послѣ смерти Мечислава въ 1202 г. ²⁾, Лешекъ опять выступилъ съ своими притязаніями и потерпѣлъ неудачу: Краковомъ овладѣлъ сынъ Мечислава Владиславъ Ласконогій. Романъ ³⁾ опять выступилъ въ защиту правъ Лешка. Окончивъ свою борьбу съ Рюрикомъ, онъ вступилъ въ польскіе предѣлы и уже овладѣлъ двумя городами Владислава, когда самъ Лешекъ, убѣжденный Владиславомъ, — „дѣтскъ бо бѣ“, сталъ просить Романа прекратить войну. Романъ

¹⁾ По Никон. лѣт. т. II 276 ст. Романъ не только выпустилъ на свободу Ростислава, но и посадилъ его въ Кіевѣ. Но тогда почему же его отецъ сбросилъ клобукъ только послѣ смерти Романа, когда онъ имѣлъ полную возможность сбросить его раньше. Это, очевидно, ошибка, происшедшая отъ того, что составитель Никоновской лѣт. отнесъ выраженіе Лаврент. лѣт. „и бысть князь Кіевскій“ (ст. 400) не къ Роману, а къ Ростиславу.

²⁾ R. Kapit. M. P. H. t. II st. 800; R. Sędziw. ib. st. 876. R. Franc. Krak. ib. t. III st. 46.

³⁾ Относительно послѣднихъ событій въ жизни Романа сохранилось нѣсколько несходныхъ извѣстій. Лавр. лѣт. (ст. 404—5) указываетъ только одинъ походъ и не указываетъ его причинъ. Кенигсб. лѣт. (300—1 ст.) указываетъ на 2 похода, причемъ первый былъ еще при жизни Межка, слѣдовательно до 1202 года. Причина его ясно указана: „мстя Ляхомъ неправды и раны“. Второй походъ былъ предпринятъ послѣ избранія Ласконогаго на престолъ. У Поляковъ разсказано, по обыкновенію тенденціозно. Rosz. Franciskanski Krakowski (M. P. H. t. III st. 46) разсказываетъ это дѣло такъ: „Ilo quoque in tempore Romanus potentissimus princeps Ruthenorum, congregato magne numerositatis exercitu, duci Lestcone tributa d'negat, audacter se opponit, potenti manu Polonie metas aggreditur insperate. Quod cum auribus Lesthkonis insenuit, illico cum paucis sibi occurrerit Zawichost, occupat, irruit et trucidat. Quod Rutheni cernentes, qui primum pompaticе venerant, vulneratis occisisque quam plurimis, confusi relique fuge presidium iniinere“. Длугошъ разсказываетъ это нѣсколько иначе. (L. VI p. 595—9): Пользуясь благоприятными обстоятельствами: „Polonorum imperium laceratum et distractum, et in plures scissum principatus, Procerum Regni schismata et discordiae, Ducum quoque ipsorum Leszkonis et Conradi semiplena aetas“, Романъ начинаетъ войну; врывается въ Люблинскую землю. Онъ грозитъ: „se non solum Poloniae regnum vastaturum, sed et paginam Divinam Latinorum exterminaturum“. Въ сраженіи при Завихвостѣ Поляки нападаютъ на Романа, разбиваютъ его и убиваютъ“. — Мы придерживаемся первыхъ двухъ источниковъ.

прекратилъ военныя дѣйствія, но потребовалъ уплаты себѣ денегъ за военные расходы и, въ видѣ залога, Люблинъ съ землей, тянувшей къ нему. Владиславъ не согласился. Война готова была возгорѣться снова, но тутъ, во время рекогносцировки около г. Завихвоста, произошла стычка съ Поляками,—Романъ былъ окруженъ и убитъ ¹⁾.

Смерть его произвела чрезвычайное впечатлѣніе, такъ она была неожиданна и имѣла такія важныя послѣдствія. О ней мы встрѣчаемъ извѣстія во всѣхъ хроникахъ и рочникахъ, касающихся этого времени и замѣчательно, что годъ смерти его почти вездѣ выставленъ одинъ и тотъ же, тогда какъ, обыкновенно, датировка, особенно у польскихъ лѣтописцевъ, очень спутана и колебанія датъ иногда достигаютъ 5 и даже больше лѣтъ ²⁾.

Смерть Романа была тяжелымъ ударомъ для всей южной Руси, но въ особенности же много потеряла Волинь; со смертью его она теряла не только защитника своихъ интересовъ предъ другими князьями, русскими и иноземными, но и охранителя и защитника отъ нападений и грабежей Ятвяговъ и Литовцевъ, этихъ Половцевъ западной Руси. Съ того времени, какъ волинскіе князья перестали добиваться Кіева, они обратили больше вниманія на свои удѣлы, на увеличеніе ихъ и защиту отъ окружающихъ враговъ. Романъ въ первой половинѣ своей дѣятельности не принимаетъ участія въ княжескихъ усобицахъ, онъ сидитъ дома, въ своемъ Владимірѣ, и ведетъ борьбу съ Ятвягами. Прежде вся борьба противъ нихъ ограничивалась огра-

¹⁾ Длугошъ (L. VI p. 599) рассказываетъ, что Романъ былъ сперва похороненъ въ Сендомирѣ, а затѣмъ выкупленъ вельможами русскими и похороненъ во Владимірѣ. Ник. лѣт. г. II ст. 292 говорятъ, „.....убиша его, и положиша в Галиче в церкви пречистые богородицы“. См. также. Лавр. лѣт. ст. 405.

²⁾ Boguchwal M. P. H. II st. 553. Roczn. Kapit. Krakow. ib. 800—1, Roczn. Traski i Krakowsk. ib. st. 836. Roczn. Sędziwoja. ib. st. 877. Kal. Krakowski. ib. st. 911. Roczn. Świętokrz. ib. t. III st. 70. Zdarzenia godne pamięci ib. st. 305. Catalogi biskupów krakowskich ib. st. 353. (Длуг. L. VI p. 599 отсюда взялъ свое указаніе на погребеніе Романа въ Сендомирѣ). Roczn. Franciskanski Krakowski (ib. st. 46) и Roczn. Kujawski (ib. st. 206) не обозначаютъ года, но не противорѣчатъ основной датѣ Длугosz. L. VI p. 596 и т. д. Никон. лѣт. II т. 292 ст. Воскрес. лѣт. I ст. 113. Густыиск. лѣт. 329 ст. Лаврентьевская лѣт. идетъ немного впереди и ставитъ его подъ 1206 г. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ рочникахъ дата другая, но это очевидно ошибка переписчиковъ, такъ какъ всѣ эти рочники поздняго происхожденія. Roczn. Małopolski въ Cod. Szamotulsk. датируетъ 1207 г., а Cod. Królewsk.—1227 г. (M. P. H. t. III st. 163), rocznikъ повторяетъ это извѣстіе еще разъ подъ 1265 г. (st. 171). R. Górnoszląski датируетъ 1196 г. ib. st. 715.

женіемъ набѣговъ ихъ, почему о ней не сохранилось никакихъ упоминаній въ лѣтописи впродолженіи почти 100 лѣтъ (1112—1196). Теперь же Романъ самъ предпринимаетъ походы на Ятвяговъ, такъ болѣе другихъ значительный походъ записанъ лѣтописцемъ подъ 1196 годомъ¹⁾, причемъ онъ говоритъ, что Романъ ходилъ „отомыщиваться: бяхуть бо воевали волость его“. О другихъ походахъ лѣтопись умалчиваетъ, но ихъ было очень много и они всегда были удачны, такъ что память о нихъ еще цѣлые полъ-вѣка держалась въ народѣ²⁾ и наконецъ, попала даже въ поэму „Слово о полку Игоревѣ“: „а ты буй Романи и Мстиславе! говоритъ авторъ его, су суть бо у ваю желѣзныя папорзи подъ шеломами латинскими. Тѣми тресну земля и многи страны: Литва, Деремела, и Полѡвци сулицы твоя повергоша, а главы своя поклониша подъ тыи мечи харулужныя“.

Погибъ Романъ въ самомъ пылу дѣятельности³⁾. Въ высшей степени энергичный, проникательный, храбрый и ни предъ чѣмъ не останавливающійся человекъ, онъ снискалъ если не любовь, то по крайней мѣрѣ всеобщее уваженіе и страхъ всѣхъ враговъ своихъ. Память о немъ долго хранилась въ народѣ; лѣтописецъ вспоминаетъ о немъ черезъ 80 лѣтъ⁴⁾ послѣ его смерти; его смерть служить лѣтописцу и его современникамъ какъ бы гранью, отъ которой они отсчитываютъ года. Слава его имени гремѣла не въ одной только Руси и у ближайшихъ сосѣдей: Чеховъ, Ляховъ и т. д. Къ нему обращается императоръ византійскій Алексѣй Ангель, прося у него помощи противъ Половцевъ, грабившихъ Фракію, и Романъ помогъ ему⁵⁾, затѣмъ тотъ же Алексѣй, изгнанный изъ Константинополя крестоносцами, ищетъ убѣжища у Романа; папа Иннокентій III предлагалъ корону, но Романъ отказался⁶⁾; онъ былъ не въ такомъ положеніи, какъ впоследствии его великій сынъ.

¹⁾ Ип. лѣт. ст. 471.

²⁾ Ип. лѣт. ст. 479—80. Здѣсь, конечно, ошибка переписчика „Половци“ вмѣсто „Ятвязи“.

³⁾ Онъ былъ еще не старъ: отецъ его умеръ въ 1170 году и оставилъ дѣтей на попеченіи брата, слѣдовательно, малолѣтнихъ, такъ что рожденіе его можно отнести къ 55—60 гг. XII вѣка; такимъ образомъ, въ 1205 г. ему было около 50 лѣтъ.

⁴⁾ Ип. лѣт. ст. 578.

⁵⁾ Карамзинъ т. III пр. 107.

⁶⁾ Кенигсб. лѣт. ст. 300—1.

Послѣ смерти Романа всё пошло назадъ: междуусобицы между князьями южной Руси, прекращенныя Романомъ, возобновились съ новой силой; боярство, полузадавленное Романомъ, но теперь не сдерживаемое ничьей сильной рукой и питаясь массой претендентовъ на столъ, занятый четырехлѣтнимъ ребенкомъ, развилось до высшихъ крайнихъ предѣловъ, до того, что одинъ изъ вожаконъ его успѣлъ занять княжескій столъ и довольно долго удерживаться на немъ.

Въ моментъ смерти Романа старшему сыну его Даниилу было только 4 года. Въ такихъ случаяхъ (при малолѣтствѣ князя) бываетъ очень рѣдко, въ видѣ исключенія только, что страна остается спокойной. Положеніе дѣтей Романа было далеко не въ числѣ этихъ счастливыхъ исключеній; напротивъ того, оно было въ высшей степени шатко. Первенствующую роль въ Галицкой землѣ играло боярство, преслѣдовавшее вообще только свои сословныя цѣли и очень мало заботившееся объ общемъ благѣ. Боярство это находилось при Романѣ въ очень тяжеломъ положеніи. Онъ не щадилъ его и только преждевременная смерть помѣшала ему съ корнемъ уничтожить всё притязанія этого сословія. Для бояръ въ высшей степени важно было, чтобы князь находился въ извѣстной зависимости отъ нихъ, чтобы онъ основывалъ свои права на княженіе не на правѣ наслѣдства, не на томъ, что это—его отчина. Даниилъ не удовлетворялъ этимъ требованіямъ: его отецъ княжилъ въ Галичѣ и онъ считалъ Галичъ своей отчиной и требовалъ полного повинновенія себѣ, „князь вашъ азъ есмь, повеленія моего не творите, землю грабите“¹⁾, говоритъ онъ въ послѣдствіи галицкимъ боярамъ. Естественно, бояре стремятся найти противниковъ Даниилу и находятъ ихъ въ изобиліи. Конечно, большинство изъ нихъ не рискнуло бы бороться съ Данииломъ, если бы не имѣло для себя готовой почвы въ самомъ Галичѣ. То, что Галичане присягнули Даниилу сейчасъ послѣ смерти Романа и потомъ призывали его, не противорѣчитъ общему характеру ихъ взаимныхъ отношеній, потому что въ первомъ случаѣ за Данииломъ стоялъ король венгерскій, оставившій въ Галичѣ часть своего войска для защиты Романовичей— „и за то не смѣша Галичанѣ ничтоже створити“²⁾, говоритъ лѣтописецъ. Призывали его они два раза и, оба раза—когда

¹⁾ Ип. лѣт. 525 ст.

²⁾ Ип. лѣт. 481 ст.

имъ приходилось очень плохо; въ первый разъ отъ Ольговичей ¹⁾, начавшихъ уже слишкомъ круто, по-романовски обращаться съ ними, а въ другой разъ противъ Мстислава Мстиславича ²⁾; при этомъ, приглашая его добровольно, они тѣмъ самимъ ставили его какъ-бы въ нѣкоторую зависимость отъ себя. Первая половина жизни Даниіла наполнена борьбой за Галичъ, борьбой съ постоянно вновь появляющимися на него претендентами.

Послѣ занятія Романомъ галицкаго стола, исторія Волыни затемняется. Неизвѣстно, сидѣлъ ли во Владимирѣ въ это время кто нибудь изъ князей—родственниковъ Романа или онъ управлялъ имъ черезъ намѣстниковъ, но Владимиръ всегда былъ вполнѣ преданъ Роману и въ лѣтописи нѣтъ и тѣни какихъ либо неудовольстій между ними. Изъ остальныхъ волынскихъ удѣловъ только земля Берестейская принадлежала Роману и тамъ княжилъ какой-то подручный князь, имени котораго мы не знаемъ, (можетъ быть извѣстный Василько Ярополчичъ Дрогичинскій), умершій въ 1209 году ³⁾.

Въ прочихъ частяхъ Волыни сидѣли другіе Изяславичи: въ западной Волыни—двоюродные братья Даниіла, Всеволодовичи—Александръ въ Бельзѣ и Всеволодъ въ Червнѣ, а въ восточной—двоюродные дяди, Ярославичи—Ингваръ въ Луцкѣ и Мстиславъ Нѣмой въ Пересопницѣ ⁴⁾.

Главный источникъ нашъ, Галицко-Волынская лѣтопись занимается почти исключительно судьбой одного только Даниіла. „Начнемъ же сказать, говорить лѣтописецъ, бесчисленные рати, и великыя труды, и частыя войны, и многія крамолы, и частая востанія, и многія мятежи, изъ(ъ) млада бо не бы има покоя“ ⁵⁾. О другихъ Изяславичахъ лѣтописецъ говоритъ только вскользь, при случаѣ.

Какъ мы уже выше сказали, положеніе Романовичей, не смотря на поддержку Венгровъ, было въ высшей степени шатко и, дѣйствительно, вскорѣ княгиня-мать съ дѣтьми принуждена была оставить Галичъ, такъ какъ съ разныхъ сторонъ всё грознѣе наступали враги:

¹⁾ Ип. лѣт. 484 ст.

²⁾ Ип. лѣт 489 ст.

³⁾ См. Шараневичъ „Исторія“ 70 ст.

⁴⁾ Шараневичъ (ор. cit. ст. 67) называетъ Ингваря—кн. Пересопницкимъ.

⁵⁾ Ип. лѣт. ст. 501.

Рюрикъ сбросилъ клубукъ и съ большимъ войскомъ пытался взять Галичъ, а Владиславъ Ласконогій угрожалъ Владимиру. Только благодаря помощи короля Венгерскаго, удалось княгинѣ безопасно добраться и водвориться во Владимирѣ. Въ это время являются новые враги: Игоревичи Черниговскіе, сыновья Игоря Святославича, героя „Слова о полку Игоревѣ“—враги тѣмъ болѣе опасные, что, кромѣ чрезвычайной энергичности и неразборчивости въ выборѣ средствъ, они обладали и военными талантами и значительными силами и даже правами на Галичъ, правда, по женской линіи ¹⁾. Владимиръ и Романъ Игоревичи были въ войскѣ Рюрика Ростиславича, когда къ нимъ явились послы Галичанъ и пригласили ихъ въ Галичъ; впоследствии къ нимъ прибыли еще 2 брата—Святославъ и Ростиславъ.

Легко овладѣли Игоревичи одной половиной наслѣдія Романа, естественно было ожидать, что они постараются завладѣть и другой. Дѣйствительно, вскорѣ послѣ ухода Венгровъ, Владимиръ Игоревичъ прислалъ во Владимиръ какого-то попа съ требованіемъ выдать Романовичей и принять къ себѣ княземъ брата его Святослава. Когда посланецъ заявилъ объ этомъ требованіи Игоревичей на вѣчѣ, въ городѣ поднялось страшное волненіе. Хотѣли убить попа. Но и во Владимирѣ въ это время оказалась не малая партія, по всему видно боярская (во главѣ ея стояли какіе-то Мъстьбогъ, Мончюкъ и Микифоръ ²⁾), шедшая по слѣдамъ галицкаго боярства и желавшая посредствомъ перемѣны князя расширить свои права. Движеніе въ городѣ приняло вскорѣ такія размѣры и такой зловѣщій для Романовичей характеръ, что княгиня-мать сочла болѣе безопаснымъ для себя и для дѣтей оставить городъ. Ночью, съ дѣтьми и нѣсколькими приближенными лицами она выбралась изъ города и убѣжала въ Польшу, къ такъ много обязанному ея мужу Лешку Бѣлому. Лешко принялъ бѣглецовъ очень радушно. Съ общаго согласія рѣшено было Даніила отослать къ королю въ Венгрію, гдѣ тотъ и оставался нѣсколько лѣтъ, Василько же съ матерью поселились у Лешка.

Послѣ бѣгства княгини съ дѣтьми изъ Владимира, боярская партія осилила и въ городѣ былъ призванъ Святославъ Игоревичъ. Всѣ Изяславичи, тихо жившіе въ своихъ удѣлахъ и не вмѣшивавшіеся въ

¹⁾ Мать ихъ Евфросинія была дочерью Ярослава Осмомысла.

²⁾ Ип. лѣт. ст. 481.

эти усобицы, оказались въ очень непріятномъ положеніи: между нами, на главномъ столбѣ, вдругъ очутился князь изъ всегда враждебной имъ линіи, князь энергичный и съ весьма сильной поддержкой извнѣ. Естественно было, конечно, предполагать, что, завладѣвъ главнымъ удѣломъ въ странѣ, онъ не замедлитъ прибрать къ своимъ рукамъ и остальные. Опасность была общая; необходимо было и дѣйствовать общими силами. — Серьезная опасность также грозила и со сѣднимъ Полякамъ, такъ какъ если бы вся Волынь попала въ руки Игоревичей, то тогда въ рукахъ одного рода сосредоточилась бы вся южная Русь: земли Галицкая, Волынская, Кіевская ¹⁾ и Черниговская. Такимъ образомъ, связанные общей опасностью князья: Александръ Бельзскій, Ингваръ Луцкій и Мстиславъ Пересопницкій соединились съ Лешкомъ и Конрадомъ Мазовецкимъ и осадили Владимиръ. Во главѣ ополченія стоялъ Александръ Всеволодовичъ и въ городѣ опять поднялось волненіе; приверженцы Романовичей одержали верхъ и открыли ворота союзникамъ; „се есть сыновець Романови“ ²⁾, говорили они; для нихъ это казалось лучшей рекомендаціей новаго князя. Но несчастный, непредвидѣнный Александромъ случай подорвалъ довѣріе къ нему народа. Едва только жители отворили передъ союзниками ворота, какъ Поляки хлынули въ городъ и начали грабить и убивать жителей, „и поплѣниша градъ весь“ ³⁾, только соборная церковь св. Богородицы, дверей которой Поляки не были въ состояніи выломать, уцѣлѣла отъ разграбленія. Князья Лешко и Конрадъ едва успѣли пріостановить грабежъ. Жители поняли это несчастное происшествіе такъ, что оно произошло не безъ вѣдома Александра и очень жалѣли, что впустили Ляховъ въ городъ, „аще не былъ бы сродникъ ихъ съ ними Александръ, то не перешли быша ни Буга“ ⁴⁾, говорили они.

Отношенія Владимирцевъ къ ихъ князю сдѣлались такъ натянуты, что, вскорѣ послѣ ухода Лешка и Конрада, взявшихъ съ собой Святослава Игоревича, Александръ долженъ былъ удалиться и во Владимирѣ началъ княжить Ингваръ Ярославичъ Луцкій; но и онъ

¹⁾ Въ Кіевѣ сидѣлъ въ это время Всеволодъ Святославичъ.

²⁾ Ил. лѣт. ст. 482.

³⁾ Ил. лѣт. ст. 482.

⁴⁾ Ил. лѣт. ст. 482.

не долго усидѣлъ здѣсь, такъ какъ онъ также былъ въ числѣ князей, допустившихъ, какъ думали горожане, разграбить ихъ городъ. Во Владимірѣ опять сѣлъ Александръ Всеволодовичъ и на этотъ разъ прокняжилъ здѣсь нѣсколько лѣтъ ¹⁾.

Въ то время какъ Александръ Всеволодовичъ спокойно княжилъ во Владимірѣ, въ судьбѣ Романовичей произошли большія перемѣны. Василько былъ приглашенъ Берестянами къ себѣ и принять съ большою радостью „яко великаго Романа видащи“, говоритъ лѣтописецъ ²⁾. Вскорѣ затѣмъ, при помощи Лешка, онъ получилъ отъ Александра Всеволодовича Бельзъ ³⁾.

Въ это же самое время Давидъ, спокойно жившій въ Венгріи, былъ приглашенъ прежними врагами своими—боярами на столъ въ Галичъ. Дѣло въ томъ что Игоревичи рѣшили сразу покончить со всѣми безурядицами, исходившими отъ бояръ, и избили до 500 чело-вѣкъ изъ нихъ; однако главнѣйшіе вожаки партіи успѣли убѣжать въ Венгрію, гдѣ и пригласили къ себѣ Давида, не безъ основанія думая, что подъ покровомъ его имени имъ удастся собрать большое ополченіе. Дѣйствительно, въ помощь Давиду король Андрей далъ сильное войско, затѣмъ къ нему присоединились Мстиславъ Нѣмой и Александръ Всеволодовичъ съ братомъ, Ингваръ Луцкій прислалъ сына съ своей дружиной, прислалъ свою дружину и Василько Романовичъ, наконецъ пришелъ отрядъ Поляковъ Лешка Бѣлаго. Игоревичи, не смотря на подослѣвшій имъ на помощь значительный отрядъ, приведенный сыномъ Владимира Игоревича Изяславомъ, не въ состояніи были бороться съ такими силами; кромѣ того они были захвачены въ располхъ, не имѣли времени соединиться и были разбиты по одиночкѣ. Три изъ нихъ были захвачены въ плѣнъ: Святославъ былъ захваченъ при осадѣ Перемышля, Романъ—въ Шумскѣ; гдѣ былъ захваченъ Ростиславъ—лѣтописецъ не говоритъ ⁴⁾. Судьба ихъ

¹⁾ Онъ долженъ былъ уйти оттуда между 1214 г. (Знишскій договоръ. Шараневичъ ст. 74) и приходомъ Мстислава Удалаго въ концѣ 1218 или началѣ 1219 г. (такъ какъ въ началѣ 1218 года онъ былъ еще въ Новгородѣ. Новг. I лѣт. ст. 36).

²⁾ Ип. лѣт. 483 ст. Къ Берестейской землѣ ткнули также и Червенскіе города Угровскъ, Верещинъ, Столпье и Комовъ. Ип. лѣт. тамже.

³⁾ Ип. лѣт. ст. 483.

⁴⁾ Вѣроятно въ Звенигородѣ. По другимъ источникамъ погибли только двое Игоревичей. Арцабашевъ т. II ст. 285 пр. 1778.

извѣстна: они были повѣшены галицкими боярами. Ни одинъ изъ присутствовавшихъ князей не заступился за нихъ, такъ какъ они, явившись такъ внезапно на западѣ, всѣмъ стали поперекъ дороги.

Даніиль былъ для Галичанъ, такъ сказать, рекламой, благодаря которой они избавились отъ Игоревичей, но, которая для нихъ, какъ только миновала опасность, сдѣлалась обременительной и они постарались ее устранить. Сперва они заставили удалиться изъ города княгиню-мать, рассчитывая, что безъ нея легко уже будетъ имъ достигнуть всего, чего имъ угодно; когда же король Андрей помогъ ей вернуться опять въ Галичъ, они призвали Мстислава Пересопничаго ¹⁾ и Даніиль съ матерью принуждены были покинуть Галичъ. Они ушли въ Венгрію, но въ это время король измѣняетъ своей прежней безкорыстной дружбѣ къ Даніилу и старается извлечь изъ положенія дѣлъ въ Галичѣ пользу для самого себя: онъ выпускаетъ на свободу главнаго врага Романовичей боярина Володислава и тому удается захватить Галичъ; правилъ онъ, какъ предполагаетъ съ большими основаніями Карамзинъ, въ нѣкоторой зависимости отъ короля Андрея ²⁾. Изъ Венгрии Даніиль съ матерью перешли къ Лешку, а затѣмъ къ Васильку Романовичу, который въ это время лишился Бельза, отнятаго у него Александромъ Всеволодовичемъ и жилъ въ одномъ Каменцѣ (Каширскомъ) ³⁾. Берестье въ это время уже не принадлежало ему, такъ какъ едва ли бы онъ жилъ тогда въ маленькомъ Каменцѣ. Такимъ образомъ волость обоихъ братьевъ — наслѣдниковъ громаднхъ земель, заключалась въ одномъ маленькомъ городѣ.

¹⁾ Поведеніе Мстислава нисколько не согласуется съ той любовью къ Даніилу, которую приписываетъ ему, на основаніи лѣтописнаго указанія (ст. 497. Ип. лѣт.) г. Дашкевичъ: „Даніиль Галицкій“ ст. 12.

²⁾ Они указаны г. Дашкевичемъ *op. cit.* ст. 46 стр. 7.

³⁾ Лѣтопись въ этомъ мѣстѣ представляетъ нелѣпный наборъ фразъ: „Приде Лешкъ къ Белзу, убѣженъ Александромъ Олександръ же не прише, хотя зла Романовичемъ, и прил Бельзъ и да Олександрови“. (Ип. лѣт. 487 ст.). Отрывокъ этотъ будетъ имѣть смыслъ, если выбросить средину: „Олександръ же не прише, хотя зла Романовичемъ“, но тогда она не согласуется съ послѣдующимъ извѣстіемъ о приѣмѣ Лешкомъ Даніила. Кажется, здѣсь пропущена фраза и смыслъ всего отрывка будетъ такой: Александръ потребовалъ возвращенія Бельза, Лешко, защищая интересы Романовичей, предлагалъ ему какую то другую волость, но онъ не соглашался, „хотя зла Романовичамъ“, и Лешко долженъ былъ уступить.

Вокняженіе боярина было дѣломъ слишкомъ необычнымъ, чтобы оно могло остаться безнаказаннымъ, „не есть лѣпо боярину княжити въ Галичи“¹⁾, говорилъ Лешко. Однако первая попытка Лешка, собравшаго къ себѣ дружины Данила, Всеволода и Александра Всеволодовичей и Мстислава Нѣмаго, овладѣть Галичемъ—кончилась ничѣмъ: не смотря на то, что Володиславъ потерпѣлъ поражение на р. Боброкѣ и бѣжалъ въ Галичь, самаго Галича Лешко взять не могъ, такъ какъ Володислава поддерживалъ король Андрей. Позже Лешко заключилъ договоръ съ Андреемъ, чтобы посадить въ Галичѣ Коломана, малолѣтняго сына Андрея, обручивъ его съ дочерью Лешка Саломеей, и тогда Володиславъ былъ, безъ всякой борьбы, схваченъ и заключенъ въ тюрьму.

Лѣтописецъ весьма наивно объясняетъ, почему Лешко стоялъ за Данила: „бѣ бо вой Даниловъ болши и крѣплѣйши, говорятъ онъ, бяху бояре велиции отца его вси у него; видивъ бо Лестько се, и поча имѣти любовь велику ко князю Данилу и брату его Василю“²⁾. Слѣдовательно, не столько искреннее уваженіе и признательность Роману руководили Лешкомъ, сколько вліяніе этихъ „великихъ бояръ“. Этимъ, намъ кажется, можно объяснить, почему, послѣ перваго неудачнаго похода на Володислава, Лешко выхлопоталъ Романовичамъ Тихомль и Перемышль, а затѣмъ, послѣ Зпишскаго договора, по которому Галичина доставалась въ руки венгерскаго короля и Лешка, этотъ послѣдній (по совѣту воеводы Цакослава, принимавшаго большое участіе въ заключеніи Зпишскаго договора) силою³⁾ отнялъ у Александра Всеволодовича Владимиръ и отдалъ его Романовичамъ. Александръ долженъ былъ ограничиться прежнимъ удѣломъ своимъ—Бельзомъ.

Въ это время Данилъ впервые выступаетъ на поприще самостоятельной дѣятельности. Во все время своего княженія на Волыни онъ добивается Галича и, добившись его наконецъ, овладѣвъ имъ окончательно, онъ переходитъ туда и уступаетъ Волынь брату Ва-

¹⁾ Ип. лѣт. ст. 489.

²⁾ Ип. лѣт. 488 ст.

³⁾ „Дай Володимеръ, говоритъ Лешко, Романовичема Данилови и Василькови; не даси ли, иду на тя и с Романовичема“; оному же не давшу, Лестько же посади Романовича в Володимерѣ“. Ип. лѣт. ст. 489.

силку. Этотъ періодъ его дѣятельности характеризуется стремленіемъ собирать земли, принадлежавшія отцу его, въ свои руки. Дѣло поведено было такъ удачно, что, ко времени татарскаго нашествія, въ рукахъ Романовичей сосредоточивались уже всѣ волости ихъ отца. Рассматривая эту часть исторіи Волыни, мы сперва вкратцѣ расскажем ходъ борьбы за Галичъ и затѣмъ уже—событія, относящіяся только къ Волыни.

Зпяшскій договоръ сохранялъ свое значеніе только 4 года. Король Андрей нарушилъ его, отнявъ у Лешка и воеводы Пакослава тѣ части Галицкой земли, которые имъ достались по этому договору ¹⁾. Лешко не чувствовалъ себя въ состояніи бороться съ Андреемъ собственными своими силами и пригласилъ въ Галичъ извѣстнаго стараго война-рыцаря, князя Мстислава Мстиславича Удалаго, княжившаго въ это время въ Новгородѣ ²⁾. Князь этотъ, представлявшій изъ себя типъ князя-дружинника въ его лучшемъ выраженіи, пользовался на Руси репутаціей непобѣдимаго и борца за правое дѣло. При вѣсти о его приближеніи, Галичане, въ страхѣ, послали просить къ себѣ опять Данила, на котораго Мстиславъ не попалъ бы, такъ какъ онъ былъ законнымъ княземъ въ Галичѣ. Но Данииль опоздалъ—Мстиславъ занялъ уже Галичъ. Соперничество это не помѣшало имъ вскорѣ познакомиться и даже породниться: Данииль женился на дочери Мстислава Аннѣ ³⁾. Теперь только понялъ Лешко, какъ онъ ошибся, пригласивъ Мстислава, такъ какъ естественно было, что теперь тестъ и зять станутъ дѣйствовать вмѣстѣ и бороться съ ними обоими будетъ очень трудно. Чтобы избавиться отъ такого непріятнаго сосѣдства, Лешко входить въ сношенія съ королемъ венгерскимъ и уступаетъ ему свои права на Галичъ. Соединенное войско Поляковъ и Венгровъ вошло въ галицкіе предѣлы. Мстислава въ это время не было въ Галицкой землѣ ⁴⁾ и воеводы его съ самаго начала потер-

¹⁾ Лешко владѣлъ Перемышлемъ, а Пакославъ-Любачевымъ. Ип. лѣт. 489 ст.

²⁾ Онъ былъ тамъ еще въ началѣ 1219 г. Новг. I лѣт. ст. 36.

³⁾ Лѣтописецъ помѣщаетъ извѣстіе о бракѣ непосредственно за приходомъ Мстислава. Ип. лѣт. ст. 489. Но изъ позднѣйшаго извѣстія о дѣтяхъ Даниила можно заключить, что бракъ состоялся позже, но, во всякомъ случаѣ, до перваго изгнанія Мстислава изъ Галича, такъ какъ это родство и было причиной соединенія Лешка съ Андреемъ. Немного позже лѣтописецъ называетъ уже Мстислава тестемъ Даниила. Ип. лѣт. ст. 492.

⁴⁾ Онъ былъ на какомъ то сѣздѣ: „Мстиславъ бо бѣ со всеми князми Рускими

пѣли нѣсколько неудачъ и этимъ погубили всё дѣло: Мстиславъ не успѣлъ собрать достаточно воиска и былъ отгѣсненъ за предѣлы Галицкой земли—въ Каменецъ, а Даніиль, покинутый въ рѣшительную минуту Александромъ Всеволодовичемъ ¹⁾, заперся было въ Галичѣ, но получивъ извѣстіе о тяжеломъ положеніи Мстислава, вышелъ изъ города, чтобы соединиться съ нимъ. Отступленіе это—одно изъ наиболѣе замѣчательныхъ въ военной исторіи: преслѣдуемый со всѣхъ сторонъ, Даніиль прошелъ черезъ степь къ Кучелмину, переправился черезъ Днѣстръ на проходившихъ мимо торговыхъ судахъ и наконецъ благополучно соединился съ Мстиславомъ въ Каменцѣ. Здѣсь общимъ совѣтомъ рѣшено было Мстиславу идти за помощью къ Половцамъ, а Даніилу вернуться во Владимиръ

Въ слѣдующемъ году Мстиславъ возвратился съ Половцами и самъ, одними своими силами, захватилъ Галичъ. Даніиль, уже собравшій воиско, не могъ къ нему послѣть на помощь, такъ такъ Лешко вошелъ въ Червенскую землю и занялъ угрожающую позицію у Щекарева. Онъ пріѣхалъ къ тестю, когда уже всё было кончено, „в малѣ дружинѣ“ ²⁾.

Въ 1222 г. былъ заключенъ миръ съ Венграми, а вскорѣ затѣмъ и съ Лешкомъ Бѣлымъ. Какія были условія обоихъ договоровъ—неизвѣстно, но, навѣрно, они были не невыгодны для нашихъ князей.

На короткое время всѣ споры и раздоры были прерваны: былъ предпринятъ походъ на общаго врага—на Татаръ, которые въ это время впервые появились на Половецкой территоріи; всѣ силы южной Руси были стянуты на Калкѣ и всѣ почти онѣ погибли. Сильно пострадали здѣсь и галицкіе и волынскіе полки, бывшіе передовыми. Но какъ только князья возвратились по домамъ, первый страхъ и

и Черниговскими“. Ип. лѣт. 490 ст., такъ какъ не въ характерѣ Мстислава было уклоняться отъ битвы и посылать вмѣсто себя воеводъ.

¹⁾ Ему дорого обошлась эта измѣна: покончивъ съ Венграми и Поляками, Даніиль отправился на него и въ одну ночь жестоко пограбилъ все его княжество и, только благодаря заступничеству Мстислава, Александръ не лишился совсѣмъ волости. Нужно замѣтить, что Мстиславъ былъ хорошій полководецъ, но очень плохой политикъ; всѣ его политическія соображенія и совѣты всегда неудачны. Тамъ, гдѣ нужно дѣйствовать не силой, онъ всегда терпитъ неудачи.

²⁾ Ип. лѣт. 493 ст. Лешко долженъ былъ уйдти на защиту своей земли отъ Литовцевъ, напавшихъ на него, исполняя условіе незадолго передъ тѣмъ заключеннаго союза съ Даніиломъ. Ип. лѣт. ст. 491—2.

печаль прошли и Татары исчезли—междоусобицы возобновились съ новой силой.

Началъ Александръ Бельзскій, давно уже злобившійся на Романовичей, лишившихъ его Владимира. Ему удалось оклеветать Данила передъ Мстиславомъ. Пылкій, не смотря на свои лѣта, Мстиславъ, соединился съ Александромъ, не наведя точныхъ справокъ. Къ Данилу пришелъ Лешко, всегда готовый раздуть вражду, которая была ему на руку. Мстиславъ потерпѣлъ поражение около Бельза (лучшіе силы его погибли на Калкѣ) и ушелъ въ Галичъ, а волость Александра подверглась во второй разъ ужасному опустошенію. Борьба была готова возобновиться, когда во время переговоровъ открылась клевета Александра и тестъ съ зятемъ помирились. Александръ Всеволодовичъ и теперь сохранилъ свою волость: Данилъ пощадилъ его въ угоду тестю.

Мы говорили уже, что Мстиславъ былъ очень недалъновиденъ и плохой дипломатъ; доказательствъ можно было бы привести множество, но самый яркій примѣръ этого представляетъ поступокъ, которымъ онъ закончилъ свою дѣятельность. Завладѣвъ Галичемъ, онъ сошелся съ нѣкоторыми боярами и вполне подчинился ихъ вліянію, такъ что слушалъ ихъ однихъ и они дѣлали что хотѣли; такимъ образомъ, не смотря на недавнюю войну съ Венграми, изъ которой Мстиславъ съ большимъ трудомъ вышелъ побѣдителемъ, они убѣдили его не только выдать за сына короля Андрея свою вторую дочь Марію, но и уступить ему Галичъ; „аже даси королевичю, когда восхощеши можеши ли взяти под(ъ) нимъ; даси ли Данилови, в вѣкы не твой будетъ Галичъ“¹⁾, говорили ему важнѣйшіе представители боярской партіи и главные его совѣтники Судиславъ и Глѣбъ Зерембевичъ. Мстиславъ согласился съ ними и потомъ горько сожалѣлъ о своей ошибкѣ; „сыну! говорилъ онъ Данилу, сгрѣшихъ не давъ тобѣ Галича, но давъ иноплемьенику, Судислава льстьца с(ъ)вѣтомъ, обольсти бо мя“²⁾. Мстиславъ ушелъ въ новый свой удѣлъ—Повизье и въ 1227 году умеръ здѣсь во время приготовленій къ новому походу для возвращенія Галича.

Смерть Мстислава развязала Данилу руки въ его стремленіи

¹⁾ Ип. лѣт. ст. 501.

²⁾ Ип. лѣт. ст. 502.

добыть Галичъ, такъ какъ при жизни его онъ не рѣшался дѣйствовать отъ своего имени, боясь оскорбить тестя ¹⁾). Но за то со смертью Мстислава, Даниилъ лишился послѣдней опоры своей и вѣрнаго защитника; между тѣмъ ему грозила новая война. Ростиславъ, князь Пинскій, сыновей котораго Даниилъ недавно захватилъ въ плѣнъ (подробнѣе объ этомъ—см. ниже), соединился съ Владимиромъ Рюриковичемъ Кіевскимъ и Михайломъ Всеволодовичемъ Черниговскимъ; они призвали хана Котяна съ Половцами и осадили Каменецъ. Даниилъ, въ свою очередь, соединился съ Лешкомъ, уговорилъ Котяна отстать отъ союзниковъ и этимъ принудилъ ихъ отступить къ Кіеву. Котянь же даже напалъ на Галицкую землю и такимъ образомъ помѣшалъ королевичу подать помощь союзникамъ.

Вскорѣ послѣ этого Даниилу удалось овладѣть Галичемъ. Возвращаясь изъ похода въ Польшу, онъ узналъ, что бояринъ Судиславъ, глава боярской партіи, ближайшій совѣтникъ и главная опора королевича, съ значительнымъ отрядомъ ушелъ на Понизье и королевичъ былъ, такимъ образомъ, очень обезсиленъ. Въ 3 дня прошелъ Даниилъ разстояніе отъ Угровска до Галича, къ нему подошли всѣ силы Волыни съ княземъ Владимиромъ Ингваревичемъ и они безъ особаго труда захватили Галичъ, такъ какъ и самими боярамъ даже, не говоря уже о простомъ народѣ, тяжело было венгерское владычество съ неразрывной съ нимъ католической пропагандой и угнетеніемъ народной совѣсти. Не легче, впрочемъ, для бояръ было и правленіе Даниила; и вотъ опять составляется заговоръ, во главѣ котораго становится Александръ Всеволодовичъ. На этотъ разъ заговоръ былъ направленъ на самую жизнь братьевъ. Случай только помѣшалъ исполненію злодѣйства: заговоръ былъ открытъ и Александръ заплатился удѣломъ. Однако число недовольныхъ такъ увеличилось, что король Бела рѣшился еще разъ попытать счастья и ему удалось на этотъ разъ не только захватить Галичъ, но и овладѣть Владимиромъ, гдѣ начальствовалъ старшій воевода еще князя Романа—Мирославъ. „Иногда

---

¹⁾ Зубрицкій „Исторія“ т. III ст. 105 и Шараневичъ „Исторія“ ст. 81 увѣряютъ, что послѣ смерти Мстислава Мстиславича Понизье досталось Роману. Г. Дашкевичъ отъказывается высказаться на этотъ счетъ рѣшительно. „Даниилъ“, ст. 12 пр. 6; но едва ли единственный фактъ, что Судиславъ ходилъ „во Понизье“ съ войскомъ, можетъ подать поводъ къ колебанію, когда столько фактовъ, совершенно ясныхъ, опровергаютъ мнѣнія Зубрицкаго и Шараневича.

же храбру ему сущю, Богъ вѣдать“, недоумѣваетъ лѣтописецъ, „тогда бо смутися умомъ, створи миръ с королемъ безъ совѣта князя Данила и брата его Василка“ ¹⁾. Галич оставался, по этому договору, за королемъ, а Александръ Всеволодовичъ получилъ Бельзъ и Червень. Даниилъ былъ очень недоволенъ самовольнымъ поступкомъ своего воеводы и отказался утвердить условія договора; особенно ему непріятно было, что личный врагъ его Александръ Всеволодовичъ получилъ Бельзъ и Червень (хотя Мирославъ утверждалъ, что Червень въ договорѣ помѣщенъ не былъ и Александръ Всеволодовичъ завладѣлъ имъ самовольно). Въ сердцахъ, онъ немедленно напалъ на востокъ Александра и пограбилъ окрестности Бужска.—Этотъ походъ Бела былъ такъ удаченъ потому, что Данила не было въ Галицкой землѣ, онъ былъ занятъ на востокѣ, помогая Владимиру Рюриковичу Кіевскому противъ Михаила Всеволодовича Черниговскаго.

Опустошивъ Бужскую землю, Даниилъ снова ушелъ на помощь къ Владимиру Рюриковичу, а въ его отсутствіе королевичъ Андрей составилъ новое ополченіе; кромѣ Венгровъ въ его ряды стали: Александръ Всеволодовичъ, Изяславъ Новгородъ-Сѣверскій и князя Болоховскіе. Война продолжалась долго съ переменнымъ счастьемъ, но вообще перевѣсъ былъ на сторонѣ Данила. Воевода Данила Володиславъ отразилъ Андрея на Случи ²⁾; затѣмъ, послѣ кровопролитной, но нерѣшительной битвы на берегахъ р. Вилии, королевичъ былъ принужденъ отступить къ Галичу. Театръ войны, такимъ образомъ, передвинулся на западъ и приближался уже къ границамъ владѣній Александра Всеволодовича. Боясь за цѣлость ихъ и вида, что на Венгровъ плохая надежда, что они постоянно терпятъ пораженія и отступаютъ, Александръ предпочелъ перейти къ Романовичамъ, принявъ видъ раскаявающагося грѣшника: „не лѣпо ми есть быти, кромѣ ваю“, сказалъ онъ братьямъ и тѣ „приятна и съ любовью“ ³⁾, такъ какъ теперь всякая, даже незначительная поддержка была для нихъ очень важна. Соединенными силами они взяли г. Плѣснескъ.

¹⁾ Ип. лѣт. ст. 510.

²⁾ „Володиславу же ѣхавшу во сторожѣ отъ Данила ис Кыева и стрѣте рать во Бѣлобережѣ, и бывшимся имъ о рѣку Случъ и гониша ихъ до рѣки Деревное, из лѣса Чертова“. Ип. лѣт. 511 ст.

³⁾ Ип. лѣт. ст. 513.

Въ слѣдующемъ году война достигла высшей степени напряженія. Къ Андрею пришелъ воевода Діонисій съ громаднымъ войскомъ; Даніиль призвалъ на помощь Владимира Кіевскаго, хана Котяна и Изяслава Владимировича Новгородъ-Сѣверскаго. Впрочемъ Изяславъ, несмотря на крестное цѣлованіе, скоро покинулъ Даніила да еще пограбилъ Тихомль ¹⁾ (Изяславъ Владимировичъ былъ роднымъ племянникомъ тѣхъ Игоревичей, которые погибли позорной смертью въ Галичѣ). Даніиль былъ значительно ослабленъ этимъ уходомъ Изяслава, но все-таки оттѣснилъ королевича въ Галичъ и осадилъ его. Тутъ уже и сами бояре галицкіе стали перебѣгать въ лагерь Даніила и вскорѣ въ Галичѣ остались только Венгры да ихъ приверженцы. Начался голодъ. Тогда бояринъ Судиславъ рѣшился попробовать еще одно не новое, но вѣрное средство: онъ обѣщаль Александру Всеволодовичу передать ему Галичъ, если онъ отступитъ отъ Даніила, рассчитывая, что Даніиль, потерявъ значительную часть своего войска (такъ какъ Половцы и Кіевляне ушли еще раньше ²⁾), сниметъ осаду. Александръ согласился и послѣшно ушелъ въ Бельзъ. Но планъ Судислава не удался, помѣшало обстоятельство, котораго никакъ нельзя было предвидѣть: внезапно умеръ королевичъ; венгерская партія потеряла точку опоры, Судиславъ ушелъ въ Венгрію и Даніиль былъ призванъ въ Галичъ. Между тѣмъ Александръ Всеволодовичъ ожидалъ въ своемъ Бельзѣ приглашенія занять галицкій столъ, какъ вдругъ онъ узнаетъ о томъ, что королевичъ умеръ и Даніиль уже въ Галичѣ; чувствуя, что теперь уже ему не будетъ пощады, онъ какъ можно поспѣшнѣ бѣжитъ въ Кіевъ, но Даніиль не терялъ его изъ виду: 3 дня и 3 ночи гналъ онъ безъ отдыха за нимъ и наконецъ настигъ у Полоннаго, на лугу, окаймляющемъ теченіе р. Хомора ³⁾. Что было съ Александромъ Всеволодовичемъ, какъ съ нимъ поступилъ Даніиль—неизвѣстно. Съ этихъ поръ онъ исчезаетъ навсегда съ исторической сцены. Весьма вѣроятно, что Даніиль засадилъ его куда-нибудь въ отдаленный городокъ, въ заключеніе, гдѣ онъ и закончилъ свою безпокойную жизнь.

Въ одномъ изъ галицкихъ альманаховъ 60-хъ годовъ есть ма-

¹⁾ Ип. лѣт. ст. 513.

²⁾ Ип. лѣт. ст. 514.

³⁾ Ип. лѣт. ст. 514.

ленькая статейка объ Александрѣ Всеволодовичѣ¹⁾; которая заканчивается такими словами, образно характеризующими Александра и его дѣятельность: „Такъ зойшоль, говорить авторъ, зъ театру свѣта Александръ Бельзскій, наробивши много лиха и другимъ и собѣ—черезъ свою непостоянность, змѣнность, хитрость, коварство, трусливѣсть, слабодушнѣсть, злое сердце, якъ оно звычайно въ слабодушныхъ, поставленныхъ на важнѣйшее и труднѣйше становище вырабляеся, готове въ навалѣ чувства допуститися и наибольшой зброднѣ—лукавствѣ; черезъ легковѣріе, легкомысленное чепаніе ся найневѣрнѣйшихъ надѣй, не будучи въ станѣ розсудити можливе ѳтъ неможливого, не могучи прозрѣти черезъ мглу стосункѣвъ и погадати, же и инакъ быти може. Ничого онъ доброго никому не зробилъ, бо тамъ где былъ пріятеlemъ и союзникомъ, его помѣчь была звычайно запѣзна, або слаба и безъ вартости и николи певна;—а тамъ, где былъ непріятеlemъ, также самъ ничого злого не здѣлалъ, бо не малъ дѣятельной силы; наибѣльше лихого дѣлалъ своимъ языкомъ, интригами и пѣдъуциваніями сильнѣйшихъ на своихъ ворогѣвъ; не хотѣлъ онъ, щобы такъ сказати своими пальцами жаръ доставати зъ печи, но волѣлъ его доставати пальцами другихъ“²⁾).

Казалось бы, теперь уже ничто не мѣшало Даниилу спокойно владѣть Галичемъ: всѣ враги его были уничтожены, всѣ претенденты были отстранены. Одни только бояре галицкіе еще не угомонились и имъ еще разъ и въ послѣдній удалось изгнать Даниила. Они пригласили къ себѣ Михаила Всеволодовича Черниговскаго. И раньше Даниилъ былъ во враждебныхъ отношеніяхъ къ Михаилу Всеволодовичу, онъ помогаль Владимиру Рюриковичу Кіевскому противъ него; теперь же Даниилъ опять получаетъ отъ Владимира извѣстіе, что Михаилъ угрожаетъ ему: „помози ми, брате“, говорилъ ему Владимиръ. Съ значительными силами явился Даниилъ въ Кіевъ, соединился съ Владимиромъ Рюриковичемъ и завладѣлъ самимъ Черниговомъ, гдѣ и посадилъ двоюроднаго брата Михаила Мстислава Глѣбовича. Но обстоятельства вскорѣ перемѣнились: Михаилъ соединился съ Изяславомъ Владимировичемъ и Половцами и подъ Торческомъ разбилъ со-

¹⁾ В. Ильницкій „Александръ, князь Бельзскій“ пом. въ альманахѣ „Зоря“ на 1860 г. см. ст. 350.

²⁾ Ип. лѣт. ст. 514,

вершенно Даниїла. Почти всѣ его сторонники изъ галицкихъ бояръ пали въ битвѣ и онъ лишился своей поддержки въ Галичѣ. Наконецъ, прибывъ въ Галичъ, Даниїль поддался на хитрость, придуманную за-правилами боярской партіи и сдѣлалъ крупную ошибку: былъ пущенъ слухъ, что Михаилъ Всеволодовичъ хочетъ напасть на Владимиръ, Даниїль обезпокоился и выслалъ оставшуюся у него дружину во Владимиръ, а самъ остался, такимъ образомъ, безъ всякой опоры. Только этого и ждали враги его—бояре, они немедленно пригласили Михаила Всеволодовича и Даниїль долженъ былъ бѣжать изъ Галича. Михаилъ былъ уже въ галицкихъ предѣлахъ, недалеко отъ Галича и Даниїлю оставался свободнымъ только путь въ Венгрію, откуда онъ проѣхалъ въ Польшу и затѣмъ уже на Волынь, гдѣ и соединился съ братомъ, который съ своей дружиной и польскимъ отрядомъ направлялся къ Галичу ему на выручку. Они пограбили только галицкіе окраины и ушли ни съ чѣмъ ¹⁾).

Въ слѣдующемъ году война возобновилась съ новой силой: Михаилъ послалъ галицкое ополченіе и Болоховскихъ князей на Волынь; тѣ пограбили Каменецъ и земли по р. Хомору, но были здѣсь разбиты и всѣ Болоховскіе князья попались въ плѣнъ. Михаилъ потребовалъ ихъ выдачи, а когда Даниїль отказалъ ему,—соединился съ Конрадомъ Мазовецкимъ и призвалъ Половцевъ, но ни тѣ, ни другіе ему никакой помощи не оказали: Конрадъ послалъ отрядъ въ Червенскую землю, но отрядъ этотъ былъ уничтоженъ Василькомъ, а Половцы, очевидно, не знавшіе даже противъ кого они будутъ направлены, теперь узнавъ, что борьба идетъ съ Даниїломъ, отказались участвовать въ войнѣ и даже пограбили Галицкую землю. Обезсиленный такимъ образомъ, Михаилъ поспѣшно возвратился въ Галичъ, а Конрадъ ушелъ въ Мазовію.

Послѣ короткаго, не имѣвшаго особыхъ результатовъ похода къ Галичу, Даниїль заключилъ съ Михаиломъ Всеволодовичемъ перемиріе, а затѣмъ, въ томъ же году окончательно примирился съ нимъ и получилъ Перемышльскую землю. Но Михаилъ вскорѣ перешелъ въ Кіевъ, княжить въ которомъ было его давнишней мечтой, а въ Галичѣ оставилъ сына, знаменитаго Ростислава ²⁾). Ростиславъ, отличав-

¹⁾ Ип. лѣт. 515—16 ст.

²⁾ О Ростиславѣ Михайловичѣ см. г. Палаузова „Ростиславъ Михайловичъ, русскій князь на Дунаѣ“. Спб. 1857.

шійся чрезвычайно безпокойнымъ характеромъ, свойственнымъ, впрочемъ, всей линіи черниговскихъ князей, немедленно разорвалъ добрыя отношенія, установившіяся между его отцемъ и Данииломъ: онъ отнялъ у Даниила Перемышль и „бывшую же межю ими овогда миру, овогда рати“¹⁾. Во время одного изъ походовъ Ростислава (онъ ходилъ на Литовцевъ, помогая Конраду Мазовецкому), Данииль съ чрезвычайной быстротой прошелъ разстояніе, отдѣлявшее Холмъ, гдѣ онъ былъ въ это время, отъ Галича²⁾ и овладѣлъ имъ. Ростиславъ же, видя полную невозможность возвратить его себѣ опять, ушелъ въ Венгрію. Такимъ образомъ Данииль, наконецъ, окончательно овладѣлъ Галичемъ и владѣлъ имъ до самой смерти. Однако Михайль³⁾ и Ростиславъ примирились съ нимъ только тогда, когда увидѣли себя совсѣмъ безъ помощи. Данииль далъ Ростиславу Луцкъ, а Михайль Всеволодовичъ жилъ у братьевъ какъ бы въ гостяхъ: „Данииль же и Василко въдаста ему ходити по землѣ своей, и даста ему пшеницѣ много, и меду и говядъ и овѣцъ доволѣ“⁴⁾. Впрочемъ, вскорѣ они оба удалились изъ Волини, такъ какъ приближался Батый.

Рядомъ съ этой стороной дѣятельности Даниила шла другая, несравненно болѣе для насъ важная, хотя не такъ замѣтная, не такъ ясно и выпукло обрисованная нашими источниками. Это—все то, что даетъ ему право на названіе „собирателя земли“. Лѣтописецъ не обратилъ достаточно вниманія на эту сторону дѣятельности своего героя и, съ подробностями описывая все, относящееся къ борьбѣ за Галичъ, онъ вратцѣ, да и то не всегда, говоритъ о возвращеніи старыхъ и присоединеніи новыхъ удѣловъ, такъ что иногда только по намѣкамъ болѣе поздняго времени приходится догадываться, что такая-то область принадлежитъ уже Романовичамъ.

Первое самостоятельное „дѣло“, предпринятое по собственной инициативѣ и исполненное Данииломъ собственными силами, относилось именно къ этой сторонѣ его дѣятельности. Около конца 1219 или въ 1220 году, вскорѣ послѣ свадьбы своей съ дочерью Мстислава Мстиславича, Данииль просилъ у тестя помощи, чтобы идти на Лешка:

¹⁾ Ип. лѣт. ст. 517.

²⁾ Ип. лѣт. ст. 517.

³⁾ Михайль бѣжалъ изъ Кіева предъ Татарами. Погодинъ Изсл. и зам. VI ст. 281.

⁴⁾ Ип. лѣт. ст. 521.

„яко отчину мою держитъ“, говорилъ Даниилъ. Мстиславъ отказался помочь ему, такъ какъ еще недавно этотъ же Лешко пригласилъ его занять Галичъ: „сыну! отвѣчалъ онъ Даниилу, „за первую любовь не могу на нь востати; а налѣзи собѣ други“¹⁾. Дѣло шло о Берестии и нѣсколькихъ забужскихъ городахъ, которые Лешко захватилъ въ пору смуть, во время малолѣтства Романовичей²⁾.—Безъ всякой посторонней помощи, съ братомъ только онъ возвратилъ Волыни Берестье, Угровскъ, Верещинъ, Столпье, Комовъ и всю Украину Червенскую. Попытка Лешка овладѣть опять этими городами окончилась неудачей: Даниилъ нанесъ полное пораженіе высланному Лешкомъ отряду у Сухой Дорогвы.

Во времени нашествія Татаръ объединеніе страны было уже кончено и кончено было бы гораздо раньше, если бы вниманіе Даниила не было устремлено главнымъ образомъ на Галичъ. Въ Кіевѣ передъ нашествіемъ Татаръ тоже уже правилъ воевода Даниила, хотя вообще Даниилъ не дорожилъ имъ, такъ какъ изъ за него постоянно приходилось имѣть столкновенія съ другими претендентами³⁾. Послѣ нашествія онъ не добивается возвращенія Кіева и спокойно дозволяетъ Ярославу Всеволодовичу, а затѣмъ Александру Невскому владѣть имъ и управлять черезъ воеводу⁴⁾.

Вслѣдъ за Берестейской землей была объединена и восточная Волынь. Во время малолѣтства Романовичей здѣсь княжили сыновья Ярослава Изяславича Ингваръ и затѣмъ Мстиславъ Нѣмой, владѣвшій при жизни брата Погориной.—Когда умеръ Ингваръ—неизвѣстно; въ лѣтописи онъ упоминается въ послѣдній разъ подъ 1214 годомъ⁵⁾.

¹⁾ Ип. лѣт. ст. 489.

²⁾ Кажется, это случилось послѣ того, какъ Василько, по ходатайству Лешка, получилъ Бельзъ вмѣсто Берестья. Возможно, что именно Берестье предлагалъ Лешко Александру Всеволодовичу съ тѣмъ только, чтобъ онъ не отнималъ у Василька Бельза (Ип. лѣт. 487 ст.). Наконецъ, можно привести еще слѣдующее соображеніе: когда Романовичи жили въ Каменицѣ, Берестье имъ не принадлежало, а владѣлъ имъ Лешко; вслѣдствіе настоянія „сильныхъ“ бояръ братьевъ, онъ взаменъ Берестья добылъ имъ Тихомль и Перемиль, а затѣмъ и Владимиръ.

³⁾ „Даниилъ же из Руской земли взя собѣ часть—Торцький, и паки да и дѣтемъ Мстиславимъ, шюрятомъ своимъ, рекъ имъ: „за отца вашего добродѣанье примете и держите Торцький городъ“. Ип. лѣт. 511 ст.

⁴⁾ Лавр. лѣт. ст. 448.

⁵⁾ Никон. лѣт. т. II ст. 517.

Онъ еще участвовалъ въ походѣ Мстислава Мстиславича на Всеволода Чермнаго ¹⁾, но на Калкѣ уже не сражался. Онъ оставилъ 3-хъ сыновей Ярослава, Владимира и Изяслава. Послѣ смерти Ингваря Луцкъ занялъ Мстиславъ Нѣмой; гдѣ же княжили Ингваревичи—сказать трудно. Возможно, что Ярославъ княжилъ въ Черторыйскѣ, который онъ уступилъ князю пинскому за помощь его при захватѣ Луцка послѣ смерти дяди Мстислава ²⁾. Позже онъ княжилъ въ Перемилѣ и наконецъ въ Межибожьѣ ³⁾. Послѣ этого онъ надолго исчезаетъ изъ виду и появляется опять уже передъ самымъ нашествіемъ татарскимъ на южную Русь: послѣ того какъ Михаилъ Всеволодовичъ бѣжалъ передъ Татарами въ Венгрію, онъ захватилъ въ плѣнъ его семейство и пограбилъ гор. Каменецъ ⁴⁾. Были ли у него сыновья—неизвѣстно. Второй братъ, Владимиръ, послѣ объединенія Волыни, сталъ въ подчиненныя отношенія къ Даниилу; онъ упоминается только разъ—при осадѣ Галича, гдѣ онъ помогалъ Даниилу ⁵⁾. Наконецъ 3-й—Изяславъ—погибъ въ Кальской битвѣ ⁶⁾.

Послѣ смерти Ярослава въ Луцкъ перешелъ изъ Пересопницы Мстиславъ Нѣмой. Онъ участвовалъ, вмѣстѣ съ другими волынскими князьями, въ Кальской битвѣ и счастливо избѣжалъ смерти. Лѣтописецъ говорить, что Мстиславъ очень любилъ Даниила и, умирая, поручилъ ему сына и волость въ ущербъ роднымъ племянникамъ. О любви Мстислава къ Даниилу лѣтописецъ судить на основаніи слѣдующаго случая: въ Кальской битвѣ Данииль упалъ съ лошади и ему грозила вѣрная смерть, но Мстиславъ бросился въ самый пылъ битвы и спасъ его. Но лѣтописецъ ошибается,—такой поступокъ легко могъ быть слѣдствіемъ только воинственнаго воодушевленія, овладѣвшаго Мстиславомъ, между тѣмъ мы имѣемъ факты, которые плохо вяжутся съ этой любовію—такъ, онъ дважды пытался захватить Галичъ прямо въ ущербъ интересамъ Даниила. Завѣщаніе его легко объяс-

¹⁾ Ип. лѣт. ст. 487.

²⁾ Ип. лѣт. ст. 501.

³⁾ Ип. лѣт. ст. 502.

⁴⁾ Ип. лѣт. 521 ст.

⁵⁾ Ип. лѣт. 506 ст.

⁶⁾ Никон. лѣт. т. II ст. 353. Здѣсь же погибъ какой-то князь Святославъ Шумскій. Не сынъ ли это тоже Ингваря? „Ингваръ же посла сына своего изъ Лучьска, изъ Дорогубужа со многими вой, и *Шюльска*“. Ип. лѣт. 485 ст.

няется съ одной стороны давленіемъ со стороны Даниїла, а съ другой тѣмъ, что, оставляя малолѣтнаго сына, Мстиславъ полагался болѣе на слово Даниїла (онъ зналъ его благородный характеръ), чѣмъ на родственное чувство своихъ племянниковъ. Какъ бы то ни было, но въ 1226 году (по хронологіи Гал.-Вол. лѣтописи) Мстиславъ умеръ ¹⁾, а вскорѣ потомъ умеръ и малолѣтній Иванъ Мстиславичъ. Но тутъ, прежде чѣмъ Даниїлъ успѣлъ придти въ Луцкъ, его занялъ Ярославъ Ингваревичъ, считавшій себя законнымъ наслѣдникомъ; свою прежнюю волость—Черторыйсье онъ уступилъ князю Ростиславу Пинскому, въ благодарность за его помощь ²⁾. Но ни тотъ, ни другой не долго пользовались своими пріобрѣтеніями. Сперва Даниїлъ и Василько подошли къ Луцку и Лучане немедленно передались имъ ³⁾. Затѣмъ, въ самый день Пасхи, они подошли къ Черторыйску и черезъ два дня онъ былъ уже въ ихъ рукахъ, причѣмъ были взяты въ плѣнъ дѣти Ростислава Пинскаго ⁴⁾. Послѣ короткой борьбы съ княземъ Ростиславомъ ⁵⁾, требовавшимъ освобожденія своихъ дѣтей, былъ заключенъ миръ. Пинскіе князья были выпущены на свободу и даже стали въ нѣкотораго рода зависимыя отношенія къ Даниїлу, по крайней мѣрѣ Владимиръ Пинскій, во время вскорѣ за тѣмъ послѣдовавшаго похода въ Польшу, былъ оставленъ Даниїломъ въ Берестѣ оберегать страну отъ Литовцевъ и Ятвяговъ ⁶⁾.

Все, что было добыто въ этотъ разъ Даниїломъ на Волини: Луцкъ, Пересопницу, Черторыйскъ—Даниїлъ отдалъ брату Васильку, точно также какъ раньше онъ отдалъ ему Берестье и Червенскую Украину. Всѣ стремленія его были направлены на Галичъ и Волинь онъ уступаетъ брату. Дурныхъ послѣдствій отъ такого раздробленія земель пока не было, такъ какъ братья всю жизнь прожили замѣчательно единодушно.

¹⁾ Ип. лѣт. ст. 501.

²⁾ Кажется, договоръ между Мстиславомъ и Даниїломъ держался втайнѣ, такъ какъ иначе едва ли у Ярослава достало смѣлости приглашать Даниїла въ Луцкъ, когда тотъ пріѣхалъ помолиться въ Жидичинскій монастырь. Ип. лѣт. 501 ст.

³⁾ Ярославъ былъ схваченъ и послѣ получилъ Перемиль, а затѣмъ Межибожіе. Ип. лѣт. ст. 502.

⁴⁾ Ип. лѣт. 502 ст.

⁵⁾ Ростиславъ пригласилъ на помощь Владимира „со всѣми князи и Куряны, и Пиняны, и Новгородци, и Туровьци“. Ип. лѣт. 503 ст.

⁶⁾ Ип. лѣт. 503 ст.

Въ 1234 году, одновременно съ окончательнымъ вытѣсненіемъ Венгровъ изъ предѣловъ Галицкой земли, сходить съ исторической сцены Александръ Бельзскій, схваченный Даниломъ и куда то имъ заточенный. Еще раньше умеръ братъ его Всеволодъ Червенскій ¹⁾. Волости ихъ достались Данилу, который уступилъ Червень Васильку, а Бельзъ и Холмъ оставилъ себѣ, по крайней мѣрѣ позже они принадлежали Шварну Даниловичу.—У Александра Всеволодовича оставался еще сынъ Всеволодъ, но онъ уже совершенно сошелъ въ ряды бояръ ²⁾.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ присоединенія Луцкой земли ³⁾, случилось однажды Данилу предпринять походъ на Ятвяговъ; выступили ранней весной въ надеждѣ окончить походъ до начала таянія снѣговъ, но внезапно наступила оттепель, рѣки разлились и дальше идти было невозможно, тогда „Данилови рекъшу: „не лѣпо есть держати наше отчины крижевникомъ, Тепlichemъ, рекомымъ Соломоничемъ“, и пойдоста на нѣ в силѣ тяжьцѣ; приаста градъ мѣсяца марта, старѣйшину ихъ Бруна яша и вои изоимаша“ ⁴⁾. Существуетъ разногласіе по поводу того, какой городъ былъ отнятъ Даниломъ у Темпларіевъ; намъ кажется наиболѣе вѣроятнымъ мнѣніе г. Дашкевича ⁵⁾, который утверждаетъ, что этотъ городъ—Дрогичинъ. Даниловичъ ⁶⁾ помѣстилъ въ своемъ собраніи матерьяловъ извлеченіе изъ дарственного акта Конрада Мазовецкаго магистру Герману и братьямъ ордена Темпларіевъ, называвшихся также Добрыньскими ры-

¹⁾ Въ послѣдній разъ онъ упоминается не задолго передъ Злишскимъ договоромъ, слѣдовательно около 1213. Ип. лѣт. ст. 488.

²⁾ Даниилъ посылаетъ противъ Ростислава Михайловича сына Льва, а такъ какъ онъ слишкомъ молодъ, то онъ съ нимъ „посла сыновца своего Всеволода, Андрѣя, и Якова, инни бояре“ (Ип. лѣт. ст. 529); въ другой разъ противъ того же Ростислава Михайловича Даниилъ „посла 20 мужъ избранныхъ на помощь ему (дворскому Андрею), Василей же Глѣбовичъ и Всеволодъ Олександровичъ, Мьстиславъ, не мога Андрѣви, бѣжаста назадъ ко Сянови“. Ип. лѣт. ст. 533.

³⁾ Относительно времени завоеванія Дрогичина возникаютъ кое-какія сомнѣнія: г. Дашкевичъ указываетъ на 1238 г. („Даниилъ“ ст. 18 прим.), но онъ невѣрно прочиталъ годъ въ надгробной надписи магистра Германа, помѣщенной у Даниловича; тамъ ясно стоитъ: *Obt. Ao. Dn. M.CC.XXXXVIII*, т. е. 1248 г. Можетъ быть это опечатка, но въ списокѣ опечатокъ она не исправлена.

⁴⁾ Ип. лѣт. 517 ст.

⁵⁾ „Даниилъ Галицкій“ ст. 14 пр. 4

⁶⁾ Daniłowicz „Scarbiec“ № 79 t, I st. 63.

царями. Конрадъ чувствовалъ себя не въ силахъ удержать Дрогичинъ, которымъ онъ завладѣлъ во время междоусобицъ дѣтства Романовичей ¹⁾, и отдалъ его Темпларіямъ съ тѣмъ, чтобы они защищали его предѣлы отъ Руси и Ятвяговъ. Если сопоставить это извѣстіе со словами Даниила о Дрогичинѣ: „се градъ мой, преже бо прияхъ и копьемъ“ ²⁾ и принять во вниманіе, что лѣтописецъ нигдѣ не указываетъ на завоеваніе Данииломъ Дрогичина, то кажется несомнѣннымъ, что городъ, который Данииль отнялъ у Темпларіевъ, былъ именно Дрогичинъ.—Рыцари и въ послѣдствіи продолжали беспокоить Даниила, такъ, въ 40-хъ годахъ, Данииль проситъ папу запретить рыцарямъ селиться на земляхъ русскихъ, безъ позволенія его—Даниила ³⁾.

Трудно сказать, уступилъ ли Данииль Дрогичинъ Васильку или, можетъ быть, позже Василько отдалъ его племянникамъ, только послѣ смерти Даниила имъ и г. Мельникомъ владѣлъ Левъ Даниловичъ. Такимъ образомъ, ко времени татарскаго нашествія была объединена вся Волынь и вся почти она находилась подъ управленіемъ одного Василька, такъ какъ въ это время Данииль занялъ наконецъ Галичъ и уже навсегда ⁴⁾.

Здѣсь, для уясненія дальнѣйшихъ событій, необходимо выяснить отношенія братьевъ между собой.

Гигантская фигура Даниила завладѣла вполнѣ вниманіемъ лѣтописца и образъ Василька только изрѣдка проскальзываетъ въ его повѣствованіи. Между тѣмъ нельзя сказать, чтобы Василько былъ слабымъ, неспособнымъ человѣкомъ, онъ былъ и уменъ и храбръ, хотя, правда, не воинствененъ. „Василько бо бѣ.... умомъ великъ и дерзостью, иже иногда многажды побѣжаше поганя“ ⁵⁾, говоритъ лѣтописецъ. Въ другой разъ, описывая битву съ Венграми, онъ говоритъ,

¹⁾ Г. Дашкевичъ („Данииль“ ст. 14 пр. 4) думаетъ, что Дрогичинъ былъ возвращенъ Данииломъ вмѣстѣ съ Берестемъ и Червенской Украиною и потому опять—уже Конрадъ захватилъ его въ 1235—6 году, во время борьбы съ Данииломъ. Едва ли это такъ; разъ лѣтописецъ перечислилъ всѣ мелкіе городки, которыми овладѣлъ Данииль въ 1220 г., онъ не могъ пропустить такого города, какъ Дрогичинъ.

²⁾ Ип. лѣт. 524.

³⁾ Turgenevius „Historica Russiae Monumenta I р. 62. Отвѣтъ папы Иннокентія IV. Datum Lugduni VI Kal. Septembris anno V (1247).

⁴⁾ Мы не принимаемъ въ расчетъ двухъ попытокъ изгнать его изъ Галича (Ип. лѣт. ст. 527 и 550), такъ какъ онъ не имѣли никакихъ результатовъ.

⁵⁾ Ип. лѣт. 531 ст.

что Данилъ, безпокоившійся о братѣ, нашель его „добрѣ борюцаяся, и сулицы его кровави суци и оскѣпщю и(з)сѣчену отъ ударенья мечеваго“¹⁾. Братья жили въ высшей степени мирно и согласно между собой; за всю ихъ долгую жизнь мы не знаемъ ни одного самаго мелкаго случая, гдѣ бы они дѣйствовали не единодушно, не съ общаго согласія. Первенствовалъ, конечно, Данилъ, какъ старшій и сильнѣйшій духомъ; Василько съ нимъ всегда соглашался и безъ согласія его не рѣшался никогда ни на что важное.—Въ походы обыкновенно отправлялся одинъ Данилъ, причемъ Василько отдавалъ въ его распоряженіе свою дружину²⁾. Изрѣдка, когда брату не было времени помочь ему или дѣло было не важное—походъ предпринималъ одинъ Василько. Чаще всего это было въ тѣхъ случаяхъ, когда на страну нападали Ятвяги или Литовцы³⁾.

Въ своихъ предпріятіяхъ Данилъ всегда нуждался въ помощи брата. Василько былъ для него какъ бы ширмою, которой онъ закрывался въ случаяхъ крайней опасности; напр., когда Бурундай шель на Данила, обвиняя его въ измѣнѣ и грозя уничтожить всё, Данилъ скрылся и выслалъ вмѣсто себя Василька ему на встрѣчу. Съ одной стороны Василько и не участвовалъ явно въ замыслахъ Данила противъ Татаръ, а съ другой—извѣстна была ихъ дружба и единомысліе. Такимъ образомъ, Василько очутился въ двусмысленномъ положеніи, принужденъ былъ выносить всю тягость татарскаго обращенія и въ то же время долженъ былъ лавировать, кланяться, угождать, чтобы спасти и свою жизнь и свою страну. Василько оказался достойнымъ своей трудной задачи. И не разъ онъ бывалъ въ такомъ положеніи.

При дальнѣйшемъ изложеніи нашемъ судьбъ Волыни, Данилъ все таки будетъ играть первенствующую роль. Событія изъ галицкой и волынской исторіи перепутываются по прежнему такъ тѣсно, что при послѣдовательномъ погодномъ описаніи, ихъ невозможно отдѣлить другъ отъ друга. Мы и здѣсь поэтому, воспользуемся тѣмъ же методомъ, который мы приняли для описанія исторіи Волыни въ періодъ первой половины жизни Данила и сперва коснемся исторіи

¹⁾ Ип. лѣт. 512 ст.

²⁾ „Василько же князь осталъ бѣ стеречи землѣ отъ Литвы, послалъ бѣаше вое свое со братомъ“. Ип. лѣт. ст. 526.

³⁾ Напр. Ип. лѣт. 531 ст.

Волини въ отношеніяхъ междукняжескихъ, затѣмъ—въ отношеніяхъ къ сосѣдямъ: Полякамъ, Литовцамъ, Ятвягамъ и Татарамъ, наконецъ разсмотримъ измѣненія во внутреннемъ строѣ Волини, выразившіяся въ появленіи общинъ съ стремленіями къ самостоятельности и децентрализаціи.

Предварительно, однако, мы изложимъ ходъ самаго нашествія Татаръ на южную Русь, какъ факта, случившагося въ самомъ началѣ обзорѣваемаго періода и въ очень многихъ отношеніяхъ обусловившаго дѣятельность нашихъ князей въ такомъ, а не иномъ направленіи.

Въ 1240 году, опустошивъ Черниговскую и Кіевскую земли, Батый вошелъ въ предѣлы Волини. Войско раздѣлялось на нѣсколько отрядовъ, которые позже, приближаясь къ галицкимъ предѣламъ, соединились вмѣстѣ (если бы войско не было раздроблено, навѣрно Батыю не нужно было бы прибѣгать къ обману, чтобы завладѣть маленькимъ Колодежнымъ). Отдѣльные отряды взяли и разграбили Каменецъ и Заславль, но болѣе укрѣпленныхъ городовъ—Кременца и Данилова они взять не были въ состояніи; разрушенъ былъ также Владимиръ и „иные грады многы, имъ(ъ) же нѣсть числа“ ¹⁾. Во Владимирѣ не осталось ни одного живого человѣка.—Опустошивъ Галицкую землю, Татары вышли частью въ Польшу, частью въ Венгрію.

Волинь не дала никакого активнаго отпора Татарамъ. Данила не было въ странѣ: узнавъ о походѣ Татаръ на Кіевъ и предугадывая и свою участь, онъ поспѣшилъ въ Венгрію за помощью противъ общаго врага, но Татары отъ Венгріи были еще далеко и близорукіе дипломаты королевскіе видѣли въ бѣдствіи, постигшемъ Русь только однѣ выгоды для себя и отказали въ помощи. Итакъ единственнаго человѣка, который рѣшился бы стать лицомъ къ лицу съ Татарами, не было въ предѣлахъ страны, а благоразумный Василько предпочелъ удалиться съ семействами своимъ и брата на сѣверъ, въ Мазовію. Народу ничего не оставалось дѣлать, какъ бѣжать въ лѣса—единственное надежное убѣжище, такъ какъ города, при всеобщемъ упадкѣ духа, представляли вѣрную добычу Татарамъ. Послѣ выхода Татаръ въ Венгрію, вся южная плодороднѣйшая и населеннѣйшая

¹⁾ Ил. лѣт. ст. 523.

часть Волыни представляла картину полного разрушенія. На обратномъ пути Татары точно также опустошили всю сѣверо-западную Волынь¹⁾; такимъ образомъ, только одно бѣдное, непроходимое Полѣсье уцѣлѣло, да и то только благодаря тому, что оно было непроходимо.

Много труда стоило Даниилу и Васильку собрать разбѣжавшееся населеніе, возстановить и снова укрѣпить разрушенные города и только начавшимся послѣ этого беспорядкамъ въ Ордѣ и генію Даниила южная Русь обязана тѣмъ, что не стала въ такія тягостныя и унижительныя отношенія къ Ордѣ, какъ сѣверная. Но все таки Романовичи были сильно ослаблены и это дало возможность побѣжденнымъ прежде врагамъ — Ростиславу Михайловичу и Болоховскимъ князьямъ вновь поднять голову.

Ростиславъ Михайловичъ, послѣ нѣсколькихъ попытокъ возвратитъ себѣ Галичъ, былъ окончательно пораженъ въ извѣстной Ярославской битвѣ въ 1245 году²⁾, ушелъ въ Венгрію, гдѣ получилъ княжество Мачву³⁾, и послѣ этого навсегда исчезъ изъ исторіи Руси. Болоховскіе князья заплатились разореніемъ своей земли.

Съ Поляками наши князья стояли въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ, обусловливаемыхъ родственными связями ихъ съ Польскими князьями и тѣми безурядицами, которыя поднялись въ Польшѣ послѣ того, какъ 1227 году⁴⁾ Лешко былъ убитъ на сеймѣ заговорщиками, во главѣ которыхъ стоялъ Владиславъ Одоничъ Опольскій.

Младшій братъ Лешка Конрадъ просилъ помощи у Романовичей. Съ большимъ войскомъ прошли они такъ далеко въглубь Польши, какъ не заходилъ ни одинъ русскій князь, кромѣ Владимира, „иже

¹⁾ Ил. лѣт. ст. 528.

²⁾ Въ Ил. лѣт. подъ 1249 г. (ст. 531). Соображенія насчетъ даты см. Дашкевичъ „Даниилъ“ ст. 57 пр. 2.

³⁾ Мачва—часть Сербіи на правой сторонѣ Савы и Дуная, съ главнымъ городомъ Вѣлградомъ.

⁴⁾ Лѣтопись помѣщаетъ это подъ 1229 г. (Ил. лѣт. 503 ст.). Но болѣе достовѣрныя въ этомъ отношеніи реченія польскіе колеблются между 1226 и 1228 гг. Roczn. Krakowski (М. Р. Н. II 837 ст.) R. Sędziwoja (ib. st. 887) и R. Francisk. Krak. (ib. t. III st. 48) помѣщаютъ его подъ 1226 г.; Roczn. Kapitul. (ib. t. II st. 803) и R. Świętokrz. (ib. t. III st. 71) подъ 1227 и R. Traski (ib. t. II st. 837) подъ 1228 г.—Мы беремъ среднее.

бѣ землю крестиль“. Они дошли до Калиша, осадой и взятіемъ котораго и окончился походъ ¹⁾. Между прочимъ въ условіяхъ мира помѣщенъ былъ слѣдующій замѣчательный пунктъ, представляющій одинъ изъ первыхъ проблесковъ международнаго права на Руси: „аще посемь коли будетъ межи ими усобица, не воевати Ляхомъ Руское челяди, ни Руси Лядьской“ ²⁾. Условіе, къ сожалѣнію,—забытое при первомъ же неудовольствіи.

Конрадъ желалъ захватить себѣ землю Лешка, но у того остался еще малолѣтній сынъ Болеславъ—прямой наслѣдникъ ея, кромѣ того онъ нашелъ себѣ соперника въ лицѣ Генриха Бородатаго, представителя Силезской линіи. Всѣ время до совершеннолѣтія Болеслава Стыдливаго тянулась неустанная борьба, когда, наконецъ, онъ утвердился въ земляхъ отца. Во время татарскаго нашествія Болеславъ ушелъ изъ своего удѣла и Конрадъ рѣшился воспользоваться удобнымъ моментомъ и захватить его земли. Онъ просилъ помощи и у родственниковъ своихъ Романовичей ³⁾. Четырьмя отрядами вошли русскія войска въ Краковско-Сендомирскую землю ⁴⁾ и жестоко пограбили весь край между Люблиномъ и Саномъ. Узнавъ, что польскій отрядъ вошелъ въ Червенскую землю и пограбилъ окрестности Андреева, они во второй разъ вторгнулись въ Люблинскую землю, осадили Люблинъ и, хотя взять его не могли, такъ какъ у нихъ не было осадныхъ орудій, но все таки поставили его въ какую то зависимость отъ себя ⁵⁾.

Очень темень и спутанъ вопросъ о Люблинѣ; былъ ли онъ завоеванъ Даниломъ или нѣтъ? Стадницій ⁶⁾ категорически отрицаетъ это, за нимъ слѣдуютъ и нѣкоторые изъ русскихъ ученыхъ напр. г. Дашкевичъ ⁷⁾. Самый достовѣрный источникъ исторіи юго-западной

¹⁾ Г. Лонгиновъ (Червенскіе города ст. 175) указываетъ на ошибочную поправку лѣтописи ея издателями: „Ветру“ на „Вепру“ (Ип. лѣт. ст. 503 пр. ++). Ветра это—Ветровице въ Кольскомъ уѣздѣ Калишской губ.

²⁾ Ип. лѣт. ст. 505.

³⁾ Онъ женатъ былъ на какой-то ихъ родственницѣ Агафѣѣ. Зубрицкій „Исторія“ т. III ст. 142—3.

⁴⁾ „Самъ Данило воева около Люблина, а Василко по Изволи и Ладѣ, около Бѣлоє, дворянскій же Оандрѣй по Сяну, а Вышата воева Подъгорье“. Ип. лѣт. ст. 529.

⁵⁾ Зубрицкій указываетъ еще 3-й походъ, въ который и былъ завоеванъ Люблинъ ор. cit. т. III ст. 143—4.

⁶⁾ Synowie Gedymina t. II st. 219—224.

⁷⁾ „Даниилъ“ ст. 70 пр. 4.

Руси, Ипатская лѣтопись указываетъ только, что Люблинская земля стала въ какія то болѣе тѣсныя ¹⁾ и какъ бы подчиненныя отношенія къ Руси, но о завоеваніи не говоритъ ничего. „Мечующимъ же пращамъ“, рассказываетъ лѣтописецъ, „и стрѣламъ яко дождю идущу на градъ ихъ, и уведевъше Ляхове, яко крѣпще брань Руская належить, начаша просити милость получитьи. Данилъ же и Василко створиста завѣтъ положивъ имъ, река: „не помогайте князю своему“; они же обѣщашася то створити“ ²⁾.

Извѣстіе о завоеваніи Люблина находится въ польскихъ источникахъ: у Длугоша ³⁾ и въ различныхъ рочникахъ. *Rocznik Świętokrzyski* подъ 1244 годомъ прямо говорятъ: „*Rutheni per diversos insultus Lublin et totum territorium devastant et succe(n)dunt, et castrum pro se edificare ceperunt et turrim muratam fecerunt*“ ⁴⁾. Этотъ фактъ является тѣмъ болѣе вѣроятнымъ именно потому, что онъ передается самими польскими авторами, которые, какъ извѣстно, очень не любили записывать своихъ неудачъ. Люблинская земля оставалась въ зависимости отъ Руси до 1253 года, когда „*Boleslaus, dux Cracoviensis, filius Lesthkonis..... Lublin a Ruthenis recepit, vacatis Ruthenis*“ ⁵⁾.

Юго-западная Русь, вслѣдствіе своего близкаго сосѣдства съ зап. Европой и католичествомъ, смотрѣла на него далеко не съ той точки зрѣнія, какъ сѣверо-восточная Русь. Частые походы въ Польшу и Венгрію то съ мирными, то съ враждебными цѣлями и не менѣе частое появленіе тѣхъ и другихъ на Руси, давали имъ возможность лучше узнать другъ друга ⁶⁾. Католики никогда не были для Южно-

¹⁾ О русскомъ населеніи въ Люблинѣ см. Лонгиновъ ст. 91 и слѣд.

²⁾ Ип. лѣт. ст. 529.

³⁾ L. VII p. 698 s. a. 1244. Стрыйковский указываетъ на 1245 годъ t. I st. 344. „Tak zamek Lubliski po pięćdziesiąt i siedmiu latach, jako był Polakom przez Russaki, za Daniela Romanowicza Ruskiego..... wydarty, w ten czas jest ze wszystką ziemią Lubelską do Polski przywrócony i odiskany. (s. a. 1302).

⁴⁾ М. Р. Н. т. III ст. 72; точно также въ *Zdarzenia godne pamięci*, id. st. 307.

⁵⁾ R. Świętokrz. (М. Р. Н. т. III ст. 573). Въ концѣ XIII в. Русскимъ удалось опять захватить Люблинскую землю; они владѣли ею до 1302 г. *Dług. L. IX p. 900—1. Strzykowski I st. 344. R. Traski M. Р. Н. II ст. 853. R. Sędziwoja ib. 879. R. Małopolski ib. t. III st. 188—9. и т. д.*

⁶⁾ Кромѣ того Тевтонскіе рыцари часто селились на Русской землѣ (*Hist. Rus. Mon. I № LXXX*) и временно проживали здѣсь мож. быть изъ за торговыхъ цѣлей. *ib. № LXXVII.*

Руссовъ чѣмъ то въ родѣ язычниковъ, какъ для позднѣйшихъ жителей сѣверо-восточной Россіи. Убѣждая Даниіла женить сына—Льва на дочери венгерскаго короля, Василько говоритъ: „иди къ нему, яко крестьянъ есть“¹⁾; лѣтописецъ о коронованіи Даниіла выражается такъ: „Онъ же вѣнѣць отъ Бога прия, отъ церкви святыхъ Апостоль и отъ стола святаго Петра, и отъ отца своего папы Нехѣвтїа и отъ всехъ епископовъ своихъ“²⁾ и т. д.

Никогда до сихъ поръ сношенія съ папой не были болѣе оживленными. До насъ дошла масса грамотъ папъ по самымъ разнообразнымъ случаямъ—и величайшей важности (по вопросу объ уніи) и часто очень не важнымъ; видно, что между папами и нашими князьями установились тѣсныя и правильныя сношенія, разрѣшившіяся, какъ извѣстно, коронованіемъ Даниіла папскимъ легатомъ Опизой въ Дрогичинѣ въ 1253 году³⁾.

Время княженія Даниіла и Василька совпало съ пробужденіемъ сознанія племеннаго единства и объединеніемъ литовскихъ народцевъ въ одно сильное государство.

Это объединеніе Литовцевъ послѣдовало около половины XIII столѣтія, благодаря дѣятельности одного изъ величайшихъ людей своего времени—Мендовга. Объединились главнымъ образомъ только два племени: собственная Литва и Жмудь. Ятвяги упорно стояли за свою самостоятельность и подчинились Мендовгу только тогда, когда силы ихъ были въ конецъ подорваны и они сами были загнаны въ забобрянскія дебри.

Разсмотримъ прежде отношенія нашихъ князей къ Ятвягамъ.

Послѣ смерти Романа, который „бѣ изоострился на поганья, яко левъ“⁴⁾ и „губяше яко и коркодилъ, и прехожаше землю ихъ яко и орель“⁵⁾, во время безурядицъ дѣтства Романовичей, Ятвяги

1) Ип. лѣт. 537 ст.

2) Ип. лѣт. 548 ст.

3) Ип лѣт. ставитъ его подъ 1259 г., г. Шараневичъ слѣдуетъ лѣтописл ор. cit. ст. 97. Но см. R. Krasinski: „A. D. 1253. Daniel dux Russie in regem coronatur“. М. Р. Н. t. III st. 132.

4) Ип. лѣт. 540 ст.

5) Ип. лѣт. 480 ст. Strykowski говоритъ, что онъ „Litwę też i Łatwiezów, ludzi

оправились и опять начали нападать на Волынь и грабить ее. Въ 1226 году ¹⁾ „повоеваша Ятвязи около Берестия“ ²⁾. Въ 1227 году, идя на помощь Конраду Мазовецкому, князья оставили въ Берестии Владимира Пинскаго „стеречи землѣ отъ Ятвязь“ ³⁾. Въ 1244 г. ⁴⁾ „воеваша Ятвязь около Охоже и Бусовна, и всю страну ту полпѣниша“. Конечно, это далеко не всѣ набѣги Ятвяговъ; масса ихъ осталась не записанной въ лѣтопись: „ихъ же не хотѣхомъ“, говоритъ лѣтописецъ, „писати отъ множества ради“ ⁵⁾. Въ свою очередь и князья наши не разъ входили въ Ятвяжскую землю, грабили и уничтожали цѣлыя селенія ⁶⁾. Пока Даниилъ не достигъ своей завѣтной цѣли, не овладѣлъ Галичемъ, а Василько не вокняжился надъ всей Волынью, до тѣхъ поръ борьба шла съ равнымъ успѣхомъ для обѣихъ сторонъ и велась одинаковымъ образомъ — постоянными мелкими набѣгами. Но послѣ того какъ у Романовичей оказались силы почти всей южной Руси ⁷⁾, обстоятельства круто повернулись въ пользу Руси. Походы въ Ятвяжскую землю сдѣлались гораздо чаще и такъ какъ, кромѣ неравенства силъ у воюющихъ сторонъ, было еще замѣчательное неравенство въ вооруженіи ⁸⁾, то можно только удивляться, какъ могли Ятвяги продержаться еще столько времени.

---

leśnych w sąsiedztwie przyległych, zwojował, zhołdował i do posłuszeństwa Ruskiego mocą przypędził“ t. I st. 211 и дальше указываетъ, что въ одномъ походѣ онъ собралъ „wielkie wojska jezdnе i piesze prawie ze wszystkiej Rusi, z Iatwieżow i z Litwy“ t. I st. 212.

¹⁾ По лѣтописи—1227 г., но въ данномъ мѣстѣ хронологія лѣтописи отстаетъ года на 1½ (сравни датировку смерти Лешка. см. выше).

²⁾ Ип. лѣт. 501 ст.

³⁾ Ип. лѣт. 503 ст.

⁴⁾ По Ип. лѣт. въ 1248 году (ст. 531), но онъ помѣщенъ какъ разъ передъ Ярославской битвой, которая произошла въ 1245 году (см. выше).

⁵⁾ Ип. лѣт. 531 ст.

⁶⁾ „Василько бо..... иногда многожды побѣжаше поганые, или иногда многожды посылающима има на поганья..... И во иная времена, Божию милостью избени быша погани, ихъ(ъ) же не хотѣхомъ писати отъ множества ради“. Ип. лѣт. 531 ст.

⁷⁾ Иногда имъ помогаютъ и польскіе князья: Конрадъ Мазовецкій (Ип. лѣт. ст. 537), Семовитъ Мазовецкій (ст. 538—9, 549 и т. д.) Болеславъ Стыдливый Краковскій (ст. 538, 551 и т. д.).

⁸⁾ „Воемъ же всимъ съсѣдшимъ, и оружьшимъся пѣшцемъ изъ стана“, такъ картинно описываетъ лѣтописецъ русскій строй, „щитъ же ихъ, яко зоря бѣ, шоломъ же ихъ яко солищу восходящу, копиемъ же ихъ дръжачимъ в рукахъ яко трѣсти мнози, стрѣлцемъ же обополь идущимъ, и держащимъ в рукахъ рожанци своѣ, и наложившимъ на

Въ три похода Данииль принудилъ ихъ смириться. Въ первый походъ, предпринятый съ помощью князей Болеслава и Семовита около 1248 года ¹⁾, князья проплыли за Визну и р. Лукъ. Послѣ второго похода въ 1253 г. ²⁾ Ятвяги выслали одного изъ своихъ вождей-Комата, „обѣщавающимся имъ в работѣ быти“. Наконецъ, въ 3-й походъ „бысть рать велика, якоже наполнити болота Ятвяжская полкомъ“ ³⁾, были уничтожены главныя поселенія Ятвяговъ и они, взнемогая, явились къ Даниилу „дающе таль и миръ, молящеса, дабы не избилъ колодниковъ“. Когда же, в послѣдствіи, они узнали, что Данииль опять задумалъ походъ въ ихъ землю, „послаша послы своя и дань даша, и обѣщавахуся работѣ быти ему и города рубити в землѣ своей“ ⁴⁾ и вскорѣ послѣ этого была собрана съ Ятвяговъ первая дань. Этими походами Ятвяги были загнаны въ глубину за-бобрянскихъ и за-наревскихъ болотъ и лѣсовъ, набѣги ихъ на Волынь прекращаются и они исчезаютъ изъ исторіи Волыни навсегда.

Не менѣе часты были набѣги и Литовцевъ; они отличались такимъ же разбойническимъ характеромъ и также были опустошительны. Въ 1217 году они пограбили всю страну отъ Турійска и до Червеня ⁵⁾. Около 1220 года, къ Романовичамъ прибыли послы отъ литовскихъ и жмудскихъ князей и заключили миръ ⁶⁾, который продолжался довольно долго ⁷⁾ и былъ очень выгоденъ для нашихъ князей, такъ какъ они пользовались ихъ помощію для нападенія на Поляковъ съ двухъ сторонъ. Послѣ нашествія Татаръ отношенія къ Литовцамъ снова обостряются; теперь уже нельзя было отправиться въ походъ со всѣми наличными силами, а необходимо было въ по-

---

нѣ стрѣлы своя противу ратнымъ. Данилови же на конѣ сѣдаци и всѣ рядищу“. Ип. лѣт. 540 ст.

1) По лѣтописи въ 1251 г.; онъ случился вскорѣ послѣ смерти Болеслава Мазовецкаго, который умеръ вскорѣ послѣ смерти своего отца Конрада, скончавшагося въ 1247 г. см. Rosz. Wielkopolski. М. Р. Н. т. III ст. 13.

2) Ип. лѣт. 549 ст. Этотъ походъ произошелъ немедленно послѣ коронаціи Даниила, слѣдовательно въ 1253, а по лѣт. въ 1255 г.

3) Ип. лѣт. 551 ст. Это было около 1254 года. Хронологія лѣтописи все время спѣшитъ года на 1½—2.

4) Ип. лѣт. 553 ст.

5) Ип. лѣт. 483 ст. подъ 1205 г.

6) Ип. лѣт. 492 ст.

7) Ип. лѣт. 503 ст.

границныхъ городахъ оставить отряды для охраненія земли отъ Литовцевъ¹⁾. Въ 1243—4 гг. Литовцы грабили окрестности Пересопницы, а затѣмъ Мельницы и Лековни²⁾. Плато-Карпини, проѣзжавшій по Волини въ 1246 году, пишетъ: „Дорогою мы были безпрестанно въ опасности отъ Литовцевъ, которые вообще часто дѣлали набѣги на Русскую землю, а на тѣ мѣста, которыми намъ приходилось проѣзжать,—въ особенности“³⁾.

Всѣ эти набѣги имѣли характеръ разбойничій, они были вредны, но для государства не опасны. Совсѣмъ иное положеніе заняла Литва послѣ того, какъ во главѣ соединенныхъ литовскихъ и жмудскихъ племенъ сталъ Мендовгъ. Приходилось теперь бороться не съ отдѣльными разбойничьими шайками, а съ силами цѣлаго народа (хотя, конечно, и мелкіе набѣги не прекращались). Это возрожденіе литовскаго народа было тѣмъ опаснѣе, что онъ немедленно проявилъ стремленіе къ захвату сосѣднихъ русскихъ земель и, такъ какъ Литовцы отличались вѣротерпимостью и не старались угнетать побѣжденныхъ, то они скоро обжились тамъ и прочно объединили пріобрѣтенныя земли съ своей родиной. Такъ случилось сперва съ Полоцкой землей и русскимъ Понѣманьемъ.

Грозное положеніе, которое заняло вновь образовавшееся государство, не могло не обратить на себя вниманія Даниила; онъ предвидѣлъ, что, рано или поздно, Литовцы заявятъ свои притязанія и на южную Русь, если только не удастся теперь же уничтожить ихъ самостоятельности. Онъ входитъ въ сношенія съ Нѣмцами и Поляками⁴⁾, но ни тѣ, ни другіе не оказали ему существенной помощи⁵⁾. Первая борьба⁶⁾ въ защиту правъ Товтивила и Эдивида, шурьевъ Даниила не имѣла рѣшительныхъ результатовъ: послѣ обоюднаго опустошенія земель⁷⁾, Мендовгъ просилъ мира. Шварнъ Даниловичъ женился на дочери Мендовга⁸⁾, а Романъ Даниловичъ полу-

¹⁾ Ип. лѣт. 526 ст.

²⁾ Ип. лѣт. 530 ст. Въ Ип. лѣт. въ 1246—47 гг. но это случилось передъ Ярославской битвой, которая произошла въ 1245 г. (сл. выше).

³⁾ Языковъ „Путешествія къ Татарамъ“ т. I стр. 8.

⁴⁾ Ип. лѣт. 541 ст.

⁵⁾ Ип. лѣт. 543—4 ст.

⁶⁾ Она кончилась около 1253—4 гг., вскорѣ послѣ коронаціи Даниила.

⁷⁾ Ип. лѣт. ст. 541—4.

⁸⁾ Ип. лѣт. 551 ст.

чиль въ удѣль Понѣманье, впрочемъ въ зависимости отъ Мендовга ¹⁾. Нѣсколько лѣтъ продолжался этотъ миръ; Мендовгъ даже помогаль Данилу въ борьбѣ съ Возвгянами ²⁾. Новая борьба произошла вслѣдствіе того, что Василько участвовалъ, какъ извѣстно противъ воли, въ татарскомъ походѣ на Литву. Мендовгъ приняль это за нарушение мира и опять началось обоюдное опустошеніе земель: Василько искаль племянника Романа, котораго Мендовгъ приказаль схватить и куда то заключиль, и въ пойскахъ разориль всю землю Литовскую и Нальщанскую ³⁾; а Мендовгъ пограбилъ окрестности Каменца и Мельницы ⁴⁾. Смерть Мендовга, убитаго осенью 1263 года, положила конецъ этой борьбѣ; въ Литвѣ начались безурядицы, продолжавшіеся до самой смерти Данила. Конецъ имъ положиль Войшелкъ, сынъ Мендовга. Съ помощью пинскихъ князей, ему удалось овладѣть Новгородкомъ. Всѣ враги его вскорѣ были истреблены или бѣжали: Войшелкъ — ревностный христіанинъ и бывший монахъ вошелъ въ тѣсныя отношенія съ Василькомъ и Шварномъ Даниловичемъ и всё время жидъ съ ними душа въ душу ⁵⁾. Дважды они ходили вмѣстѣ въ походы: одинъ разъ противъ внутреннихъ враговъ Войшелка, а въ другой — на Болеслава Стыдливаго ⁶⁾. Войшелкъ вскорѣ послѣ этого отдалъ всю Литву Шварну, а самъ ушелъ въ Даниловскій Угровской монастырь. Черезъ нѣсколько времени онъ былъ убитъ Львомъ Даниловичемъ на пиру „завистью, оже башеть даль землю Литовскую брату его Шварнови“ ⁷⁾, а вскорѣ ⁸⁾ умеръ и Шварнъ и въ Литвѣ опять восторжествовала литовская національная партія и вокняжился „оканьный и незаконный, и проклятый, немилостивый Тройденъ“ ⁹⁾.

¹⁾ „Пришло к тобѣ Романа и Новгородцѣ“ говоритъ Мендовгъ. Ип. лѣт. 555 ст.

²⁾ Ип. лѣт. 555 ст.

³⁾ Ип. лѣт. 561 ст.

⁴⁾ Ип. лѣт. 565—6 ст.

⁵⁾ „Се ми здѣ“, говоритъ Войшелкъ, „близъ мене сынъ мой Шварно, а другой господишъ мой отецъ князь Василко, а тѣма ся ему угѣшвати“. Ип. лѣт. 573 ст.

⁶⁾ Ип. лѣт. 570 ст.

⁷⁾ Ип. лѣт. 573 ст.

⁸⁾ „Княжацю же по Войшелкѣ Шварнови в Литовской земли, княживъ же лѣтъ не много и тако преставися“. Ип. лѣт. ст. 573—4.

⁹⁾ Ип. лѣт. 574 ст.

Татары одинаково опустошили и сѣверную Русь и южную, но стеченіе разныхъ, благопріятныхъ для южной Руси, обстоятельствъ, поставило ихъ въ совершенно различныя положенія, и, кажется, самымъ главнымъ изъ этихъ обстоятельствъ было то, что въ южной Руси заправлялъ въ это время всѣмъ—Даніиль Романовичъ.

Въ то время какъ сѣверно-русскіе князья ѣдутъ на поклонъ къ хану въ Орду и тамъ уже начинаются интриги и подыскиванія князей другъ подъ другомъ, князья южной Руси, собственно Романовичи, какъ бы совершенно забыли о Татарахъ и стараются только какъ можно скорѣе поправить и пополнить весь тотъ вредъ, который нанесли странѣ Татары двукратнымъ опустошеніемъ: они возстановляютъ разрушенные города, строятъ и укрѣпляютъ новыя ¹⁾ и т. д. Цѣлыхъ 5 лѣтъ ²⁾ продолжалась эта кажущаяся независимость южной Руси. Въ то время какъ у хана уже перебывали почти всѣ русскіе князья, одни Романовичи и не думали этого дѣлать. Наконецъ, Даніиль получилъ рѣшительное требованіе или явиться къ хану на поклонъ, признать свою зависимость отъ него или оставить Галичь ³⁾; Даніиль выбралъ первое, такъ какъ онъ чувствовалъ себя еще недостаточно приготовленнымъ, чтобы вынести борьбу съ силами цѣлой орды. „Бысть в печали велицѣ“, говоритъ лѣтописецъ „зане не утвердилъ бѣ землѣ свояе города“ ⁴⁾.

Слава имени Даніила имѣла извѣстное обаяніе и на хана ⁵⁾; онъ былъ принятъ такъ, какъ никто другой изъ русскихъ князей. Черезъ 25 дней онъ былъ отпущенъ, достигнувъ всего, чего только можно было тогда достигнуть русскому князю. Все было оставлено въ прежнемъ положеніи, только Романовичи признали свою зависимость отъ Татаръ и обязались платить извѣстную дань, собираемую не баска-

¹⁾ „Бѣ бо грады ниня (кромя Холма) зиждай, противу безбожнымъ Татаромъ“. Ип. лѣт. 559—60 ст.

²⁾ По Ип. лѣт. (535 ст.) Даніиль ѣздивъ въ Орду въ 1250 г., но Плато-Карпиня, ѣздившій къ Татарамъ въ 1246 г. и проѣзжавшій черезъ Волынь въ январѣ, уже не засталъ Даніила. Даніиль же переплывался черезъ Днѣпръ на лодкѣ; слѣдовательно, изъ Кіева онъ выѣхалъ не позже ноября 1245 г.

³⁾ Ип. лѣт. 535 ст.

⁴⁾ Ип. лѣт. 535 ст.

⁵⁾ Когда Изяславъ Владимировичъ просилъ помощи у Татаръ, чтобы завладѣть Галичемъ, онъ получилъ отвѣтъ: „Како идеши в Галичь, а Данило князь лютъ есть; оже отъиметь ти животъ, то кто тя избавить“. Ип. лѣт. 550 ст.

ками, а ими самими ¹⁾, но имъ не нужно было ѣздить въ Орду ни на поклонъ хану, ни за ярлыками на княженіе и т. д.

Эта поѣздка еще болѣе увеличила значеніе Данила въ глазахъ сосѣдей ²⁾. Но съ возрастаніемъ благосостоянія внутри и распространеніемъ и увеличеніемъ его славы извнѣ, Данила все болѣе и болѣе тяготила даже та незначительная, сравнительно, зависимость, въ которой онъ находился. Еще съ большимъ, чѣмъ прежде, рвеніемъ укрѣпляетъ и строить онъ города, составлявшіе въ то время главный оплотъ страны, входитъ въ тѣсныя сношенія съ папой и принимаетъ королевскую корону и унію. Но время крестовыхъ походовъ прошло и Данилъ разорвалъ всякія связи съ папой.

Дорого обошлись Данилу и южной Руси эти кратковременныя надежды. Вѣсть о коронованіи Данила быстро дошла до баскака Куремсы, жившаго на лѣвомъ берегу Днѣпра, и онъ напалъ сперва на Подоль, затѣмъ пограбилъ окрестности Кременца, хотя самаго города не взялъ. При этомъ погибъ какой-то князь Андрей ³⁾. Но Куремса не отличался ни дарованіями, ни энергіей и Данилъ нисколько не опасался его. Пользуясь беспорядками въ Ордѣ, онъ рѣшился даже съ одними силами Галичины и Волыни выступить противъ Татаръ и принудилъ подчиниться себѣ всѣ тѣ общины, которыя находились въ непосредственномъ подчиненіи Татарамъ,—Болохово, Возвягль, Потетеревьє и пр. Куремса подошелъ было къ Луцку, но было половодье; мостъ Лучане сломали и Куремса удалился, ничего не сдѣлавъ.

Такое положеніе дѣлъ продолжалось только до окончанія смутъ, происходившихъ въ это время у Татаръ. Когда же, въ 1259 году, великимъ ханомъ утвердился Кубилай, а въ Ордѣ—Берке, дѣла круто повернулись. Слабый Куремса былъ смѣненъ и на его мѣсто присланъ былъ Бурундай, старый полководецъ Батгя, человекъ энергичный, жестокій и къ тому же еще очень ловкій и умный политикъ. Онъ немедленно приступилъ къ усмиренію Данила. Но Данилъ былъ

¹⁾ „Аже будетъ князю городъ рубити, и ни къ городу, а поборомъ и Тотарщиномъ князю“. Ип. лѣт. 595 ст. Завѣщаніе Владимира Васильковича.

²⁾ Король Венгерскій поспѣшилъ отдать свою дочь за Льва Даниловича. Ип. лѣт. 537 ст.

³⁾ Это было сейчасъ же послѣ коронаціи Данила и похода на Ятвяговъ, слѣдовательно въ началѣ 1254 г.

силенъ, въ его рукахъ, кромѣ силъ всей юго-западной Руси, сосредоточивались силы Литвы, такъ какъ съ Мендовгомъ онъ былъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Нужно было сначала какъ нибудь разсорить союзниковъ. Внезапно онъ собирается въ походъ на Литву и требуетъ, чтобы Даниилъ шелъ ему помогать. Требованіе это захватило нашихъ князей въ расплохъ, сопротивляться не было возможности, нужно было повиноваться. Но Даниилъ побоялся ѣхать къ Бурундаю ¹⁾, а поѣхалъ Василько. Литовская земля была пограблена и цѣль Бурундая достигнута: добрыя отношенія между Литвой и Русью были уничтожены.

На слѣдующій годъ Бурундай приступилъ къ достиженію второй и главной своей цѣли: лишить южную Русь возможности когда либо возстать противъ Татаръ.—Князья собрались у Василька и весело праздновали свадьбу его дочери съ Андреемъ Всеволодовичемъ Черниговскимъ, когда пришла вѣсть, что Бурундай уже вошелъ въ предѣлы Волини. Онъ былъ уже у Шумска, когда къ нему явились Василько, Левъ Даниловичъ и владыка Холмскій Иванъ. Даниилъ опять побоялся пріѣхать и ушелъ сперва въ Польшу, а затѣмъ въ Венгрію. Бурундай, ожидавшій, главнымъ образомъ, Даниила, принялъ посольство такъ грубо, что „владыка стояще въ ужаси велицѣ“ ²⁾, онъ потребовалъ уничтоженія укрѣпленій въ главныхъ городахъ и князья опять должны были повиноваться. Такъ уничтожены были укрѣпленія Стожка, Данилова, неприступнаго Кременца, Луцка и наконецъ Владимира. Укрѣпленія этого послѣдняго были такъ велики, что ихъ пришлось сжечь, „зане не мощно бысть розметати вборзѣ его величествомъ“ ³⁾; Бурундаю и этого показалось мало и онъ велѣлъ раскопать валы и засыпать рвы, окружавшіе городъ. Какимъ то чудомъ спасся любимый городъ Даниила Холмъ: Бурундай слишкомъ спѣшилъ въ Польшу, съ цѣлью нарушить добрыя отношенія и между Поляками и Русью (такъ какъ русскія ополченія тоже обязаны были идти съ нимъ), и поэтому не имѣлъ времени останавливаться на долго у Холма, города, сильно укрѣпленнаго, тѣмъ болѣе, что Даниилъ и такъ былъ уже не опасенъ.

¹⁾ „Вѣдяхуть бо, аще Даниилъ поѣдетъ и не будетъ с добромъ“. Ип. лѣт. 560 ст.

²⁾ Ип. лѣт. 562 ст.

³⁾ Ип. лѣт. 562 ст.

Такимъ образомъ разомъ рухнули всѣ планы и надежды Данила. Пришлось опять оставаться данникомъ и теперь уже безъ надежды когда-либо вырваться изъ подъ ига варваровъ. Не смотря на безсиліе Данила, Татары не рѣшились поставить южную Русь въ такое положеніе, въ какомъ находилась сѣверная; они боялись доводить Данила до отчаянія. Все пока было оставлено по старому. Много помогла, конечно, начавшаяся въ это время война въ Ордѣ между Берке и Гулагу. Русь отдохнула на нѣсколько лѣтъ, но разрушеніе всѣхъ надеждъ сильно подѣйствовало на Данила, онъ пересталъ заниматься дѣлами правленія, быстро и преждевременно одряхлѣлъ и умеръ въ 1264 г.

Во время княженія Данила и Василька, въ южной Руси про- скальзываютъ новыя и не имѣвшія раньше ничего аналогичнаго явленія. Проявляются они въ юго-восточномъ углу Волыни и въ смежныхъ съ нею земляхъ. Вопросъ о нихъ неразрывно связанъ съ вопросомъ о Болоховѣ и Болоховскихъ князьяхъ ¹⁾.

Вопросъ о Болоховскихъ князьяхъ въ высшей степени теменъ. Единственный источникъ нашъ, Галицко-Волынская лѣтопись относится къ нимъ очень неодобрительно и старается какъ можно короче говорить о нихъ тамъ, гдѣ уже ихъ минуть невозможно. При такомъ состояніи источниковъ, естественно, является неограниченное поле для гипотезъ. Пока таковыхъ представлено уже довольно много, но ни одна изъ нихъ не рѣшаетъ вопроса во всей его полнотѣ, такъ какъ объясняя одну часть фактовъ, она не касается остальныхъ. Вопросъ о Болоховцахъ важенъ для насъ пока только въ географическомъ отношеніи, такъ какъ только лишь въ томъ случаѣ, если доказано будетъ, что ихъ земля составляла часть Волыни, мы будемъ имѣть право коснуться его и въ другихъ отношеніяхъ.

¹⁾ О Болоховѣ и Болоховцахъ до 70-хъ годовъ встрѣчаются только отрывочныя замѣтки въ различныхъ общихъ трудахъ по русской исторіи. Въ 1872 г. вопросъ о нихъ былъ затронутъ г. Дашкевичемъ, въ „Даниилѣ“ ст. 51—54. Затѣмъ онъ былъ рѣшенъ имъ же въ ст. „Болоховская земля и ея значенія въ русской исторіи“. 1876. Весьма придирчивая критика г. Молчановскаго въ его „Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ до 1434 г.“ ст. 104—143 и отвѣтъ на нее г. Дашкевича „Новые домысли о Болоховѣ и Болоховцахъ“ Ун. Изв. 1884 № 6. Здѣсь же отзывы о мнѣніяхъ по этому вопросу Петрушевича, Миклошича и Похилевича.

Мѣстность Болохова опредѣляютъ, главнымъ образомъ, положеніемъ городовъ, перечисленныхъ подъ 1241 г.; эти города—Деревичъ, Губинъ и Кобудъ, Городѣць, Божьскій и Дядьковъ¹⁾. Но мѣстностей съ подобозвучными именами разбросано множество по всей Руси²⁾. Нужно сперва, хотя приблизительно, опредѣлить мѣстность, гдѣ ихъ нужно искать. Болохово появляется впервые въ 1150 году: черезъ него проходилъ Владимирко Галицкій по тавому маршруту: изъ Галича на Болохово, мимо Мунарера³⁾, къ Володареву⁴⁾, затѣмъ на Перепетово, Ольшаницу⁵⁾ и въ Кіевъ. Такимъ образомъ, ясно, что Болохово находилось гдѣ-то между Галичиной и Мунаревымъ и Володаревымъ, т. е. или на югѣ Волыни, или въ смежныхъ съ ней частяхъ Подоли и Кіевской земли. Дальнѣйшій свѣтъ бросаетъ на положеніе Болохова—Божскій, извѣстный и раньше изъ лѣтописи⁶⁾. Онъ находился гдѣ то на границахъ съ кочевниками: „Иди в Божьскій“, говоритъ Изяславъ Мстиславичъ своему двоюродному брату Ростиславу Юрьевичу, „и постережи землѣ Руской оттолѣ“⁷⁾. Онъ 3 раза упоминается въ тѣсной связи съ Межибожьемъ⁸⁾, положеніе котораго извѣстно, и 2 раза—съ Котельницею⁹⁾, положеніе которой тоже извѣстно. Наконецъ, окончательно опредѣляетъ положеніе Болохова описаніе похода Даниіла на непокорныя ему общины¹⁰⁾. Даниілъ шель отъ Галича и сперва взялъ Межибожье, затѣмъ Болоховъ и потомъ уже Потетереье и пр. Такимъ образомъ, Болохово находилось между двумя ясно опредѣленными пунктами: съ запада Межибожье—съ востока Потетереье. (Походъ велся отдѣльными отрядами, такъ что Городокъ, Сѣмоць и Городескъ могли и не быть между Бо-

¹⁾ Ип. лѣт. 526 ст.

²⁾ Г. Молчановскій подобралъ соответственныя мѣстности въ Дрогоичинскомъ повѣтѣ. *op. cit.* ст. 124 пр. I.

³⁾ Мунареръ неизвѣстенъ. Мишуровъ, который предлагаетъ г. Дашкевичъ (Болох. земля пр. 23), рѣшительно не годится.

⁴⁾ Володарка Сквирскаго уѣзда.

⁵⁾ Между Стугной и Росью, Ольшаница—на Роси; см. „Перепетовское поле“ М. Андриѣвскаго. Кіев. Стар. 1882 № 9.

⁶⁾ Ип. лѣт. ст. 234, 243, 257—8, 262 и т. д.

⁷⁾ Ип. лѣт. 258 ст.

⁸⁾ При слияніи Буга съ Бужкомъ.

⁹⁾ Котельня на р. Пустохѣ, въ Житомирскомъ уѣздѣ.

¹⁰⁾ Ип. лѣт. 555 ст.

лоховомъ и Потетеревьемъ). Съ юга оно до нѣкоторой степени отграничивалось Побожьемъ, что же касается сѣвера, то здѣсь мы можемъ провести довольно точную границу. Теченіе р. Хомора не принадлежало Болохову, на немъ стоялъ волынской городъ Каменецъ ¹⁾. Здѣсь же былъ и Колодяженъ, разрушенный въ 1240 г. Татарами ²⁾. Оба они были сильными пограничными крѣпостями. Южняе — городовъ волынскихъ мы не встрѣчаемъ, слѣдовательно, граница здѣсь пролегла, приблизительно, по водораздѣлу между Хоморомъ и Деревичкой. Точнѣе мѣстность могла бы быть опредѣлена сопоставленіемъ именъ городовъ Болоховцевъ съ названіями современныхъ мѣстностей; но этотъ источникъ, вообще довольно мутный и сомнительный, для данной мѣстности еще мутнѣе; стоитъ только вспомнить одну борьбу съ Турками при Дорошенкѣ, когда край этотъ обратился буквально въ пустыню, не говоря уже о постоянныхъ набѣгахъ Крымцевъ. Впрочемъ, нѣкоторыя мѣстности, гдѣ, кромѣ сходства именъ, находятся еще остатки древнихъ укрѣпленій, можно съ большой вѣроятностью приурочить къ лѣтописнымъ болоховскимъ городамъ ³⁾. Таковы Деревичи (лѣтописный Деревичъ) на Деревичкѣ въ Новоградъ-Вол. уѣздѣ, Губино (лѣт. Губинъ) на Случи, въ томъ же уѣздѣ и Кудинка (лѣт. Кудинъ) предмѣстье Новаго Константинова ⁴⁾. „Такимъ образомъ“, говоритъ г. Дашкевичъ, „по нашему мнѣнію, Болохово находилось въ пунктѣ соприкосновенія древнихъ земель Галицкой, Волынской и Кіевской и занимало южную часть теперешняго Новоградъ-волинскаго уѣзда, восточную часть уѣздовъ Староконстантиновскаго и Проскуровскаго, весь уѣздъ Летичевскій и, можетъ быть, также юго-западную часть Житомирскаго и западную Бердичевскаго. Въ теперешней Кіевской губерніи оно могло простираться и далѣе на востокъ, но мы не можемъ положительно утверждать этого“ ⁵⁾. Хотя основанія, на которыхъ проведены границы г. Дашкевичемъ и не вездѣ удовлетворяютъ тре-

¹⁾ „Придоша Галичане на Каменецъ и вси Болоховьскіи князи с ними и повоеваша по Хомору, и поидоша ко Каменцю, взявши полонъ великъ поидоша“. Ип. лѣт. 516 ст.

²⁾ Ип. лѣт. 523 ст.

³⁾ Они указаны въ ст. г. Дашкевича „Новѣйшіе домысли о Болоховѣ и Болоховцахъ“ Ун. Изв. 1884 № 6.

⁴⁾ См. ст. св. П. Кудлаевича. „Земляные валы близъ села Кудинки“. Кіевск. Стар. 1882 № 6.

⁵⁾ Болоховская земля ст. 19.

бованіямъ строгой критики, но общее положеніе ихъ безспорно вѣрно и ошибки могутъ быть только въ частностяхъ. Г. Молчановскій не согласенъ съ этимъ¹⁾, но, къ сожалѣнію, онъ не могъ представить ни одного основательнаго соображенія²⁾ для доказательства своего мнѣнія, что Болоховская земля находилась въ предѣлахъ Волини. Единственная мѣстность, извѣстная здѣсь раньше,—Божскій никогда не принадлежалъ Волини, а тянулъ къ Кіеву. Правда, Межибожіе, съ которымъ тѣсно соединенъ былъ одно время Божскій, въ 20-хъ годахъ XIII ст. принадлежало къ Волини, но оно могло быть временно оторвано отъ своего сосѣда.

Такимъ образомъ Болоховская земля не входила въ составъ Волинской земли.

Во второй половинѣ XIII вѣка, рядомъ съ Болоховымъ, являются и другія общины, стремящіяся добиться автономіи. Не будучи въ состояніи достигъ ея какимъ либо другимъ образомъ, они добровольно подчиняются Татарамъ. Лѣтописецъ при этомъ различаетъ два рода подчиненія: „люди Татарскыя“ и „сѣдящыя за Татары“³⁾. Первые, безъ сомнѣнія, находились въ большей зависимости, чѣмъ вторые, хотя, въ чемъ выражалась эта зависимость, мы не знаемъ. Зависимость вторыхъ, кажется, выражалась въ томъ, что они платили дань и притомъ прямо Татарамъ, безъ посредства какого либо князя.

Всѣ мѣстности, обнаружившія такія сепаративныя стремленія, находились въ болѣе или менѣе близкомъ сосѣдствѣ съ Болоховымъ, хотя только положеніе Межибожья и Возвягла⁴⁾ извѣстно точно; что же касается прочихъ, то мѣстностей съ именами Городокъ, Городскъ—очень много, такъ что невозможно опредѣлить, къ какому изъ нихъ нужно приурочить лѣтописный городъ; Сѣмоць⁵⁾ указываютъ въ деревнѣ Симакахъ Житомирскаго или Литинскаго уѣздовъ⁶⁾, но точно не опредѣляютъ; точно также и Жедячевъ, хотя отождествленіе его съ Жидовцами на Гнилопяти не имѣетъ ничего невѣроятнаго.

¹⁾ „Очеркъ извѣстій о Под. зем.“ ст. 105.

²⁾ Кодня (Житомирскаго уѣзда) не имѣетъ никакихъ преимуществъ предъ Кудинкой г. Дашкевича. (ст. 127).

³⁾ Ип. лѣт. 555 ст.

⁴⁾ Звягель—Новоградъ-Волинскъ.

⁵⁾ Ип. лѣт. 380 ст.

⁶⁾ См. Дашкевичъ „Болоховская земля“ пр. 31.

Интересно было бы выяснить вопрос, почему стремления къ автономіи развились и приняли такой своеобразный характер именно въ этой мѣстности. Какъ кажется, одной изъ причинъ этихъ было украинное положеніе этой мѣстности, дававшее возможность большаго развитія вѣчевого режима вслѣдствіе того, что центральная власть была слишкомъ удалена; тѣмъ болѣе, что, находясь на границахъ Галицкой, Волынской и Кіевской земель, общины эти, при постоянныхъ междоусобицахъ князей, могли съ бѣльшимъ удобствомъ сохранить старое вѣчевое устройство, чѣмъ большая часть другихъ мѣстностей. Затѣмъ, при татарскомъ нашествіи къ обособленію понудилъ ихъ просто инстинктъ самосохраненія, менѣе, чѣмъ въ прочихъ мѣстностяхъ, связанный традиціей: имъ приходилось или погибнуть первыми подъ ударами Татаръ, или добровольно подчиниться и, ставъ въ данническія только отношенія къ иновѣрцамъ, пріобрѣсть полную самостоятельность внутри себя. Немудрено, что онѣ приняли второе. О внутреннемъ устройствѣ этихъ общинъ мы ничего не знаемъ; положительно можно утверждать только, что здѣсь не было ничего подобнаго князьямъ Болоховскимъ.

Эти сепаративныя стремленія городовъ Болоховской земли и пр. нашли себѣ яраго противника въ лицѣ Данила. Уничтоживъ въ 1241 году 7 городовъ Болоховцевъ, онъ также обошелся и съ прочими общинами; особенно тяжело пришлось Возвяглю, жителя котораго „солъгаша Шварномъ, поемше тивуна, не вдаша ему тивунити“¹⁾. Даниилъ „и городъ зажьже, люди же изведе и вдасть я на подѣль, ово брату си, ово же Лвови, другія Шварнови“²⁾. Впрочемъ, при послѣдовавшемъ затѣмъ разгромѣ Волыни Бурундаемъ, общины эти опять пріобрѣли автономію: Мстиславъ Даниловичъ „одержа землю свою величествомъ *олны по Татары*, а сѣмо по Ляхы (и) Литву“³⁾. Но такъ какъ онѣ болѣе не соприкасались съ юго-западной Русью, гдѣ, послѣ смерти Данила, не было уже больше „собирателя земли“ и интересы страны обратились къ сѣверу, откуда грозили Литовцы, то лѣтопись о нихъ не упоминаетъ и они навсегда исчезаютъ изъ исторіи.

¹⁾ Ип. лѣт. ст. 555.

²⁾ Ип. лѣт. ст. 556.

³⁾ Ип. лѣт. ст. 613.

Въ 1264 году умеръ Даниилъ Романовичъ. Онъ былъ, безспорно, великій, гениальный человекъ, но всё таки онъ былъ сыномъ своего вѣка; онъ не понималъ всего вреда дробленія страны на удѣлы и раздѣлил свои земли между двумя старшими сыновьями: Левъ получилъ Галичъ, Перемышль и Дрогичинъ ¹⁾, съ тянувшей къ нему земель; Шварнъ—Холмско ²⁾-Бельскую ³⁾ землю, наконецъ третій сынъ Даниила Мстиславъ получилъ уже позже отъ Василька или даже, можетъ быть, сына его Владимира—Луцкъ, Дубно и Стожекъ.

Во главѣ семьи сталъ теперь Василько Романовичъ, но согласіе и единодушіе со смертью Даниила исчезли навсегда; яблокомъ раздора были, какъ и всегда, волости. Левъ Даниловичъ, которому отъ отца перешло стремленіе къ собиранію земли, стремленіе очень симпатичное, если бы оно не сопровождалось другими, въ высшей степени отталкивающими чертами характера—трусливостью, жадностью и полною неразборчивостью въ выборѣ средствъ,—Левъ былъ недоволенъ, что младшій братъ его Шварнъ владѣетъ лучшими, какъ ему казалось, землями, и онъ начинаетъ уклоняться отъ участія въ общихъ предпріятіяхъ; такъ въ 1268 году Шварнъ, Василько и сынъ его Владимиръ участвуютъ въ походѣ Войшелка на Болеслава Стыдливаго, Левъ же отказывается принять въ немъ участіе ⁴⁾. Когда Войшелкъ отдалъ всю Литовскую землю Шварну, Левъ убилъ его „завистью“ ⁵⁾. Послѣ смерти Шварна, онъ становится въ тѣсныя отношенія къ Тройдену, представителю національной партіи въ Литвѣ, постоянному врагу Владимира Васильковича,—Тройдену, котораго лѣтописецъ сравниваетъ съ Антіохомъ, Иродомъ и Нерономъ. Затѣмъ онъ первый изъ южно-русскихъ князей призвалъ себѣ на помощь Татаръ.

Вскорѣ послѣ смерти Шварна, въ 1271 году умеръ и Василько Романовичъ. На Волыни сѣлъ сынъ его Владимиръ „правдолюбіемъ светяся ко всей своей братьи, и ко бояромъ и ко простымъ людемъ“ ⁶⁾.

¹⁾ Ип. лѣт. ст. 575.

²⁾ Ип. лѣт. ст. 571.

³⁾ Ип. лѣт. 572 ст.

⁴⁾ Ип. лѣт. 512 ст.

⁵⁾ Ип. лѣт. 513 ст.

⁶⁾ Ип. лѣт. ст. 574.

Послѣ смерти Василька, рознь въ потомствѣ Романа усиливается. Противъ общихъ враговъ они еще сражаются вмѣстѣ, но о томъ дружескомъ единеніи, какое было между ихъ отцами, нѣтъ и помину. Вмѣстѣ идутъ они на помощь Болеславу Стыдливому, воевавшему съ княземъ Вратиславскимъ, вмѣстѣ затѣмъ посылаютъ войска на Ятвяговъ. Но, чуть только интересы ихъ разошлись,—они чужіе другъ другу. Нужно замѣтить, что единственнымъ виновникомъ такого положенія дѣлъ былъ Левъ Даниловичъ.

Изъ всѣхъ подвиговъ Льва, тяжелѣе всего обошлось южной Руси и особенно Волыни—призваніе Татаръ. Это случилось при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Тройдень сперва находился въ большой дружбѣ съ Львомъ, а съ Владимиромъ велъ мелкую войну ¹⁾ (когда то отецъ его въ битвѣ, вѣроятно при оз. Неблѣ ²⁾, убилъ трехъ его братьевъ), но затѣмъ онъ поссорился со Львомъ и пограбилъ его городъ Дрогичинъ. Тогда Левъ, не довѣряя братьямъ, обращается за помощью прямо къ Татарамъ. Этотъ поступокъ, ни въ какомъ случаѣ не оправдываемый обстоятельствами, былъ причиной неисчислимыхъ бѣдъ для южной Руси. Обратившись теперь къ Татарамъ за помощью, Левъ подаль имъ поводъ и на будущее время вмѣшиваться въ дѣла Романовичей и съ этихъ поръ исторія Волыни наполнена извѣстіями о Татарахъ и томъ злѣ, которое они причиняли ей при каждомъ своемъ посѣщеніи. „Осташа же Татаровѣ друзии“, рассказываетъ лѣтописецъ, „у Володимѣра кормити любивѣе конѣ; си же учиниша пусту землю Володимерьскую, не дадахуть бо изъ города ни лѣзти в зажитье; аще ли кто выѣхашеть, овы избиша, а другія поимаша, а иныя лупяхуть и конѣ отымахуть, и во городѣ изомре в остую, Божиимъ гнѣвомъ, бесчисленное множество“ ³⁾. Отношенія ихъ къ князьямъ южной Руси все болѣе и болѣе подходятъ къ тому образу поведенія, который они уже приняли относительно князей сѣверной и восточной Руси, такъ что лѣтописецъ имѣлъ полное право сказать: „тогда бяхуть вси князи Русѣи в воли Татарской покорени“ ⁴⁾.

1) „Тройдений же пославъ пѣщѣ татемъ воевашеть Володимири, а Володимиръ пославъ также воевашеть и тако воевастася лѣто цѣло“. Ип. лѣт. 575 ст.

2) Ип. лѣт. 566 ст.

3) Ип. лѣт. 588 ст.

4) Этого онъ раньше не говоритъ, такъ какъ подобное же выраженіе раньше (ст. 575) относится явственно только къ задніпровскимъ князьямъ.

Походъ этотъ не привелъ ни къ чему, не смотря на то, что силы собрались огромныя: кромѣ Романовичей, пришли князья заднѣп-провскіе—Романъ и сынъ его Олегъ Брянскіе, Глѣбъ Смоленскій и многіе другіе, наконецъ пришло и татарское ополченіе. Не дождавшись прихода союзныхъ князей и желая самъ поживиться всей добычей, Левъ напалъ на Новгородокъ, но взялъ только „окольный городъ“. Пришедшіе же затѣмъ князья такъ возмущились его жадностью, что немедленно разошлись по домамъ ¹⁾. Тѣмъ дѣло на этотъ разъ и кончилось.

Черезъ нѣсколько времени опять произошло столкновение съ Литвой. Часть Пруссовъ, тѣсняемая на родинѣ рыцарями, переселилась съ позволенія Тройдена на югъ и получила на жительство Слонимскую и Городенскую земли. Появленіе новыхъ воинственныхъ сосѣдей заставило князей призадуматься, общая опасность соединила ихъ и Владимиръ вмѣстѣ со Львомъ отправились и захватили Слонимъ. Литовцы пограбили окрестности Каменца, а Владимиръ—Турійскъ и села по Нѣману. Затѣмъ они помирились, но Владимиръ сейчасъ же началъ укрѣплять свои границы съ этой стороны. Такимъ образомъ получилъ, между прочимъ, свое начало и городъ Каменецъ на Лоснѣ, основанный въ 1285 году ²⁾.

Въ это время впервые проявились послѣдствія близорукой политики Льва; ханъ Ногай, узнавъ, что князья примирились съ Литовцами,—а это было конечно невыгодно Татарамъ—присылаетъ къ князьямъ пословъ съ такою рѣчью: „всегда ми жалуете на Литву; осе же вы даль есмь рать и воеводу с ними Мамышѣя, пойдете же с ними на вороги своѣ“ ³⁾. Предложеніе это имѣло такой характеръ, что отказать отъ него было очень опасно и князьямъ волей-неволей пришлось идти воевать Литву. Походъ окончился разграбленіемъ Татарами Новгородка и осадой Городна, но Тройденъ зналъ, что участіе нашихъ князей была вынужденное, и не мстилъ имъ.

Въ 1279 году умеръ Болеславъ Стыдливый ⁴⁾. Сыновей у него не было, а были только племянники. Предвидя, что въ Польшѣ нач-

¹⁾ Ип. лѣт. 576 ст.

²⁾ Ип. лѣт. 578 ст.

³⁾ Ип. лѣт. ст. 578.

⁴⁾ R. Traski M. P. H. t. II st. 846, R. Sędziwoja ib. st. 878—подъ 1280 г. и т. д.

нутя междоусобицы, Левъ заявляетъ и свои притязанія сперва на всю землю Болеслава, а потомъ только на „городъ на Вѣкраинѣ“, т. е. Люблинъ, которымъ одно время владѣлъ Даниилъ Романовичъ. Избранъ былъ Лешко Казимировичъ Черный, князь Сѣрадзскій и Левъ, какъ и нужно было ожидать, не получилъ ничего. Тогда онъ опять обращается къ Ногаю за помощію и, конечно, получаетъ её. Въ походѣ принуждены были принять участіе и Владимиръ Васильковичъ и Мстиславъ Даниловичъ съ сыномъ своимъ Данииломъ ¹⁾). Походъ былъ совершенно неудаченъ; не сдѣлавъ ничего серьезнаго, князья потеряли много воиска въ бесполезныхъ стычкахъ, много денегъ на военные расходы и вернулись, съ „великимъ безчестьемъ“.

Черезъ нѣсколько времени Владимиръ Васильковичъ и Юрій Львовичъ помогали Конраду Мазовецкому, котораго жестоко оскорбилъ его родной братъ Болеславъ; между прочимъ они взяли любимый городъ Болеслава, богатый Гостынинъ. Вскорѣ послѣ этого князья должны были участвовать въ походѣ Татаръ въ Венгрію; дома оставался одинъ больной Владимиръ, да и то безъ воиска, такъ какъ дружина его ушла съ Татарами. Болеславъ, пользуясь этимъ, пограбилъ окрестности Щекарева и Берестя по р. Кроснѣ и захватилъ „село на Вѣкраиницѣ“ Воинъ; но въ это время вернулся Левъ, Владимиръ призвалъ на помощь Литовцевъ и съ ихъ помощію они отбили непріятелей, а затѣмъ и сами пограбили около Вышгорода и Люблина и взяли г. Сохачевъ.

Походъ Татаръ на Венгрію не удался совершенно. Большая часть Татаръ Телебуги погибла при переходѣ черезъ Карпаты и онъ долженъ былъ вернуться, не перейдя ихъ. Въ какомъ положеніи возвратились русскіе полки, лѣтописецъ умалчиваетъ. Точно также не удался и походъ на Польшу, предпринятый въ 1287 г. ²⁾): Татары шли двумя отрядами и только мѣшали другъ другу; они пограбили Польшу, но еще больше принесли вреда Руси. Остановившись у Вла-

¹⁾ Ип. лѣт. 578 ст.

²⁾ Въ лѣтописи этотъ походъ отнесенъ къ 1283 г., но вѣрнѣе принять начало 1287 г. (Rocz. Traski M. P. H. t. II st. 852). Вставочный въ лѣтописи рассказъ о болѣзни и смерти Владимира Васильковича начинается описаніемъ этого похода: Владимиръ, дойдя до р. Сана воротился, сославшись на свою болѣзнь. Онъ боленъ былъ 4 года и умеръ въ 1288 г., но первые два года онъ еще ѣздилъ на конѣ.

димиръ, а затѣмъ у Львова, они страшно опустошили землю, такъ что въ одной Львовской землѣ погибло, какъ говоритъ лѣтописецъ, 12¹/₂ тысячъ человѣкъ.

Владимиръ въ этомъ походѣ уже не участвовалъ, онъ былъ очень боленъ: у него былъ, какъ кажется, ракъ нижней челюсти. Послѣдніе два года своей жизни онъ уже отказывался отъ военныхъ походовъ и проводилъ время въ Каменцѣ или въ своихъ загородныхъ дворцахъ—Любомлѣ и Раѣ. Дѣтей онъ не имѣлъ и, во избѣжаніи всякихъ междоусобицъ послѣ своей смерти, уступилъ заранѣе землю свою Мстиславу Даниловичу, хотя не позволялъ ему самовластно распоряжаться здѣсь до своей смерти. Для того чтобы, послѣ его смерти, правъ Мстислава не могъ никто оспаривать, онъ оставилъ ему землю по формальному завѣщанію. Такимъ же завѣщаніемъ онъ оставлялъ своей женѣ г. Кобринъ, Городло и нѣсколько селъ. Устроивши всѣ свои земныя дѣла, онъ промучился еще годъ и умеръ въ Любомлѣ 10 декабря 1288 года ¹⁾.

Владимиръ Васильковичъ это—одна изъ симпатичнѣйшихъ личностей не одного только своего времени. Высокообразованный, умный человѣкъ—онъ хорошо понималъ, что необходимо для страны въ это тяжелое время. Онъ не начинаетъ бесполезныхъ войнъ съ сосѣдями, а старается по возможности держаться вдали отъ всякихъ споровъ и раздоровъ и предпочитаетъ охранять только свою землю. Онъ не щадитъ усилий для этого. Съ одной стороны онъ строитъ новые города на плохо защищенныхъ окраинахъ и укрѣпляетъ старыя (напр. Каменецъ Лосненскій, Берестіе ²⁾). Съ другой стороны онъ ставитъ себя въ такія отношенія къ сосѣдямъ, что всѣ его уважаютъ. Когда ему нужна была помощь Литовцевъ, они съ готовностью предложили свои услуги: „Володимере, добрый княже, правдивый! можемъ за ты головы свои сложити; коли ти любо, осе есмы готовы“ ³⁾. Конрадъ Мазовецкій находится къ нему въ сыновнихъ и даже, какъ будто, зависимыхъ отношеніяхъ: „господине братъ мой!“ говоритъ онъ, „ты же ми былъ во отца мѣсто, како мя еси держалъ подъ своею рукою, своею милостью; тобою есмь, господине, княжилъ и города своѣ, держалъ, и братьи

¹⁾ Ип. лѣт. 604 ст. Мы перевели годъ на наше январское счисленіе.

²⁾ Ип. лѣт. 608 и 610 ст.

³⁾ Ип. лѣт. 586 ст.

своей отъялся есмь, и грозень былъ“ ¹⁾ и затѣмъ просить его заступничества у Мстислава. Левъ, Юрій и Мстиславъ тоже уважаютъ его. Мстиславъ „бьетъ челомъ передъ нимъ“ ²⁾ и говоритъ ему „господине брате, язъ есмь во твоей воли, а дай ми тя Богъ имѣти аки отца собѣ, и служити тобѣ со всею правдою до моего живота“ ³⁾, и въ другой разъ: „Мстислав(ъ) удари челомъ“, рассказываетъ лѣтописецъ, „противу словомъ брата своего, река: ты же ми братъ, ты же ми отецъ мой Данило король, оже мя еси принялъ подъ свои рудѣ; а что ми велишь, а язъ радъ, господине, тебе слушаю“ ⁴⁾. Левъ и Юрій только просятъ у него волости, прикрываются различными выдумками, но не осмѣливаются при жизни его напасть на его земли, между тѣмъ какъ, сейчасъ же послѣ его смерти, Юрій уже захватываетъ Берестіе. Да иначе и быть не могло, такъ какъ это былъ не только человѣкъ съ твердымъ характеромъ, но и человѣкъ въ высшей степени честный, добрый и благородный. Во время голода 1279 года, когда хлѣбъ не уродилъ на Руси и въ Польшѣ, Литвѣ и Ятвяжской землѣ, Владимиръ не отказалъ Ятвягамъ, исконнымъ врагамъ Руси, умиравшимъ отъ голода,—въ хлѣбѣ. Когда онъ умеръ, то по немъ плакали не только Владимирцы, но и иноземные купцы, жившіе во Владимирѣ, „Жидове плакахуся“, по картинному выраженію неизвѣстнаго автора вставочнаго эпизода о болѣзни и смерти Владимира, „аки и во взятіе Иерусалиму“ ⁵⁾. Не любя войны, видя въ ней одно изъ величайшихъ золъ въ жизни, онъ предпочиталъ мирныя занятія; онъ старался развить торговлю: во время его смерти, во Владимирѣ жили „Нѣмцы, Сурожци, Новгородци и Жидове“—страна богатѣла. Онъ созидалъ церкви въ различныхъ городахъ, посылалъ въ нихъ драгоценную утварь и украшенія и между прочимъ въ церковь св. Богородицы во Владимирѣ, въ монастырь св. Апостоловъ и въ каедральный соборъ въ Черемышлѣ послалъ собственноручно переписанныя евангелія, „зане бысть кнѣжнѣ великъ и философъ“ ⁶⁾.

---

¹⁾ Ип. лѣт. 596 ст.

²⁾ Ип. лѣт. 591 ст.

³⁾ Ип. лѣт. 596 ст.

⁴⁾ Ип. лѣт. 600 ст.

⁵⁾ Ип. лѣт. 605 ст.

⁶⁾ Ип. лѣт. 601 ст.

Вотъ какъ характеризуетъ Владимира тотъ же неизвѣстный авторъ: „Сий же благовѣрный князь Володимѣрь..... глаголаше ясно отъ книгъ, зане бысть философъ великъ, и ловець хитръ, хороборъ, кротокъ, смиренъ, незлобивъ, правдивъ, не мздоимѣць, не лживъ, татѣи ненавидаше, питья же не пи отъ возраста своего. Любовь же имѣяше ко всимъ, паче же и ко братьи своей, во хрестьномъ же целованьи стояше со всею правдою истинною, нелицемѣрною;... иже не помрачи своего ума пьянствомъ, кормитель бо башеть чернцемъ и черницамъ и убогимъ, и всякому чину яко возлюбленный отецъ башеть, паче милостынею баше милостивъ“ ¹⁾).

Не успѣли похоронить князя Владимира, не успѣлъ Мстиславъ, не присутствовавшій при погребеніи, вѣхатъ во Владимиръ, какъ Юрій Львовичъ, которому еще прежде, покойный князь отказалъ въ волости, теперь съ помощью нѣкоторыхъ „молодшихъ“ бояръ захватилъ Берестье, Бѣльскъ и Каменецъ. Мстиславъ обратился сперва къ нему съ требованіемъ очистить его города, затѣмъ къ его отцу Льву и пригрозилъ, что онъ уже послалъ за Татарами. Это такъ испугало Льва, что онъ, въ свою очередь, пригрозилъ сыну лишеніемъ наслѣдства. Юрій принужденъ былъ уйдти, но прежде, въ безсильной злобѣ на дядю, разграбилъ всѣ его помѣстья въ этихъ городахъ. Этой твердостью Мстиславъ съ самага начала добился уваженія сосѣдей и занялъ между ними тоже мѣсто, какое занималъ Владимиръ Васильковичъ. Такъ Конрадъ Мазовецкій, стоявшій въ сыновнихъ, такъ сказать, отношеніяхъ къ Владимиру, всталъ въ такія же отношенія и къ Мстиславу. Еще въ 1288 году, когда умеръ Лешко Черный ²⁾, Конрадъ добивался Люблина, но ему не удалось овладѣть имъ; теперь же онъ обращается за помощью къ Мстиславу и овладѣваетъ Сендомирской землей „и тако сѣде Кондратъ князь в Судомирѣ княземъ Мстиславомъ, сыномъ королевымъ, и его помочью“ ³⁾).

На 1292 году прерывается нашъ главный источникъ, Галицко-Волынская лѣтопись. О дальнѣйшей судьбѣ Волыни мы имѣемъ только отдѣльныя, отрывочныя извѣстія, такъ что цѣльной, обстоятельной картины судебъ и положенія Волыни мы рѣшительно не можемъ со-

¹⁾ Весь этотъ отрывокъ по своему складу очень напоминаетъ надгробную рѣчь.

²⁾ R. Traski M. P. H. II p. 852, no R. Krakowak. (ib.)—въ 1289 г.

³⁾ Ип. лѣт. 614 ст.

ставить и принуждены говорить обо всемъ только въ общихъ чертахъ.

Мстиславъ, какъ кажется, всю жизнь сохранилъ свое положеніе всѣми уважаемаго князя; такъ, выпли какія-то недоразумѣнія между нимъ и литовскими князьями Будикидомъ ¹⁾ и Буркивидомъ и они безъ битвы уступаютъ ему Волковыйскъ. Подобно своему предшественнику онъ старается улучшить положеніе своего княжества: онъ занимается укрѣпленіемъ (Черторыйскъ) ²⁾ и украшеніемъ (гробница своей бабки, женѣ Романа) городовъ и т. д. Когда онъ умеръ—рѣшительно неизвѣстно. Что случилось съ его сыномъ Даниломъ—тоже. Изъ приписки на одномъ евангеліи (изъ Румянцевской бібліотеки) видно, что въ 1376 г. въ Холмѣ княжилъ Юрій, сынъ Давиіла Холмскаго ³⁾; весьма возможно, что этотъ Данилъ и есть именно Данилъ Мстиславичъ, который былъ вытѣсненъ изъ своей отчины, собственной Волыни Юріемъ Львовичемъ.

Юрій I Львовичъ, послѣ смерти своего отца, въ 1301 году ⁴⁾, объединилъ въ своихъ рукахъ Галицкую землю и Волынь и былъ, такимъ образомъ, самымъ сильнымъ и богатымъ княземъ во всей Руси. Онъ принялъ королевскій титулъ и титуловался „rex Russiae et principis Lodomeriae“ ⁵⁾.

Казалось, что южная Русь сразу достигла того единства и цѣльности, которыхъ сѣверная—добилась двух-вѣковыми усиліями, но, къ несчастію, и самъ Юрій и его преемники не были достаточно сильны духомъ и талантливы, что бы удержать её въ цѣлости и оборонять отъ враговъ. Внезапное прекращеніе дома Романовичей сразу отдало южную Русь въ добычу сосѣдямъ.

О событіяхъ внутренней жизни страны за это время мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній. Нѣсколько больше извѣстно намъ объ отношеніяхъ, въ которыя стала Волынь къ своимъ сосѣдямъ. Въ самомъ началѣ княженія Юрія произошло столкновение съ Поляками, слѣдствіемъ котораго была потеря Юріемъ Люблина, недавно предъ

¹⁾ Будикидъ—возможно—жмудскій князь Butegeide см. Daniłowicz. Skarbiec t. I st. 125 № 243.

²⁾ Ип. лѣт. 616 ст.

³⁾ Зубрицкій „Исторія“ ч. III пр. 249.

⁴⁾ Зубрицкій „Крит.-ист. повѣсть“ пр. 36 ст. 63—4.

⁵⁾ Карамзинъ т. IV п. 204.

тѣмъ приобрѣтеннаго имъ. Люблинъ былъ захваченъ имъ въ промежутокъ между 1292 г. (прекращеніе Гал.-Вол. лѣтописи) и 1302 г. ¹⁾, когда онъ былъ отнятъ Поляками. Затѣмъ и впослѣдствіи, въ междоусобицахъ въ Польшѣ и въ войнахъ Литовцевъ съ Поляками, часто встрѣчаются отряды Русскихъ, но были-ли это вспомогательные отряды Юрія или просто шайки, набранныя воюющими сторонами—рѣшить трудно.

Съ Орденомъ Юрій поддерживалъ союзъ, заключенный еще его отцемъ, вслѣдствіе чего часто ²⁾ вторгался въ земли Литовцевъ, съ которыми Орденъ велъ неустанную борьбу ³⁾.

Въ 1315 году произошло столкновение между Юріемъ и братомъ великаго князя литовскаго Витеня Гедиминомъ ⁴⁾. Гедиминъ одер-

¹⁾ См Dług. L. IX p. 900—1. Strykowski t. I st. 343—4, Густынская лѣт. ст. 348. (1300 г.). Добавленіе къ Ипатской лѣт. (1305 г.) R. Traski M. P. H. t. II st. 853. R. Sędziwoja. ib. st. 879. R. Malopolski ib. t. III st. 188—9. R. Świętokrzyski. ib. st. 73. Разборъ этихъ извѣстій см. Stadnicki „Syn. Ged“ t. II st. 213—224.

²⁾ Волинскіе князья „do litewskich, powilejskich dzierzaw i Nowogrodzkich najazdy miast pomocy czynili“ Stryjk. t. I 363 st.

³⁾ Грамота Юрія II Ордену: Quod quem admodum nostri progenitores felicitis recordationis Rex Daniel, seu Leo noster atavus aut Georgius noster avus carissimus, pacem et omnimodam caritatem cum ordine prenominate tenere consueverunt“. Daniłowicz. № 319 t. I st. 163. Этотъ союзъ устроилъ какой то родственникъ Романовичей, комтуръ замка Берглау, Сигегардъ изъ Шварцбурга. (Daniłowicz. t. I st. 145). Русскіе въ Орденѣ иногда занимали очень выдающіяся мѣста; такъ напр. въ 40-хъ годахъ XIV ст. былъ однимъ изъ главныхъ начальниковъ Ордена Henricus Ruthenus provincialis Culmensis. (Dług. L. IX p. 1032).

⁴⁾ Лѣтопись такъ назыв. Быховца (ст. 15—16) и Стрыйковскій (т. I ст. 363—8) рассказываютъ о непосредственно слѣдовавшемъ одно за другимъ покореніи Гедиминомъ Волыни и Кіевской земли. Рассказъ этотъ безспорно въ высшей степени недостоверенъ (см. В. Антоновичъ. Монографіи т. I ст. 47—58) въ цѣломъ, но въ частностяхъ онъ включаетъ историческіе факты. Мы коснемся только той части разсказа, которая относится къ Волыни. Гедиминъ напалъ на Владимира Волынскаго, разбилъ его подъ Владимиромъ, причемъ погибъ самъ князь. Владимиръ былъ взятъ. Затѣмъ онъ отправился на Льва Луцкаго (Стрыйковскій прибавляетъ: за то что, тотъ хотѣлъ у него отнять Подляхю). Левъ убѣждалъ къ князю Брянскому, а Волынь присягнула Гедиминому. Перезимовавъ въ Берестыи, онъ двинулся на Кіевъ.—Разсказъ этотъ у Быховца не имѣетъ даты. Онъ ясно распадается на двѣ части: 1) походъ на Владимира, 2) походъ на Льва. Безъ сомнѣнія, Гедиминъ велъ войну съ князьями волынскими, такъ какъ они были ревностными друзьями Ордена. Весьма возможно, что онъ вторгнулся въ предѣлы Волыни, поразилъ князя подъ самой столицей и князь этотъ погибъ въ битвѣ. Дѣйствительно, мы не знаемъ какой смертью умеръ Юрій Львовичъ, котораго думаютъ найти подъ именемъ Владимира, не существовавшаго въ это время. Но городъ взятъ не былъ и Владимірская земля

жалъ верхъ, захватилъ Берестье и Дрогичинъ, затѣмъ осадилъ Владимиръ, который былъ столицей Юрія; между тѣмъ Юрій получилъ вспомогательный отрядъ Татаръ, напалъ на него, былъ разбитъ и палъ въ битвѣ. Владимиръ спасся отъ разоренія только тѣмъ, что въ это время Гедиминъ получилъ извѣстie о смерти брата и поспѣшилъ въ Литву утвердиться на престолѣ. Дѣло кончилось потерей Берестейской и Турово-Пинской земель ¹⁾.

У Юрія остались 2 сына, Андрей и Левъ. О княженіи ихъ мы знаемъ также мало, какъ и о княженіи ихъ отца. Кажется, первое время они княжили вмѣстѣ, а затѣмъ раздѣлились: Андрей изъ волынскихъ земель получилъ Владимирскую, а столицей Льва—былъ Луцкъ ²⁾.

Оба князя во всемъ продолжали политику своего отца; точно также какъ и онъ, они были въ тѣсной дружбѣ и союзѣ съ Орденомъ и во враждебныхъ отношеніяхъ съ Литвой. Въ 1316 г. они возобновили союзный договоръ съ Орденомъ, по которому обязались защищать Орденъ отъ Татаръ и „другихъ враговъ“. До насъ дошелъ только обнародованный договоръ. Кромѣ того существовалъ еще другой—относительно этихъ „другихъ враговъ“, подъ которыми, конечно, подразумѣваются Литовцы и Поляки ³⁾. Затѣмъ въ 1320 г. заключенъ былъ новый договоръ отъ имени одного только князя Андрея „*Ducis Wladimiriae et Russiae*“. Договоръ этотъ имѣлъ чисто торговое значеніе. Подъ конецъ княженія Андрея, между нимъ и Орденомъ произошли какія-то крупныя неудовольствія, такъ какъ при возобновленіи союза въ 1325 году ⁴⁾ Юріемъ II, въ грамотѣ, при перечисленіи пред-

---

присоединена къ Литвѣ тоже не была; самъ Стрыйковскій указываетъ, что были присоединены Турово-Пинскія земли (г. I стр. 381), кромѣ того изъ подробностей втораго похода видно; что Литвѣ принадлежала уже и Подляхія. Второй походъ болѣе опредѣленъ: его можно отнести къ 1320 г. (приблизительно), такъ какъ отъ этого времени до насъ дошла грамота (договоръ съ Орденомъ) отъ имени одного Андрея, безъ всякаго упоминанія о Львѣ. Но опять таки результаты похода совершенно невѣроятны.

¹⁾ Pisko ze wszystkimi okolicznemi prziległościami nad Przipecią rzeką aż dosięgającemi dostał był Gedymin woina pod Włodzimierzem, ruskim kniazem“ Str. t. I st. 381.

²⁾ Что Луцкъ принадлежалъ одному только Льву, видно изъ того, что послѣ его смерти онъ не переходитъ къ племяннику Юрію II, а достается зятю—Любарту и впоследствіи, въ борьбѣ, Любартъ терялъ нѣсколько разъ всѣ свои владѣнія, но каждый разъ получалъ назадъ именно Луцкъ. Сынъ его Федоръ титуловался княземъ Луцкимъ.

³⁾ Шараневичъ. „Исторія“ ст. 129.

⁴⁾ Daniłowicz „Scarbiec“ стр. 163.

ковъ князя, находившихся въ дружбѣ съ Орденомъ, ни слова не сказано объ Андрѣѣ, между тѣмъ умѣстнѣе всего было-бы въ этой грамотѣ указать на то, что и въ послѣднее время они жили мирно между собой (такъ сдѣлано въ грамотѣ 1324 года ¹⁾). Слѣдствіемъ, какъ кажется, перваго договора была извѣстная намъ изъ литовскихъ источниковъ борьба съ Гедиминомъ. Пользуясь войной Гедимина съ Орденомъ, Левъ Луцкій вторгнулся въ Литву съ цѣлью овладѣть Подлякіей ²⁾. На первыхъ порахъ это ему и удалось, но потомъ Гедиминъ отнялъ опять эту область, вторгнулся на Волынь, разбилъ Льва и заставилъ его бѣжать изъ страны. Онъ ушелъ къ своему родственнику, князю Брянскому, но уже вскорѣ возвратился, такъ какъ въ 1324 году Владиславъ Локетекъ сообщаетъ о смерти обоихъ братьевъ ³⁾. По отношенію къ Польшѣ князья держались мирной политики ⁴⁾ и, какъ кажется, заключили съ Владиславомъ такой же договоръ, какъ и съ Орденомъ; по крайней мѣрѣ дружественное чувство къ нашимъ князьямъ проглядываетъ въ письмѣ Локетка къ папѣ, описывающемъ ихъ смерть: „Hinc est, пишетъ Владиславъ, quod Sanctitati Vestrae insinuatione praesentium *cum dolore* reverentius intimamus, quod duo ultimi principes Ruthenorum de gente schismatica, quos immediatos pro scuto inexpugnabili contra crudelem gentem Tartarorum habebamus, descesserunt ex hac luce“ ⁵⁾. Кромѣ того остались нѣкоторые слѣды католической пропаганды, направлявшейся изъ Польши ⁶⁾.—Наконецъ, изъ вышеприведеннаго письма мы узнаемъ, что князья веди, не безъ успѣха, войну съ Татарами.

Послѣ смерти обоихъ братьевъ, Волынь осталась по прежнему

¹⁾ Ibidem ст. 173.

²⁾ Гедиминъ напалъ на Льва Луцкаго „dla tego, iż Drohiczin i Brzeście Litewskie był odjął czaszi wojny Krzyżackiej“ Stryk. I t. 364 ст.

³⁾ Выраженіе „descesserunt ex hac luce“ показываетъ, что они не были убиты, какъ утверждаетъ Шараневичъ относительно Льва („Исторія“ ст. 132), а умерли естественной смертью.

⁴⁾ Хотя есть свидѣтельства, что Русскіе опустошали Польшу, но вѣроятно это были отдѣльныя шайки см. Daniłowicz „Scarbiec“ ст. 149 № 290 „ucisnionie napadami sąsiednich Rusinów, Litwynów i Tatarów, oraz innych pogań“.

⁵⁾ Карамзинъ т. IV пр. 275.

⁶⁾ Въ 1317 г. папа пытается обратить въ католичество двухъ какихъ то русскихъ князей. Raynaldi „annales“ (Шараневичъ 137 ст). Dług. L. IX р. 928. На Руси были уже католики, платившіе папѣ десятину. Daniłowicz. Scarbiec t. I st. 162 № 315.

раздѣленной на двѣ части: западная Волинь съ Владимиромъ и Галиція остались за сыномъ Андрея Юріемъ II, восточная—съ Луцкомъ принадлежала зятю кн. Льва Любарту Гедиминовичу, мужу его единственной дочери, носившей очень странное имя Буши. Есть мнѣніе, что Левъ принужденъ былъ отдать свою дочь за Любарта, вслѣдствіе мирныхъ условій своихъ съ Гедиминомъ. Едва-ли можно согласиться съ этимъ, если припомнить ту любовь и уваженіе, которыми пользовался Любартъ на Волини и которыя едва ли были бы возможны, если бы онъ былъ навязанъ Волинцамъ противъ ихъ воли. Вѣрнѣе предположить, что бракъ былъ дѣйствительно слѣдствіемъ мира, но что онъ былъ заключенъ съ обѣихъ сторонъ совершенно добровольно, для большаго упроченія мира. О дѣятельности Любарта до смерти Юрія II мы не знаемъ рѣшительно ничего; о самомъ Юріи намъ извѣстно тоже очень мало.

Время княженія Юрія ознаменовалось фактомъ не имѣвшимъ себѣ ничего подобнаго во всей предыдущей исторіи Волини—именно—особеннымъ развитіемъ боярства и ограниченіемъ имъ власти князя. Какъ кажется, Юрій остался, послѣ смерти отца, еще малолѣтнимъ и впослѣдствіи не отличался особымъ развитіемъ тѣхъ качествъ, которыя необходимы всякому правителю, такимъ образомъ опекуны, заправлявшіе дѣлами въ малолѣтство князя, удержали свою власть и послѣ его совершеннолѣтія. Какова была дѣятельность и какое значеніе имѣли эти опекуны—бояре во внутренней жизни княжества, точно мы не знаемъ; вѣроятно, безъ ихъ утвержденія не обходилось ни одно важное предпріятіе. Въ сношеніяхъ же съ другими государствами, они утверждали заключаемые акты своими подписями и печатами. Такого значенія они достигли не сразу: въ первыхъ грамотахъ, дошедшихъ до насъ отъ времени правленія Юрія, мы подписей боярскихъ не видимъ, появляются они впервые въ грамотѣ 1335 года: князь Юрій „ex dono Dei natus Dux et Dominus Russiae“ даетъ грамоту отъ имени своего „cum nostris baronibus, nec non commilitaribus“¹⁾. Что касается состава этой боярской думы, то онъ, какъ кажется, былъ совершенно случайный; сюда входили и высшія духовныя лица, и высшіе придворные чины, и государственные чиновники, и наконецъ просто представители знатнѣйшихъ мѣстныхъ фамилій. Что составъ совѣта былъ случаенъ²⁾, мы

¹⁾ Зубрицкій *op. cit.* т. III ст. 253.

²⁾ I грамота: Chodor Episcopus Galiciensis, Demetrius Detko, Chotko Judex nostre

выводимъ изъ сравненія состава лицъ, подписавшихся на первой грамотѣ 1334 года и на второй—отъ 20 октября 1335 года. На первой грамотѣ, писанной во Львовѣ, подписался епископъ Галицкій Теодоръ, между тѣмъ какъ на второй, выданной изъ Владимира, его подписи нѣтъ; придворные чиновники—дядько князя¹⁾ Дмитрій и надворный судья, сперва Хотко, а затѣмъ Васко Кудриповичъ подписались на обѣихъ грамотахъ. Обѣ же грамоты подписали Михайло Елезаровичъ и Борисъ Кракула, сперва не имѣвшіе никакой должности, а потомъ, въ 1335 г., получившіе: первый воеводство въ Бельзской землѣ, а второй—въ Львовской землѣ; остальные подписались по одному разу. То, что во второй грамотѣ подписались воеводы Бельзскій, Перемышльскій, Львовскій и Луцкій²⁾, нужно приписать случаю, такъ какъ, во всякомъ случаѣ воеводы, не могли участвовать постоянно въ совѣтѣ.

Высшей степени своего развитія получило боярство въ послѣдніе годы правленія Юрія II и особенно во время безпорядковъ, послѣдовавшихъ за смертью Болеслава Тройдеповича. Въ эту пору оно представляетъ полную аналогію съ боярствомъ галицкимъ во время дѣтства Романовичей.

Отъ временъ Юрія II мы имѣемъ 4 грамоты 1325, 1327, 1334 и 1335 годовъ³⁾. Всѣ они имѣютъ почти одинаковое содержаніе: подтверждается союзъ съ Орденомъ на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ онъ былъ заключенъ съ его предшественниками Романомъ, Даниломъ, Львомъ, Юріемъ и Андреемъ.

Объ отношеніяхъ къ Литвѣ и Польшѣ мы ничего не знаемъ; можно догадываться, что особенно значительныхъ столкновеній не

curie, Georgius Calvus, Michabel Elezarowicz, Alexander Moldawicz, Borisco Krakula. II грамота: Demetrius Detko noster, Mychal Jelezarowicz Pallatinus Belzensis, Wasko Kudripowicz Judex curie nostre, Hryczko Kossaczowicz Pallatinus Premysleusis, Borisko Cracula Pallatinus Lemburgensis, Chodor Otek Pallatinus de Lutzek, Chotko filius Jeromiri". Зубрицкій *op. cit.* т. III ст. 253.

¹⁾ Кормилицычъ сравн. Daniłowicz Scarbiec t. I № 233. (Ostafij Djałko и Mikula Djadkowicz).

²⁾ Присутствіе въ думѣ воеводы Луцкаго какъ будто указываетъ на какую то зависимость Любарта отъ Юрія II. Возможно, что въ общихъ для всей Волыни дѣлахъ участвовали депутаты и отъ восточной Волыни.

³⁾ Daniłowicz Scarbiec t. I №№ 319, 328, 341 и 345.

было, а, какъ обыкновенно, происходили мелкіе грабежи съ обѣихъ сторонъ.

Съ Венграми въ 30-хъ годахъ произошло болѣе серьезное столкновение. Русскіе помогали Валахамъ въ ихъ борьбѣ съ Венграми. Борьба велась наѣздами: разграбивъ нѣсколько деревень, они исчезали въ горы. Король Карлъ рѣшился накопецъ, прекратить эти грабежи и въ 1332—4 годахъ предпринималъ походы въ Галицію, кажется, увѣнчавшіеся успѣхомъ ¹⁾.

Наконецъ, отношенія къ Татарамъ были преимущественно враждебныя. Объ этомъ можно заключать отчасти и потому, что Татары, за это время, часто нападали на Польшу и Литву ²⁾, а для этого нужно было прежде столкнуться съ Русью; кромѣ того извѣстно, что и предшественники его были „щитомъ непобѣдимымъ“ для ихъ западныхъ сосѣдей. Перевѣсь, кажется, въ большинствѣ случаевъ былъ на сторонѣ Руси; біографъ митрополита Петра говоритъ, что Волынь, въ это время, пользовалась благосостояніемъ „по многихъ ратехъ“ ³⁾; „рати“ эти были, очевидно, съ Татарами, такъ какъ иначе въ иностранныхъ источникахъ было бы хоть какое нибудь указаніе.

Въ 1336 году, какъ это вообще принято, хотя утверждать этого мы не можемъ, умеръ послѣдній представитель старшей линіи Изяславичей. Прямыхъ наслѣдниковъ не было и всѣ окружные владѣтели приплыли въ движеніе; одни изъ нихъ выставили своихъ кандидатовъ или сами явились ими, другіе помогали тѣмъ или другимъ изъ нихъ.

Ближе всѣхъ къ умершему князю стоялъ представитель младшей линіи Даниловичей, Юрій Даниловичъ Холмскій, приходившійся ему двоюроднымъ дядей ⁴⁾. Второе мѣсто занимали другіе Рюриковичи,

¹⁾ Pray. annales regum Hungariae. ad. an. 1332 (см. Шараневичъ ст. 137—8).

²⁾ Scarbiac № 290, 309, 315 и т. д.

³⁾ Тогда бо бѣше в своей чести и времени земля Волынская всякимъ обильствомъ преимуществу, и славою, аще и нинѣ по многихъ ратехъ“ см. Зубрицкій ор. cit. III ст. 255.

⁴⁾ Что этотъ Юрій—Даниловичъ—неоспоримо доказываетъ приписка на Румянцовскомъ евангелии. (Зубрицкій ор. cit. т. III ст. 266—8). Янъ изъ Чарикова называетъ его filiaſter Любарта. Шараневичъ предполагаетъ, что Даниилъ Мстиславичъ былъ женатъ на сестрѣ Любарта и что поэтому Янъ имѣлъ право называть его „сестрицемъ“. (ор. cit. ст. 148 пр. I). Стадницкій доказываетъ, что Юрій Бельскій былъ сынъ Наримунга Гедиминовича (извѣстенъ изъ мирнаго договора Казимира съ князьями литовскими,

удѣлѣвшіе до сихъ поръ; это были потомки Ярослава Изяславича Луцкаго; съ теченіемъ времени они захудали и частью сопли въ ряды боярства, частью княжили еще въ микроскопическихъ своихъ удѣлахъ; такихъ князей въ это время было довольно много ¹⁾, хотя большинства изъ нихъ мы не знаемъ даже по именамъ. Всѣ эти князья не могли предъявить своей кандидатуры, такъ какъ они были не популярны, а съ оружіемъ въ рукахъ поддержать себя они не могли, такъ какъ недостаточно были сильны для этого; и ихъ роль въ предстоящей борьбѣ состояла въ томъ, что они старались сохранить только то, чѣмъ владѣли раньше.— Затѣмъ слѣдовалъ Болеславъ Тройденевичъ. Онъ былъ сынъ Мазовецкаго князя Тройдена Болеславовича, который еще въ 1310 году женился на Маріи, дочери Юрія Львовича ²⁾. Болеславъ Тройденевичъ княжилъ въ какой то части Волыни, которую ему выпросила мать его у своихъ братьевъ Андрея и Льва или, можетъ быть, у племянника Юрія II. Этотъ удѣлъ былъ, по весьма вѣроятному предположенію Шараневича, Побужье, прилегающее къ Мазовіи ³⁾. Воспитывался онъ въ православіи, но, окруженный постоянно католиками, сохранилъ его только до смерти матери, послѣ же—немедленно принялъ католичество. Не малую роль

Акты, отн. къ ист. Зап. Рос. I ст. 1). Онъ основывается, главнымъ образомъ, на томъ, что другаго Юрія, болѣе подходящаго, онъ не знаетъ, затѣмъ,—что Стрыйковскій вездѣ называетъ Юрія—Наримунтовичемъ: „a gdy go mianuje „Jurij Narimuntowicz“, wiadać, że wiadomości swoje o nim czerpał ze źródeł ruskich i litewskich“ (Stadnicki. Synowie Gedymina II пр. 20). Но во 1-хъ Стрыйковскій не безгрѣшенъ—вспомнимъ двухъ Любартовъ, которыхъ онъ изобрѣлъ, а во 2-хъ Стадницкій не зналъ о припискѣ на Румянцевскомъ евангеліи.

¹⁾ Въ Уневской рукописи на 3-мъ листѣ находится роспись потомства Льва I-го; кромѣ именъ королей Данила и Льва и князей Юрія и Дмитрія, помѣщены здѣсь имена 36 человекъ (31 мужичинъ и 5 женщинъ), между которыми находятся и 2 епископа: Антоній и Алексій. (Истор. Гал. Сборн. II ст. 152—3. пр. 69). „Rex Casimirus, nonnullorum ducum Russiae (plures enim ea tempestate exstabant) praecibus placatus“... (Dług. L IX р. 1088). „Lubardus, eiectionis antiquis Russiae principibus cum nonnullis aliis pertinentiis occupabat“. Dług. L IX р. 1087.

²⁾ Мы думаемъ, что Марія—дочь Юрія I, а не внучка, потому, что Марія въ 1310 г. должна была имѣть по крайней мѣрѣ 15 лѣтъ, слѣдовательно, она родилась въ 1295 году, такъ что едва ли можно допустить, чтобы у 34-хъ лютняго Юрія была уже внучка. (Юрій родился въ 1261 г. см. Ип. лѣт. 567 ст.) Stadnicki (Syn. Ged. t. II 7 st.) думаетъ, что она была дочь Юрія II, что уже совершенно невозможно.

³⁾ „Исторія“ ст. 136.

въ этомъ игралъ Владиславъ Локетекъ¹⁾. Это былъ сильнѣйшій претендентъ, такъ какъ онъ пользовался поддержкой Литвы и Польши, будучи мужемъ Маріи, третьей дочери Гедимина, а съ другой стороны Владиславъ Локетекъ приходился ему двоюроднымъ дѣдомъ (проперос), а его преемникъ Казимиръ Великій—свокомъ, такъ какъ онъ былъ женатъ на другой дочери Гедимина²⁾. При жизни Болеслава, Казимиръ его поддерживаетъ и предъявляетъ свои права только послѣ его смерти³⁾.

Послѣднимъ претендентомъ является Любартъ Гедиминовичъ, женатый на Бушѣ, дочери Льва Юрьевича и уже владѣвшій Луцкой землей⁴⁾.

¹⁾ См. Theiner. t. I p. 299 и „Scarbiec“ I ст. 168 № 329.

²⁾ Существуетъ мнѣніе, отождествляющее личности Болеслава Тройденовича и Юрія II. Основывается оно, насколько намъ извѣстно, на слѣдующихъ словахъ Яна изъ Чарикова. „Mortuo magnifico principe Kazimiro, dicto Georgio totius regni Russiae duce, filio Troydini ducis Mazoviae“. (М. Р. Н. II p. 620—1). Г. Дашкевичъ, согласный съ этимъ мнѣніемъ, указываетъ еще на какую то грамоту Болеслава отъ 1339 года, которая хотя уже давно напечатана, но осталась доселѣ неизвѣстной русскимъ изслѣдователямъ. (Литовско-русское государство“ Ул. Изв. 1882 г. № 8 (ст. 332—3). Мы ея не знаемъ, а потому у насъ остаются еще нѣкоторыя сомнѣнія. Янъ изъ Чарикова называетъ Юрія—Казимиромъ; это не ошибка писца, какъ думаетъ г. Шляхтовскій (М. Р. Н. т. II ст. 620 пр. 1), такъ какъ немного далѣе онъ опять названъ Казимиромъ. Приписать же эту ошибку самому Яну, современнику всѣхъ этихъ событій, рѣшительно невозможно. Далѣе, какимъ образомъ, сидя на русскомъ княженіи, окуженный съ малолѣтства одними православными и притомъ очень могущественными боярами, Юрій могъ принять католичество и потомъ еще 13 лѣтъ (съ 1327 года) княжить безпрятственно. Если бы, наконецъ, онъ принялъ католичество, то развѣ Владиславъ Локетекъ ограничился простымъ извѣщеніемъ папы о такомъ рѣшительной важности событіи, о такомъ приобрѣтеніи западной церкви, котораго безусловно добивались папы, начиная со времени Владимира Святого. Между тѣмъ эта гипотеза очень выгодна въ томъ отношеніи, что она объясняетъ выраженіе Локетка въ письмѣ къ папѣ, что Андрей и Левъ Юрьевичи—„ultimi principes“. (Не сказалъ ли онъ это, зная неспособность Юрія II?). Во всякомъ случаѣ, вопросъ этотъ не можетъ быть рѣшенъ въ ту или иную сторону съ помощью только историковъ, которые теперь у насъ есть.

³⁾ „Noc anno rex Ruthenorum moritur et rex Cracoviae ratione consortis, quae filia regis Lithuaniae fuerat, terram apprehendere festinavit“. Ioannes Vitoduranus см. Стадницкій op. cit. t. II пр. 68.

⁴⁾ „A Liuborta priniał Wołodimerskij kniaz kdotece wo Wołodimer i w Lucesk, i wo wsiu zemliu Wołynskuiu“. (Лѣт. Даниловича ст. 27 рук.). Здѣсь лѣтописецъ ошибся; позже, дѣйствительно, онъ овладѣлъ и Владимірской землей; это случилось сейчасъ же послѣ смерти Болеслава Тройденовича. По женѣ же Любартъ получилъ только Луцкъ: „Liubardo Luceoriensi—terra cum omnibus territoriis primaevis et villis quemadmodum fuit a

Что касается Венгровъ, то хотя они и имѣли права на Галицкую землю, такъ какъ когда-то королевичи Андрей и Каломанъ занимали галицкій столъ, но въ данное время король былъ занятъ внутренними безурядицами и не смотря на то, что въ Галицкой землѣ существовала еще боярская партія, желавшая видѣть у себя на столѣ венгерскаго принца и дѣлавшая предложенія королю въ такомъ смыслѣ, Венгрія не представила своего кандидата ¹⁾.

Наконецъ, ханъ Узбекъ, пользуясь безурядицами, послалъ было, одного за другимъ, двухъ намѣстниковъ „*reges satis idoneos*“, какъ выражается флорентинецъ Виллани ²⁾, но они оба погибли отъ яда. Узбекъ не былъ въ состоянii теперь отомстить и оставилъ южную Русь въ покоѣ.

Такимъ образомъ южная Русь въ 1337 году представляла такую картину: съ одной стороны, на Побужьи сидитъ непопулярный своимъ характеромъ и особенно переходомъ въ католичество Болеславъ Тройденовичъ, но за то онъ пользуется поддержкой Поляковъ и Литвы; съ другой стороны, въ Луцкой землѣ княжитъ болѣе популярный, но менѣе сильный Любарть Гедиминовичъ. Представители младшихъ линій княжескаго дома робко предъявляютъ также свои права. Между тѣмъ въ обѣихъ столицахъ, Владимирѣ и Львовѣ идетъ ожесточенная борьба партій. Эта борьба продолжалась 2 года, такъ какъ еще въ 1338 г. къ королю Венгерскому прїѣзжалъ какой-то бояринъ князь Лохта и звалъ его на столъ ³⁾. Дѣло кончилось тѣмъ, что Болеславъ занялъ, какъ кажется, всю Галицкую землю, а Владимирская и Луцкая землѣ достались, не безъ упорной борьбы съ Изяславичами, Любарту ⁴⁾.

Болеславъ не долго княжилъ во Львовѣ. Натянутыя отношенія къ нему народа быстро превратились въ ненависть. Болеславъ—като-

---

principio, id est Stożek, Danilow, Żakamień, Szumsk, Ostrog, Polonne et Międzyboże“ Daniłowicz Scarbiec“ I № 432.

¹⁾ Pray „*annales Hungariae*“ см. Шарпаневичъ op. cit. ст. 150.

²⁾ Стадницкій op. cit. т. II ст. 7. Bielowski М. Р. Н. т. II ст. 623 not.

³⁾ Шарпаневичъ op. cit. 150 ст. пр. 11.

⁴⁾ „*Lubardus Gedimini... filius, cum Vladimiriensium ducis filiam uxorem duxisset omni eo tractu Russiae, qui Litwanis finitimus est, Russiae ducibus, vel ejectis, vel in ditio-nem acceptis, potitus est*“. (Krommer L. IX p. 308). „*Lubardus..... ejectis (изъ Волыни) antiquis Russiae principibus cum nonnullis aliis pertinenciis occupabat*“. Dług. L. IX p. 1087.

дикъ не любилъ ничего русскаго, окружилъ себя иностранцами, на которыхъ и сдалъ всё дѣла; наконецъ, развратное поведеніе его довершило всё: составился заговоръ и Болеславъ Тройденовичъ былъ отравленъ¹⁾; онъ умеръ въ 1340 году, не просидѣвъ и 2-хъ лѣтъ на княжескомъ столѣ.

Партиійная борьба возгорѣлась съ новой силой и всё шансы были теперь на сторонѣ Любарта, какъ православнаго и владѣльца всей Волини. Но тутъ вмѣшался Казимиръ Великій, приходившійся своякомъ Болеславу и имѣвшій давнишнее право на Галицкую землю, такъ какъ нѣкогда, по Зпшскому договору, часть ея принадлежала Польшѣ. Съ этихъ поръ начинается продолжительная борьба Любарта съ Казимиромъ и затѣмъ съ Людовикомъ Венгерскимъ, борьба, тянувшаяся всю жизнь Любарта. Каждый изъ борющихся старался объединить въ своихъ рукахъ всю Галицко-Владимирскую землю. При описаніи исторіи Волини при Любартѣ, только эта сторона ея и можетъ быть прослѣжена съ довольно удовлетворительною полнотой; что же касается другихъ сторонъ дѣятельности Любарта, то мы о нихъ не имѣемъ почти вовсе никакихъ извѣстій, благодаря, съ одной стороны, характеру нашихъ источниковъ и, съ другой стороны, тому, что борьба за Галичъ, а затѣмъ за Владимиръ также поглощала всё другія интересы Любарта, какъ, столѣтіе назадъ, у Даніила.

Съ небольшимъ отрядомъ Казимиръ внезапно появился въ галицкихъ предѣлахъ, захватилъ Львовъ²⁾; затѣмъ, собравши больше войска овладѣлъ Перемышлемъ, Любачевымъ, Галичемъ, Теревовлемъ

---

1) Witoduranus „Cum numerum et ritum Latinorum illic multiplicasset“. М. Р. Н. т. II р. 623. (not.) Jan z Czarnkowa „Quia legem et fidem eorum (русскихъ) immutare studebatur“. (ib. p. 628) Długosz. „Odii autem et necis causas varias plerique astruunt, quod videlicet ritus eorum schismaticos abrogare, et fidei Catholicae duritatem, ritumque et obedientiam Romanae ecclesiae introducere, firmareque illic plurimo studio quaesiverit; sive quod tributis datisque crebro illis exactionaverit gravaveritque, sive quod conjuges filiasque eorum sua incontinentia foedaverit, sive quod praefectos suos et officiales, curiensesque ex Polonis et Bohemis et Almanis collectos, probiis et injuriis eos afficere non prohibuerit“ L. IX р. 1058.

2) Кроммеръ утверждаетъ, что Любартъ послѣ смерти Болеслава успѣлъ захватить Галицкую землю. „Illo (Boleslao) interempto Lubartus eum ducatum possidebat“ L. XII р. 309.

и Густанью¹⁾ и дошелъ даже до Кременца на Волыни. Такимъ образомъ, онъ сразу овладѣлъ всей Галицкой землей²⁾.

Естественно было ожидать, что ни Любарть, ни сами жители Галицкой земли не отнесутся равнодушно къ такому захвату и Казимиру предстояла долгая борьба. Броженіе началось прежде въ самой странѣ. Перемышлемъ въ это время владѣлъ или, можетъ быть, управлялъ только старый бояринъ еще Андрея Юрьевича, княжескаго происхожденія, Дмитрій Дѣдко или Детко³⁾. Неизвѣстно, вслѣдствіе какихъ причинъ, весьма вѣроятно потому, что Казимиръ не исполнилъ своихъ обѣщаній относительно Галицкой земли, такъ какъ едва ли онъ могъ одной силой оружія овладѣть цѣлой страной въ одинъ походъ,—но Дмитрій соединился съ Данииломъ, княземъ Острожскимъ, родоначальникомъ этой знаменитой фамиліи и вмѣстѣ отправили посольство съ просьбой о помощи къ хану Узбеку. Это было еще въ 1340—1 году, но въ это самое время ханъ Узбекъ умеръ, въ Ордѣ начались междоусобицы и только когда они утихли и на престолъ вступилъ новый ханъ Джанибекъ, на помощь имъ явился отрядъ Татаръ, къ нимъ присоединился, безъ сомнѣнія, и Любарть съ силами Волыни. Походъ окончился изгнаніемъ польскихъ гарнизоновъ изъ галицкихъ крѣпостей и опустошеніемъ привислянской Польши⁴⁾.

Этотъ походъ не доставилъ однако Галицкой землѣ самостоятельности. Во избѣжаніе новой войны съ Казимиромъ, которая необходимо должна была произойти, Дмитрій Детко заключилъ съ нимъ

¹⁾ Длугошъ рассказываетъ (L. IX p. 1058—9), что первый свой приходъ Казимиръ захватилъ и Владимиръ и оставилъ тамъ свой гарнизонъ; во второй же разъ захватилъ всѣ остальные города Галиціи и Волыни. Это невѣрно, такъ какъ рѣшительно невозможно пройти громадное разстояніе отъ Кракова до Львова и затѣмъ до Владимира (около 600 верстъ), взять оба города и вернуться назадъ всего въ 1 мѣсяцъ (Зубрицкій. Крит. и ст. пов. ст. 109—11) и притомъ весной и окольными дорогами. Позже Витовтъ, описывая въ письмѣ къ Магистру Ордена свое путешествіе, говоритъ „Und von danken (изъ Кіева) das unser Podolie landt uff d-r lincken handt habende ken Luczске in XIII tagen mit gotes hulfe getruwen czu gelangen“. Cod. Vitoldi № MCCXCVIII p. 780.

²⁾ У Стадницкаго (op. cit. t. II st. 12—13) собраны извѣстія Яна изъ Чарикова Леобенской хроники, Яна Витодурана и Густинской лѣтописи, которыя доказываютъ, что первый захватъ Галиціи Казимиромъ произошелъ въ 1340 году.

³⁾ Детко, конечно, тотъ князь, котораго отыскивалъ Зубрицкій по поводу надписи на колоколѣ 1341 года во Львовѣ: „въ лѣт(о) 6849 сольмънъ бы колоколъ спи стому Юрью при князи Димитриі игуменомъ Евѣфимьемъ“. Крит.-ист. пов.-ст. 78.

⁴⁾ Dług. p. 1071—2. Jan z Szarnkowa M. P. N. t. II 623 st.

какой-то миръ, о которомъ мы знаемъ изъ дошедшей до насъ грамоты его къ торнскимъ купцамъ; въ этой грамотѣ Детко убѣждаетъ ихъ пріѣзжать, какъ прежде, торговать, увѣряя ихъ, что страна уже успокоена ¹⁾. По этому миру Галицкая земля стала въ извѣстныя зависимаго отношенія къ Польшѣ.

Въ теченіи почти 6 лѣтъ, мы не встрѣчаемъ указаній на какую бы то ни было борьбу. Кроммеръ, впрочемъ, сохранилъ извѣстіе о мирномъ договорѣ, въ существенныхъ чертахъ схожемъ съ извѣстнымъ намъ договоромъ, текстъ котораго сохранился. По этому договору Владимирская, Луцкая, Бельзская, Холмская и Брестская остаются во владѣніи прежнихъ владѣльцевъ, князей литовскихъ; Юрій Наримунтовичъ владѣетъ Кременцемъ и Галицкая земля остается за Казимиромъ ²⁾. Въ такомъ положеніи дѣла стояли до 1349 года ³⁾, когда Казимиръ почувствовалъ себя въ состояніи нанести рѣшительный ударъ Любарту, который не успѣлъ еще оправиться отъ того страшнаго пораженія, которое нанесли ему съ братьями рыцари на берегу р. Стравы, за годъ передъ этимъ ⁴⁾ въ походѣ, предпринятомъ вел. кн. Ольгердомъ. Пользуясь безсиліемъ Любарта и раздорами его съ мелкими князьками Иязславичами, онъ привлекъ ихъ на свою сторону и легко овладѣлъ Владимиромъ, Луцкомъ, Берестьемъ и многими другими городами. Наконецъ, онъ осадилъ и, послѣ продолжительнаго сопротивленія, принудилъ къ сдачѣ послѣдній державшійся еще городъ—Холмъ, гдѣ засѣлъ извѣстный своею храбростію Юрій Даниловичъ. Завладѣвъ имъ, Казимиръ распорядился чрезвычайно умно: предвидя, что Любартъ не оставитъ дѣла въ такомъ положеніи и пользуясь поддержкой братьевъ рано или поздно возвратитъ себѣ отнятыя имъ земли, онъ отдаетъ ихъ прежнимъ владѣльцамъ ⁵⁾ на из-

¹⁾ Daniłowicz Scarbiec № 366 t. I st. 183. „Demetrius Dedko provisor seu capitaneus terre Russie“ Datum Lemburgo anno presentis. Безъ точнаго обозначенія года см. также М. Р. Н. т. II ст. 621—2 not.

²⁾ Krommer L. XII p. 309. (По польскому изданію 1767 г.—st. 346). Daniłowicz Scarbiec № 362. t. I st. 189 и „Inventarium“ p. 371. (см. Шараневичъ ст. 163).

³⁾ Acta patriarchatus т. I. Въ письмѣ отъ сентября 1347 года Іоаннъ Кантакузенъ, императоръ Византійскій называетъ Любарта княземъ Владимирскимъ.

⁴⁾ Daniłowicz Scarbiec № 383. „Posiłki z Włodzimierza, Brzesція, Smoleńska i Połocka“, т. ч. участіе Любарта очень вѣроятно.

⁵⁾ Любарту онъ возвратилъ только одну Луцкую землю.

стныхъ условіяхъ ¹⁾ и въ тоже время укрѣпляетъ и снабжаетъ сильнымъ гарнизономъ Берестье, какъ, такъ сказать, ключъ къ Волини, и Львовъ—центръ Галицкой земли.

Страшная моровая язва 1349—52 годовъ помѣшала Любарту немедленно пачать борьбу, но какъ только она прекратилась, Любартъ съ братьями Ольгердомъ и Кейстутомъ вступили въ предѣлы Владимирской земли. Многіе города сдались добровольно, такъ какъ жители не симпатизировали Полякамъ, а изъ остальныхъ, гдѣ были польскіе гарнизоны, они должны были выйдти послѣ болѣе или менѣе продолжительной осады. Такимъ образомъ въ скоромъ времени въ ихъ рукахъ уже были города Владимиръ, Берестье, Холмъ и Бельзъ ²⁾. Движеніе князей удержалъ одинъ Львовъ, который, благодаря новоустроенной Казимиромъ каменной крѣпости и громадному гарнизону, представлялъ солидную силу. Встрѣтивъ здѣсь серьезный отпоръ, они повернули на сѣверъ, ворвались въ самую Польшу и опустошили земли: Луковскую, Сендомирскую и Радомскую. Происходило много стычекъ, но рѣшительной битвы не было.

Любартъ, не оставляя еще надежды овладѣть и Галицкой землей, но ясно было, что сила одной Литвы и Волини будетъ недостаточна для этого, тѣмъ болѣе, что всѣхъ силъ Литвы нельзя было двинуть, такъ какъ тогда сѣверная Литва осталась бы совершенно беззащитной отъ нападений рыцарей. Рѣшено было просить помощи у хана Джанибека.

Усиленіе Литвы уже давно безпокоило великаго князя Московскаго Симеона Ивановича; находясь въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ ханомъ, онъ представилъ ему, какъ опасно усиленіе Литовцевъ для Орды и убѣдилъ его не только не помогать литовскимъ князьямъ, но и выдать ему пословъ ихъ, князей Коріата и Симеона Явнугевича. Только за большой выкупъ выпустилъ Симеонъ литовскихъ пословъ. Чтобы обезпечить себя съ этой стороны на будущее время, Ольгердъ и Любартъ женились на родственницахъ Симеона: Ольгердъ—на Ульянѣ Тверской, а Любартъ на Аннѣ кн. Ростовской. Теперь уже и самъ Симеонъ присоединяется къ ходатайству литовскихъ

¹⁾ Въ 1349 г. онъ даетъ привилегію торискимъ купцамъ покупать, торговать и жить во Владимирѣ. Scarbičs № 392.

²⁾ Dlug. L. IX p. 1092. и Krommer L. XII p. 315.

князей и, благодаря его влиянію, они получили значительный отрядъ ¹⁾.

Казимиръ тоже не терялъ времени. По его просьбѣ, папа пожертвовалъ ^{1/10} часть церковной десятины, собираемой въ Польшѣ, на военные расходы; а когда надежда обратить въ католичество князя Кейстута ²⁾, остававшагося язычникомъ, исчезла, такъ какъ онъ отвергъ предложенія папы и присоединился къ братьямъ, то папа приказалъ архіепископу Гнѣзненскому и епископамъ Краковскому и Вратиславскому объявить крестовый походъ на схизматиковъ и Татаръ съ обычными льготами крестоносцамъ ³⁾. Съ другой стороны Казимиръ возобновилъ договоръ съ Людовикомъ и Стефаномъ Венгерскими ⁴⁾, по которому эти послѣдніе уступаютъ ему свои права на Галицкую землю и обязываются помогать ему въ случаѣ чьегонибудь нападенія на нее, а, взамѣнъ того, Казимиръ обѣщаетъ въ случаѣ, если онъ умретъ бездѣтнымъ, завѣщать Галицкую землю вмѣстѣ съ Польшей королю Венгерскому.

Военныя дѣйствія начались нападеніемъ Татаръ сперва на Покутіе, а затѣмъ на Венгрію. Борьба продолжалась до 1354 года и

¹⁾ Длугошъ приписываетъ приглашеніе Татаръ одному Ольгерду. „Tartari magna glomerati multitudine, et ab Olgierto Lithuaniae duce donis et promissionibus variis illecti terram Podoliae regno Poloniae subjectam varia caede et spoliis vastarunt. Grandi enim praefatus dux Olgiertus cruciabatur spiritu, quia Casimirus Poloniae rex placnam Leopoliensis terrae possessionem, mortuo Boleslao, filio Troydeuis, ducis Mazovie nactus fuisset“. L. IX p. 1093. Конечно, указаніе на Подолье здѣсь ошибочно, такъ какъ оно завоевано Казимиромъ не было и не принадлежало Польшѣ. Длугошъ считаетъ здѣсь за него юго-восточную часть Галичины.

²⁾ Daniłowicz Scarbiec. № 388 и 390.

³⁾ Daniłowicz Scarbiec. № 398.

⁴⁾ Въ первый разъ въ такомъ духѣ заключенъ былъ договоръ еще въ 1339 году, на сѣздѣ въ Вышеградѣ, между Казимиромъ и отцомъ Людовика Карломъ. Актъ его намъ неизвѣстенъ, а знаемъ мы о немъ только изъ Яна изъ Чарикова (ст. 637—8); по его разсказу, въ благодарность за объявленіе сына наследникомъ, Карлъ обѣщаетъ возвратить Польшѣ собственными силами Померанію, захваченную рыцарями. Въ 1352 г. мы имѣемъ второй актъ, по которому, въ случаѣ если Казимиръ женится и у него родится сынъ, то король Венгерскій имѣетъ право выкупить у него „regnum Russiae“, которую онъ теперь уступаетъ, имѣя въ виду наследовать польскій престолъ см. Stanicki op. cit. t. II not. 79 st. 231—2. Въ актѣ Людовикъ титулуется *Galiciae et Lodomeriae rex*, безъ всякаго прочнаго основанія, такъ какъ Венгры никогда не владѣли ни однимъ клочкомъ Волынской земли. Наконецъ, въ 1364 г. былъ заключенъ новый договоръ, по которому Людовикъ, въ случаѣ рожденія у Казимира сына, отказывался и отъ права на выкупъ *Regnum Russiae*. (Станницкій op. cit. t. II ст. 232). Очевидно, на рожденіе сына у Казимира мало было надежды.

кончилась неудачно для Любарта и его братьевъ. Татары были разбиты воеводой Седмиградскимъ Андреемъ и прогнаны изъ предѣловъ Венгрии. Въ то же время силы литовскихъ князей раздѣлились, такъ какъ Казимиру удалось убѣдить великаго магистра Ордена, что усиленіе Литвы опасно и для него; такимъ образомъ противъ Казимира были теперь только силы Любарта, Явнута, Кейстута и нѣсколькихъ еще мелкихъ князьковъ, а Ольгердъ, Кориатъ и Патрикій остались на сѣверѣ охранять землю отъ рыцарей¹⁾. Князья были сбиты на всѣхъ пунктахъ. Наконецъ, Любартъ былъ осажденъ во Владимирѣ и обманомъ захваченъ въ плѣнъ; черезъ нѣсколько времени онъ былъ выпущенъ на свободу за порукой Кейстута²⁾. Но въ это время роли мѣняются—перевѣсъ оказывается уже на сторонѣ литовскихъ князей, такъ какъ Венгры ушли домой, а на помощь Любарту пришелъ Ольгердъ съ свѣжими силами; Казимиръ принужденъ былъ выйти изъ предѣловъ Волыни. Вскорѣ послѣ этого заключено было перемиріе на 2 года, по условіямъ почти совершенно сходное съ заключеннымъ раньше, въ 1347 году. За Казимиромъ остается Галицкая земля; князья литов-

¹⁾ Акты, отн. къ ист. Зап. Руси т. I ст. 1.

²⁾ „Lubartus superioribus bellis captus et ad cautionem fratrum suorum verba et litteris praestitiam dimissus“. Dług. L. IX p. 1150. Кояловичъ увѣряетъ, что при осадѣ Владимира захваченъ былъ Кейстутъ, что онъ обѣщалъ креститься и пользоваться свободой, убѣждалъ; Любарта же вывелъ изъ города какой то бояринъ Богданъ изъ Иваничъ (Bogdanus de Iwanice), котораго Любартъ богато одарилъ и котораго сдѣлалъ родоначальникомъ фамиліи Иванецкихъ (Iwaniczioium) т. I ст. 316—17¹⁾. Длugoшъ тоже говоритъ, что Кейстутъ былъ захваченъ въ плѣнъ въ какомъ то сраженіи, обѣщалъ со всѣми братьями креститься и убѣждалъ, пользовался сравнительной свободой. I. IX p. 1092—93. Наконецъ Кроммеръ L. XII. p. 354 (изд. 1767 г.) утверждаетъ, что взятъ былъ въ плѣнъ Любартъ, но выпущенъ ли былъ онъ по договору или самъ убѣждалъ, не говоритъ. Основываясь на актѣ (Акты отн. къ ист. зап. Рос. т. I ст. 1) договора, должно утверждать, что Любартъ былъ взятъ въ плѣнъ королемъ Венгерскимъ и Кейстутъ имѣлъ тутъ какое то близкое отношеніе „будетъ ли яль его король по кривдѣ, Любартъ будетъ правъ и я князь Кистютій буду правъ передъ въгорьскимъ королемъ, будетъ ли король правъ, намъ своего брата Любарта дати оугорьскому королеви оу ягъство“. Długoszъ увѣряетъ, что, взятый въ плѣнъ, Любартъ былъ выпущенъ на срокъ на поруки братьямъ, но обѣщанія своего не исполнилъ и не явился опять. Онъ—„vir ambiguae fidei et dolositatis plurimae“. Lil. IX p. 1150.

¹⁾ Подъ Владимиромъ существуетъ д. Лиговище. По преданію, здѣсь стоялъ королевскій обозъ, въ который ходилъ на развѣдки Богданъ. А на поляхъ этой же деревни—высокая могила „Иванича“, въ которой, по преданію, былъ онъ похороненъ, убитый въ битвѣ.

скіе удержали за собой всю Волинь; Юрій Наримунтовичъ сохранилъ въ своихъ рукахъ сильнѣшую крѣпость на Волини, Кременецъ въ завѣсности отъ короля и князей Литовскихъ, какъ пунктъ, владѣніе которымъ обезпечивало владѣніе всей юго-западной Волинью. Владѣть имъ онъ могъ до заключенія полнаго мира, а до тѣхъ поръ не имѣлъ права укрѣплять его; вообще запрещено было строить новыя укрѣпленія и возобновлять старыя, какъ на Волини, такъ и въ Галицкой землѣ. Наконецъ, чтобы обезпечить на будущее время такой раздѣлъ земель, было сдѣлано слѣдующее условіе: Литовцы не могутъ помогать Татарамъ въ ихъ походахъ на Галицкую землю, а Поляки— Венграмъ, если они предпримутъ походъ на земли „што Литвы слушаютъ“ 1).

Вскорѣ послѣ заключенія этого перемирія, Любартъ околными дорогами прошелъ къ Галичу, взялъ его и опустошилъ; затѣмъ,

---

1) Грамота эта не имѣетъ даты и её легко можно было-бы отнести и къ 1357 году и къ болѣе раннему времени, но одно обстоятельство указываетъ именно на 1354 г. Съ польской стороны, кромѣ Казимира, указаны еще князья Мазовецкіе—Семовитъ и Казимиръ. Казимиръ наследовалъ свое княжество Плоцкое (которое упоминается при перечисленіи земель, принадлежащихъ Казимиру) послѣ Болеслава, племянника Болеслава Тройденовича, который умеръ въ 1351 г. („A. D. 1357 obiit dux Boleslaus Plocensis, amicus ecclesie“. *Spominki Władysławskie* M. P. H. t. II st. 944), такъ что если бы эта грамота относилась къ болѣе раннему времени, то былъ бы, безъ сомнѣнія, упомянутъ и этотъ Болеславъ; она не можетъ относиться и къ болѣе позднему времени, такъ какъ Казимиръ умеръ въ 1355 г. (*M. P. H. t. II st. 620 not. Spominki Plockie i Sochaczewskie ib. t. III st. 120, 124, также Rodowół książąt Polskich ib. st. 284*) и его землями завладѣлъ его братъ, то объ немъ бы и не упоминали въ грамотѣ. Стадницкій (*op. cit. II st. 31—36*) относитъ его къ времени между 1341 и 1349 гг. на довольно шаткихъ основаніяхъ: онъ указываетъ, что въ грамотѣ первымъ, во главѣ литовскихъ князей стоитъ Явнутій; считалъ его поэтому великимъ княземъ, Стадницкій относитъ договоръ къ времени между 1341—5 гг., между тѣмъ теперь уже вполне выяснено, что Явнутій въ данномъ случаѣ былъ только замѣстителемъ Ольгерда, на котораго грамота ясно указываетъ, какъ на великаго князя. Далѣе, онъ говоритъ, что вполнѣдствіи Казимиръ такъ сошелся съ Людовикомъ, что едва ли онъ могъ, назначивъ его своимъ наследникомъ, включить въ число условій такое требованіе „аже поидеть оугорскыи король на литву, польскому королеви помагати, аже поидеть на русь, што литвы слушаетъ, королеви не помагати“ (*A. O. K. H. 3. P. t. I st. 1*); на это можно отвѣтить, что первый договоръ между Казимиромъ и отцемъ Людовика былъ заключенъ еще въ 1339 г.—Свидѣтельство Кроммера (*Stadnicki t. II st. 35 not. 55*) намъ кажется не вполнѣ убѣдительнымъ, такъ какъ онъ также могъ впасть въ заблужденіе вслѣдствіе того, что Явнутій помѣщенъ на первомъ мѣстѣ. Наконецъ, если это было до 1349 года и Венгры не участвовали въ походѣ, то чѣмъ объяснить слова акта „и я князь Кистютни буду правъ передъ вѣгорскимъ королемъ“.

черезъ нѣсколько времени, сдѣлалъ новый набѣгъ на Польшу и зашелъ такъ далеко, что боялись, чтобы онъ не взялъ Плоцкъ; оба набѣга были такъ быстры и неожиданны, что Казимиръ не успѣлъ даже собрать войскъ и Любартъ безпрепятственно воротился съ добычей. Война возобновилась. Въ общемъ, какъ описываютъ её польскіе исторички, она очень сходна съ войной 1354 года, такъ что можно было бы сомнѣваться въ томъ, что она на самомъ дѣлѣ происходила, и принять её какъ слѣдствіе особаго приѣма Длугоша и нѣкоторыхъ другихъ польскихъ авторовъ, которые часто одинъ и тотъ же фактъ разбиваютъ на части и ставятъ ихъ подъ разными годами; но въ данномъ случаѣ этого не было, такъ какъ борьба эта подтверждается документальными данными.—Казимиръ опять призвалъ на помощь короля Венгерскаго, вошелъ въ сношенія 7 татарскими князьями и пригласилъ ихъ къ себѣ на службу ¹⁾, (впрочемъ объ ихъ участіи мы ничего больше не знаемъ) и наконецъ просилъ помощи у Ордена ²⁾. Папа, какъ и прежде, отдалъ десятую часть церковныхъ пошлинъ на расходы. Походъ, кажется, состоялся, по крайней мѣрѣ папа, въ письмѣ своемъ къ Людовику Венгерскому, упоминаетъ о какой то его побѣдѣ надъ Литовцами и Русью. Вслѣдствіе вмѣшательства Ольгерда, который въ это время успѣлъ заключить миръ съ Орденомъ ³⁾, Казимиръ принужденъ былъ заключить миръ на тѣхъ же условіяхъ, что и прежде ⁴⁾.

Миръ, такимъ образомъ продолжался до 1366 года. Въ этотъ промежутокъ времени замѣчается какое-то отчужденіе Любарта отъ братьевъ. Причина его заключалась, какъ нужно думать, въ неудовольствіяхъ изъ за волостей. Волянь теперь не вся принадлежала Любарту, а была раздроблена между нѣсколькими владѣльцами: Кей-

¹⁾ Daniłowicz. Scarbiec t. I № 411.

²⁾ Людвигъ, курфюрстъ Бранденбургскій, зять Казимира пишетъ письмо къ великому магистру Ордена и извѣщаетъ его о томъ, что Литовцы, Татары и Русскіе совершенно опустошили землю Казимира и что лѣтомъ слѣдующаго 1356 года предпринимается большой походъ противъ нихъ, поэтому онъ проситъ и магистра помочь имъ. Daniłowicz, Scarbiec t. I № 410.

³⁾ Въ сентябрѣ 1356 года папа въ письмѣ упрекаетъ магистра Генриха де Книпроды и рыцарей за то, что они захватили нѣкоторые замки, принадлежавшіе Казимиру Мазовецкому. Daniłowicz. Scarbiec I № 415.

⁴⁾ Въ январѣ 1357 г. папа упрекаетъ Казимира за то, что онъ примирился съ Литовцами и Татарами, Th. iner. t. I p. 581.

стутъ владѣль Берестейской землей, Ольгердъ—гор. Кобриномъ, Юрій Наримунтовичъ—Кременцемъ ¹⁾. Такая раздробленность, конечно, не правилаась Любарту. Какъ бы то ни было, но мы не имѣемъ никакихъ указаній на участіе Любарта ни въ походѣ Ольгерда на Татаръ и въ битвѣ на Синихъ Водахъ ²⁾, ни въ завоеваніи Кіевской земли и Подолья. Особенно враждебно ³⁾ онъ относился къ завоеванію Ольгердомъ Подолья, такъ какъ теперь Любарть очутился окруженнымъ со всѣхъ сторонъ или Польскими владѣніями, или владѣніями братьевъ, которые не прочь были отхватить у него частицу его богатой земли, какъ это уже сдѣлали съ Кременцемъ, отданнымъ Юрію Наримунтовичу.

Въ то время какъ Ольгердъ, завоевывая Подолье, боролся съ одною ордою Татаръ, другая—помогала Любарту и Юрію Бельзскому опустошать польскіе предѣлы. ⁴⁾ Въ 1366 году прекратилась, наконецъ, борьба между императоромъ Нѣмецкимъ и королемъ Венгерскимъ, въ которой принималъ участіе и Казимиръ. Немедленно онъ отправляется на обоихъ князей; съ нимъ соединились и Коріатовичи—Юрій и Александръ. Прежде всего они подступили къ Бельзу; Юрій сдался безъ борьбы и страна и городъ остались цѣлы. Затѣмъ одинъ за другимъ были взяты почти безъ сопротивленія Холмъ, Владимиръ, Луцкъ, Олеско и многіе другіе города. Вся Воынь попала такимъ образомъ въ руки Казимира, такъ какъ Любарть, не осмѣливаясь на рѣшительную битву, отступалъ всё дальше и дальше къ востоку.—Ольгердъ былъ въ это время занятъ борьбой съ Орденомъ. Хотя онъ и не ладилъ съ Любартомъ, но усиленіе Казимира казалось ему слишкомъ опаснымъ, чтобы не забыть семейныхъ раздоровъ; дѣло было улажено путемъ дипломатическихъ переговоровъ. Любарть полу-

¹⁾ Явнугій владѣль Заславомъ—по Шараневичу—Воыньскимъ, по Стадницкому—Литовскимъ.

²⁾ Kojalowicz I р. 258 относитъ ее къ 1331 г., но см. Стадницкій „Syn. Ged.“ Коріать, пр. 58.—въ 1362 г.

³⁾ Братья Коріатовичи, которымъ Ольгердъ отдалъ Подолье во время борьбы Любарта съ Казимиромъ, въ 1366 г. стояли на сторонѣ послѣдняго.

⁴⁾ Въ 1363 г. (по Raunald'у) папа Иннокентій VI прислалъ отпущеніе грѣховъ на 12 лѣтъ всѣмъ, которые будутъ помогать Казимиру противъ Литовцевъ, Татаръ и всѣхъ прочихъ невѣрныхъ и схизматиковъ. Daniłowicz. Scarbies. t. I № 427

чиль только то, чѣмъ онъ владѣль съ самаго начала ¹⁾, т. е. Луцкъ со всѣми тянувшими къ нему пригородами: Стожкомъ, Даниловымъ, Закаменемъ, Шумскомъ, Острогомъ, Полоннымъ и Межибожьемъ. Вся сѣверная часть Волини—Берестейская земля съ городами: Брестомъ, Каменцемъ, Дрогичинимъ, Мельникомъ и Бѣльскомъ окончательно была утверждена за Кейстутомъ; Ольгердъ остался по прежнему владѣть Кобриномъ. Что касается Владимирской земли, то она была подѣлена на двѣ части: Владимиръ съ округами Городельскимъ, Любомльскимъ, Турійскимъ, Ратненскимъ, Кошерскимъ и Влучимскимъ, а также г. г. Кременецъ, Перемышль(?) и Олеско достались королю, другая же часть, именно: г. г. Ветлы, Лбязь, Черный Городокъ, Камень и Мельница ²⁾ съ ихъ округами остались Любарту, но по отношенію къ нимъ, онъ становился въ зависимыя отношенія къ Казимиру ³⁾. Кромѣ того Казимиръ получилъ всю Холмско-Бельзскую землю. Въ доставшихся частяхъ Волини онъ оставилъ прежнихъ мелкихъ владѣльцевъ, а Юрію Бельзскому даже отдалъ Холмъ. Во Владимирской землѣ онъ посадилъ Александра Коріатовича, который помогалъ ему въ войнѣ съ Любартомъ, и кромѣ того во Владимирѣ оставилъ своего коменданта. ⁴⁾ Во всемъ этомъ виденъ тонкій расчетъ геніальнаго политика: онъ предпочелъ назначить Александра правителемъ Владимирской земли для того, чтобы переходъ отъ Литовскаго къ Польскому владычеству съ его новыми уставами и обычаями не показался слишкомъ рѣзкимъ, и онъ приготовляетъ новопріобрѣтенную страну къ объединенію съ Польшей посредствомъ ряда постепенныхъ нововведеній. Любартъ становился въ зависимость къ Казимиру и долженъ былъ помогать ему во всѣхъ случаяхъ, кромѣ тѣхъ, когда война будетъ идти съ Литвой, тогда Любартъ долженъ былъ

¹⁾ Daniłowicz. Scarbicz. t. I № 432.

²⁾ Въ новомъ, еще не выпущенномъ изданіи архива гр. Сангушка, на первомъ мѣстѣ помѣщенъ раздѣльный актъ, гдѣ точно указаны границы обѣихъ частей: „къ Володимиру **Ѡ**ступаетъ ся по толѣ: по Оуймицѣ, по Пѣсчаний Бродъ, по Еоуфимково село, **Ѡ**т Еоуфимкова села до Маркова става, **Ѡ**т Маркова става по Львовскую дорогу къ Скоморохрмъ, а **Ѡ**г Пѣсчана броду по ниньскій мостъ, а **Ѡ**г толѣ по Турью, по колѣ Турья прошла“ (ст. 1). Эта линія отдѣляетъ польскую половину Владимирской земли отъ оставшейся за Любартомъ. Къ сожалѣнію эти мѣстности почти всѣ не опредѣлены.

³⁾ Daniłowicz. Scarbicz. t. I № 432.

⁴⁾ Długosz L. IX p. 1150.

оставаться нейтральнымъ; въ свою очередь Казимиръ обязался помогать Любарту ¹⁾. Для рѣшенія пограничныхъ споровъ была учреждена особая коммиссія изъ двухъ судей со стороны Польши — Люблинскаго подкоморія Крота и королевскаго подкоморія Рафала и двухъ—со стороны князей Литовскихъ Олизара отъ Ольгерда и Ивана Мстишинскаго ²⁾ со стороны Любарта. Коммиссія судила польскихъ подданныхъ по польскимъ законамъ, а литовскихъ—по литовскимъ.

Но всё это были палліативы и дѣла существенно не рѣшали. Уже въ 1368 г. Кейстутъ напалъ на Пултовскъ, владѣнія Семовита Мазовецкаго и пограбилъ его ³⁾, а въ 1370 году во время безпорядковъ, послѣдовавшихъ за смертью Казимира, всѣ плоды его трудовъ были потеряны для Польши

Въ отношеніи къ новопріобрѣтённымъ землямъ Казимиръ поступалъ, какъ великій политикъ ⁴⁾. Кромѣ того уже, что онъ оставилъ прежнихъ владѣльцевъ, мелкихъ князьковъ, онъ не тѣснилъ религіи своихъ новыхъ подданныхъ, хотя, конечно, католическая пропаганда при немъ усилилась; наконецъ, онъ старался тѣснѣе привязать ихъ къ Польшѣ различными привилегіями городамъ и развитіемъ тор-

¹⁾ Все это было опредѣлено въ особомъ условіи между Казимиромъ и Любартомъ: „а князи Дмитрию помогати королеви на всякаго неприятеля опроче своеѣ братьѣ, безо всякоѣ хитрости и лъсти. ....а коли братья княжа пойдуть на короля, князю Дмитрию братьи не помогати; а кто поидеть на мене (Любарта) королеви помогати мнѣ на моѣ неприятелѣ безо всякое хитрости и лъсти, а мнѣ королеви помогати, **о**ль на годъ минеть Дмитривъ день“ (arch. Sang. I p.) Такимъ образомъ срокъ исполненія договора полагается въ одинъ годъ.

²⁾ Добавочный документъ напечатанъ у Наруевича т. VI р. 328. Иванъ Мстишинскій подписался на вышеуказанной грамотѣ (Ar. Sang. № 1) въ числѣ 5 знатнѣйшихъ лицъ въ княжествѣ; эти лица: владыка Луцкій Арсеній, князь Данилій, безъ сомнѣнія, отецъ Ѳедора Даниловича Острожскаго, Васко Киръ Февльчъ (ср. Scarbics № 345), Иванъ, воевода Луцкій и Иванъ Мстишинскій. О Васкѣ мы имѣемъ еще одно извѣстіе отъ 1388 г. (Ar. Sang. № XI): онъ поручился за вѣрность какого то Олехна королю, вмѣстѣ съ кн. Ѳедоромъ Даниловичемъ Острожскимъ, кн. Романомъ Ѳедоровичемъ, кн. Семеномъ Ивановичемъ, кн. Александромъ Четвертинскимъ, Пяномъ Несвижскимъ, Ескомъ Романковичемъ и Андрѣйкомъ Романковичемъ, причемъ онъ занималъ предіослѣднее мѣсто. Послѣ паденія Ѳедора Любартовича и Васко, занимавшій первое мѣсто среди приближенныхъ князя не княжескаго происхожденія, долженъ былъ уступить его приближеннымъ кн. Острожскаго и затѣмъ Витовта.

³⁾ Dług. L. IX р. 1054—5. Jan z Czarnkowa р. 631.

⁴⁾ Статницкій вкратцѣ перечисляетъ заслуги Казимира, дающія ему право на прозвище „Великаго.“ Syn. Ged, t. II st. 39 not. 62.

говля. Торговля до этого времени подвергалась многим затруднениям; теперь же былъ устроенъ главный торговый путь изъ Торна, черезъ Люблинъ и Бересгье къ Владимиру ¹⁾. Путь этотъ былъ совершенно безопасенъ и обезпеченъ отъ всякихъ задержекъ со стороны мѣстныхъ властей и мелкихъ владѣльцевъ; такой же путь былъ устроенъ и въ Венгрію. Налоги, взимавшіеся при переѣздахъ черезъ границу, увеличены не были и иностранные купцы имѣли по прежнему право торговать гдѣ угодно: „а мыто не прымышляти,“ говоритъ Сангушковская грамота, „но какъ изъ вѣка пошло, а по старымъ дорогамъ гостемъ пойти куда хочеть, а гостя не приневолити, но куда хочеть, туды поидеть.“ ²⁾ Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о томъ, были ли даны новоприсоединеннымъ землямъ какія нибудь привилегіи, но предполагаемъ, что были даны, какъ онѣ были даны и Галицкой землѣ, напр. г.г. Львову, Саноку, Решову, Коломыѣ и другимъ, такъ какъ это одно изъ лучшихъ средствъ привязать къ себѣ жителей.

Не довольствуясь одними мирными средствами, Казимиръ старался упрочить владѣніе страной и постройкой новыхъ крѣпостей. Съ особеннымъ рвеніемъ онъ принялся за устройство каменныхъ укрѣпленій во Владимирѣ. На одни матерьялы была отпущена громадная, по тому времени, сумма денегъ — 3300 гривенъ серебра. Строилъ ее инженеръ изъ духовныхъ, какой то Венцеславъ изъ Тангина. Постройка продолжалась 2 года и всё таки не была окончена ³⁾: её прервала смерть Казимира. Съ его смертью Польша, потеряла и всё его приобрѣтенія. Любарть, Кейстуть и Юрій Бельзскій воспользовались временемъ безкоролья и осадили Владимиръ, гдѣ начальствовалъ комендантъ, назначенный Казимиромъ, Petrassius Thurskij. Александра Коріатовича не было; онъ уѣхалъ на похороны Казимира въ Краковъ. Положеніе Петраша было весьма шатко и неопредѣленно, такъ какъ со смертью Казимира необходимо было ожидать смуть и усобиць между наслѣдникомъ престола Людовикомъ Венгерскимъ и Пястови-

¹⁾ Daniłowicz. Scarbize № 392.

²⁾ № I ст. 1.

³⁾ Castrum vero Wladimiriensem ligneum et in pluribus locis putridatum .....forti muro ex cocto latere, extunc et annis sequentibus sumptuoso opere coepit extruere. Dlugosz L. IX p. 1150. Jan z Czarnkowa M. P. H. t. II st. 641.

чами—Казимиромъ Штетинскимъ, Владиславомъ Опольскимъ и Семовитомъ Мазовецкимъ. Кромѣ того Владимирцы не сочувствовали Полякамъ. Сообразивъ всё это, Петрашъ, человекъ къ тому же, какъ видно, не особенно рѣшительный, сдалъ городъ Любарту, выговоривъ гарнизону свободный проходъ со всёмъ имуществомъ. Завладѣвъ городомъ, Любартъ прежде всего разрушилъ новоустроенную Казимиромъ крѣпость ¹⁾,—поступокъ довольно странный, объяснимый развѣ желаніемъ стереть даже память объ обладаніи города Поляками. Взамѣнъ того онъ возобновилъ старую деревянную крѣпость; оставивъ здѣсь значительный гарнизонъ (такъ какъ у Александра Коріатовича тоже была своя партія и нужно было опасаться, чтобы они не сдали ему городъ въ случаѣ, если онъ возвратится), князья бросились въ Польшу и опустошили Люблинскую и Сендомирскую земли. Александръ Коріатовичъ въ Краковѣ узналъ о своей потерѣ; онъ не пытался возвратить её себѣ и удалился къ братьямъ на Подолье, гдѣ и погибъ въ борьбѣ съ Татарами ²⁾.

Борьба за Галицко-Волынское наслѣдство, при Казимирѣ—была дѣломъ одного короля. Она была такъ продолжительна и малоуспѣшна именно потому, что велась почти исключительно силами одного короля, безъ участія знати и мѣстнаго духовенства, съ которыми Казимиръ былъ постоянно въ разладѣ. Послѣ смерти Казимира, дѣло его было заброшено и Любартъ въ продолженіи 7 лѣтъ спокойно владѣлъ всей Владимирской землей. Отношенія его къ Польшѣ были, конечно, не очень дружественны, хотя прямого разрыва тоже не было.

Въ 1376 г. неизвѣстно вслѣдствіе какихъ причинъ, можетъ быть даже просто съ цѣлью грабежа, Любартъ, Кейстутъ, Юрій Бельзскій, Ягайло и Витовтъ ³⁾ опустошили Сендомирскую землю до самаго города Тарнова, который задержалъ ихъ и котораго взять они не могли. Набѣгъ этотъ отличается особенной нетерпимостью нападавшихъ къ

¹⁾ Jan. M. P. N. t. II. st. 643. Dług. L. X. p. 3.

²⁾ Папская булла отъ 1378 г. восхваляетъ Александра, какъ бойца съ Татарами. Th. inert. I p. 748. Онъ названъ здѣсь „Dominus de Kamnitz.“

³⁾ Dług. L. X. p. 32.

жителямъ и католическому духовенству ¹⁾, бывшей слѣдствіемъ, быть можетъ, извѣстія объ устройствѣ епархій католическихъ въ южной Руси. Какъ долго продолжался этотъ набѣгъ ²⁾, мы точно не знаемъ, но онъ прошелъ очень благополучно для нападающихъ благодаря безалаберности правленія королевы Елизаветы (Людовикъ жилъ въ Венгріи), страпа была совершенно не приготовлена къ какому бы то ни было отпору и князья Литовскіе нигдѣ во всей опустошенной ими странѣ не встрѣтили серьезнаго сопротивленія.

Этотъ набѣгъ обратилъ наконецъ вниманіе польскаго правительства на положеніе дѣлъ въ южной Руси. Вспомнили походы Казимира и его завоеванія и Людовикъ началъ собирать войско; онъ обратился съ воззваніемъ о помощи къ высшему польскому духовенству и получалъ её въ изобиліи ³⁾. Въ 1377 году назначенъ былъ сборъ польскимъ и венгерскимъ войскамъ въ Сендомирѣ. Здѣсь они раздѣлились на два отряда; первый подъ предводительствомъ самого короля, осадилъ Юрія въ Бельзѣ, а второй, заключавшій въ себѣ ополченія Краковской, Сендомирской и Сѣрадзской земель, подъ командой воеводы Судивоя изъ Шубина, взялъ г.г. Холмъ, Грабовецъ, Городло и Всеволожъ и наконецъ соединился съ первымъ подъ стѣнами Бельза. Бельзъ былъ одной изъ самыхъ сильныхъ крѣпостей Волыни и Юрій оборонялся до послѣдней крайности, зная, что теперь для него послѣ двукратной измѣны ничего хорошаго не предстоитъ. Осада затянулась. Поляки и Венгры въ лагерѣ перессорились, а въ это время подошелъ на выручку Юрію Кейстутъ, завязались переговоры; положеніе Людовика оказалось теперь настолько дурно, что онъ принужденъ былъ согласиться на невыгодныя для себя условія: Волынь по прежнему осталась за Любартомъ, а Холмско-Бельзская земля стала въ ленныя отношенія къ Польшѣ, хотя Людовикъ принужденъ былъ

¹⁾ „A. D. 1376 Litwani omnino inopinante terram Sendomiriensem intrantes IV kalendas Novembris multas villas populosas igne cremaverunt, populumque christianum innumerabilem, sacerdotes et nobiles cum uxoribus et pueris, alios occiderunt alios in servitutem suam redigerunt et duxerunt.“ Roc. Kujawski. М. Р. Н. т. III ст. 212. Jan z Czarnkowa. М. Р. Н. т. II ст. 675.

²⁾ Стрыйковскій увѣряетъ, что онъ продолжался 10 недѣль (L. XII ст. 418 по изд. 1766 г.)

³⁾ Jan. p. 678.

⁴⁾ Roc. Kujawski М. Р. Н. т. III р. 212.

оставить здѣсь Юрія, котораго современники считали виновникомъ борьбы („auctor hujus sceleris“) и кромѣ того отдать ему еще Любачовъ и 100 гривенъ ежегоднаго дохода съ соляныхъ копей въ Бохнѣ ¹⁾).

Есть указанія, что Юрій еще два раза дѣлалъ набѣги на Галицкую землю, но каждый разъ получалъ отпоръ ²⁾. Нѣтъ никакой возможности опредѣлить, участвовалъ ли Любарть въ безконечной борьбѣ братьевъ съ Орденомъ. Всѣ источники этого времени указываютъ на присутствіе русскихъ въ литовскомъ войскѣ, но откуда они были—неизвѣстно; имени Любарта тоже нѣтъ въ числѣ князей, боровшихся съ Орденомъ, такъ что мы имѣемъ полную возможность предполагать, что эти русскія войска были изъ Полоцкой, Берестейской и т. д. земель, принадлежавшихъ тѣмъ князьямъ, объ участіи которыхъ мы имѣемъ указанія въ источникахъ.

Точно также неизвѣстно, какое положеніе занималъ Любарть въ борьбѣ между Ягайломъ и Кейстутомъ. Ни въ одномъ изъ источниковъ этого времени нѣтъ ни малѣйшаго намека на его участіе, ни въ одномъ актѣ, заключенномъ борящимися сторонами нѣтъ его подписи. Кажется, онъ вполне изолировался отъ всякаго участія въ дѣлахъ старшихъ братьевъ. Все его вниманіе было обращено на западъ, на возвращеніе той части Волыни, которая оставалась еще за

¹⁾ Jan (p. 679) утверждаетъ, что Людовикъ замѣнилъ Любачевъ и доходъ съ копей на Бельзъ „Georgius, dux de Belz gratiae Domini regis se submittens castrum Belz Ludwigo regi praesentavit, a quo tamen aliud castrum Lubaczew, et 100 marcas redituum in supra Bochnensi de benignitate regia liberaliter accepit.“ Стадниціи (Syn. Ged. t. I st. 22) склоняется на сторону Яна, но прибавляетъ (пр. 23), что весьма вѣроятно, что Бельзъ былъ послѣ опять захваченъ Юріемъ. „Dwie historyczne okoliczności“, говоритъ онъ, „mowią za tem, jedna jest nadanie zemli bełzkiej przez Władysława Jagełłę w posagu siostrze swej wydanej za Ziemowita Mazowieckiego, co by dowodziło, że uwożano tę ziemię jako posiadłość litewską druga że następcy Narymontowicza pisali się długie lata ksiązętami bełzkiemi.“ Бѣльскій утверждаетъ „Jż Georg xiążę Bełzkie miał się poddać pod moc krolewską ze wszystką włością swoją, y posluszen bydz na każde rozkazanie krolom polskim, czego poprawił przysięgą. Król ufaiąc mu, nietylko go zostawił w dzierzanie oney ale ieszcze postąpił mu jurgelt dawać po stu grzyweń każdy rok z Bochenkich żup.“ K. III st. 210 (wyd. 1764 r.).

²⁾ Кромеъ говорятъ: „Wspomina Bonfinius, że ieszcze potym dwa kroć Ludwik Król Litwę naieżdźzaiącą z Rusi wyrzuczał, a one uspokajał. Ks. XIII st. 332.

Польшей и въ которой правилъ въ это время Владиславъ Опольскій ¹⁾, управлявшій и Галичиной.

Но еще при жизни короля Людовика ²⁾, Владиславъ отказался отъ Галицкой земли и получилъ взаменъ земли Добрыньскую, Быдгоцскую и пѣк. др. Причина такого, съ перваго взгляда невыгоднаго, обмѣна была очень проста: Владислава не любили въ странѣ, онъ не имѣлъ въ Галицкой землѣ прочной опоры и держался тамъ только поддержкой Людовика. Нелюбовь къ нему народа коренилась съ одной стороны въ ненависти къ чужеземному владычеству и въ тѣхъ притѣсненіяхъ коренному населенію, которыя необходимо сопровождаютъ всякое чужеземное владычество, а съ другой стороны и въ томъ давленіи религіозномъ, которое, безъ сомнѣнія, тоже имѣло мѣсто при князѣ-ревностномъ католикѣ. Не даромъ же въ это время были учреждены католическія кафедръ въ Галичѣ, Церемьшлѣ, Холмѣ и Владимірѣ. Владиславъ, такимъ образомъ, имѣлъ опору только въ одномъ Людовикѣ. Между тѣмъ Людовикъ не имѣлъ сыновей; послѣ его смерти должны были начаться смуты и Владиславъ легко могъ потерять Галицкую землю, которой и такъ постоянно угрожали князья Литовскіе. Такимъ образомъ, этотъ обмѣнъ былъ шагомъ глубоко обдуманнѣмъ; все задолго было предусматрѣно и расчитано Владиславомъ.

Людовикъ послалъ приказаніе занять венгерскими гарнизонами крѣпости Галицкой земли и Волыни, которыя прежде охранялись

¹⁾ Происхождение Владислава очень темно. См. Stadnicki. Syn. Ged. t. II st. 233—6 not. 91. Получилъ онъ Русь, кажется, только въ управленіе: „Ludovicus ..... fidelibus in regno Hungariae et Poloniae. Cum nos cognita virtute ..... principis Ladislai duci Opoliensis..... regnum nostrum Russiae eidum duci perpetue contulerimus gubernandum et conservandum ..... (Stadnicki op. cit. t. II not. 93.), хоги онъ распоряжается тамъ совершенно самостоятельно: раздаетъ имѣнія своимъ приближеннымъ (ib. not. 95), даетъ привилегіи торскимъ и прусскимъ купцамъ, причемъ титулуется „Terre Russiae dominus haeres“ и т. д.

²⁾ Въ 1379 г.—, такъ какъ въ грамо.ѣ отъ ¹³/1379 ко всѣмъ жителямъ Галицкой земли Владиславъ отказывается отъ управленія Галиціей и титулуется уже „dux Opoliensis, Wielunensis, Wladislawiensis et Dobrynensis Людовикъ подтверждаетъ привилегіи Львова въ грамотѣ отъ ⁹/1379 г. Янъ ошибочно указываетъ 1377 годъ (р. 680); возможно, впрочемъ, что Владиславъ рѣшился на этотъ шагъ еще въ 1377 г., а до 1379 г. затянулись переговоры и сдача управленія. Длугошъ (L. X p. 37) увѣряетъ, не Владиславъ отказался, а самому Людовику такъ понравилась Галиція, что онъ пожелалъ ею управлять. Очевидно натяжка, такъ какъ Галиція была такъ опустошена въ это время что едва-ли могла быть особенно привлекательна.

польскими войсками Владислава Опольскаго, именно Кременецъ, Снятинъ, Олеско, Лопатинъ, Рогатынь, Перемышль, Ярославль, Городокъ, Тереховль, Галичъ и Львовъ.

Гарнизоны состояли изъ Венгерцевъ и отчасти изъ Силезцевъ ¹⁾, которые не ушли съ Владиславомъ, а предпочли остаться на новой родинѣ.

Людovicъ старался привязать къ себѣ города, такъ въ 1379 году онъ подтвердилъ Львову весьма важныя торговыя привилегіи, данныя ему еще Казимиромъ Великимъ и Елизаветой. Но въ то же время онъ назначалъ комендантами городовъ исключительно однихъ Поляковъ и Венгерцевъ и кромѣ того, въ видахъ тѣснѣйшаго слиянія страны съ Польшей и Венгріей, онъ роздалъ массу сель и даже городовъ во владѣніе различнымъ выходцамъ оттуда ²⁾. Гдѣ онъ роздалъ эти помѣстья въ Галицкой землѣ или же на своей части Волыни—опредѣлить не беремъ.

Въ 1382 году умеръ король Людovicъ; сыновей у него не было и старшая дочь, Марія, которая прежде была признана королевой Польской, заняла теперь венгерскій престолъ. Польскій престолъ, послѣ долгихъ переговоровъ, достался младшей дочери Ядвига, такъ какъ Поляки требовали, чтобы ихъ королева жила въ Польшѣ, а не въ Венгріи. Отказавшись отъ Польши, Марія вовсе не думала отказываться отъ Галицкой земли и прележащей части Волыни. Съ другой стороны необходимо было ожидать, что Поляки не уступятъ безъ борьбы страны, которою ихъ великій король овладѣлъ „non sine magnis laboribus et expensis ac effusione sanguinis Polonorum“ ³⁾. Воеводы, оставленные Людovicомъ, очутились въ очень тяжеломъ положеніи: надежда на помощь со стороны Венгріи была сомнительна, въ Польшѣ происходили смуты, между тѣмъ съ востока грозили Литовскіе князья. Этимъ положеніемъ воеводѣ воспользовался Любарть. И раньше онъ агитировалъ въ Галиціи и въ зап. Волыни противъ Венгровъ: такъ въ 1376 г. онъ распустилъ слухъ, что Людovicъ умеръ, и при-

¹⁾ Впослѣдствіи Ядвига захватила Галицкую землю „ejectis Silesis et Ungaris, quorum fid i arces illi a rege olim comendatae erant.“ Crommer L. XV p. 372.

²⁾ Шараневичъ дѣлаетъ очень вѣроятную догадку, что эти выходцы и были именно начальники крѣпостей. „Исторія“ ст. 235.

³⁾ Jan p. 722.

глашалъ жителей перейти къ нему въ подданство ¹⁾; теперь же онъ просто предлагаетъ воеводамъ продать ему крѣпости, ими занимаемыя. Воеводы согласились и сдали ему Кременець, Олеско, Лопатинъ и пр. города ²⁾).

Затрудненій больше не было, такъ такъ симпатія населенія всегда были на сторонѣ Любарта, и Волынь такимъ образомъ опять объединилась. Это было послѣднее дѣло Любарта, достойно заключившее его многотрудную жизнь. Онъ умеръ въ 1385 или началъ 1386 года. Въ 1386 году въ Луцкѣ и Владимирѣ уже княжилъ сынъ его Ѳедоръ Любартовичъ.

Несмотря на свою полувѣковую дѣятельность, Любартъ во многомъ остался для насъ таинственной личностью. Мы знаемъ о немъ очень мало; дѣло въ томъ, что онъ рано удалился на Волынь, мало вмѣшивался въ дѣла Литвы и лѣтописцы Литовскіе мало имѣли случаевъ говорить о немъ; безустанная борьба его и ненависть къ Полякамъ были причиной того, что Польскіе лѣтописцы мало и неохотно говорятъ о немъ и относятся къ нему очень недружелюбно; между тѣмъ мѣстная волынская лѣтопись утеряна. Такимъ образомъ существуютъ различныя мнѣнія даже объ его происхожденіи. Онъ былъ младшимъ сыномъ Гедимины. Длугошъ ³⁾ увѣряетъ, что Любартъ Гедиминовичъ умеръ передъ 1340 годомъ, а затѣмъ выводитъ другого Любарта—Ольгердовича. Стрыйковскій, а за нимъ Кояловичъ смѣшиваютъ мнѣнческаго Любарта Ольгердовича съ Ѳедоромъ Любартовичемъ и такимъ образомъ являются Ѳедоръ Любартъ Ольгердовичъ и Ѳедоръ Любартъ Гедиминовичъ.

¹⁾ По крайней мѣрѣ до насъ дошелъ одинъ документъ—письмо Людовика къ жителямъ г. Львова, какъ предполагаетъ издатель этого документа А. Prochaska (Codex Vitoldi p. 959), въ которомъ онъ извѣщаетъ ихъ, что „*Jam enim cum clarissima principe regina Ungariae matre nostra taliter disposuimus, quod ipsa unum exercitum a parte Ungariae expediat, nos quoque a parte Poloniae de die in diem versus Russiam properamus*“ (г. Прохаска видитъ здѣсь ошибку писца; такъ какъ въ это время Елисавета была въ Польшѣ, а Людовикъ въ Венгріи, а не наоборотъ), и предлагаетъ имъ крѣпко держаться, такъ какъ „*Lubardus Lituanus suos ad vos miserit nuncios postulans, ut vos se sue subdere deberetis dicioni, allegans regem Ungariae mortuum et alia plura, que non sunt consona rationi.*“

²⁾ Jan. p. 722. Срав. Шараневичъ ст. 244 пр. 76 относительно Городла,

³⁾ Dl. L. IX p. 1057.

Любарть былъ, безъ всякаго сомнѣнія, крещенъ еще въ молодости; на это можно представить много вѣскихъ доказательствъ: Любарть былъ женатъ на дочери Льва Луцкаго, а затѣмъ въ 1344 г. женился на дочери кн. Константина Ростовскаго ¹⁾. Конечно, ни Левъ, ни князь Константинъ не выдали бы дочерей за язычника и онъ никогда бы не пользовался такою любовью и приверженностью населенія, какую оказывали ему жители Волынской земли на самомъ дѣлѣ. Далѣе, кромѣ языческаго имени—Любарть,—онъ носилъ еще и христіанскія Дмитрій и Ѳеодоръ. ²⁾ Наконецъ, письмо папы Григорія XI къ Ольгерду, Кейстуту и Любарту, въ которомъ онъ приглашаетъ ихъ перейти въ лоно католической церкви, только еще болѣе подтверждаетъ, что Любарть былъ христіанинъ и православный ³⁾.

Что касается внутренней дѣятельности его, то мы о ней знаемъ очень мало. Онъ выстроилъ множество церквей по всей Волыни и между прочимъ основалъ храмъ св. Іоанна Евангелиста въ Луцкѣ; онъ запретилъ силою обращать русскихъ въ католичество ⁴⁾. Далѣе онъ положилъ основаніе каменной крѣпости въ Луцкѣ, довершенной Витовтомъ и Свидригайломъ и наконецъ основалъ городъ Любаръ (въ нынѣшнемъ Новоградволинскомъ уѣздѣ).

Первое время послѣ смерти Любарта отношенія Волыни къ сосѣдямъ оставались тѣ же, но вскорѣ обстоятельства измѣнились. Ягайло женился на польской королеви Ядвига и такимъ образомъ соединилъ Литву съ Польшей. Поручителями за исполненіе условій этого соединенія являются князья Скиргайло, Витовтъ, Михайлъ Явнугіевичъ, Иванъ Юрьевичъ Бельзскій и Ѳеодоръ Любартовичъ Волынскій; они поклялись защищать интересы королевы.

¹⁾ Карамзинъ т. IV, пр. 351.

²⁾ У Зубрицкаго, въ его „Исторіи г. Львова“ (ст. 50) помѣщенъ документъ отъ 1379 года, начинающійся словами: „Wir grosser furste Demeter von den Genaden Gottes von Ladimir und von Luck“, а тогда княземъ Луцкимъ былъ Любарть. Въ грамотѣ, помѣщенной въ „Arch. Sang.“ № 1, Любарть пишетъ „се ѡзъ князь великий Дмитрій.“ Стрыйковскій называетъ Любарта: „Lubart Fiedor na chrzcie rzeczony książę Włodzmierski.“ Стадницкій нашелъ въ Уніевской церкви листокъ подъ заглавіемъ „родъ князя Ѳеодога Любарта“ см. Syn. Ged. т. II приложение къ 261 стр.

³⁾ См. Stadnicki Syn. Ged. II nota 229 (st. 157—159) и st. 157—160

⁴⁾ Зубрицкій „О Червоной Русѣ“ ст. 302.

Положеніе Ягайла было довольно двусмысленно; онъ хотя и былъ уже коронованнымъ королемъ Польши, но не могъ быть увѣреннымъ въ прочности своего положенія послѣ смерти Ядвиги; съ другой стороны братья его съ недовѣріемъ и боязнью смотрѣли на его могущество. Для упроченія своего авторитета въ Польшѣ, Ягайлѣ необходимо было имѣть достаточно прочную опору въ Литвѣ, ему необходимо было сосредоточить въ своихъ рукахъ какъ можно болѣе силъ и земель Литовскихъ. Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, сперва погибають слабѣйшіе. Первымъ изъ нихъ былъ Ѳедоръ Любартовичъ. Его землями Ягайло думалъ склонить на свою сторону самого сильнаго и опаснаго изъ своихъ родственниковъ, — Витовта, которому, 2 года тому назадъ, онъ отдалъ уже Подляхію ¹⁾ взамѣнъ великаго княженія Литовскаго, которое получилъ братъ его Скиргайло. Для того чтобы это перемѣщеніе произошло безъ всякихъ беспорядковъ и волненій, рѣшено было удалить Ѳедора Любартовича на время изъ Волыни: ему дали порученіе, для котораго необходимо было ѣхать куда-то въ глубь Литвы, и Ягайло задержалъ его тамъ цѣлый годъ; только требованіе польскаго сейма, явиться на помощь королевѣ Ядвигѣ, осаждавшей Галичъ ²⁾, которое Ѳедоръ Любартовичъ, благодаря своему поручительству, долженъ былъ исполнить во что бы то ни стало, принудило Ягайла позволить ему въ 1388 г. вернуться на Волынь. Положеніе дѣлъ на Волыни оказалось очень печальнымъ для него. Только одинъ Владимиръ съ его

¹⁾ „Vitoldus revocatus a Jagellone M. D. testatur. se accepisse Breśc, Drohiczyn, Mielnik, Bielsko, Suraz, Kamieniec, Wolkowisk et Grodno cum districtu.“ Daniłowicz Scarbiec t. I st. 251.

²⁾ Кромѣ Ѳедора Любартовича, въ этой осадѣ участвовали: Витовтъ, Юрий Бельзскій, Ѳедоръ Ратненскій, Василій Пинскій, Григорій Слущкій, Симеонъ Степанскій и нѣкоторые другіе князья, которые не поименованы. Codex VitoIdi № XXXV „Nos Alexander alias Vitoldus dei gratia dux Brastensis et Haradiensis etc. una cum fratribus nostris dilectis eadem gratia ducibus videlicet Georgio alias Debek, (Debek=de Belz? но тогда, — почему alias?), Fedario de Rathin, Vassilio de Pinsko, Fedario de Ladomi(ri)a, Gregorio de Sluczsko et Symeone Stepansky etc. (Значить, были и другіе). О Ѳедорѣ Ратненскомъ мы встрѣчаемъ еще одно упоминаніе—въ грамотѣ, выданной въ Долятичахъ отъ 18/II 1394 г.: князья Vytowdus dei gracia Skirgello eadem gracia duces Litwanie, Wlodimirus Kijowiensis nec non Fedorius Rathnensis duces ручаются за какого то князя „Andrea eciam fratre nostro.“ Cod. Vit. № CIX p. 35. Daniłowicz. Scarbiec t. I. № 647. О Василю Пинскомъ см. Scarbiec t. I № 534.

округомъ оставался еще въ его рукахъ, Луцкомъ же столицей его и его отца владѣль уже Витовтъ ¹⁾, при чемъ какъ бы совратителемъ или скорѣе надзирателемъ за нимъ былъ поставленъ полякъ Креславъ изъ Курозвенкъ, каштелянъ Сендомирскій, имѣвшій обязанности, очевидно, блюсти польскіе интересы ²⁾. Далѣе, Острогъ съ тянувшими къ нему округами Корецкимъ, Заславскимъ, Хлапотынскимъ и т. д. ³⁾, которыми и прежде владѣль Ѳедоръ Даниловичъ Острожскій ⁴⁾, въ зависимости отъ Любарта и затѣмъ его сына, остались за нимъ и теперь: владѣніе ими было подтверждено Ягайломъ, но при этомъ онъ уже становился въ зависимость прямо отъ Польши; онъ получилъ эти земли „cum libertate terrigenarum regni

¹⁾ „Kniaź wielki Jagoilo perezwał jeho yz Nemes y dał iemu Luczesk i wsiu Wołinskiu zemlu.“ Лѣт. т. и. Быховца ст. 51 рук. Въ Познаньской рукописи прибавлено „и с Подольемъ, а у Литвѣ отчина его.“ Далѣе „A kniaziu velikomu Witoltu tohdy derżaczuy Luczesk i wsiu Wołynskuiu zemlu a w Litowskoj zemli otczyznu swoju“ тамъ же на ст. 58 рук. Тоже подтверждаетъ и лѣтописецъ Daniłowicz'a. Въ актѣ отъ 1387 г. 11/вчн Витовтъ еще титулуется только „dux Brestensis et Haradiensis“ (Cod. Vit. № XXXV, но уже въ актѣ отъ 1/вчн 1388 г. онъ пишется: „великій князь Литовскій и дѣдичъ Городенскій, Берестейскій, Дорогицкій, Луцкій и Володимерскій (Акты, отн. къ ист. зап. Руси I № 9) и наконецъ въ 1390 г. 9/г—„Herzog czu Luczig und czu Garthin“ Cod Vit № 63. На основаніи этихъ неопровержимыхъ данныхъ нельзя вѣрить Длугошу, который совсѣмъ умалчиваетъ объ этомъ, и Кромеру, который утверждаетъ, что Витовту была отдана одна только Подляхія, категорически отрицая фактъ принадлежности Волыни. Здѣсь опять проглядываетъ тенденціозность Поляка, желавшаго, во что бы то ни стало, доказать, что Волынь—извѣстная польская провинція.

²⁾ Длугошъ утверждаетъ, что „castrum Luczko et omnem regionem ad illud pertinentem Creslao de Kurozwęki Castellano Sandomiriensi, quatenus illud suo ex regni Poloniae nomine gubernaret contulit in tenutam“ (L. X p. 118—19). Кромеръ (р. 247) поправляетъ его въ томъ смыслѣ, что Креславъ былъ только старостой въ Луцкѣ.

³⁾ Arch. Sang. № VI.

⁴⁾ Вмѣстѣ съ Острогомъ Ѳедоръ Даниловичъ получилъ на нѣкоторое время и намѣстничество въ Луцкѣ. Объ этомъ мы знаемъ только изъ недавно опубликованнаго документа (Ar. Sang. № VII): Ѳедоръ Даниловичъ и его братъ Михайлъ даютъ Ягайлѣ грамоту: „**О**сподарь мой великій король далъ ми намѣстничати оу Луцку, и съ его руки сѣлъ самъ....., а города Луцка блюсти ми, а никому не дати, алижъ **О**сподарь мой великій король возьметъ.“ Какъ долго онъ тамъ намѣстничалъ сказать трудно, но весьма возможно, что правилъ онъ тамъ до водворенія въ Луцкѣ Витовта, такъ какъ въ грамотѣ о Витовтѣ нѣтъ и рѣчи, между тѣмъ какъ, еслибы Луцкъ въ это время принадлежалъ уже Витовту, то, конечно, о немъ было бы упомянуто. Очевидно, Ягайло боялся сразу возвести католика на столь княжескій и предпочелъ обезсилить партію Ѳедора Любартовича, отнявъ у нея князя Острожскаго, главную ея опору, и потомъ противопоставить этого князя партіи стоявшей за старину.

Poloniae“ и это пожалованіе немедленно же было подтверждено Ядвигой.

Описаніе судьбъ Волыни подъ управленіемъ Витовта уже не входитъ въ поставленныя нами рамки. Мы прослѣдимъ еще только судьбу послѣдняго князя Волынскаго, имѣвшаго значительную долю самостоятельности,—Федора Любартовича. Изъ окружавшихъ его Волынскихъ князей, Степаньскихъ, Ратненскихъ и др. ¹⁾, всѣ уже (мы исключаемъ кн. Острожскаго ²⁾) потеряли и тѣнь политическаго значенія; они сохраняютъ свой княжескій титулъ, управляютъ въ своихъ микроскопическихъ удѣлахъ, но вмѣшиваться въ политическія дѣла и не думаютъ. Накопецъ, одновременно съ потерей Федоромъ Луцка, послѣдній Бельзскій князь Иванъ Юрьичъ тоже лишился своего удѣла ³⁾, который былъ отданъ князьямъ Мазоведкимъ; онъ вступилъ на службу къ Витовту, получилъ отъ него какой-то удѣлъ и погибъ въ 1399 г. въ битвѣ съ Татарами на р. Ворсклѣ. Въ 1390 году Федоръ Любартовичъ сдѣлался, наконецъ, жертвой новой борьбы Ягайла съ Витовтомъ; для удовлетворенія послѣдняго Ягайло пожертвовалъ Федоромъ и отдалъ ему послѣднюю волость его—Владимиръ съ его округомъ. Цѣлыхъ 3 года послѣ этого Любартовичъ носилъ еще титулъ „dux Wladimiriensis,“ но волости не имѣлъ вовсе и наконецъ удов-

¹⁾ Кромѣ князей Острожскихъ и потомковъ Любарта, мы имѣемъ еще имена: Юрій и Иванъ Бельзскіе, Федоръ Ратненскій, Симеонъ Степаньскій (Cod. Vit. № XXXV); dux Andreas (Cod. Vit. № CIX); князь великій Федотъ съ братьями Лазаремъ и Семеномъ (Arch. Sang. № VIII); князь Романъ Федоровичъ, кн. Семень Ивановичъ (Степаньскій?) Александръ Четвертскій и Иванъ Несвицкій (Арх. Сан. № XI. Jwam de Nieswyes Cod. Vit. № CCLXVIII отъ 1403 г.)

²⁾ Витовтъ актомъ отъ 17/уи 1396 г. подтверждаетъ владѣніе имъ Острога и другихъ мѣстностей „какъ и отецъ его держалъ, и з селы и зо всим, што к тому прислушает, какъ при отцы его было. Также што придали есмо князю Федору село Бродов, а также Родоселки, Радогоща, Межиречье, Дѣжков, также Свишово и с приселки: Озеряны, Городница, два Ставки“ (Arch. Sang. № XX). Въ „Cod. Vitoldi“ №СХХVII—Dwastawki. Этими актомъ Витовтъ не дарилъ этихъ селъ Федору, а только подтверждалъ то, что было прибрѣтено самимъ княземъ Острожскимъ въ промежутокъ времени отъ утвержденія его Любартомъ; г. напр., есть указаніе, что село Бродовъ принадлежало Федору еще въ 1385 г.: „в лето шести тысячное и осмисотное девлисто третее .....А се яз Чурило Бродовскій дал есмо сѣло свое Бродово князю Федору Данилевичу и дѣтемъ его при своемъ животѣ“ Arch. Sang. № II. Въ 1390 18/хп Ягайло подтвердилъ ему владѣніе „Ostrog, Zaslaw i Borodu“ (актъ данъ въ Козѣвницахъ) Cod. Vit. прим. къ № СХХVII. Arch. Sang. № XII.

³⁾ Послѣ войны 1377 г. Юрій Бельзскій владѣлъ удѣломъ только пожизненно.

летворился тѣмъ, что ему предложили, частью Сѣверской земли ¹⁾. Удѣлъ былъ очень непривлекателенъ и черезъ 10 лѣтъ, въ 1403 г., онъ помѣнялся съ Свидригайломъ и за весь свой удѣлъ взялъ маленький городокъ Жидачевъ съ его округомъ; здѣсь онъ жилъ еще въ 1430 г. ²⁾ Есть указаніе, хотя очень сомнительное и невѣроятное, что онъ жилъ еще въ 1463 г. ³⁾ Что касается до его потомства, то, если оно и было, оно сошло въ ряды служилаго класса и навсегда исчезло для исторіи.

Бросимъ еще послѣдній взглядъ на то, чѣмъ сдѣлалось еще за 100, даже меньше, лѣтъ сильное и могущественное княжество. Оно раздробилось и разошлось по рукамъ. Главной массой владѣлъ Витовтъ; Острогъ съ окружающими землями былъ въ рукахъ Ѳедора Даниловича Острожскаго; Кременецъ и Стожекъ были во власти Скиргайла ⁴⁾; земля Холмская—въ рукахъ Польши, наконецъ въ Бельзѣ сидѣли Мазовецкіе князья ⁵⁾. Польское вліяніе, такимъ образомъ, всё болѣе и болѣе распространяется на Волыни, и въ концѣ разсматриваемаго періода, оно сдѣлало уже очень большія пріобрѣтенія: въ Бельзѣ и Холмѣ вполнѣ уже господствуютъ польскіе порядки, Острогъ отданъ Ѳедору Даниловичу „*cum libertate terrigenarum regni Poloniae*,” наконецъ и самъ Витовтъ не свободенъ былъ отъ польскаго давленія; онъ принужденъ былъ нѣсколько разъ давать клятвы въ вѣрности, въ томъ, что онъ не измѣнитъ коронѣ

¹⁾ Въ присяжной грамотѣ по поводу пожалованія ему Сѣверской земли, онъ послѣдній разъ титулуется „*Dei gratia dux Wlodimiriensis*.” Датирована она изъ Вислицы отъ 23/у 1393 г. Arch. Sang. № XIV и XV.

²⁾ Акты, отн. къ ист. Зап. Руси т. I. № 30 ст. 42—5; также Шараневичъ „Исторія“ ст. 316.

³⁾ *Stadnicki. Synowie Gedymina* т. II ст. 170.

⁴⁾ A. 1392. *Vitold testatur, Skirgiello suo consensu ei et haeredibus datum est districtum et arcem Krzemieniec et districtum Stożek propterea quod is iussu regis patrimonio suo in gratiam Vitoldi cessit*“ Cod. Vit. № XCVIII.

⁵⁾ Грамота Ягелла отъ 7/1 1396 г. перечисляетъ города, отданныя Семовиту Мазовецкому; это Бельзъ, Бужскъ, Любачевъ, Грабовецъ, Городло, Всеволожь и Лопачовъ. *Golebiowski Panowanie Władysława Jagelły* т. I ст. 498. Шараневичъ *op. cit.* ст. 273.

Польской ¹⁾, принуждёнъ былъ допустить у себя польскаго чиновника, который бы наблюдалъ за нимъ и защищалъ интересы Польши.

Польша была, такимъ образомъ, у самой цѣли, которую она преслѣдовала еще отъ временъ Болеслава Храбраго: захватить западно-русскія области. Галичемъ ей удалось уже завладѣть вполнѣ и образовать изъ него польскую провинцію. Таже участь ожидала не въ далекомъ будущемъ и Волынь, но тутъ великія личности Витовта и его продолжателя Свидригайла задержали дальнѣйшіе успѣхи Польши и отсрочили ополяченіе Волыни и ея окончательное объединеніе съ Польшей на 150 лѣтъ, до самой уніи 1569 года.

---

¹⁾ Daniłowicz. Scarbiec № № 498 (ст. 251), 521 (ст. 260), 554 (отъ ³/_v 1388 г. ст. 271.) 618 (ст. 294 отъ 1392 г.) и т. д. точно также и въ Codex'ѣ Vitoldi № XXVII отъ ¹³/_{III} 1386, № II in appendice p. 959 отъ ⁵/_{viii} 1392 г. и въ тоже время отъ его жены Анны № XCII p. 30.; также № CCXXXIII p. 71 отъ ¹⁸/_i 1401; № CCCII отъ ¹⁸/_{ix} 1404 г. и т. д.

КАРТА

Волынского Княжества.

----- Граница Волынского кн. въ наибольшемъ его объемѣ.

----- Границы удѣловъ Волынскаго кн.:
кн. Холмскаго, Червенскаго, Бельзскаго и земли Берестейской — въ концѣ XIII в.

кн. Владимирскаго и Луцкаго — въ посл. XIV ст.

кн. Острожскаго — въ кон. XIV в.

----- Границы предполагаемыя.

